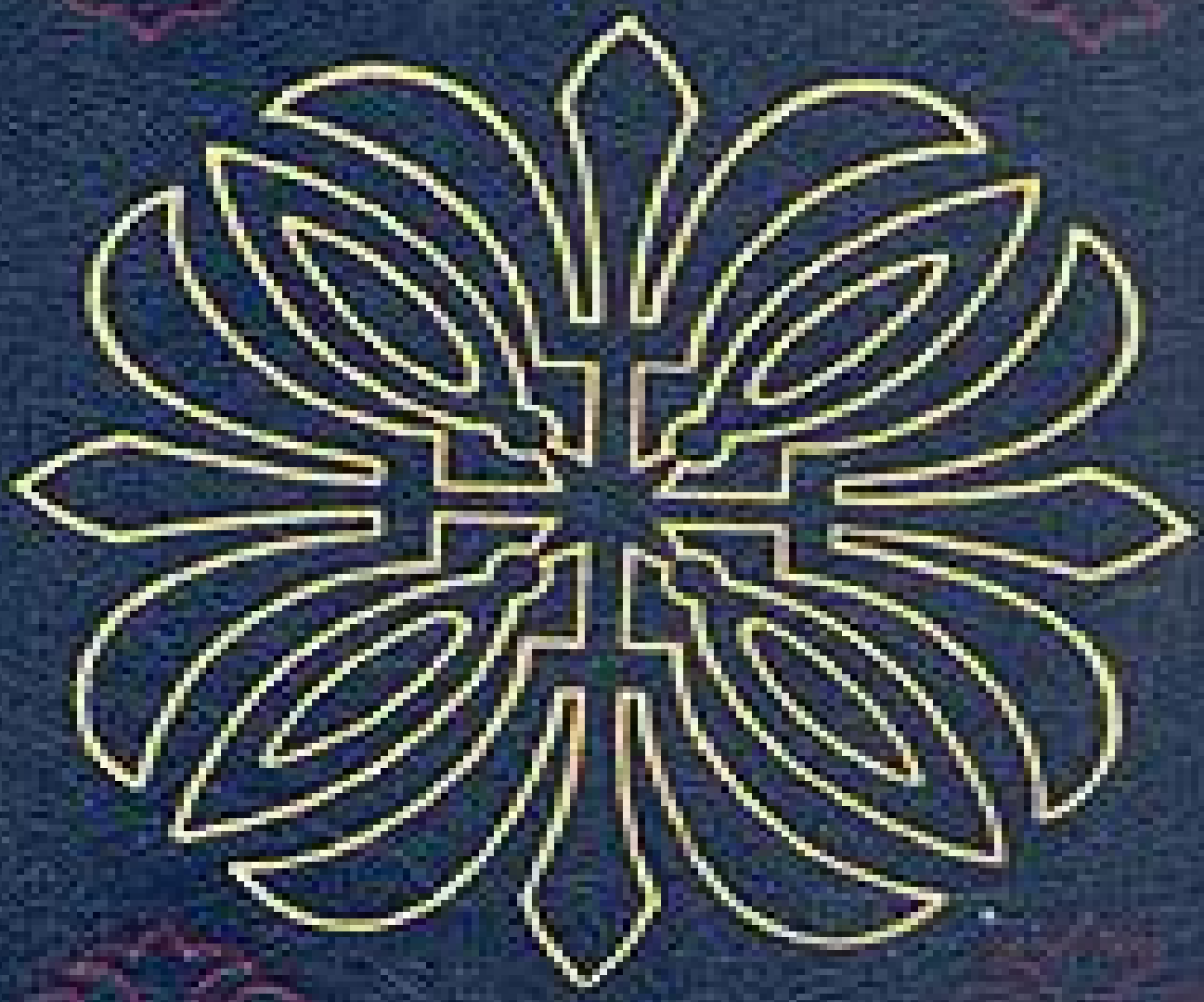

сказки и легенды ингушей и чеченцев

Сказки и легенды ингушей и чеченцев

(Мифы. Легенды. Эпос)

неизвестен Автор

В сборнике представлены наиболее популярные жанры чечено-ингушского фольклора — сказки и легенды, записи фольклорных текстов осуществлены в годы Советской власти. Сказки и легенды сопровождаются предисловием и обширным комментарием.

Сказки и легенды ингушей и чеченцев

О СКАЗКАХ И ЛЕГЕНДАХ ВАЙНАХОВ

Вайнахи — самоназвание чеченцев и ингушей, которые с незапамятных времен живут в юго-восточной части Северного Кавказа, занимая северные склоны Кавказского хребта и южную часть Терско-Кумской низменности по правому берегу Терека и на восток до реки Аксай. Численность чеченцев и ингушей, по переписи 1979 г., составила 942 тыс. человек (756 тыс. чеченцев и 186 тыс. ингушей). Родственные по происхождению и духовной культуре, эти народы свободно понимают друг друга; их языки, близкие по лексическому составу, грамматическому строю и фонетике, относятся к вайнахской группе кавказских языков. Древнейшие упоминания о вайнахах встречаются в сочинениях античных авторов — Стдабона, Плиния, Птолемея; которые называют их по-разному: троглодиты, хамекиты, гаргареи [143, 218].[1] В «Армянской географии» VII в. вайнахов именуют нахчматьянами, кистами (цит. по [130, 18]), а в «Картлис цховреба» («История Грузии») и в «Жизни картлийских царей» Л. Мровели — дзурдзуками (цит. по [170,51]).

Одна из этнических групп позднее выделилась а образовала этнос нохчий (у русских они получили имя чеченцев от названия плоскостного села Чечен), другая — легла в основу этноса галгай (известного русским под именем ингушей от названия плоскостного села Ангушт). Эти народы жили в пределах своих владений, в основном совпадающих с той территорией, на которой и сейчас живут чеченцы и ингуши [173, 78].

Судя по одним родовым преданиям первопредком чеченцев считается Нохчо, ингушей — Галга́, в других преданиях говорится о том, что чеченцы — потомки ингушей, либо наоборот; или что Нохчо и Галга родные братья [127, 14].

Общность языков, исторических судеб, культуры позволяет говорить и о едином чечено-ингушском фольклоре. Единство фольклора вайнахов проявляется не только в тематике, народных идеалах и мировоззрении, но и в системе художественно-изобразительных средств, приемов и стиля, хотя одни произведения могли в большей степени бытовать в одних районах, другие — в иных [159, 28].

Интерес к фольклору вайнахов был проявлен тогда, когда началось интенсивное изучение истории, этнографии и языков кавказских горцев. Начало научного изучения народов Северного Кавказа было положено первыми кавказскими экспедициями Российской Академии наук в конце XVIII — начале XIX в. [226; 227].

Собиранием, публикацией и исследованием фольклора вайнахов занимались не только представители передовой части русской интеллигенции, но и образованные ингуши и чеченцы. Произведения устного народного творчества публиковались в таких дореволюционных изданиях, как «Сборник сведении о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборник сведений о Терской области», журнал «Этнографическое обозрение», газеты «Кавказ», «Терские ведомости» и др. Из-за отсутствия у вайнахов письменности публикация текстов на языке оригинала была практически невозможна — они печатались лишь в русском переводе. Среди этих публикаций значительное место занимали сказки, предания и легенды.

Первые легендарные и сказочные сюжеты вайнахов содержатся в статье И. Цискарова «Картина Тушетии» [24], носящей общий этнографический характер; им же опубликовано предание «Лозы любви» [23] и три героико-эпические песни.

Много сделал для изучения и публикации фольклора вайнахов ингушский этнограф Ч. Э. Ахриев. Он считал, что в устном народном творчество отражается жизнь народа и о характере народа можно судить по его сказкам и преданиям и отчасти по сохранившимся

народным обычаям [2].

Ч. Э. Ахриев опубликовал в переводе на русский язык двенадцать нартских сказаний и больше десяти волшебных сказок и преданий. Печатая тексты фольклорных произведений, Ч. Ахриев, как и большинство дореволюционных собирателей фольклора, сопровождает их подробными примечаниями, оставляет многие выражения без перевода или дает их буквальный перевод. Большинство фольклорных записей Ч. Ахриев осуществил в горной Ингушетии в 1868–1870 гг. В ряде случаев он указывает место и время записи, но ничего не говорит о сказителях.

В то же годы чеченский этнограф У. Лаудаев в работе «Чеченское племя» опубликовал несколько сказаний, преданий, легенд и притч [146]. Его записи представляют известную ценность как первая фиксации сказок и преданий на территории Чечни. Время и место записей текстов Лаудаев не указывал.

Двадцать лет спустя по следам Ч. Ахриева фольклорные тексты записывал ученик В. Ф. Миллера Б. К. Далгат [22]. Им собраны предания, легенды, сказки, нартские сказания многие из которых он использовал в исследовании «Первобытная религии чеченцев» [114] и в работе «Обычное право ингушей и чеченцев» [115].

Мифы, легенды и предания, опубликованные в прошлом веке Ч. Ахриевым и В. Далгатом, посвящены таким языческим богам, как Села — бог грома и молнии; его именем названа и радуга (Села ад — «лук Селы»); Елта — покровитель охоты и урожая; Тушоли — божество плодородия; Села Сата — дочь бога грома и молнии. Млечный путь в мифах называется «Местом, по которому Села Сата пронесла солому» для брачной постели с богом неба Хал. Другие мифы и легенды рассказывают о божествах, которым посвящены различные элгацы (святилища): Бейни-Села, Ауш-Села, Дина-Села и др.

Довольно много сказок, легенд и преданий, иногда подвергавшихся явной стилизации, опубликовал И. Семенов [20; 21]. Им даны зарисовки быта, нравов, исполнителей песен. Многие его записи по сюжетам перекликаются с предыдущими публикациями фольклора вайнахов.

Известный чеченский просветитель Т. Эльдерханов[2] опубликовал на чеченском языке несколько сказок и преданий, сопроводив их русским подстрочным и литературным переводом [26; 27]. К сожалению, и в записях Т. Эльдерханова отсутствуют паспортные данные о сказителях и место записи. Все тексты, записанные им, подробно прокомментированы Л. Г. Лопатинским. Он сопоставляет чеченские сказки с русскими и кратко характеризует основных персонажей.

Таким образом, в дореволюционных публикациях имеется значительный фольклорный материал (мифы, сказки, легенды, предания).

* * *

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в начале 20-х годов, впервые в истории вайнахов была создана письменность. На чеченском и ингушском языках стали издаваться газеты, учебники, книги.

В 30-х годах Ингушское литературное общество в Орджоникидзе и Чеченский музей в Грозном издавали фольклорные сборники [39], в которых публиковались сказки, легенды, предания, пословицы, песни вайнахов. Фольклорные произведения систематически печатались на страницах чеченской газеты «Серло» («Свет») и ингушской газеты «Сердало» («Свет») (издавались с 1923 г.).

Работа по сбору и изданию произведении устного народного творчества особенно широко развернулась после объединения в 1934 г. Чеченской и Ингушской автономных областей в Чечено-Ингушскую автономную область, когда на базе двух исследовательских институтов был создан Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языкам литературы и искусства.

В 1937 г. С. Бадуев, О. Мальсагов, А. Нажаев и другие записали и извлекли из архивов ценные фольклорные материалы, которые составили сборник. «Чечено-ингушский фольклор». В него наряду с произведениями различных жанров (героико-эпические песни, нартские сказании, пословицы, анекдоты о Молла-Нясарте) были включены сказки, легенды и предания в литературной обработке писателя С. Арсанова [40]. В подготовке сборника собиратели не принимали участия, и этим объясняется отсутствие научной документации к текстам. Этот сборник в дополненном и расширенном виде был переиздан в 1963 г. [46]; ему предпослана вступительная статья, некоторые тексты документированы.

В 1940 г. Х.-Б. Муталиевым и Х. Осмиевым был издан сборник «Ингушский фольклор» [31] В него вошли нартские сказания, героические и бытовые сказки, притчи, историко-героические и лирические песни; все произведения имеют паспортные данные.

В последние годы изучением и изданием фольклорных произведений занимается Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. За двадцать лет научными работниками, республики проделана значительная работа по собиранию и публикация фольклорных текстов. Из печати вышло 10 сборников фольклора (в том числе и музыкального); в них представлены образцы почти всех жанров народного творчества на чеченском и ингушском языках. Наряду с текстами, уже известными в науке, увидели свет произведения, записанные от современных сказителей Чечено-Ингушетии.

Недостатком изданных сборников является неполный справочный аппарат. Иногда указывается, от кого записан текст, но где, когда и кем, не сообщается. В некоторых случаях составители публикуют как новые уже известные записи, переводят их с одного языка на другой, не ссылаясь на первоисточник.

Выделяется среди других изданий третий том серии «Чеченский фольклор» [45] и второй том серии «Ингушский фольклор» [33]. В них включено значительное количество оригинальных в сюжетном отношении нартских сказании, преданий и легенд, волшебных и бытовых сказок. Тексты обстоятельно прокомментированы. К сожалению, весь фольклорный материал опубликован без жанровой дифференциации, что в известной мере осложняет его восприятие.

Как видим, записи и публикации фольклора вайнахов, в частности сказок, преданий и легенд, имеют продолжительную историю. Однако народная проза вайнахов во всем ее объеме еще не стала предметом специального внимания исследователей.

В работах сравнительно-исторического плана — Ж. Дюмезиля [29], В. И. Абаева [81], Е. М. Мелетинского [165] — привлекался лишь нарт-орстхойский эпос вайнахов.

В 1972 г. в Москве была издана книга У. Б. Далгат «Героический эпос чеченцев и ингушей (исследование и тексты)» [117]. В нее вошли тексты, записанные и опубликованные до Октябрьской революции Ч. Ахриевым, Т. Эльдерхановым, Б. Далгатом, Н. Семеновым и И. Магомаевым. Особенно ценно, что публикации Б. Далгата сверены с его рукописями, хранящимися ныне в архиве У. Б. Далгат, уточнены и дополнены.

В книгу вошли мифы, нарт-орстхойские сказания и исторические предания, печатавшиеся в годы Советской власти в различных изданиях («Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», сб. «Радость сердца» альманах «Утро гор», в томах серий «Чеченский фольклор» и «Ингушский фольклор» и др.). Восемь текстов публикуются впервые. Для нас важно, что наряду со сказаниями древних циклов и нарт-орстхойским эпосом здесь опубликовано двадцать шесть сказаний, преданий и легенд.

Исследователь рассматривает мифы, мифологические предания, богатырские сказки и сказки о великанах. Затем анализируются известные народам Кавказа нартские сказания об освоения равнинных земель и, наконец, о нашествиях полчищ Тамерлана. Специальный раздел посвящен историческим преданиям.

Анализу сказочной прозы вайнахов посвящена кандидатская диссертация Л. Х. Цечоевой [212]; небольшие статьи и заметки, исследующие сказки вайнахов, приведены в Библиографии.

Краткий анализ сказок на ингушском языке находим в учебнике для студентов И. А. Дахкильгова [124], а предания и легенды рассматриваются им в «Историческом фольклоре чеченцев и ингушей» [127], где особое внимание уделено связям вайнахов с соседними народами. В 1979 г. вышла еще одна его работа — «Опыт систематизации чечено-ингушских преданий и легенд» [128].

* * *

Устное народное творчество вайнахов включает мифы, легенды, предании; героико-эпические и исторические песни, народную лирику, пословицы, обрядовую поэзию.

В данном сборнике представлены сказки — волшебные, героические, социально-бытовые, о животных, а также легенды и предания. При рассмотрении этих жанров следует учитывать, что вайнахи долгое время жили при родовом строе и большой отрезок времени их исторического развитая падает на языческий период. Так, еще в середине прошлого века акад. А. Шегрен писал, что в горной Ингушетии мулла кричит под колокольный звон, а ингуши у храмов и святилищ справляют свой языческий ритуал [218].

В одной из легенд повествуется о том, что божество Елта управляет дикими зверями, Этер правит в царстве мертвых, а Воскресенье господствует над временем [2, 14]. Соответственно этому, отмечал Ч. Э. Ахриев, ингуши в разных случаях жизни просят о помощи того или другого бога. Охотник перед отправлением на охоту считает необходимым воззвать к Елте о даровании ему успеха. Этеру приносят жертвы и молятся, когда долго длится предсмертная агония умирающего. Воскресенье олицетворено в форме дня-воскресенья, почитаемого священным и важным праздником. В позднейшие ингушские религиозные верования вошли в искаженном виде представления христианской религии. В настоящее же время, отмечал далее Ч. Ахриев, религия ингушей весьма неопределенна и представляет смесь понятий языческих, магометанских и христианских [2, 14].

Таким образом, еще в прошлом веке в сознании вайнахов наблюдался синкретизм языческой, христианской и мусульманской религий. Это нашло отражение и в фольклоре, хотя языческая обрядность, языческий пантеон божеств (владык, хозяек, святых и т. д.) превалируют над более поздним христианством — XII–XV вв. и недавним мусульманством — XVII–XIX вв.

В сказочном эпосе, легендах и преданиях нашли отражение мировоззрение, нравы, обычаи, социальный быт вайнахов в прошлом, их взаимоотношения с народами Кавказа и с пришлыми кочевыми племенами. Многие сюжеты уходят в глубь веков, и в них отражены пережитки анимизма, магии, тотемизма и мифологии. Эти древние сюжеты и мотивы в измененной форме сохранились в фольклоре до настоящего времени.

Многие сказочные мотивы и сюжеты перекликаются с древними сказаниями о нартах, которые широко бытуют среди народов Северного Кавказа.

При общности сюжетного состава общекавказского сказочного эпоса специфика вайнахских сказок в том, что в образе «социально униженного героя» ярко отразились демократизм народа и острая антикняжеская направленность. Основным положительным персонажем большинства сказок вайнахов является вдовий сын (сын старухи-вдовы, одинокий сын, младший брат, сирота) — выходец из социальных низов.

Вдовьему сыну, одинокому герою, младшему брату свойственны верность заветам отца, друзьям и данному слову. В экспозиции сказки он замухрышка, возится в золе — весьма неприглядная фигура, зато в финале — это настоящий герой без страха и упрека. Он может щелчком осадить огнедышащего коня, молниеносным ударом шашки разрубить сармака (дракона), одержать верх над морскими вампалами (великанами), вбивая их по уши в землю. Он

выдержан, никогда не начинает бой первым (проявления горской этики!), доверчив, верен друзьям и братьям, добр и чуток. Совершая подвиги, вдовий сын рассчитывает лишь на свои силы. Образ этот отражает исторически прогрессивный процесс разложения родового строя. Наивысшего развития этот персонаж достиг в чеченских героико-эпических песнях, на которых, несомненно, сказалось влияние сказочной традиции.

Другом и советчиком положительного героя выступает мать, вдова, сестра.

Среди воплощающих народные идеалы образов заметное место принадлежит безымянной возлюбленной, которая, переодевшись в мужскую одежду, убивает врагов будущего жениха.

Редко когда сюжет волшебной и героической сказки обходится без турпал-коня. В начале сказки он стоит в подземелье за семью замками. Герой укрощает коня, и тот верно служит ему: он преодолевает на нем огромные расстояния, вступает в схватки с конем противника, турпал-конь дает полезные советы. Встречаются в сказочных сюжетах три огнедышащих жеребца различных мастей, которые являются по первому зону героя. Всех превосходит трех-четырехногий конек-гулинг, напоминающий русского сивку-бурку. Он обладает даром речи, необычно его рождение, он не скачет, а летит, словно сокол, по воздуху.

Когда юный герой (ему обычно нет и пятнадцати лет) отправляется мстить за поруганную честь своего племени, рода, слепая мать отговаривает его от опасной поездки, но, примирившись с его отъездом, ждет справедливого мщения, неописуемая радость ее выражается в таком легком танце, от которого даже на золе следа не осталось бы (см. № 12 и др.).

Иную концовку получает сюжет, когда противником юного героя выступает князь — коварный и бесчестный. Здесь будущая невеста юного героя отвергает ухаживания князя и ждет возвращения турпал-юноши. Сказка благополучно заканчивается возвращением юноши, и все коллизии разрешаются посрамлением князя (часто его убийством) перед лицом девушки и людей всего шахара. Турпал-юноша смело вступает в бой с семиголовыми вампалами и во многих сказках, исполняя свой долг, погибает. Но о его трагической гибели узнают друзья и близкие и оживляют героя. Иной раз он умирает неоднократно и снова воскресает, чтобы опять вступить в бой с ненавистным врагом.

Эти мотивы и сюжеты чаще всего встречаются в волшебных и героических сказках. В сказочном эпосе вайнахов и по объему, и по художественной разработанности поэтики они занимают самое значительное место. Героические сказки иногда включают два-три самостоятельных сюжета; каждый раз турпал-юноша совершает ряд богатырских поступков благодаря своей силе и отваге или при помощи турпал-коня.

Положительные персонажи волшебных и героических сказок идеализируются. Значительную помощь в их борьбе с вампалами и сармаками-драконами оказывают герои, ведущие происхождение от тотемных животных — сокола, голубя, ястреба, — способных превращаться в космогонических сыновей Солнца, Месяца, Звезды. В то же время они являются зятьями положительного персонажа и помогают ему в поисках похищенной вампалом или другим чудовищем невесты. Сын Солнца, сын Месяца и сын Звезды видят все, что происходит во вселенной, и летящий дракон не может скрыться от их зорких глаз.

В достижении цели герой преодолевает три препятствия: убивает трех драконов, попадает в три подземных, мира и освобождает свою невесту. «Установка на поэтический вымысел» [181, 42] в волшебных сказках расширяется за счет развития сюжета и совершения поступков героем при помощи чудесных предметов (оселок, волшебные волосы, зеркало, плетка и т. д.).

В волшебных и героических сказках в отличие от сказок о животных и социально-бытовых своя структура, композиция и поэтический язык. Иногда сюжет разворачивается так: дракон поселяется у источника и не дает жителям аула воды до тех пор, пока ему в жертву не принесут девушку. Герой убивает дракона, и благодарные люди предлагают ему в жены эту девушку.

Древнейший мотив в подобных сказках, по мнению В. Я. Проппа, змееборческий, а его развитие знаменует создание семьи [187, 175]. Противники героя — вампалы, гарбаши, ешапы — огромных размеров, глупы, занимаются скотоводством и сенокосом. Некоторые на них человекоподобны (ешап, гарбаш), имеют дочерей и всегда стремятся выпить кровь (или съесть) героя и его братьев. У ешапов и гарбашей огромные клыки, о которые они точат ножи; волосом, вырванным со своего тела (из бороды), они могут связать человека. В них проступают и зооморфные черты: они могут превращаться в птиц и животных.

В фольклоре вайнахов эти персонажи относятся к классу неразумных существ, и порой бывает трудно определить их половую принадлежность, если в контексте повествования это не оговорено. Гарбаш по своим функциям аналогична ешапу. Первоначальное значение этого слова — «невольница», «рабыня» (ср. тюрк, карауш) — позднее изменилось, и она превратилась в ведьму, колдунью.

Наиболее опасный противник героя — сармак (змей, дракон). Герой сказки всегда побеждает его и, чтобы доказать свою силу, пронзает сармака насквозь шашкой, которая уходит в землю. Ее не могут вытащить люди князя или падчаха. Юный герой подбрасывает эту шашку мизинцем.

В вариантах чеченских сказок встречаются одноглазые циклопы, к которым попадают семеро братьев. Шестерых братьев циклоп съедает, а младшему удается спастись. Циклопы обитают либо высоко в горах, либо в подземном мире (свете). Юноша-турпал помогает младшему брату отомстить циклопу.

Аналогичны циклопам энджалы, дажалы и черные хожи. Они близки кабардинским иныжам и осетинским уаигам. От их походки земля дрожит, головами они упираются в тучи, глаза у них размером с сито, а зубы — с серп. Это явно гиперболизированные персонажи фольклора, олицетворяющие непознанные силы природы.

Противниками героев выступают и крохотные персонален: Бийдолг-Бяре («всадник величиной с локоть») и Пхагал-Бяре («заячий всадник»). Они хоть ростом и малы, но обладают непомерной силой, и одолеть их могущество можно только хитростью. Лишь иногда они могут помочь герою.

Помощь юному герою оказывают муравей, кошка и т. д. Это наиболее архаические образы (предки-тотемы) не только в фольклоре вайнахов, но и в фольклоре всех горцев Северного Кавказа.

Специфика вайнахских волшебных и героических сказок в том, что в них нередко фигурируют нарты (нарт-орстхойцы). В отличие от героев нартского эпоса сказочные нарт-орстхойцы — глупые великаны, ведущие пещерный образ жизни и напоминающие своим облаком циклопов. В столкновении с героем сказки нарты, несмотря на огромные размеры от непомерную силу, оказываются побежденными. Сказки о них распространены и бытуют и основном на востоке Чечни и Дагестана [208], т. е. в тех районах, где наблюдается явное затухание эпической традиции.

Антиподами младшего брата являются также старшие братья. Они всегда настроены против него, не признают его прав, относятся к нему высокомерно и пренебрежительно.

Мудрыми советами младшему брату помогают три девушки-сестры из другого мира, каждая из которых готова выйти за него замуж, но герой берет в жены лишь младшую сестру, а старших девушек выдает за братьев, хотя они и вели себя с ним самым коварным образом. В финале сказки младший брат прощает старших.

В волшебных и героических сказках герои обладают способностью отправляться в другой мир и возвращаться на землю, могут превращаться в птиц и зверей.

Довольно часто драматизм сказочных сюжетов усиливается трехкратными повторениями

одной и той же ситуации, многократным использованием в разных сказках одних и тех же общих мест, таких, как укрощение коня, вбивание противника в землю, взаимные угрозы, мотив опасности и благополучия (кровь и пена на море, ржавчина и кровь на ноже), характеристика коня и всадника (седло приросло к коню, всадник прирос к седлу), обертывание коня шкурами, хвастовство своей силой и поиски более сильного противника, мотив змееборчества и др.

В международном сказочном репертуаре герои в большинстве случаев безымянные, в сказках же вайнахов они часто имеют и собственные имени (Тимар, Жосарко, Махтат, Пахтат, Чайтонг, Берза Дог и др.). Возможно, это более позднее явление — об этом, по нашему мнению, свидетельствует то, что некоторые имена — мусульманские (Ахмед, Магомед, Мовсур и др.).

Архаическая героическая (или богатырская) сказка является, как сказал С Ю. Неклюдов, «предшественницей наиболее ранних форм героического эпоса и столь близка к ним, что грань между жанрами подчас провести затруднительно. Однако она принимает участие и в генезисе „классической“ волшебной сказки, будучи особенно тесно связана с волшебной сказкой героического типа (АТ 300–301, 4550–551). Если архаическая сказка стоит у истоков героического эпоса, то позднейшую „сказку об эпических богатырях“ можно рассматривать как одну из завершающих ступеней его эволюции: процессы зарождения и разрушения жанра оказываются, таким образом, до известной степени симметричными» [175, 82].

Для волшебной и героической сказки обязательны присказки и концовки. Во многих присказках, где речь идет о времени действия сказки, повторяются ритмичные словосочетания типа: «Давным-давно, в далекие времена…», а затем следуют пространственные понятия — «за девяносто девятью горами, где волны моря, набегая друг на друга, плачут, где скалы, ударяясь друг о друга, высекают молнии…». Временная формула сочетается с пожеланием удачи; характерно, что уже в присказке четко звучат социальные мотивы: «Давным-давно, в далекие времена, чтобы удача тебе (слушателю. — А. М.) сопутствовала, чтобы сын князя из колыбели не встал, а волчий щенок из норы не выполз…» (подробнее см..№ 14, примеч… 1). Довольно часто присказка имеет чисто бытовой житейский смысл: «Сказка, сказка, пастушья сказка! У доносчика пусть язык отсохнет, у сплетника пусть душа оборвется! Плохой хозяин дома пусть умрет! Плохая жена пусть умрет! Если жена хорошая, пусть она, радостная, возвращается к родственникам мужа и чтит своих родителей!»

Иногда концовка совпадает с присказкой: «Пусть у того, кто распустит о них (о героях сказки. — А. М.) сплетни, язык отсохнет, у доносчика пусть душа оборвется! Пусть недостойный не родится, а если и родится, пусть умрет!» Последнее проклятие нередко встречается и в финале героико-эпических песен вайнахов.

Довольно часто стихотворные концовки сказок представляют собой пожелания вражды врагам и изобилия, добра-благодати сказочнику и слушателю:

Нож-меч между ними,
Козел-баран между нами!
Пусть нам сопутствует удача,
Пусть нас не минует добро!

Художественной структуре присказок и концовок присущ ритмический строй речи, который характеризуется правильным чередованием ударных слогов в каждом предложении. Стихотворную форму, или синтаксической параллелизм, он приобретает благодаря повторяющимся в конце словам. Существует даже сказка-присказка, основанная на парадоксе:

Сказка, сказка, была, говорят,
Слепой увидел, говорят,

Глухой услышал, говорят,
Безногий погнался, говорят.
Безрукий поймал, говорят,
Не имеющий рта проглотил, говорят.

Сказители, как и слушатели, понимают, что в сказке преобладает фантастика, выдумка. В ней уже присказка настраивает слушателей на веселый лад, переносит их в фантастический и чудесный мир. Поэтому можно сказать, что «сказка есть нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не кидается за действительность» [185, 87], и «установка на поэтический вымысел» подтверждается сказочными сюжетами вайнахов. Но вымысел сказок, несмотря на фантастичность, невидимыми нитями связан с объективным миром, реальностью.

Затухание сказочной традиции проявляется прежде всего в волшебных и героических сказках. Сюжеты их подверглись некоторой деформации, что выразилось в искусственной контаминации (см., например, «Овдилг», № 8), убыстренном темпе действия, проникновении современной лексики (койка, фургон, фаэтон, балалайка, чемодан, винтовка и т. д.) и фразеологии («если учесть наш труд», «муж ушел на войну», «ты на всю жизнь будешь обеспечена», «ушел в кино или в театр» и т. д.), стремления к точности при определении времени и расстояния.

В позднейших социально-бытовых сказках «установка на вымысел» обретает форму алогизма. Их условно можно разделить на несколько групп, циклов. Это цикл о ворах, отважных и смышленых, наказывающих лишь власть имущих и все награбленное отдающих вдовам и сиротам; о глупых женах и обманутых мужьях; о Цагене — знаменитом острослове и балагуре. Возможно, этот персонаж проник в сказочный эпос в позднейшее время и прочно занял в нем свое место.

Некоторые из этих сюжетов близки к забавным историям и притчам, но большинство по объему, структуре и раскрытию социальной и бытовой тем несомненно тяготеют к сказкам. В. Я. Пропп указывал, что «границы между бытовыми сказками о людях и анекдотами не устанавливаются» [185, 49], хотя и допускал возможность выделения анекдотов в особую разновидность сказок. Юмористические притчи о Цагене на русском языке публикуются впервые. Сила художественного воздействия слова в рассматриваемой жанровой разновидности весьма велика: это сатирическое разоблачение всего косного, мешающего развитию общества, и осмеяние недостатков человека, его слабостей и пристрастий.

В сборник включен обширный цикл о муллах, шейхах, муталимах. Жадность, алчность, обжорство, сластолюбие служителей мусульманского культа едко и беспощадно высмеиваются и горцем-пахарем, и горянкой, и народными острословами. Образные высказывания о них стали пословицами, афоризмами и проникли в чечено-ингушскую художественную литературу.

Существует цикл сказок-быличек о проделках шайтана (дьявола, черта), который, несмотря на свою хитрость, не может переспорить горца.

Значительное место в сборнике занимают и небылицы (оапаш — «вранье», «побрехушки»), в которых алогизм возводится на высшую степень невероятного, невозможного. Например, в «Небылице» (№ 76) рассказчика не смущает, что дом у него без окон и дверей и ветер дует и в дверь, и в окна. Это обычное явление для подобных сказок. Небылица обычно строится так: богач или какое-нибудь чудовище ставит горцу условие рассказать небылицу. Во время рассказа слушающий не должен вмешиваться в ход повествования. Но богач или чудовище не могут удержаться от реплик и поставленные ими условия оборачиваются против них же.

Развитие сюжета социально-бытовой сказки, система художественно-изобразительных средств нацелены на то, чтобы высмеять противника, победить его в словесной перепалке,

одержать над ним моральную победу. Часть этих сказок своим острием направлена против царских приставов, неправедного суда, законов адата, против тунеядства и торгашей.

Иногда концовки бытовых сказок превращаются в пословицу. Не зная сюжета, не поймешь, например, пословицу: «Все наши покойники умирали с именем волка на устах» (см. вариант к № 50).

Социально-бытовая сказка проста, состоит зачастую из одного действия, устойчивых начальных и финальных формул мы в ней не встретим. Главное в этой сказке — комизм поступков и словесный алогизм, реалистичность в раскрытии тех или иных сторон бытовой к социальной жизни народа.

В сказочном репертуаре вайнахов немалое место занимают сказки о животных: они носят аллегорический характер и напоминают притчи, в них налицо философский подтекст. Рассказываются они теперь обычно в детской аудитории, но их острый юмор обличает и пороки людей различных социальных слоев: жадность, хитрость, страсть к наживе, глупость, самонадеянность, упрямство. В то же время восхваляются такие качества, как трудолюбие, скромность, смекалка, верность данному слову.

Первоначально некоторые звери (волк, медведь, змея, заяц) почитались и были наделены разнообразными антропоморфными качествами. Однако поверья, рассказы о животных не имели аллегорического смысла. Под ними подразумевались лишь звери, а не люди. Позже в сказках эти животные получили противоположную идейно-эмоциональную оценку, а прежнее их почитание сменилось откровенной насмешкой. Вымысел утратил свой былой характер и превратился в поэтическую условность, аллегорию социального порядка.

Особенно это относится к волку. В волшебных героических сказках вайнахов волк обожествляется, он вступает в схватку с более сильным, никогда не оглядывается назад, умирает молча. П. К. Услар писал, что волк — «самый поэтичный зверь в понятиях горцев» [209, 82]. В более поздних сказках волк является лишь отрицательным персонажем.

Еж превосходит умом волка и лису, черепаха — хвастливого зайца, бережливый и трудолюбивый муравей — Сулеймана-пророка, а петух — Ибрагима-счастливца. Осел — символ глупости, упрямства и рабской психология.

Притчи о животных, как правило, лаконичны, состоят лишь из диалогов, напоминая миниатюрные пьесы. Простой сюжет, выразительная ирония и занимательность — основное черты этих назидательных сказок. В сказках о животных проявилась «крылатая мудрость» народа.

В чечено-ингушском фольклоре много общего (в сюжетах, образах, мотивах, номенклатуре и именах персонажей) с сопредельными фольклорными традициями грузин, адыгов, осетин, дагестанцев. Эти связи имеют многовековую, историю. «Эта общность, обусловленная сходством исторической, социально-экономической и культурной жизни и взаимосвязями горцев на протяжении многих столетий, проявляется в популярности одних и тех же сюжетов, мотивов, образов» [74, 7]. Все это позволяет говорить об общекавказском фонде, который у каждого народа при наличии общих важнейших черт получает специфическое национальное оформление.

* * *

К несказочной прозе относятся легенды и предания. До последнего времени они не только не изучались, но и не были выделены в самостоятельные жанры. Собирателями фольклора они публиковались вместе с нартскими сказаниями и сказками. Тем более эти жанровые разновидности не разграничивались между собой. Народ воспринимает легенду и предание как свою прошлую эпическую историю. Эти два жанра связывает единый признак — «установка (действительная или как основной прием) на правдивый рассказ о действительных событиях или

лицах» [161, 40]. Если сказка вайнахов — это «повествование с установкой на вымысел», ориентирующее на то, что было или не было, то легенда и предание — всегда «правда», т. е. художественно обработанный, эмоционально приподнятый, но обобщенный факт действительности, который даже при наличии вымысла воспринимается как эпическая реальность.

Многие легенды носят мифологический характер («Спор о солнце и луне», № 157; «Как возникли солнце, месяц и звезды», № 156); значительное число их посвящено хозяйкам болезней (У-Нана), вод (Хи-Нана), вьюг (Дарза-Нана). Иногда эти хозяйки проявляют недовольство тем, что их плохо принимают, и насылают на жителей аулов болезни; по их велению исчезают озера, останавливаются реки.

Можно сказать, что «легенда — созданный устно, эпический прозаический рассказ, имеющий установку на достоверность; основным содержанием легенды является нечто необыкновенное, чудесное, что и определяет обычно его структуру, систему образов и изобразительных средств» [83, 13].

Предание можно определить как «созданный устно, имеющий установку на достоверность, эпический, прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов» [83, 12]. Но в отличие от легенды в предании нет ничего необыкновенного, фантастического, чудесного, т. е. такого, принципиальную возможность чего нельзя допустить. Предания — более позднего происхождения. В них действуют известные чеченские и ингушские родовые предки и различные исторические деятели, например Хромой Тимур (Тамерлан). В преданиях позднейшего времени фигурируют и такие исторические личности, как царь Николай, имам Шамиль и др.

В преданиях, а иногда и в легендах место действия строго локализовало, что придает им особую достоверность, тогда как в сказках оно происходит «за семью горами, за семью морями».

Легенды и предания тематически разделяются на мифологические, космогонические, этиологические, этногенетические, топонимические, генеалогические и др. Они в первую очередь сообщают какие-то знания, их познавательная общественная функция налицо.

Сюжет и композиция легенды и предания несложны, они невелики по объему, язык их приближается к разговорному.

* * *

Искусство каждого народа, по словам К. Кулиева, говорит «языком своей земли, языком ее истории, ее радостей и бед».

Ингуши и чеченцы долгое время жили при родовом строе и до Великого Октября не имели письменности и литературы, но зато высоко ценили искусство устного слова. Общественный уклад, весь многовековой опыт убеждали в силе воздействия меткого, лаконичного слова.

«В дороге, какой бы долгой она ни была, достаточно один раз хлестнуть хорошего коня. На площади, как бы она ни была велика, достаточно один раз сказать правдивое слово» — гласит народная мудрость вайнахов. Вера в беспредельное могущество слова выражена и в таких пословицах: «Красивое слово вершину Казбека расплавило», «Пуля убивает одного, а язык — девятерых», «Доброе слово змею из норы выманило», «Плохая молва волчьей рысью бежит». В пословице «Война сына не родила — война сына убила» передано отношение народа к войне вообще, но защита родины — священный долг.

Даже такой персонаж, как сармак, подобно греческому сфинксу, задает братьям вопросы: умеют ли они петь песни и сказывать сказки? Младший брат, рассказав свою незамысловатую небылицу, побеждает дракона («Как обманули сармака», № 74). В другом сюжете герой окаменел из-за того, что не рассказал сказку («Наказание тому, кто не расскажет сказку», № 36),

Песенники и сказители всегда пользовались в народе всеобщим уважением и любовью; они приравнивались к настоящим героям. Достаточно вспомнить Ахмата из Автуров (чеченское село) или Ирчи Казака из Дагестана. Они оба за исполнение песен политического содержания были брошены царским правительством в тюрьмы и сосланы в Сибирь. Подобные песни, предания, легенды исполнялись и во второй половине XIX — начале XX в. и мгновенно становились достоянием всего народа.

Подробное описание исполнения эпической песни (эти песни передаются сказителями и как предания) приводит собиратель фольклора народов Северного Кавказа Н. С. Семенов:

«Явилась откуда-то трехструнная самодельная балалайка. Молодой человек сел на траву и взял несколько аккордов. Затем он начал настраивать инструмент, а когда кончил, то дал свободу пальцам. Раздалась живая, хотя монотонная, но приятная мелодия. Говор понемногу стал утихать. На лицах чеченцев улыбка сменилась серьезным выражением. Все ближе подвинулись к музыканту; образовался кружок. Беспрерывно и долго лились живые звуки, пока музыкант не вдохновился.

„Валай-лай иллалай лайла яллай!“ — запел он медленно и грустно, сначала тихо, потом все громче и громче. „Валай-лай иллалай яллай!“ — варьировал он все тот же куплет, резко переходя от одного тона к другому и протягивая окончание. Иногда он повторял то же самое в пятый, шестой и седьмой раз; в голосе его послышались скорбные звуки.

„Я поднялся на Черные горы и глядел с них на большую Чечню“, — запел он в том же тоне недавно сложенную в Чечне песню о последнем абреке Варе, убитом в 1865 году.

„Я поднялся на голые горы и глядел с них на Гехинскинй народ“ (чеченцы, имеющие большой аул Гехи). Кружок чеченцев сдвинулся к певцу. На всех лицах явилось торжественное выражение.

„Я искал себе товарища в жизни и брата по вере“. Чеченец не пел, а только говорил в тон балалайке. Это было вроде нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгим и быстрым перебором струн. Но певец до того углубился в положение воспеваемого героя, что казалось, будто он импровизирует. Что-то вдохновенное слышалось в его голосе, полном тоскливого, созерцания павшего абрека. Да, он действительно импровизировал, иначе ему не удалось бы так цельно пропеть всю эту песню.

„Я голод утоляю зелеными травами и вместо воды пью сок шиповника“, — продолжал импровизатор.

„Когда я вспоминаю о боге, то восклицаю: Аллах! — когда вспоминаю о любовнице, обнимаю свое оружие!“

— Ойт! — гикнул кто-то из компании. — Ойт! — послышалось затем восторженное восклицание.

„Уже звери отправлялись на добычу, пели петухи, когда я, как раненый волк, вскочил с постели, сел и начал думать“.

„Где бы мне найти друга, где я мог бы безопасно отдохнуть?“

— Ойт! Ваша вала цуни! (Чтобы тебе лишиться брата!).

Эта песня, эти беспрерывные звуки балалайки, этот звучный и приятный голос певца, вероятно, не одному из кружка напомнили его удалые набеги, его молодецкие драки и те критические, голодные и холодные часы, когда каждый на них находился в положении героя песни. Все слушатели были возбуждены; как-то никому не стоялось на месте; стали переминаться с ноги на ногу, склонять головы на плечи соседей, обхватывать друг друга за талии» [21, 14].

Некоторые сведения о дореволюционных вайнахских сказителях содержатся в работах Б. К. Далгата [114]. Вообще же опубликованных материалов о сказителях очень мало. Данные,

которыми мы располагаем, позволяют сделать вывод, что легенды и предания более активно бытуют в горных районах Чечено-Ингушетии, а социальные и бытовые сказки, притчи, о муллах и анекдоты — в равнинной части республики.

Исполнителями легенд и преданий, нартских сказаний (и тем более героико-эпических песен) являются мужчины, а волшебных сказок и сказок о животных — преимущественно женщины. Так, из 45 текстов легенд и преданий, зафиксированных в горных районах Чечено-Ингушетии, представленных в сборнике, лишь два записаны от женщин. Встречаются, конечно, и одаренные сказительницы, которые владеют всем жанровым арсеналом фольклора, К ним относится, например, Лули Сергеевна Мальсагова (1899–1909). Она слышала сказки от своего отца и часто рассказывала их сыновьям. Кроме сказок она звала много легенд и преданий. Мальсагова очень серьезно относилась к рассказываемому. Речь ее была тихой, но доходчивой и убедительной. Иногда она взглядывала на слушателя, как бы оценивая его реакцию, а затем степенно продолжала повествование. Она знала много пословиц, афоризмов, и в разговоре на любую тему использовала их. Ее уважали и побаивались родственники, потому что «приговор», вынесенный ею, был всегда справедлив и надолго сохранялся в памяти людей.

Другой сказитель, Магомет Дзаурбекович Чахкиев (1883–1980), уроженец с. Базоркино ЧИАССГ, также знал много сказок, преданий и легенд. Очень любил рассказывать о проделках весельчака и балагура Цагена. Я записывал от него тексты, когда он был прикован к постели. Вернее, я не записывал, а только слушал и иногда задавал наводящие вопросы. Следует отметить, что сесть с карандашом в руках и записывать — значит потерять многое из рассказа. Слушать должен один, а записывать другой. Так я по возможности и поступал. М. Д. Чахкиев внимательно следил за слушателем, и если он был доволен тем, как слушатель воспринимает его рассказу то мог импровизировать долго, переходя от одного жанра к другому. Повествуя, сказитель сопереживал, и когда в сказке («Ахкепиг», № 35) девушка согласилась выйти замуж за убийцу своих родителей, он даже прослезился. Чахкиев сам был сиротой и имел большую семью: пять сыновей и семь дочерей. Магомет Дзаурбекович от серьезных жанров мог легко переходить к веселым: анекдотам, притчам, каламбурам. Оправдывая такую легкость, он сказал мне: «Когда у Шамиля спросили, какими языками он владеет, говорят, он ответил: „Кроме арабского я знаю три языка: аварский, кумыкский и чеченский. На аварском я иду в бой, на кумыкском изъясняюсь с женщинами, на чеченском шучу“». И добавил: «Если имам Шамиль шутил, то мне и подавно можно».

Как-то в 1966 г. я выступал по телевидению, разговор шел о фольклоре. Вечером ко мне зашел мой сосед Ихван Ибрагимов (род. в 1928 г., образование начальное, за трудовые заслуги награжден «Знаком почета») и сказал, что знает много сказок. Он рассказал замечательную сказку «Сын отважной женщины», сказки о нарт-орстхойцах, в том числе «Гезама Али и Толам-Аго». Через несколько лет (в 1977. г.) я вновь попросил его рассказать мне эти сказки, и он почти слово в слово повторил их.

Зайнди Патарханович Цуров (род. в 1909 г., работает ночным сторожем в Джераховском интернате, образования не имеет)[3] рассказал, что во времена его детства люди знали много сказок. Особенно часто сказывали их, когда пасли скот или ночевали в поле во время пахоты, сева, прополки. «Было скучно, и, чтобы скоротать время, мы рассказывали друг другу кто что знает. Часто забавляли и гостя сказками. Таким образом, гость приносил какую-нибудь сказку и уносил с собой вновь услышанную». Сам Цуров рассказал несколько сказок, в том числе сказку о Тамаш-Таштамире. Голос у 3. Цурова громкий, говорил он быстро. Большое внимание уделял тому, насколько внимательно его слушает собеседник, поэтому пристально смотрел в глаза слушателя. Особый восторг у него вызывали комические ситуации сказок. 3. Цуров был большом знатоком обычаев, этнографии, хорошо знал где жили и как расселялись тайпы (роды).

Шишха Абдулаевна Ханиева (1903–1974) обладала качествами, необходимыми сказителю: имела хорошую память и с любовью относилась к сказочному эпосу. Она преображалась, когда начинала рассказывать. Ее манера рассказа напоминала исполнение артистки. «Музыкальная интонация, сдержанная жестикуляция и тонкая мимика будили интерес у слушателей и в то же время были лишены наигранности. Создавалась иллюзия правдивости рассказываемых событий, особенно когда она изображала голосом и жестикуляцией чудовищ, бравого юношу на коне или труса» [117, 435]. Ханиева была старшей среди сестер. В детстве сестры по многу раз слушала сказки старой женщины Даби (сказки «Дабе фальгаш»). Она очень хотела, чтобы ее сказки слушали, и гостинцами иногда заманивала девочек-сестер и без устали рассказывала им одну сказку за другой. «Мы знаем, — говорили сестры, — едва ли пятую часть сказок Даби, хотя многие сказки по нашей просьбе она рассказывала по нескольку раз». Все сестры одинаково слушали «сказки Даби», но лучше всех их знала и передавала Шишха. Интересно было наблюдать за сестрами Шишхи. Они с неослабным вниманием слушали хорошо известные им сказки. Рассказывала Шишха не по-женски степенно. При передаче особенно интересных эпизодов сказки (драматических, комических) она внимательно следила за глазами слушателей. Ей очень правилось, когда слушатели буквально «пожирали» Шишху глазами.

Одна из сестер спросила: «Сказки можно слушать, но зачем их записывать?» И тут Шишха дала неожиданный ответ: «Он хочет знать язык, быть умнее». И на реплику сестры: «Он же знает язык», — Шишха ответила: «Если будет знать сказки, то и язык будет знать глубже». Видимо, под словом *мотт* («язык») она подразумевала всю сумму нравственных и этических представлений и познавательную ценность сказок.

* * *

В предлагаемое вниманию читателей издание в основном вошли переводы сказок, легенд и преданий, записи которых были осуществлены за последние сорок лет на чеченском и ингушском языках.

Все дореволюционные публикации фольклорных текстов известны только в русском переводе (иногда в пересказе и литературной обработке), причем у каждого публикатора свой стиль и манера изложения. Поэтому мы сочли нецелесообразным включать их в данную книгу. Тем более что недавно почти все дореволюционные публикации нартского эпоса вайнахов, мифы и исторические предании были переизданы У. Б. Далгат [117].

Все переводы сказок, легенд и преданий близки к оригиналу, и в них по возможности сохранен повествовательный стиль и изобразительно-художественные средства языка чеченцев и ингушей.

В примечаниях приводятся источники текстов, сведения о сказочниках, место и время записи. Здесь же дается объяснение малопонятных мотивов, представлений, топонимических названий, собственных имен.

Непереведенные этнографические и бытовые реалии, помеченные при первом упоминании в тексте звездочкой, объясняются в словаре.

А. О. Мальсагов

СКАЗКИ

1. Золотые листья

Опубл.: ИФ, т. II, с. 182.
Записал писатель М. С. Плиев в 1962 г. на ингушском языке от М. Плиевой, г. Грозный.

Давным-давно, в далекие времена, за девяносто девятью горами, где волны моря, набегая друг на друга, плачут, где скалы, ударяясь друг о друга, высекают молнии, жил князь с тремя сыновьями. У князя был большой сад. Днем сад сиял под лучами солнца. Ночью, споря с сиянием солнца, сад освещало дерево с медными ветвями и золотыми листьями. Эти листья каждую ночь похищала какая-то неведомая сила. И князь ничего не мог о этим поделать. Однажды старший сын князя сказал:

— Отец, я пойду охранять дерево.

— Иди, — сказал отец, — только смотри не усни.

Старший сын отправился караулить. В полночь вдруг поднялся сильный ветер, все небо покрылось тучами. От страха, что ветер унесет его, сын князя обхватил ствол дерева, а злая сила унесла золотые листья.

— Ты узнал, куда деваются листья? — спросил князь у старшего сына, когда тот вернулся утром.

— Я уснул и никого не видел, — ответил он.

На следующую ночь средний сын князя сказал:

— Сегодня, отец, я пойду охранять дерево.

— Иди, — сказал отец, — только смотри не усни.

В полночь вдруг поднялся сильный ветер, все небо покрылось тучами. Средний сын испугался, накрылся полушубком, обхватил ствол дерева и уснул. Когда он проснулся, золотых листьев на дереве уже не было.

— Ты узнал, куда деваются листья? — спросил князь у среднего сына.

— Я уснул крепким сном и никого не видел, — ответил средний сын.

На третью ночь младший из сыновей сказал отцу:

— Сегодня, отец, я пойду охранять дерево.

— Не уподобься старшим братьям, — сказал отец.

И на третью ночь поднялся сильный ветер. Вскочил младший сын князя и вступил в борьбу со злой силой, которая тучами заволокла небо. Высоко, три раза на пятнадцать локтей[4], подпрыгивал он и наносил удары шашкой. С полночи до рассвета сражался младший сын со злой силой. Только на рассвете ветер стих, а небо просветлело. И тогда увидел младший сын чью-то голову, черный палец с большим ногтем и кровавый след — он вел из сада, куда ушла эта неведомая сила. Утром младший сын князя никому не сказал ни слова, вооружился доспехами и отправился по кровавому следу.

В пути он встретил человека, который вырывал с корнями деревья, растирал их ладонями и превращал в порошок.

— Какие чудеса ты совершаешь! — удивился сын князя..

— То, что я делаю, неудивительно — чудеса совершает сын князя! — сказал человек, растиравший деревья в порошок.

— Я — младший сын князя, будем друзьями!

Отправились они дальше вместе и встретили человека, который одним глотком выпивал море, а потом смотрел на рыб, оставшихся без воды, и этим забавлялся.

— Вот чудо! — удивился сын князя.

— Это не чудо, — сказал человек, одним глотком выпивавший море, — чудеса совершает сын князя.

— Я — младший сын князя, стань нашим другом!

И они продолжали путь втроем. В пути встретили еще одного человека, который подбрасывал папаху, стрелял в нее, а затем ловил и пулю и папаху.

— Вот чудо! — удивился сын князя.

— Это не чудо. Вот сын князя — чудо, — сказал и этот.

Стали они четверо друзьями и отправились но кровавому следу. Дошли до одного отверстия в земле. Кровавый след вел к нему.

— Я спущусь, а вы поставьте здесь шалаш и ждите меня, — сказал сын князя.

Вырывавший деревья добывал дрова, стрелявший в папаху охотился, выпивавший море доставал рыбу, а сын князя спустился в отверстие.

Он попал в большой лес, посреди леса был луг, а на лугу бил чистый родник.

«Кто-нибудь должен прийти к этому роднику», — подумал сын князя.

И действительно, вскоре пришла к этому роднику красивая девушка с двумя кувшинами. Она долго плакала, а потом набрала в кувшины воды и ушла.

Пришла девушка еще раз и тоже заплакала, потом набрала воды и пошла обратно. Сын князя вышел из укрытия и заговорил с девушкой:

— Почему ты плачешь? Кто обидел тебя?

— Нас было три сестры в верхнем мире[5], — сказала девушка. — Отец наш был падчах[6]. Однажды ночью трёхголовый орел унес нас из башни и привел на этот свет. Чтобы мы не скучали, он каждую ночь приносил нам золотые листья. Вчера он возвратился без одной головы и без пальца. Мои сестры положила себе на колени его оставшиеся головы, сидят и плачут, а я ношу им воду. Когда вода кончается, орел встряхивает головами и до смерти пугает моих сестер.

— Ты скажи орлу, что не можешь больше приносить воды, и спроси: «Что бы могло убить тебя?» — сказал сын князя.

— Осмелюсь ли я? — спросила девушка.

— Не бойся, ничего с тобой не случится.

Девушка, горько плача, с водой пришла в дом и спросила:

— Я не могу больше приносить воды. Что бы могло убить тебя?

— Ха-ха, вы ждете моей смерти, но ваше потомство исчезнет еще до моей кончины, — сказал орел. — Отсюда за семью горами находятся баран, который может съесть сено, скошенное шестьюдесятью тремя[7] косарями. Внутри этого барана — заяц, а внутри зайца — утка. В утке три птенца с моей душой[8].

Девушка пришла к роднику и передала сыну князя слова орла.

Отправился сын князя за семь гор. Он подкараулил барана, уснувшего после того, как съел сено; три раза на пятнадцать локтей подпрыгнул и шашкой ударил его. Только он отсек ему голову, как из него выскочил заяц. Стрелой из лука юноша убил зайца. Как только стрела попала в зайца, из него вылетала утка. Три раза на пятнадцать локтей подпрыгнул сын князя и меткой стрелой сбил утку. Разорвал он утку, вытащил из нее трех черных, как уголь, птенцов и завернул их в платок. Долго ли, коротко ли шел он и вновь пришел к роднику. Пришла к роднику и девушка. Из ее глаз вместо слез текла кровь. Увидев сына князя, она очень обрадовалась. Он отдал ей одного птенца и сказал:

— Как только придешь домой, убей его и посмотри, как будет чувствовать себя орел.

Девушка ушла и вскоре вернулась. Она сказала, что орел, видимо, сдох.

Сын князя направился к отверстию и потряс веревкой. Первой подняли старшую сестру,

второй — среднюю. Третья сказала:

— Неизвестно, что за люди твои друзья, поэтому лучше сначала поднимись ты.

— Нет, — сказал сын князя, — они не поступят плохо, поднимайся ты.

— Возьми себе это кольцо, вдруг что-нибудь случится, — сказала младшая сестра. — Если они совершат подлость и ты останешься, то в пятницу в полдень здесь появятся три коня. Дотронешься до белого[9] — очутишься в верхнем мире, дотронешься до красного — останешься здесь, дотронешься до черного — очутишься в нижнем мире.

Младшая девушка была самой красивой. Как только ее подняли, спутники княжеского сына решили:

— Если поднять сына князя, то он может взять девушек себе, а мы останемся ни с чем.

И они бросили веревку в яму, а сами вместе с девушками ушли.

В пятницу перед сыном князя появились три огнедышащих коня, из их ноздрей выбивалось пламя того же цвета, какой была масть каждого коня.

Как ли старался сын князя дотронуться до белого коня, не смог. Коснулся он черного коня и оказался в нижнем мире.

Юноша вошел в саклю, стоявшую на краю села.

— Умри, тебя не родившая мать[10]. У кого нет сына, к тому сын идет, — с такими словами вышла навстречу ему из сакли старушка.

— Голоден я, нани[11], накорми меня, — сказал сын князя.

Услыхав такие слова, старушка горько заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил сын князя.

Старушка сказала:

— У меня нет воды. Сармак[12] захватил реку, и если ему каждый день не приводить по девушке, он не будет давать воды. Сегодня ему должны привести дочь падчаха, а до этого он воды не даст.

— Я пойду к нему, — сказал сын князя.

Он на десять пальцев повесил десять ведер и пошел к реке.

— Не подходи! — закричал сармак.

Но юноша подошел, набрал десять ведер воды и отправился в обратный путь.

— Я тебя отпускаю потому, что ты гость, не вздумай больше приходить сюда[13], — сказал сармак.

На дороге играли дети. Они бросились к сыну князя и выпили все десять ведер воды. И снова пошел сын князя за водой.

— Не подходя! — опять закричал сармак.

Но юноша подошел, набрал воды. На обратном пути налетели на него утки и гуси и выпили всю воду. И он опять отправился за водой.

— Не подходи! — снова закричал сармак.

Но сын князя опять набрал воды.

— Ты приходишь в третий раз. Я пощадил тебя, потому что ты гость. Но если ты придешь еще раз, я съем тебя.

Когда сын князя возвращался, на него набросилось стадо коров и выпило всю воду. В одном ведерке на дне осталось несколько капель, и он пришел к старушке, месившей муку. Тесто затвердело без воды. Он взял ведра и снова, хоть старуха и отговаривала, пошел к сармаку.

— Не подходи! — скрипя зубами, сармак двинулся на юношу, из его пасти вырывалось синее пламя.

Сын князя разрубил сармака шашкой на шестьдесят три части, проткнул их шашкой и

пригвоздил к земле со словами: «Пусть никто не сможет тебя выдернуть, кроме того, кто воткнул». А сам набрал воды и пошел к старушке.

Увидев убитого сармака, все очень удивились.

— Тому, кто убил сармака, я отдам полцарства и дочь, — сказал падчах.

«Я, я убил сармака», — говорили пузачи, усатые богачи, известные воины, но выдернуть шашку никто из них не смог.

— Кто не может выдернуть шашку, тот не мог убить сармака, — сказал падчах. — Есть ли еще кто-нибудь в моем царстве, кто не явился на мой зов? — спросил он.

Дети сказали, что не явился только один человек — сын старухи, который ведрами носил воду с реки.

Падчах велел привести его. Сын князя подошел, мизинцем подбросил шашку, а когда она полетела вниз, с маху вложил ее в ножны.

Падчах сказал юноше, что ему принадлежит полцарства и теперь он его зять.

Сын князя отказался. Удивился падчах.

— Что же тебе нужно? Все, что запросишь, мы тебе дадим! — упали перед ним люди на колени.

— Мне нужно подняться в верхний мир, — сказал сын князя.

Все понурили головы:

— Это не в наших силах, дорогой гость. На черной горе свила гнездо чужая орлица. Птенцов этой орлицы поедает большая змея. Если ты спасешь птенцов орлицы, она постарается вынести тебя в верхний мир, — сказал падчах.

Взобрался сын князя на черную гору, спрятался под гнездом орлицы и стал выжидать.

Когда он увидел, что змея поднимается к орлиному гнезду, он шашкой изрубил ее на куски. Птенцы, услышав, что ползет змея, заклекотали, и орлица на их крики полетела к гнезду. Самый маленький птенец видел, как юноша изрубил змею. Он сказал сыну князя:

— Сейчас прилетит орлица, если она увидит тебя, то съест. Спрячься под нашими крыльями.

Только спрятался сын князя, как появилась огромная орлица, изрыгавшая из клюва пламя. Увидела она убитую змею и спросила птенцов:

— Кто вас спас, мои птенчики?

— Если ты не сделаешь ему ничего плохого, мы скажем тебе, — сказали они.

— Не сделаю.

И птенцы показали ей сына князя.

— Что тебе нужно? — спросила орлица.

— Мне нужно подняться в верхний мир, — сказал он.

Немного подумала орлица и сказала:

— Ты просишь меня о трудном деле: если на каждое мое «вак», ты будешь давать мне по быку и бочке воды, я смогу поднять тебя. Если этого не будет, у меня не хватит сил подняться в верхний мир.

Сын князя уставил на спине орлицы шестьдесят быков и шестьдесят бочек воды. И они отправилась в путь.

Орлица говорила «вак», и он бросал ей быка и бочку воды и так шестьдесят раз. Когда они были уже недалеко от верхнего мира, кончились и быки и вода. «Вак», — сказала орлица, и сын князя отрезал от левой ноги икру и бросил ей в рот. «Вак», — сказала орлица, а он бросил ей в рот икру правой ноги. Опять подала сигнал орлица — он бросил мышцу левой руки, в следующий раз — мышцу правой руки. И когда еще раз орлица сказала «вак», сын князя произнес:

— Да умри у твоего отца семь человек[14], у меня ничего больше нет, если не отдать самого

себя.

Взмахнув крыльями, орлица сбросила седока, по вскоре подлетела и снова усадила его на спину.

— Я хотела испытать тебя, — сказала орлица, и вскоре они достигли верхнего мира.

Здесь орлица выплюнула икры и мышцы княжеского сына, и они мгновенно приросли[15].

Поблагодарили они друг друга и расстались.

Пошел сын князя по селу.

— Кому нужен даровой пастух, даровой пастух кому нужен?

— Мы и за деньги не можем найти работника, — сказал один богач и нанял его.

Сын князя заметил, что хозяева готовятся к какому-то празднику.

— Куда вы собираетесь? — спросил он.

— На свадьбу спасителей девушек, которых когда-то унесла черная сила, — ответили ему. — Разве ты не слышал об этом?

— Если вы позволите, я пойду с вами, — попросил сын князя. — Может, мне дадут там милостыню.

Когда сын князя в старой одежде пришел на пиршество, он увидел, что там веселились его бывшие друзья.

Младшая дочь падчаха сразу увидела на руке гостя кольцо, подаренное ею когда-то.

— Это не они спасли нас, вот наш спаситель, — указала дочь падчаха на гостя.

Сын князя убил коварных друзей, забрал девушек и отправился к себе на родину.

Старших сестер он отдал в жены старшим братьям, а на младшей женился сам.

Нож-меч между ними,
Козел-баран между нами![16]

2. Три брата

Опубл.; ЧФ. т. II, с 34
Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от М. Абдуразакова, с. Дубай-Юрт ЧИАССР.

У одного человека было три сына.

Однажды отец сильно заболел. Чувствуя, что смерть приближается, он позвал сыновей и завещал им:

— После моей смерти сделайте мне из каменной соли надгробную плиту и иногда приходите на могилу.

Отец умер. Сыновья поставили на могиле отца надгробную плиту из каменной соли Стали приходить на могилу отца и заметили, что надгробная пиита день ото дня уменьшается.

Старший брат сказал младшим:

— День ото дня надгробная плита уменьшается. Надо сторожить могилу отца.

Первые три ночи могилу отца сторожил старший брат. Он сделал пометку на надгробной плите, но каждую ночь засыпал, а в конце третьей ночи заметил, что надгробная плита уменьшилась.

Вторым пошел сторожить средний брат. Как и старший, он все три ночи засыпал, и надгробная плита стала еще меньше.

Настала очередь караулить младшему брату. Ему очень хотелось спать, но он не уснул. Во второй половине ночи с неба на могилу отца спустилась черная мгла.

Младший брат обратился к ней:

— Злой дух ли ты, плоть ли ты, джинн[17] ли? Отвечай!

Мгла не ответила, а продолжала надвигаться на могилу. Младший брат пустил в нее стрелу из своего лука. Но мгла спустилась на могилу отца. Младший брат бросился на мглу, но она тут же превратилась в коня черной масти и поднялась в небеса. Облетел конь все семь небес, опустился на землю, отряхнулся и сказал:

— Теперь-то на мне нет и песчинки!

— На тебе нет никого, кроме меня, молодца! — сказал младший брат.

Конь черной масти ответил:

— С этого дня ты — мой хозяин, а я — твой верный конь. В трудную минуту сожги волос из моего хвоста, а я тут же явлюсь к тебе.

Положил младший брат конский волос в карман и на вторую ночь снова пошел караулить могилу отца. Ему очень хотелось спать, но он не уснул. Во второй половине ночи с неба стало опускаться белое привидение. Оно надвигалось на могилу отца. Только привидение приблизилось — младший брат сказал ему:

— Не приближайся, я раню тебя.

Но привидение не остановилось, тогда младший брат пустил в него стрелу.

Как только привидение опустилось на могилу отца, младший брат вскочил на него. Оно превратилось в серого коня и, облетев семь небес, опустилось на землю. Встряхнулся конь и сказал:

— Теперь-то на мне нет и песчинки! Теперь-то на мне нет и мухи мужского пола!

— На тебе нет никого, кроме меня, молодца! — ответил младший брат.

Тогда серый конь вырвал из хвоста волос, подал его младшему брату и сказал:

— С этого дня ты — мой хозяин, а я — твой верный конь. В трудную минуту сожги этот волос, и я тут же явлюсь к тебе.

На третью ночь младший брат опять пошел караулить могилу отца. Как и в первые две ночи, ему хотелось спать, но он не сомкнул глаз. Во второй половине третьей ночи на могилу отца стало надвигаться красное привидение. Когда младший брат приручил и его, оно превратилось в коня гнедой масти. Он, как серый и черный кони, сказал:

— С этого дня ты — мой хозяин, а я — твой верный конь В трудную минуту сожги этот волос, и я тут же явлюсь к тебе. — И гнедой конь исчез.

Прошло три дня и три ночи. Старшие братья пришли к младшему и увидели, что надгробная плита стоит, никем не тронутая.

Прослышали братья, что какой-то князь устраивает скачки и выдает свою дочь за победителя.

Собрались старшие братья на скачки, а младший попросил взять и его.

— Тебе там делать нечего, — сказали братья.

Сели они на ослов и уехали на скачки к князю. Не успели братья выехать из села, как младший достал волос черного коня и сжег его. Только догорел волос — перед ним появился черный конь. Оделся младший брат в богатые одежды и поскакал на скачки. По дороге он нагнал старших братьев и, поприветствовав их, проскакал мимо.

Братья не узнали своего младшего брата.

Когда младший брат опускал поводья, конь его спорил с ветром, когда натягивал их — к небу взмывал. Так доскакал младший брат до аула, где князь устраивал скачки.

Прибыл младший брат в аул, подъехал к князю, поздоровался и сказал:

— Я слышал, что князь отдает свою дочь за того, кто придет первым на скачках.

— Ты опоздал, всадник, — ответил князь, — три дня и три ночи прошло с тех пор, как всадники отправились на скачки.

— Скажи мне, светлый князь, получит ли в жены твою дочь тот, кто придет первым на скачках?

Князь ответил:

— У подножия Казбека есть родник, у которого растет груша. Под ней стоит кувшин моей дочери, в нем золотое кольцо. Кто первый доскачет до кувшина и привезет это кольцо, за того я и выдам свою дочь.

Выслушал младший брат ответ князя, натянул поводья и конь, споря с ветром, поскакал вперед.

Прошло немного времени, и младший брат настиг всадников по пути к Казбеку. Он обогнал их, прискакал к роднику, взял из кувшина кольцо княжеской дочери, прискакал обратно, подпрыгнул на коне к окну башни, где сидела дочь князя, и отдал ей кольцо.

Князь выдал свою дочь за младшего брата, и три дня и три ночи играли они свадьбу. Потом младший брат отправился домой с дочерью князя. Приехал он домой и спрятал дочь князя в комнате, а сам стал дожидаться приезда братьев.

Через некоторое время вернулись братья домой, и младший спросил:

— Кто выиграл на скачках, кто прискакал первым?

Старшие братья ответили:

— Какое тебе дело до того, кто прискакал первым и кто выиграл дочь князя? Во всяком случае, он ни капли не был похож на тебя.

На следующий день прослышали братья, что князь выдаст вторую дочь за того, кто достанет двух соколов из гнезда, а гнездо это находится на вершине скалы такой высокой, что с нее не видно дна черной пропасти, а со дна пропасти не видно вершины скалы.

Старшие братья и на этот раз отказались взять с собой младшего и вдвоем выехали на своих ослах.

Младший достал волос серого коня и сжег его. Не успел волос догореть, как перед ним появился серый конь. Младший брат оделся в дорогие одежды и поскакал к князю. По дороге он догнал старших братьев, поприветствовал их и, обдавая пылью, проскакал мимо.

Братья посмотрели вслед всаднику, но не узнали в нем брата. Младший брат прискакал к башне князя, где собрались храбрецы со всего края.

— Я выдам свою вторую дочь за того, кто достанет соколов из гнезда на вершине высокой скалы, — провозгласил князь.

Младший брат отправился вместе со всеми к этой скале и спросил своего коня:

— Как победить нам в этих состязаниях?

Серый конь ответил:

— Сожми мои бока так, чтобы сердце мое сжалось в комок, и огрей меня так, чтобы от крупа моего полетели искры. Крикни так, будто крикнули шестьдесят три всадника. Передними ногами я пробью такую тропу, по которой свободно пройдет пеший. Задними ногами я пробью дорогу, по которой сможет проехать арба. Так и доберемся до соколиного гнезда.

По совету коня младший брат так сжал коленями его бока, что сердце коня сжалось в комок, огрел коня кнутом так, что с него посыпались искры, и крикнул так, будто крикнули шестьдесят три всадника. Передними ногами конь пробил такую тропу, по которой мог свободно пройти пеший, задними ногами — дорогу, по которой могла свободно проехать арба. Копытами отсекая глыбы, серый конь примчал младшего брата к соколиному гнезду. Достигнув соколиного гнезда, младший брат крикнул князю:

— В гнездо только двое соколят, сокола нет. Как быть?

Князь сказал, чтобы он взял двух соколят. Младший брат взял соколят и бросил их в окно дочери князя.

Князь выдал свою дочь за младшего брата. Три дня и три ночи играли свадьбу, а потом младший брат отправился домой со второй дочерью князя.

Приехал он домой, спрятал вторую дочь князя в той комнате, где находилась первая, а сам стал дожидаться приезда старших братьев.

Когда они вернулись, он спросил:

— Кому досталась средняя дочь князя? Кто смог достать двух соколят?

Братья ответили:

— Соколят достал всадник на сером коне. Какое тебе дело до него? Он ни капли не был похож на тебя.

— Пусть он на вас двоих был бы похож, я и этому был бы рад.

На третий день братья прослышали, что князь выдаст свою третью, младшую дочь за того, кто на всем скаку достанет барана из колодца глубиной в шестьдесят три аршина.

Старшие братья и на третий день отказались взять с собой младшего, сели на ослов и поехали. Через некоторое время после их отъезда младший брат достал из кармана третий волос и сжег его. Не успел волос догореть, как перед ним появился конь гнедой масти. Украсив своего коня, как невесту, снарядившись словно жених, младший брат поскакал ко двору князя.

По дороге младший брат догнал братьев, поприветствовал их и, обдав пылью, проскакал мимо.

— Я выдам свою третью дочь за того, кто на всем скаку достанет барана из колодца глубиной в шестьдесят три аршина, — провозгласил князь.

Младший брат обратился к своему коню:

— Сумеем ли мы достать барана из такого колодца?

Конь гнедой масти ответил:

— Ударь меня кнутом без жалости и крикни так, чтоб не только люди, но и поля оглохли.

Передними копытами я прокопаю землю, а задними выброшу ее, и доставлю тебя на дно колодца. Точно так мы и выскочим из него.

Младший брат по совету гнедого коня изо всех сил огрел его кнутом и крикнул так громко, что не только люди, но и поля оглохли. Передними ногами конь прокопал землю, а задними выбросил ее и доставил младшего брата на дно колодца.

Младший брат схватил барана за рог и поскакал. Рог обломился, и баран упал обратно в колодец. Младшая дочь князя следила из окна своей комнаты за младшим братом. Увидела она, что всадник не смог вытащить барана, и крикнула:

— Не падай духом, юноша! Хватай барана так, как обычно его хватают волки.

Младший брат снова схватил барана так, как его обычно хватают волки, выскочил из колодца и на всем скаку бросил барана в окно девушки.

Князь выдал свою дочь за младшего брата. Три дня и три ночи играли они свадьбу, потом он отправился домой, спрятал младшую дочь князя в той же комнате, где находились ее старшие сестры, и стал дожидаться прихода братьев.

Через некоторое время вернулись старшие братья. Младший брат спросил:

— Кто смог достать барана из колодца? Кому досталась младшая дочь князя?

Братья ответили:

— Барана из колодца достал всадник на гнедом коне. Какое тебе дело до него? Он нисколько не был похож на тебя.

— Был бы он похож на вас, я и этому был бы рад. Я же покажу вам трех дочерей князя и трех коней: черного, серого и гнедого.

И младший брат вывел на конюшни трех коней, а из комнаты — трех сестер.

Оделись братья в лучшие одежды, снарядили трех коней и с тремя сестрами отправилась во двор князя.

Князь семь дней и семь ночей играл свадьбу, подарил дочерям половину своего скота.

Три брата и три сестры-жены вернулись домой и стали счастливо жить.

3. Чайтонг — сын медведя[18]

Опубл.: ИФ, т. II, с. 226.
Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от Л. Гамурзиевой, г. Грозный.

Жили-были муж с женой. У них была единственная дочь. Как-то ночью девушка вышла во двор. На нее напал медведь и утащил ее. Стала она жить с медведем. Прошло около года, и у нее родился от медведя сын. Накормила она мальчика грудью — он стал ходить, накормила второй раз — мальчик заговорил, накормила третий раз — стал он настоящим молодцем. Повзрослевший юноша сказал матери:

— Нани, давай сходим к твоим родителям.

— Хорошо, — ответила мать.

Отправились они в гости. Подошли к калитке и остановились.

И говорит мать сыну:

— Заходи первым ты.

Сын ответил:

— Нет, первой заходи ты.

Мать зашла в дом, а сын постоял-постоял и ушел. Шел он, шел и повстречался с юношей, который мизинцем играл огромным бревном.

— Вот это чудо! — удивился Чайтонг.

— Это пустяк, — ответил юноша. — Чудо то, что совершает сын медведя Чайтонг.

— Это я и есть, — сказал Чайтонг. — Будем друзьями.

И они отправились вдвоем. Шли, шли и повстречали еще одного человека — он сидел на земле и прислушивался к разговору муравьев.

— Вот это чудо! — удивился Чайтонг.

— Это пустяк, — ответил встречный. — Чудо то, что совершает сын медведя Чайтонг.

— Это я и есть, — сказал Чайтонг. — Будем друзьями.

Отправились они дальше. Шли, шли и увидели посреди леса избушку. Три друга остановились здесь отдохнуть. Оставили они в избушке юношу, который мизинцем подбрасывал бревна, попросили его приготовить к их возвращению еду, а сами отправились на охоту.

Юноша прибрал в комнате, приготовил обед и стал дожидаться своих друзей. В это время в избушку вошел ешап[19].

— Проходи в комнату, — пригласил юноша, — садись.

— Я и без твоего разрешения сяду, ублюдок, — сказал ешап и сел.

Юноша пригласил ешапа к столу и поставил перед ним мясо и халтамаш[20].

Ешаи все съел и приказал подать еще мяса и халтамаш. Юноша сказал, что с охоты должны прийти его друзья и он обещал приготовить им еду.

— Дай мне еще поесть! — прорычал ешап.

Юноша вновь отказался. Ешап вырвал из своей бороды волос, привязал им юношу к койке и, забрав всю еду, скрылся. Долго вырывался юноша, наконец освободился и лег спать. Друзья вернулись с охоты голодными и спрашивают:

— Приготовил ли ты что-нибудь поесть?

— Я был болен и не смог ничего сделать.

Недовольные охотники сами сварили себе ужин.

На следующий день дома остался человек, подслушивающий разговор муравьев, а друзья отправились на охоту.

Тот, кто подслушивал разговор муравьев, прибрал в комнате, приготовил обед и стал дожидаться друзей, В это время к избушке подошел ешап.

— Проходи в комнату, — пригласил тот, кто подслушивал разговор муравьев, — садись.

— Я и без твоего разрешения сяду, ублюдок, — сказал ешап и сел.

Тот, кто подслушивал разговор муравьев, поставил перед ним мясо и халтамаш. Ешап все съел и приказал дать еще, но тот сказал, что не даст, — с охоты должны возвратиться проголодавшиеся друзья.

— Дай мне еще поесть! — прорычал ешап.

И когда тот, кто подслушивал разговор муравьев, вновь отказался, ешап вырвал из бороды волос, привязал им его к койке и, забрав всю еду, скрылся.

Приложив немало усилий, тот, кто подслушивал разговор муравьев, наконец освободился и лег отдохнуть. Охотники вернулись домой и спрашивают:

— Приготовил ли ты что-нибудь поесть?

— Я был болен и не смог ничего сделать.

Недовольные охотники сварили себе ужин, поели и легли спать.

На третий день дома остался Чайтонг, а его друзья отправились на охоту. Чайтонг приготовил обед, прибрал в комнате и стал дожидаться друзей. В это время, как и в первые два раза, к избушке подошел ешап.

— Проходи в комнату, — пригласил Чайтонг, — садись.

— Я и без твоего разрешения сяду, ублюдок, — сказал ешап и сел.

— Отведай хлеба-соли, — сказал Чайтонг, едва сдерживая гнев.

— Я и без твоего разрешения съем все, что мне хочется, ублюдок, — продолжал издеваться ешап.

— Если я не позволю, ничего ты не съешь, — вскочил Чайтонг, схватил ешапа за усы и ими привязал его во дворе к столбу.

Долго бился ешап и, наконец, вырвав из земли столб и оставляя за собой кровавый след, бросился бежать. В это время пришли с охоты проголодавшиеся друзья и спросили:

— Приготовил ли ты что-нибудь поесть?

— Конечно, приготовил, — ответил Чайтонг, — а чем это вы болели?

Друзья не отвечали. Но вскоре они во всем признались Чайтонгу.

— Вот что, друзья, — сказал Чайтонг, рожденный от медведя, — давайте пойдем по следу ешапа!

Шли они, шли и увидели посреди дороги чугунную трубу. Кровавый след вел вверх по трубе, а затем по ее внутренней стороне опускался вниз.

— Кто спустится по этой трубе? — спросил Чайтонг.

Юноша, подбрасывавший мизинцем бревна, и человек, подслушивавший разговор муравьев, не решились спуститься вниз.

— Хорошо, тогда спущусь я, — сказал Чайтонг, рожденный от медведя. — Все, что там есть, я буду подавать вам, а потом вытащите и меня.

Чайтонг обвязал себя веревкой и спустился. Вошел он в первую комнату. В ней сидела старшая жена ешапа.

— Спрячься поскорее, — сказала она, — если ешап проснется, он убьет тебя!

Чайтонг махнул рукой и вошел во вторую комнату. В ней сидела вторая жена ешапа. И она сказала:

— Спрячься скорее, если ешап проснется, он убьет тебя!

Чайтонг махнул рукой и вошел в третью комнату. В ней сидела невиданной красоты девушка: на ее коленях лежала голова ешапа.

— Ой, не входи! — сказала она. — Если ешап проснется, он убьет тебя!

Ешап имел обыкновение спать подряд двенадцать дней и двенадцать ночей.

— Сбрось собачью голову со своих колен, — сказал Чайтонг.

Девушка не согласилась. Чайтонг повторил еще раз:

— Сбрось собачью голову со своих колен!

И девушка сбросила на пол голову ешапа. Ударился ешап головой о пол, проснулся и стал драться с Чайтонгом. Дрались они, дрались, да так долго, что от их пота появились лужи, а от пара — туман. Стал ешап одолевать Чайтонга, и тогда Чайтонг взмолился:

— Могучий боже! Пусть солнце и месяц станут между нами!

Солнце и месяц стали между ними, и они продолжали драться, да так сильно, что от их пота появились лужи, а от пара — туман. Тогда взмолился ешап:

— Пусть станут между нами солнце и луна!

— Вот тебе солнце и луна, — крикнул Чайтонг, рожденный от медведя, и ударом шашки снес голову ешапу.

После этого он поднял наверх старших жен ешапа, а когда стал поднимать третью девушку, они обменялись кольцами, и она сказала ему:

— Я не доверяю твоим друзьям. В конюшне ешапа стоят белый, красный и черный жеребцы. Если ты, не дотрагиваясь до красного и черного, коснешься белого жеребца, он поднимет тебя в тот мир, где нахожусь я.

Друзья Чайтонга подняли девушку, но не стали поднимать Чайтонга и вместе с женщинами убежали.

Вошел Чайтонг в конюшню и случайно коснулся черного жеребца; в тот же миг очутился он в самом нижнем мире. Там он увидел домик, из которого курился дым. В нем жила одна старушка. Он вошел в дом.

— Нани, есть ли у вас что-нибудь поесть? — спросил проголодавшийся Чайтонг, рожденный от медведя.

— Ничего нет, — ответила старушка, — я сейчас тебе приготовлю.

Налила она грязной воды и стала готовить еду.

— Что ты делаешь?

— Еду готовлю, — ответила старушка.

— Разве у вас нет чистой воды? — спросил Чайтонг.

— Клянусь, мальчик, нет, — ответила она. — У источника лежит сармак. Если ему не приведут девушку, он не дает воды.

— Дай-ка мне ведра, — сказал Чайтонг, — воду-то я нам принесу.

Десятью пальцами Чайтонг захватил десять ведер и отправился к источнику. Набрал полные ведра воды и пошел обратно.

— Сейчас я тебя отпускаю как гостя, но не вздумай больше приходить за водой, — сказал сармак.

Набежавшие коровы выпили всю воду у Чайтонга. Вновь набрал Чайтонг десять ведер воды.

— Не вздумай больше приходить, — сказал сармак, — и второй раз я тебя отпускаю как гостя.

Чайтонг раздал всю воду людям и в третий раз пошел за водой.

В это время он встретил всадника, который вез плачущую девушку, дочь падчаха, чтобы отдать ее на съедение сармаку. Отправились они втроем и подошли к источнику. Чайтонг, рожденный от медведя, подвел девушку ближе к сармаку. Сармак заскрежетал зубами так, что посыпались искры, еще ближе подвел Чайтонг девушку, и вновь сармак заскрежетал зубами и снова посыпались искры.

Когда в третий раз Чайтонг подвел девушку, сармак так сильно щелкнул зубами, что сломал себе челюсть. Чайтонг подошел к сармаку и большим пальцем вонзил в него кинжал, мизинцем подбросил его, потом вновь большим пальцем всадил кинжал в сармака и убил. При этом Чайтонг сказал:

— Пусть кинжал этот вытащит тот, кто его вонзил.

А всаднику он сказал:

— Расскажешь всем, что ты убил сармака, спас дочь падчаха и принес воды.

Родственники падчаха и все люди с большими почестями встретили всадника и спросили:

— Как тебе удалось спасти девушку?

— Я убил сармака, спас девушку и принес воды, — сказал всадник.

Двенадцать дней и двенадцать почел кормили и поили всадника, укладывали спать на пуховых постелях. У источника люди увидели сармака, пригвожденного кинжалом к земле. Никто — ни молодые, ни старые не могли вырвать этот кинжал.

— Вот из того дома, где курится дым, нужно бы пригласить юношу, — сказала одна девочка.

Пригласили Чайтонга и спросили:

— Попробуй, может быть, ты сможешь вытащить этот кинжал.

— Если вы не могли его вытащить, то как же я его вытащу? — сказал Чайтонг.

Подошли к сармаку. Чайтонг, рожденный от медведя, мизинцем руки подбросил кинжал, затем большим пальцем вновь вонзил и снова мизинцем вытащил. Тогда падчах сказал всаднику:

— Не ты спаситель моей дочери. Ее спаситель — Чайтонг, рожденный от медведя.

Пятнадцать дней и пятнадцать ночей кормили и поили Чайтонга, укладывали спать на пуховых постелях. Говорит падчах Чайтонгу:

— Одарю тебя всем, только оставайся с нами!

— Ничего мне не нужно. У меня одно желание — подняться в верхний мир.

— Я расскажу тебе, как выбраться туда, и дам еду на дорогу, — сказал падчах. — Есть одна орлица. Ее птенцов поедает сармак. Если ты спасешь ее птенцов от сармака, она поможет тебе выбраться в верхний мир.

Как только, орлица вылетела из гнезда, Чайтонг отправился к ее птенцам. Он подкараулил сармака, убил его и спас птенцов. Птенцы сказали ему:

— Скоро вернется наша мать. Она подумает, что ты сармак, и убьет тебя. Поэтому спрячься под нашими крыльями.

Как только Чайтонг спрятался, вернулась орлица. Она стала спрашивать:

— Как вам удалось спастись от сармака?

— Мы покажем тебе нашего спасителя, если ты не сделаешь ему ничего плохого.

— Я не сделаю ему ничего плохого.

Птенцы показали Чайтонга:

— Вот наш спаситель и убийца сармака!

От радости орлица обняла Чайтонга так, что переломала ему ребра, а затем лизнула языком, и они срослись. Чайтонг попросил орлицу:

— Подняла бы ты меня в верхний мир.

— Приготовь нам еду на двенадцать дней и двенадцать ночей: десять пудов мяса, десять пудов хлеба, десять ведер воды.

Падчах дал Чайтонгу все, что просила орлица. Чайтонг положил на спину орлицы еду, и они полетели.

— Как только я скажу «как» — бросишь мне мясо, скажу «вак» — бросишь мне хлеба, скажу «чак» — дашь воды, — сказала орлица.

В полете орлица сказала «как» — Чайтонг бросил ей мясо, «вак» — бросил хлеба,

произнесла «чак» — дал воды.

Еда кончилась. «Как», — снова сказала орлица. Чайтопг оторвал икру ноги и бросил ей. Произнесла она «вак» — бросил он икру второй ноги, произнесла «чак» — бросил мышцу руки. И еще раз сказала орлица «как».

— Пусть тебе «как» будет ядом, а «вак» — желчью!

— Что, кончилась еда? — просила орлица.

— Кончилась, — ответил Чайтонг.

— Зажмурь глаза и держись за меня крепче, — сказала орлица.

Только он закрыл глаза — они очутились в верхнем мире. Орлица выплюнула его икры и мышцы, приложила к телу, лизнула, и раны зажили.

В одном селе проходила свадьба. На этой свадьбе Чайтонг узнал ту девушку, которую поднял он в верхний мир. Подошел он к ней и показал кольцо.

Девушка бросилась к нему и заплакала от радости.

Бывшие друзья, узнав Чайтонга, убежали, а он женился на этой девушке и счастливо живет с нею до сих пор.

NB В книге эта сказка дается как вариант сказки № 8, что не имеет смысла, сюжеты их имеют мало общего. Я переставила этот кусок сюда, т. к. сюжет гораздо больше похож на Чайтонга. Возможно, при печати 3 перепутали с 8?

Ниже приводится вариант сказки о герое, испытавшем коварство друзей, попавшем в нижний мир и победившем сармака; известен во многих записях, некоторые из них приводятся в данном издании, в том числе и № 8.

Записал студент ЧИГУ Г. Оздоев в 1977 г. на ингушском языка от неизвестного лица, с. Джайрах ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Сильный кант

У отца и матери был сын непомерной силы. Он играл горами, колыхал моря, не давал покоя людям. Отец и мать не любили сына, так как он держал в страхе весь народ.

Однажды мать притворилась больной и сказала сыну:

— За семью горами живет ешап. Принеси мне с его огорода лоби.

Отправился кант исполнять просьбу матери. Пересек он семь гор и на огороде ешапа набрал полную сумку лоби. Потом избил ешапа, сел на него верхом и отправился домой.

Люди думали, что кант погиб. Когда увидели его верхом на ешапе, все перепугались.

— Вай, мусульмане, на помощь! Кант едет на ешапе! — И все бросились кто куда.

Стали просить его, чтобы он убрал ешапа. Кант дал ешапу пинка и прогнал вон.

Видит мать, что ешап ничего не сделал сыну, и говорит:

— За семью горами, за семью морями есть лес, охраняемый сармаком. Только на костре из дров того леса можно сварить это лоби.

Отравился кант за дровами. Через месяц вернулся он с дровами верхом на сармаке. Люди перепугались еще сильнее, стали просить его уйти вместе с сармаком из их края.

Повял кант, что люди его не любят, и пошел куда глаза глядят.

В дороге он встретил и подружился с двумя мужчинами. И стали они жить вместе. Однажды двое отправились на охоту, а младший остался дома чтобы к их приходу приготовить еду.

Младший приготовил еду и сидел в ожидании старших.

В это время к нему зашел карлик ростом в локоть и с бородой в два локтя.

— Дай мне поесть! — сказал он.

Младший дал гостю немного еды.

Рассердился гость, вырвал из бороды волос, связал им младшего, съел всю приготовленную еду и ушел. Приходят двое старших, спрашивают:

— Приготовил ли ты для нас еду?

— Приготовил было, да все мухи и слепни съели, — ответил младший.

На второй день оставили дома среднего, а двое других ушли на охоту.

Приготовил еду средний. Как и в первый день, пришел карлик с бородой, связал волосом из бороды среднего, все съел и ушел.

На третий день дома остался турпал-кант. Только он приготовил еду, как вошел карлик с бородой. Хотел он связать турпал-канта, как двух других, но тот ударил его шашкой и ранил. С трудом уполз карлик. Приходят двое с охоты, и кант говорит им:

— Теперь я знаю, кто съедал приготовленную вами пищу.

Решили друзья убить злого карлика и пошли по его следу. На краю земли увидели они отверстие. Взяли длинную веревку и решили туда спуститься.

Стал спускаться младший — испугался, дернул веревку, и его быстро вытащили. Стал спускаться средний — испугался, дернул веревку, и его быстро вытащили. Кант говорит:

— Сколько бы я ни дергал веревку — не поднимайте, а продолжайте опускать.

Опустился он на крышу одного дома и увидел спящего человека, который охранял трех красавиц. Кант отрубил ему голову и решил подняться с тремя сестрами в верхний мир. Сначала он стал поднимать девушек. Подняли друзья трех сестер, а когда поднимали канта — перерезали веревку, и он упал вниз.

Встретился он там с девушкой, которая сказала:

— На лугу пасутся три барана. Если схватишь за ногу белого барана, то окажешься в верхнем мире, черного — попадешь в нижний мир, а серого — останешься здесь.

Кант схватил за ногу черного барана и очутился в нижнем мире. Спрашивает он там у людей:

— Что это значит: здесь нет ни капли воды. Как вы живете?

Люди говорят:

— У источника залег сармак, и мы не можем освободиться от него.

Пришел кант к источнику и увидел сармака, одна челюсть которого упиралась в небо, а другая — в землю. Стал сармак обдавать канта огнем. Ударом шашки кант разрубил челюсть сармака, всадил в него шашку и ушел.

Каждый приписывал этот поступок себе.

— Хорошо, — сказал тогда кант, — пусть тот, кто убил сармака, вырвет всаженную в него шашку.

Но никто не мог даже шевельнуть шашкой. Тогда кант легким движением вырвал шашку и попросил, чтобы люди помогли ему подняться в верхний мир.

— На высокой чинаре сидит сокол, — сказали канту. — Он может поднять тебя в верхний мир.

Сказал сокол канту:

— За то, что ты убил сармака, я подниму тебя в верхний мир, а ты зарежь девять буйволиц, приготовь мяса, а в их шкуры набери воды. Скажу «цик» — напоишь водой, скажу «как» — дашь мяса.

Летели они, летели, и кончились у канта и мясо и вода. В последний раз сказал сокол «цик» — кант вырвал свой глаз и дал соколу, сказал сокол «как» — оторвал икру ноги и дал соколу.

— Вкусным был последний кусок мяса, — сказал сокол.

— Это икра моей ноги.

— Влезь в мой клюв.

Кант влез, а сокол выплюнул его живым и здоровым и принес в верхний мир.

Кант убил своих бывших друзей, — женился на девушке и стал жить сладко.

Гулги-булги [21] *им.*

Белый скот — нам!

4. Чудный мальчик, бросавший железный столб

Опубл.: Альм. «Утро гор». 1965. № 3, с, 52.
Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от Л. С. Мальсаговой, г. Грозный.

Отец посадил сына около гумна, чтобы он охранял пшеницу от птиц.

Сын уснул, а птицы тем временем склевали зерно.

— Почему ты позволил птицам клевать пшеницу? — спросил его отец, когда он проснулся.

— Я уснул и видел интересный сон, — ответил мальчик.

Отец попросил рассказать сон, но мальчик отказался. Не рассказал он сон и своей матери. Он убежал из дому и жил у реки, а питался травой.

К этой речке приходила за водой дочь князя.

— Я хочу задать тебе вопрос, — сказала дочь князя. — Если ответишь правильно, я дам тебе две лепешки.

Принесла она лепешки и спросила:

— Моему отцу князь-чужестранец прислал два ножа и спрашивает: «Какой нож принадлежит рабу, а какой князю? Если отгадаешь — я выдам за тебя свою дочь, если же не отгадаешь — отрублю голову». Не отгадаешь ли ты эту загадку?

— Эти два ножа надо положить в огонь, — сказал мальчик. — С ножа раба польется жир, а нож князя накалится[22].

С такими словами ножи отослали князю-чужестранцу, и мальчик оказался прав.

На второй день девушка вновь спросила у мальчика:

— Двух петухов прислал нам князь и велел отгадать, какой из них молодой, а какой — старый?

— Не кормите петухов два дня, затем дайте им пшеницы. Молодой будет клевать, повернувшись к ветру хвостом, а старый — став против ветра.

Ответ мальчика и на этот раз оказался верным. Опять пришла девушка к мальчику и задала вопрос:

— Два черепа прислал князь с условием отгадать, какой из них принадлежит женщине, а какой мужчине?

— Положите их на печную трубу, а собравшимся женщинам скажите: «Пойдемте оплакивать покойника». Тогда женский череп скатится с печки, а мужской останется на месте.

Наконец, князь-чужестранец прислал отцу девушки железный столб:

— Если сможешь бросить столб в мой двор — выдам за тебя дочь, а не сможешь — снесу тебе голову.

Собрал князь всех своих людей, но никто не смог забросить столб во двор князя, а про мальчика-то забыли.

Наконец пришла девушка к роке и попросила мальчика бросить железный столб.

— Столб я переброшу, — сказал мальчик, — если зарежете трехгодовалую телку и накормите меня мясом и бульоном.

Когда ему сварили мясо трехгодовалой телки, мальчик все съел и приготовился бросить железный столб.

— Ударить мне этим столбом в окраину шахара[23] или прямо в башню князя? — спросил мальчик.

— В башню не нужно, ударь в окраину шахара и разрушь его, — сказали мальчику.

Бросил мальчик железный столб и разрушил окраину шахара. Князь-чужестранец прислал

человека с известием:

— Можете приехать за своей невестой, я больше не буду вас испытывать.

Не было человека, который осмелился бы пойти за дочерью князя.

За ней пошел мальчик. Шел он, шел и увидел одного человека, который незаметно для голубей менял у них перья.

— Вот чудеса ты проделываешь! — сказал мальчик.

— Это не чудо! — ответил встретившийся. — Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

— Это я, — сказал мальчик. — Я иду за дочерью князя, пойдешь ли ты со мной?

— Пойду.

Шли они, шли и встретили еще одного человека, который втягивал море в рот и говорил:

— Меня мучает жажда.

— Вот чудо! — сказал мальчик.

— Это не чудо. — Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

— Это я, пойдешь ли ты вместе с нами?

— Пойду.

Отправились они дальше и встретили человека, который так быстро бегал, что гладил по спине мчавшуюся лань, хотя одна его нога была привязана к телу, а другая волочила мельничный жернов.

— Вот чудо!

— Это не чудо. — Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

И его они взяли с собой.

Отправились они дальше и встретили человека, который приложил ухо к земле и прислушивался к шороху муравьев, находившихся за семью горами.

— Вот чудо!

— Это не чудо. Вот мальчик, бросивший железный столб — чудо!

— Это я, пойдешь ли ты вместе с нами?

— Пойду.

И его они взяли с собой. Наконец, они встретили человека, который переносил села с мокрого места на сухое.

— Вот чудо!

— Это не чудо. Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

И его они взяли с собой.

Тогда мальчик сказал:

— Нам нужен ястреб для драки с петухом и волк для драки с собакой.

Поймала они волка и ястреба и подошли ко двору князя.

Их встретили люди князя:

— Если у вас нет петуха для петушиного боя, можете не входить.

Выпустили они ястреба, и он вырвал у княжеского петуха все перья.

— Если у вас нет собаки, чтобы стравить с нашей, можете не входить, — сказали тогда люди князя.

Друзья выпустили волка. Он схватил собаку за горло, и она испустила дух.

— Заходите, — сказали хозяева и усадили их в одной комнате.

В другой комнате им готовили еду.

— Послушай-ка, ты, чутко слышащий, — сказал мальчик.

Тот подслушал: им, гостям, приготовили пищу с ядом, а хозяевам без яда.

Мальчик попросил того, кто менял перья у голубей, переменить блюда так, чтобы им

досталась пища без яда, а хозяевам — с ядом.

Тот переменил блюда. Гости ели-пили, а люди князя умирали.

— Гости нас перехитрили, нужно обложить дом соломой и поджечь, — сказали хозяева.

— Выпусти море, — сказал мальчик путнику, который мог втянуть в рот море.

Тот выпустил море, и все чашки-ложки заиграли на поверхности воды.

— Перенеси село на сухое место, — сказал мальчик, тому, кто переносил села с мокрого места на сухое. Тот перенес село.

— Если у вас есть человек, чтобы побежать наперегонки с нашей ведьмой, тогда мы отдадим дочь князя, — сказали хозяева.

Тот, кто гладил по спине мчащуюся лань, опустил одну ногу, а с другой снял мельничный жернов. Ведьма и он бросились наперегонки за семь гор. На седьмой горе ведьма опоила его, и он уснул, а ведьма бросилась бежать обратно.

— Послушай-ка, всеслышащий, что с ними происходит? — спросил мальчик.

— Наш товарищ спит, у его изголовья лежит пустая бутылка ведьма же пересекла третью гору.

— Я хочу ударить железным столбом, — сказал рассердившийся мальчик. — Ударить по бутылке, чтобы разбудить его, или по голове, чтобы убить?

— Ударь по бутылке и разбуди его.

Ударил мальчик столбом по бутылке и разбудил уснувшего.

Быстро бегавший протер глаза кулаком, вскочил и увидел, что ведьма пересекает третью гору. Бросился он вслед за пей, нагнал ведьму, толкнул ее в спину, сбил и первым прибыл на место.

Взял мальчик дочь князя, а его товарищи разошлись по домам. По дороге он рассказал ей сон, который видел, и добавил:

— Отец сказал мне: «Расскажи». — «Пусть умрут все в доме моего отца, если расскажу», — ответил я. Мать сказала: «Расскажи». — «Пусть умрут все в доме моей матери, если расскажу», — ответил я. Все остальное я видел во сне.

Мальчик отдал девушку князю, а сам снова стал жить у реки. Прибывшая девушка рассказала все дочери князя. Князь вызвал мальчика и отдал за него свою дочь.

5. Тамаш-Таштамир[24]

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке со слов З. Дурова, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова,

Жил, говорят, Тамаш-Таштамир. Больше себя он любил свою жену. А жена больше себя любила своего любовника. У них была волшебная плеть.

Однажды жена ударила Тамаш-Таштамира этой плетью и сказала:

— Надоел, ты мне! Превратись в огромную сову и исчезни со двора![25]

В ту же минуту Тамаш-Таштамир превратился в огромную сову, взмахнул крыльями и улетел со двора. Долго это сова летала, летала и вернулась.

— Пропади ты пропадом! — вскрикнула жена и, ударив сову плеткой, сказала:

— Превратись в кобеля и исчезни со двора!

Тамаш-Таштамир превратился в огромного белого кобеля и убежал со двора. Шел кобель, шел и очутился у отары овец. Все собаки, сторожившие овец, бросились на него. Несколько собак он разорвал, а других — разогнал.

— Это добрый кобель, надо его оставить у нас, — решили пастухи и оставили кобеля у себя.

Как-то темной ночью к овцам подкрались волки. Воют волки, а кобель им говорит;

— Не подходите близко, добром я вас не отпущу.

— Тамаш-Таштамир, хоть ты и превратился в огромного белого кобеля, но мы тебя не боимся.

Только волки приблизились к овцам, как все собаки, жалобно скуля, разбежались. Белый кобель кинулся на волков; многих задушил, а остальных — разорвал.

Увидели это утром пастухи и стали доказывать, что с волками расправились их собаки. Тогда один пастух и говорит:

— В одного убитого волка надо выстрелить из ружья; тогда собака, убившая волка, бросится на него.

Выстрелили в одного волка. Все собаки разбежались, а белый кобель бросился к волку и разорвал его.

— Это добрый кобель, за ним надо хорошо ухаживать, — сказали пастухи, прирезали барана и его мясом накормили белого кобеля.

Больше волки не появлялись у отары овец. Однажды к отаре овец подъехал падчах со своей свитой. Белый кобель задержал всю свиту вместе с падчахом. Как ни старались падчах и его свита проехать, белый кобель не давал им тронуться с места. Падчах решил купить храброго кобеля у пастухов.

Пастухи долго не соглашались продать его. Только когда падчах дал им по два талса [26] золота и серебра, пастухи уступили, и падчах забрал белого кобеля.

Падчаху такой кобель был очень нужен. Каждую ночь гам [27] сосала кровь его сына, и падчах хотел, чтобы он поймал гам. Он велел слуге пустить кобеля в комнату сына и привязать его в углу.

А слуга этот был в сговоре с гам. Ночью она вошла в комнату. Бросился кобель на гам, но цепь была короткой, и он не смог ее достать. Испуганная гам мало крови выпила в ту ночь у сына падчаха и на рассвете исчезла.

Утром падчах вошел в комнату сына.

— Как провел ночь? — спросил он у сына.

— Сегодня мне было легче. Если бы этот кобель не был привязан, тогда было бы еще

лучше, — ответил сын.

Падчах прогнал слугу и снова пустил кобеля в комнату. Лег кобель так, будто он был привязан на цепи. В середине ночи вновь явилась гам.

— Можешь лаять сколько тебе угодно, а я займусь своим делом, — сказала она и принялась сосать кровь у юноши.

Кобель бросился на нее и схватил за горло.

— Не убивай меня, я сделаю тебе три добрых дела! — взмолилась гам. — Больше я не буду сосать кровь сына падчаха — это первое доброе дело, а два других сделаю позже.

И гам сказала, где и когда она выполнит обещание. Кобель отпустил гам.

— Как провел ночь? — спросил утром падчах у сына.

— Хорошо. Кобель так напугал гам, что больше она сюда не придет.

Падчах обрадовался, повесил на спину кобеля два талса — один с золотом, другой с серебром — и сказал:

— Пусть твоему хозяину это принесет счастье, — и отпустил кобеля.

Пришел кобель в назначенное время к гам. Она говорит:

— Ты — Тамаш-Таштамир. Твоя жена превратила тебя ударом плетки в кобеля. Я достану эту волшебную плеть, снова превращу тебя в Тамаш-Таштамира и отдам тебе эту плеть.

Нанялась гам к жене Тамаш-Таштамира в прислуги. Прошла некоторое время, и она нашла волшебную плеть, украла ее и принесла кобелю:

— Я украла плеть и вновь превращу тебя в Тамаш-Таштамира. Это мое второе доброе дело. Потом отдам тебе эту плеть. Вот мое третье доброе дело.

Ударила гам кобеля плеткой и сказала:

— Превратись в прежнего Тамаш-Таштамира!

И кобель превратился в Тамаш-Таштамира. Гам отдала ему волшебную плеть, и он с двумя талсами золота и серебра и с волшебной плетью отправился домой. Только он вошел в комнату, его жена бросилась за плетью, но не нашла ее на месте. Тамаш-Таштамир ударил плетью жену и ее любовника и сказал:

— Превратитесь в осла в ослицу, у которых не держится пища в желудке.

Жена и ее любовник превратились в осла и ослицу и стали пастись на краю села. Прожеванную пищу они не могли удержать в желудке и поэтому всегда паслись, не поднимая от земли морд.

Как-то проезжал мимо них падчах. Увидел он осла и ослицу и сказал:

— Вот диковина! Такой я еще не видел!

— Это не диковина! — вот пусть расскажет Тамаш-Таштамир о диковинных делах, — ответили осел и ослица.

Отправился падчах к Тамаш-Таштамиру. Тот обо всем рассказал ему. Удивленный падчах выдал за него свою дочь.

Теперь у Тамаш-Таштамира было много золота, серебра, жена — дочь падчаха, а для забавы он иногда гонял по полю осла и ослицу.

6. Мальчик с солнцем во лбу и месяцем между лопаток

Записал А. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от А. Ахриева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Жили-были отец, три дочери и мачеха. Мачеха невзлюбила падчериц. Она сказала, что, если отец не прогонит с глаз долой дочерей, она не будет жить в его доме.

Отец посадил дочерей на арбу и сказал им, что повезет их в лес за яблоками. В лесу он их оставил, а сам возвратился домой.

Ночью девушки взобрались на деревья, что стояли у дороги.

Но дороге ехал князь с шестьюдесятью всадниками.

— Люди вы или джинны? — просил князь у девушек.

— Мы не джинны, а люди, — ответили девушки.

— Что же делаете здесь?

— Нас бросил в лесу отец.

— Что ты можешь делать? — спросил князь у старшей дочери.

— Я на одну ночь могла бы сшить одежду для твоих шестидесяти эздиев[28].

— А ты что можешь делать? — спросил князь среднюю сестру.

— Из пшеницы, что уместится в медном наперстке, я могла бы приготовить еду и накормила бы шестьдесят эздиев.

— А ты что можешь делать? — спросил князь у младшей сестры.

— Я могу родить мальчика, у которого во лбу сияет солнце, а между лопаток — месяц.

Князь выдал старших сестер за двух своих эздиев, а младшую взял в жены.

Прибыли они в село князя.

Старшие сестры подослали к младшей гам проследить, родит ли она такого мальчика, как обещала. Гам принесла в рукаве щенят. Когда младшая сестра родила мальчика, гам вывела из ее комнаты женщин, подложила щенят и забрала мальчика, у которого во лбу сияло солнце, а между лопаток — месяц.

Она бросила мальчика овцам, чтобы они съели его.

Мальчик сосал молоко овцы, а на баране катался верхом и так рос.

Гам бросила его в табун лошадей. Он сосал у кобылиц молоко, а на жеребцах катался и еще больше вырос.

Тогда гам положила его в сундук и бросила в реку. Сундук поймала одна бездетная женщина и взяла мальчика к себе. Когда она ввела его в комнату, в комнате стало светло-светло.

Женщина вырастила мальчика. Он стал большим, стрелял в своих теток из рогатки[29] и не давал им покоя.

Тогда гам пошла на хитрость: она сказала князю, что один мальчик хвастает, будто он может привести красного жеребца, подобного тигру.

Князь велел доставить мальчика и приказал ему привести красного жеребца, подобного тигру:

— Говорят, ты хвастал, что можешь это сделать.

— Пусть у твоего лжеца язык отсохнет, — сказал мальчик, — но жеребца я приведу.

Князь дал ему лучшего коня и отправил в путь. Ехал мальчик, ехал, и конь говорит ему:

— Когда мы подъедем к красному жеребцу, подобному тигру, он начнет драться, поэтому

нужно смазать меня клеем и песком, чтобы от его ударов мне не было больно. Мы встретим жеребца, когда он сделает третий круг вокруг земли; от усталости хвост жеребца будет цепляться за его ноги. Мы начнем драться. Когда он упадет на передние ноги, ты должен оседлать его.

И вот они подъехали к жеребцу. Дважды пропустили жеребца мимо, а на третий раз кони подрались, и мальчик оседлал жеребца. Они тронулись в обратный путь.

Тогда красный жеребец, подобный тигру, сказал:

— По пути мы зайдем в одно место, где будет хежа[30]. Как только войдешь, попроси у нее воды в бездонной чаше. Она будет стараться принести тебе воды и сильно устанет. От усталости хежа перебросит свои груди через плечи, а ты приникни к ним. Если ты сделаешь это, она скажет, что ты ее сын и оставит тебя в живых[31]. Если не сделаешь — съест.

Как красный конь, подобный тигру, сказал, так мальчик и поступил: он приложился к груди хежи.

— Ах ты, сукин сын, теперь ты стал моим сыном, а я намеревалась тебя съесть, — сказала она с досадой.

Вернулся мальчик с красным жеребцом, подобным тигру, и отдал его князю.

Как и раньше, он стал стрелять в своих теток из рогатки.

Тогда гам сказала князю:

— Есть одна прекрасная девушка, и мальчик хвастает, будто может ее привести.

Как и прежде, князь позвал мальчика и приказал ему добыть прекрасную девушку:

— Говорят, ты хвастал, что можешь ее привести.

— Пусть у того язык отсохнет, кто сказал тебе это, но если велишь, я приведу эту девушку.

Мальчик поехал на жеребце, подобном тигру. Конь ему говорит:

— Кто подходит к этой девушке, тот превращается в камень.

Зашел он к пастухам переночевать. Пастухи сказали:

— Если ты обратишься к ней пять раз и девушка не выйдет, ты превратишься в камень. Многие наши ходили к ней, и их постигла та же участь, осталось нас очень мало.

Когда мальчик прибыл к тому месту, где жила девушка, он увидел каменные изваяния. Мальчик сказал девушке:

— Не делай греха мне и людям!

Он до колен превратился в камень.

— Пожалуйста, не делай греха, — попросил еще раз мальчик. Он окаменел до пояса, а его конь — до стремян.

Когда он в третий раз попросил ее, девушка сказала:

— Если твой конь плохой, не увози меня, так как все камни превратятся в людей и бросятся за нами.

— Конь мой не подведет, садись на его круп, — сказал мальчик и, усадив ее, пустил коня вскачь. Все камни превратились в людей и бросились за ними. Когда они ехали рысью, люди скакали галопом. На ходу мальчик крикнул пастухам, у которых ночевал:

— Ваши люди-камни идут домой, задержите их.

Они их остановили. Мальчик вернулся домой и отдал девушку князю.

По дороге мальчик поведал девушке о себе.

Девушка рассказала князю, что мальчик — его сын.

Мать мальчика жила в курятнике и грудью кормила щенят — она думала, что это ее дети. Князь взял ее к себе в дом, а девушку сделал женой сына; двух его теток и гам привязали к хвосту красного жеребца, подобного тигру, и пустили по полю.

А сами стали жить счастливо.

7. Храбрый Пахтат

Опубл.: ИФ, т. II, с. 237.
Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ф. Ханиевой, г. Грозный.

Жили старик и старуха. Они были очень богаты. В горах их табуны лошадей пас один пастух. Второй пастух пас на равнине стада коров. Всего у них было в достатке, но не было у них детей. На старости лет они и мечтать перестали о ребенке. Однажды пришел пастух, который пас коров, и говорит:

— Стада коров сильно расплодились, и нет места их пасти. Не знаю, что и делать.

Старик вместе с пастухом отправился к стадам.

В это время к нему подошла стельная корова.

«Вот теперь и эта отелится, и ее теленку нужно будет место», — думал старик про себя.

А корова принесла не теленка, а мальчика[32]. Старик, удивленный и обрадованный, разорвал свою шелковую черкеску, завернул в нее мальчика и, забыв о пастбищах для коров, бегом бросился домой.

Старики обрадовались ребенку и назвали его Махтат, рожденный коровой. Мальчик сосал вымя коров, садился верхом на жеребят и быстро подрастал. Через семь месяцев он стал как пятнадцатилетний юноша.

Старику не давали покоя три брата-вампала[33]. Один из них украл мальчика, игравшего в поле. Опечаленные сидели старик и старуха. В это время пришел с гор пастух, который пас табуны лошадей.

— Сильно расплодились твои лошади — им по хватает пастбищ. Я не знаю, что с ними делать, — сказал пастух.

Отправился старик вместе с пастухом в горы. Табуны его увеличились в три раза. Он не знал, что с ними делать. В это время к нему подошла жеребая кобыла.

«И жеребенку, принесенному тобой, понадобится место», — подумал старик.

В это время кобыла родила мальчика с солнцем и месяцем между ребрами.

Обрадованный старик завернул мальчика в красную шелковую черкеску и прибежал с ним домой. Его покормили три раза, и он стал как семилетний мальчик. Старики гордились своим сыном. С каждым днем он становился сильнее, донимал сельских детей растирал их альчики[34] в порошок. Исполнилось ему пятнадцать лет, и назвали его Пахтат, рожденный кобылой. Ребята, которым он не давал покоя, сказали ему однажды:

— Чем спорить с нами, лучше бы ты отомстил вампалу, который украл твоего брата. Покажи свое мужество перед вампалом, а не перед нами.

Разгневанный Пахтат спросил у матери и отца:

— Скажите, что за брат был у меня? Кто его украл? Я не позволю людям смеяться над собой!

Старики боялись, что лишатся сына, и поэтому ничего не говорили ему.

— Лучше скажите! Я не позволю оскорблять себя.

Делать нечего, и старики рассказали, что рожденного коровой Махтата украл вампал. И посоветовал отец, как нужно поступить:

— Если ты поднимешь во дворе нашего дома большой синий камень, то заметишь дверь в подземелье, открой ее и увидишь другую дверь. Всего их — девять. Откроешь замки всех дверей — увидишь коня, на которого садятся лишь раз в год. Если щелчком по лбу ты осадишь коня, то сможешь оседлать его и повелевать им.

Рожденный кобылой Пахтат отодвинул большой камень и начал срывать замки с дверей.

Сорвал один, два, три, четыре, пять. Стал срывать шестой и услышал шум. Сорвал седьмой — услышал громкие крики. Сорвал восьмой — земля ходуном ходила. Сорвал девятый — на него бросился подобный тигру жеребец, у которого во лбу звезда, из глаз исходит сияние, из ноздрей вылетают искры. Он хотел растоптать Пахтата. Дал Пахтат щелчок в лоб по звездочке и осадил коня на задние ноги. А когда конь хотел вырваться, Пахтат проговорил:

— Поднимайся в небо и опускайся на землю. Теперь тобой будет повелевать сын, не имеющий отца.

Конь перестал сопротивляться. Вывел Пахтат коня, стоявшего по пояс в навозе, на солнечный свет, искупал, накормил и оседлал. Отец снова не хотел отпускать сына. Он плотно закрыл двери своего фарфорового двора[35] и сказал:

— Если ты разрушишь стены и ворота двора, ты сможешь повелевать этим конем. Тогда отправляйся в путь-дорогу.

Пустел сын коня вскачь и вдребезги разбил фарфоровые стены и ворота.

— С миром оставайтесь, не переживайте. Останусь жив, вернусь с братом, — попрощался Пахтат с матерью и отцом и ускакал.

Его конь встречные горы перескакивал, густые леса проходил, текущие реки вспять обращал.

Через день Пахтат встретил одного всадника. От пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара, бьющего из ноздрей, стлался туман, — таким страшным был встречный всадник, во лбу которого сияло солнце.

— Ассалам-алейкум! — обратился к нему Пахтат, рожденный кобылой.

— Ва алейкум-салам![36] Извини, что не могу останавливаться больше чем на приветствие[37]. Я прослышал, что со своего двора сегодня выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу завязать с ним дружбу и боюсь разминуться с ним, — сказал всадник с солнцем во лбу и пустил коня вскачь.

— Рожденный кобылой Пахтат — это я. И мне хочется дружить о тобой.

Повернул коня всадник с солнцем во лбу.

— Я сын Солнца. С этой минуты мы — верные друзья. Куда путь держишь?

— Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Я слышал, что он в пастухах у него. Я хочу убить этого вампала и вернуть брата.

— Ты не сможешь вернуть брата. Одолеть этого вампала никто не может. Не ездил бы ты.

— Лишь бы мне добраться до него, а там будь что будет. Я не оставлю брата в беде.

— Ну, тогда поезжай, — сказал сын Солнца. — А если тебе понадобится моя помощь, как я об этом узнаю?

Рожденный кобылой Пахтат протянул ему пулю.

— Когда из этой пули ударит струя крови[38], знай, что мне нужна твоя помощь, — сказал он сыну Солнца.

Попрощались они, сын Солнца взял пулю и уехал.

На второй день Пахтат встретил всадника с полумесяцем во лбу. От него исходило сияние, летели искры, от пота, стекавшего с его копя, разливались озера, от пара из ноздрей коня стлался туман.

— Ассалам-алейкум! — сказал Пахтат. — Куда путь держишь?

— Ва алейкум-салам! Извини, что не могу задерживаться для расспросов. Я прослышал, что со своего двора выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу подружиться с ним и поэтому спешу, — сказал всадник с полумесяцем во лбу и ускакал.

— Пахтат, рожденный кобылой, которого ты ищешь, — я. Я согласен быть твоим другом.

Услыхав эти слова, всадник с месяцем во лбу вернулся и сказал:

— Я сын Месяца. Мы теперь верные друзья. Куда путь держишь?

— Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Он теперь в пастухах у него. Хочу убить вампала и выручить брата.

— Никто не смог еще одолеть вампала, не спасти тебе брата. Ты можешь лишиться жизни, лучше не езди.

— Нет, я непременно верну брата. Каким бы вампал ни был, но я не успокоюсь, пока не убью его.

— Делать нечего, поезжай, — сказал сын Месяца, — но как я узнаю, когда тебе будет нужна моя помощь?

Протянул ему Пахтат пулю:

— Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что я нуждаюсь в твоей помощи.

Попрощались они, сын Месяца взял пулю и ускакал.

На третий день рожденный кобылой Пахтат встретил всадника со звездами во лбу. Из глаз его коня сыпались искры, тонкие ноги по колена уходили в землю, от пота его возникали моря, от пара из ноздрей — облака.

— Ассалам-алейкум! — приветствовал его Пахтат.

— Ва алейкум-салам! Извини, молодой человек, я не могу останавливаться. Прослышал я, что рожденный кобылой Пахтат выехал из своего дома. Хочу встретиться с ним и подружиться.

— Пахтат, рожденный кобылой, которого ты ищешь, — я. Я готов подружиться с тобой.

Всадник повернул коня и говорит:

— Я сын Звезды. Будем верными друзьями и молочными братьями. Куда путь держишь?

— Враг моего отца, вампал, украл моего брата, который теперь в пастухах у него. Хочу убить вампала и вернуть брата.

— Нежелательно это. Трудно будет с ним сражаться, но если решил — поезжай, — сказал сын Звезды. — А если понадобится моя помощь, как я узнаю об этом?

Протянул Пахтат пулю;

— Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что я нуждаюсь в твоей помощи.

Сын Звезды взял пулю, попрощался и уехал.

Ехал-ехал Пахтат, рожденный кобылой, и очутился на развилке девяти дорог. В этом месте сидел Бийдолг-Бяре[39] величиной с локоть. Вокруг него лежали листочки. Бийдолг-Бяре предсказывал всем судьбы со дня их рождения.

— Что ты сидишь, Бийдолг-Бяре? — подъехал к нему Пахтат.

— Я предсказываю судьбу женщинам и мужчинам со дня их рождения, — ответил он.

— Да лишишься ты отца своего, Бийдолг-Бяре, если не укажешь мне самую опасную из девяти дорог.

— Ненужное дело ты затеял. Я не могу лишиться своего отца. Вот тебе самая опасная дорога, — указал Бийдолг-Бяре на одну из девяти дорог. — Никто туда не отправлялся, а кто и направился, — не возвращался. Не одолеешь ты этого вампала. Видишь — вдали три холма. Их возвел вампал из человеческих тел. По его земле человек не проходил, и по небу птица не пролетала. Это — брат вампала, который украл Махтата.

Отправился Пахтат по дороге, по которой никто не ходил, а кто отправлялся по ней, никогда не возвращался.

Навстречу ему шел вампал, на плечах он держал булаву весом в шестьсот тридцать пудов. Он поднимался в небо и опускался на землю, горя желанием убить всадника, ступившего на его землю. От его крика земля дрожала:

— Как ты очутился в моем краю? Здесь даже птица не пролетала и волк не пробегал. Или тебе жить надоело?

— У тебя, вампал, в сердце злоба кипит, что я ступил на твою землю, где птица не пролетает и зверь не пробегает. Сразимся врукопашную или будем стреляться из луков?

— Я дерусь только врукопашную, — ответил вампал.

Сошлись они и стали драться врукопашную.

— Если победителем стану я, то божье золотое солнце — на моей стороне[40], — сказал вампал.

— Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, то божье золотое солнце — на моей стороне, — сказал Пахтат, рожденный кобылой, схватил вампала и по пояс всадил его в землю.

С трудом вылез из земли вампал и снова бросился драться.

— Если победителем стану я, то божье золотое солнце — на моей стороне, — сказал вампал.

— Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, божье золотое солнце — на моей стороне, — сказал Пахтат, рожденный кобылой, и, подбросив его до небес, по горло всадил в землю.

Вампал не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и остался торчать в земле.

Ударом шашки Пахтат снес вампалу голову и сделал из него холм. Вытащил тело из земли, разрубил его подолам и сделал еще два холма. Три черных холма установил Пахтат, рожденный кобылой. И на этой земле стало шесть холмов. Беспрепятственно поехал он по земле вампала.

Видит он башню вампала и его хозяйство. В этой башне жила привезенная три года назад самая красивая девушка на свете по имени Тани Гук. Три года уговаривал ее вампал стать его женой. Эти три холма вампал сделал из тел тех, кто хотел освободить ее. Пахтат, рожденный кобылой, увидел Тани Гук, сидевшую у окна. И девушка его увидела. Пахтат помахал плеткой и попросил ее спуститься вниз. Тани Гук с первого взгляда полюбила молодого человека.

— Да поможет тебе бог в твоих несчастьях! Напрасно ты сюда приехал. Убегай быстрее: сейчас явится вампал, голова у него величиной с медный котел. Он убивает всех, кто приходит сюда.

— Ты не бойся, девушка что краше солнца. Посмотри на землю вампала. Что ты видишь?

— Я вижу шесть холмов вместо трех. Еще три холма появилось. Я не могу больше терпеть, чтобы из-за меня убивали людей. Лучше умереть. — И она хотела броситься с башни.

— Не губи своей жизни, не спеши. Эти три холма я воздвиг из тела вампала, — сказал Пахтат.

Обрадованная Тани Гук сбежала с башни и угостила Пахтата, рожденного кобылой, ласковыми речами и обильной едой.

— Если ты хочешь, я стану твоей женой, — сказала Тани Гук.

Стали они мужем и женой. И жили в башне вампала из золота, серебра и жемчуга. Пахтат каждый день ходил на охоту.

Вампалов было три брата. Младшего убил Пахтат. Второй — тот, кто украл Махтата. Старший брат хотел отобрать у младшего Тани Гук. Дошел до него слух, что младший брат убит, а Тани Гук живет с Пахтатом. Он знал, что ему не одолеть того, кто победил брата-вампала, и он обратился к гамсельг[41]. Второй брат-вампал сказал гамсельг:

— Ты будешь обеспечена на всю жизнь, на пуховых постелях будешь спать, в шелках ходить, есть будешь только сладкое и жирное, если исполнишь мою просьбу[42]. Ты должна убить Пахтата и привести Тани Гук.

Гамсельг согласилась. Когда Пахтат ушел на охоту, она в нищенских одеждах под видом дряхлой старушки пришла к Тани Гук. Из жалости Тани Гук приняла ее, напоила и накормила.

— Женщина без дочери — сирота. Мать без дочери — тем более сирота. Мы будем жить, как

мать и дочь. Пусть Пахтат не ходит на охоту в незнакомые места. Его могут убить. Пусть все время будет дома, — уговаривала старуха Тани Гук.

С убитым оленем возвратился домой Пахтат. В этот день, как ей советовала старуха, Тани Гук сказала мужу:

— Плох этот край, тебя в нем не знают, и тебе эти места незнакомы, не ходил бы ты на охоту. Тебя легко могут убить.

— Меня не так-то легко убить, потому что душа моя живет не в моем теле.

— Где же живет твоя душа?

— Моя душа в том столбе, что стоит во дворе, — нарочно сказал Пахтат жене и снова отправился на охоту.

Обо всем рассказала Тани Гук гамсельг. Гамсельг знала, что в столбе нет души Пахтата. Почистила она столб и так смазала его маслом, что он стал блестеть.

Когда Пахтат возвратился, он все это увидел. Улыбнулся и нарочно сказал, что его душа в ножке стула.

На следующий день Пахтат снова отправился на охоту. Доверчивая Тани Гук рассказала все гамсельг. Как и столб, почистила гамсельг ножку стула и так смазала маслом, что ножка стула заблестела.

Возвратился Пахтат, увидел сверкающую ножку стула, поверил жене и, чтобы больше не беспокоить ее, рассказал всю правду:

— Под моей черепной коробкой находится коробочка. В этой коробочке три птенчика. Только убив их, можно лишить меня жизни.

И об этом рассказала Тани Гук гамсельг.

— Ты должна охранять его, дорожить им, — сказала гамсельг.

Ложится Пахтат спать и просыпается на вторые сутки. В середине ночи гамсельг вошла к нему в комнату, приподняла черепную коробку, вынула оттуда коробочку с тремя птенчиками и бросила ее в море.

Тут и скончался Пахтат.

Делать было нечего. Тани Гук постелила под него мягкую постель, накрыла буркой и надела на его палец свое кольцо. Гамсельг позвала слуг и насильно отправила Тани Гук ко второму вампалу.

Как только рожденный кобылой Пахтат умер, у его друзей, связанных с ним клятвой, из трех пуль ударили струи крови. Бросились на помощь другу сын Солнца, сын Месяца и сын Звезды. Два с половиной года искали они Пахтата и наконец нашли. Он был накрыт буркой, а на пальце его было кольцо. Стали они оказывать ему помощь, но ничего не помогало. Стали искать лекарство. Сын Солнца искал его везде, где светит солнце, сын Месяца — где светит месяц, сын Звезды — между звезд и среди рыб в воде. Среди звезд не было снадобья и в воде его не было. И рыбы не могли найти снадобья для оживления Пахтата. Наконец сын Звезды увидел на берегу моря пузатую рыбешку, которая все время пряталась. Всех звезд и рыб призвал он на помощь и на дне моря поймал эту рыбешку. Разрезали ее и внутри нашли коробочку. Вскрыли коробочку и увидели двух мертвых птенчиков и одного живого. Выбросили они мертвых и, закрыв коробочку с живым птенчиком, вложили ее снова в черепную коробку Пахтата. Глубоко вздохнул Пахтат:

— Уфф, как долго я спал, — сказал он и приподнялся.

— Да, ты спал все три года и никогда не проснулся бы.

— Что случилось? Расскажите, — попросил Пахтат.

Обо всем рассказали ему друзья — о подлости гамсельг и о том, что его жена находится у вампала.

— Так ли это?

— Да, так. В пятницу будет свадьба и обильное угощение. Когда вампал увел Тани Гук, он хотел сделать ее своей женой. Но твоя жена сказала: «Я стану твоей женой лишь после трех лет траура по любимому мужу». В эту пятницу истекает три года ее траура.

— Друзья, мы должны туда поехать. Этот вампал дважды мой враг. Он украл моего брата Махтата, рожденного коровой, и мою жену. Я отомщу ему за все!

Поехали они и по дороге встретили человека, пасшего пятьсот овец. Он был бледен и худ. Приближаясь к овцам, он плакал, а подходя к суме, смеялся[43]. Подозвали они его и спрашивают:

— Кто ты? Почему плачешь, приближаясь к овцам? И почему смеешься, подходя к суме?

— Я — Махтат, рожденный коровой, достойный сын своего отца. Меня украл вампал, и я пасу его овец. Моего брата Пахтата, которого я не видел, убил вампал, забрал его жену и хочет на ней жениться. Завтра будут варить мясо в шестидесяти трех котлах, а накипью с бульона будут брызгать в меня. Помня об этом я плачу. Но завтра же с полной сумой мяса я пойду пасти овец. Вспомнив об атом, я смеюсь.

— Бедный мой братишка, как трудно тебе приходилось! Не беспокойся, мы отомстим за тебя. Я — Пахтат, рожденный кобылой, — твой брат.

Бросились братья в объятия, поговорили обо всем.

— Брат, надо торопиться, — сказал Махтат.

— Что случилось?

— Срок, назначенный вампалом, истекает завтра. Чтобы не стать женой вампала, Тани Гук покончит с собой.

— Этого нельзя допустить! — И Пахтат отдал кольцо, оставленное женой. — Незаметно отдай ей это кольцо, и не надо ничего говорить. Если тебя обрызгают накипью бульона, ты должен стерпеть. За все отомстим сполна.

Отправился Махтат выполнять поручение брата. Идет он по двору, пастухи и слуги брызгают в него накипью бульона из шестидесяти трех котлов.

Ничего не сказал им Махтат и незаметно отдал кольцо Тани Гук. Она сразу поняла, что ее муж жив. Сбросила с себя траур и пустилась в пляс. И комнаты засверкали от ее красоты.

Об этом узнали вампал и гамсельг. Они обрадовались, ведь три года не могли заставить Тани Гук снять траур и произнести хоть одно слово.

Выполнив поручение, Махтат вернулся к брату и его друзьям. Они переночевали в ноле, и-на второй день отправились на свадьбу, где множество людей пили, ели и веселились. Говорит Пахтат, рожденный кобылой:

— Покажи, братец, где твои и мои враги.

— Вот они, — указал Махтат, рожденный коровой, на окно.

Взглянули друзья и видят — сидит у окна грязный вамнал, а рядом с ним восседает на мягких шелковых постелях, вся в золоте и серебре гамсельг.

— Кого убьем из них первым, кого вторым? — спросил Пахтат.

— Лучше сначала убить гамсельг, — сказал Махтат.

Натянул Пахтат лук, который не смогли бы натянуть и шестьдесят человек, пустил стрелу и сбил с места гамсельг, словно птичку. Затем пустил стрелу в вампала и вышиб ему мозги. Люди разбежались, свадьба не состоялась.

Пахтат забрал всех коров, отары овец, богатство двух вампалов и со своей женой, братом и верными друзьями отправился домой. В каждом селе они устраивали веселье.

Приехал он к дому отца. В высоких башнях отца птицы свили гнезда, весь двор зарос бурьяном, по двору ходили дикие собаки. Из курятника доносились жалобные стоны.

Заглянул Пахтат в курятник и увидел мать и отца, ослепших от пролитых слез.

— Что вы сидите? Выходите, ваши сыновья Пахтат и Махтат вернулись домой.

— Убирайся, не терзай наши души, наших детей убили грязные вампалы, а старший вампал разрушил наше хозяйство. Мир велик, уходи, оставь нас!

Жители села подтвердили, что перед ними их сыновья. А те рассказали, что убили двух вампалов.

— Я поверю вам, если будет убит старшин вампал, — сказал отец.

Убили и старшего вампала и привезли его голову на арбе, запряженной шестью быками. Только прикоснулись мать с отцом к голове убитого вампала — тут же прозрели.

Устроили они пир для всего села. Друзья Пахтата возвратились на небо, а сам он остался с Тани Гук.

Пусть у того, кто распустит о них сплетни, язык отсохнет, у доносчика пусть душа оборвется!

Пусть недостойный не родится, а если и родится, пусть умрет!

8. Овдилг

Опубл.: ИФ, т. II, с. 84.

Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г, на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

Текст данной сказки — яркий пример современной записи сказочного сюжета: контаминация ряда сюжетов, нарочитость и искусственность.

Жил-был один старик. У него было три сына. Когда сыновья подросли, старик тяжело заболел. Умирая, он завещал сыновьям:

— За три дня до болезни я видел во сне большое диво. Боюсь, что после смерти оно будет меня беспокоить. Поэтому прошу вас первые три ночи сторожить мою могилу.

Дав сыновьям наказ, старик умер. Сыновья устроили большой тязет[44] и похоронили отца.

В первую ночь жребий идти сторожить могилу отца выпал старшему. Старший струсил и ласково попросил младшего брата:

— Пойди, пожалуйста, вместо меня, а я пойду вместо тебя.

Самого младшего братья и все люди прозвали Овдилг[45].

Овдилг подумал: «Какая разница, в какой день идти, один раз все равно надо, а сейчас сделаю брату доброе дело. Что будет, то будет».

Вечером младший сын пришел на могилу отца. Посреди ночи прибежал красный жеребец, подобный барсу, — только земля дрожит, из глаз синие искры сыплются, дым столбом валит. Прыгнул конь на могилу отца и копытами начал разгребать землю. Вцепился Овдилг в коня и только успел сесть на него, как конь поднял его до семи небес и опустил вниз под седьмую землю. Заговорил тогда конь человеческим языком:

— Сын суки, сын мухи, слезай с меня!

— Я не сын суки, не сын мухи, а с сегодняшнего дня твой хозяин, — промолвил Овдилг.

Коню ничего не оставалось делать, как признать Овдилга хозяином.

— Вырви из моей гривы волос и, когда я понадоблюсь тебе, сожги его — я приду к тебе на помощь, — проговорил красный конь и исчез.

Овдилг спрятал конский волос в карман, а рано утром пришел домой. Старший брат стал расспрашивать:

— Как ты провел ночь? Что видел?

— Кроме волчьей ночи[46], ничего не было, — ответил Овдилг.

— А где волк? Что за волк? — испугался и хотел бежать старший брат.

— Я говорю, что ночь была холодная и темная, — ответил Овдилг, успокаивая его.

На второй день средний сын должен был идти сторожить могилу отца.

— Эй, Овдилг, пойди вместо меня, а я хочу пойти на базар в соседнее село. Пойди, пожалуйста, а за это я привезу тебе кукурузной муки.

— Хорошо, я пойду сторожить вместо тебя, — сказал младший брат, а про себя подумал: «Все-таки он старше меня. Может быть, и на этот раз появится на могиле отца какое-нибудь диво».

Как и в первую ночь, прибежал белый конь, подобный барсу, — только земля дрожит, ив глаз синие искры сыплются, из ноздрей дым столбом. Вцепился и на этот раз Овдилг в коня. И только успел сесть на него, как конь стал то поднимать его в небеса, то опускать к земле, то мчать по морям. Заговорил конь человеческим языком:

— Сын суки, сын мухи, слезай с меня!

— Я буду сыном суки и сыном мухи, если отпущу тебя. Ты пригодишься мне.

— Делать нечего, я должен подчиниться храброму канту[47], который одолел меня. Вырви из моей гривы волос. Как только сожжешь его, я сейчас же предстану перед тобой, — проговорил белый конь, подобный барсу, и исчез.

Овдилг спрятал конский волос в карман и пришел утром домой.

— Как ты провел ночь? Что видел? — спросил средний сын.

— Кроме волчьей ночи, ничего не было, — ответил Овдилг.

— Что за волк? Где он? — закричал средний брат и бросился бежать.

— Ай, я говорю, что ночь была холодная и темная, но я-то знаю, ты сильнее волка.

На третий день младший брат должен был сам караулить могилу отца. Ни старший, ни средний не хотели идти вместо него и лишь посмеивались над ним:

— Сегодня ты должен идти сам за себя!

«Вы смейтесь, смейтесь, но будет дело, если мне снова попадется конь», — думал про себя Овдилг.

В третью ночь светила луна и небо было звездное. Внезапно прибежал черный конь, подобный барсу, — только земля дрожит, из очей синие искры сыплются, из ноздрей дым столбом. И стал конь копытами разгребать землю. В третий раз вцепился Овдилг в коня. Только успел одной рукой ухватиться за его гриву, а второй обвязать себя хвостом, как конь поднял его выше солнца, носил его целый день и ночь по морям и горам. Пот скакуна превращался в море, и ему ничего не оставалось, как остановиться:

— Сын суки, сын мухи, а ну слезай с меня!

— Я буду сыном суки и сыном мухи, если слезу с тебя! Ты мне еще пригодишься, — сказал Овдилг.

— Мне ничего не остается делать, лишь только сослужить тебе службу. Вырви из моей гривы волос. Если я понадоблюсь тебе, сожги его, и в ту же минуту я буду рядом с тобой, — проговорил конь и исчез.

Овдилг спрятал конский волос в карман и рано утром пришел домой.

Недалеко от братьев жил князь. У него было шесть дочерей. А три сестры были незамужние. Среди них самой красивой была младшая, Харсен Нарс — с золотой головой и серебряными руками.

Созвал князь людей и говорит:

— Выросли мои дочери, и пришло время выдать их замуж. Построил я для них башни с тройными оградами. Вершины этих башен достигают облаков, а основания упираются в землю. Кто на коне допрыгнет до дочерей, за того и выдам их замуж.

У старших братьев коней не было — только два быка. Сели они на быков и отправились в путь. Младший брат стал их умолять:

— Долгой жизни вам, братья! Взяли бы меня с собой, коли не добьюсь дочери князя, то хоть на людей посмотрю.

— Пошел вон, плешивый! Лучше в золе возись, на большее ты не способен, — сказали братья и тронулись в путь.

«Хорошо, тогда докажу вам, какой я дурак!» — решил Овдилг, достал из кармана волос красного коня, подобного барсу, и поджег его.

Не успел Овдилг и глазом моргнуть, как конь предстал перед нем; на его спине были одежды для всадника. Овдилг сбросил с себя лохмотья, оделся в одежды из красного шелка и отправился следом за братьями, чтобы добыть себе невесту. В пути он догнал братьев.

— Ассалам-алейкум, всадники на быках! Далеко путь держите? — спросил Овдилг.

— Ва алейкум-салам, всадник на коне! Едем мы во двор князя добыть себе в жены его

дочерей, — ответили старшие братья, не узнавшие Овдилга.

У князя во дворе собралось много людей. Здесь были известные во всем крае храбрецы и все, кто хотел добиться руки дочери князя. Старшая дочь сидела у окна башни. Никто не мог допрыгнуть на коне до нее. Тогда Овдилг пришпорил коня, разрушил тройные фарфоровые ограждения и подскакал к башне, в которой сидела дочь князя. Вершина башни упиралась в облака, а основание — в землю.

Допрыгнул он на коне до окна башни и воскликнул:

— Пусть я буду счастлив с тобой, а ты — со мной!

Усадил он девушку впереди себя и поскакал домой. Никто не мог заметить, в каком направлении он скрылся. Дома Овдилг отпустил коня, а девушку спрятал в кадушку, стоявшую за дверью. Сам же принялся возиться в золе.

Старшие братья вернулись расстроенные.

— Что случилось, братья? Чем вы так опечалены? — спросил Овдилг.

— Во двор князя прискакал всадник на красном скакуне, красивый, как картинка. Он и увез старшую дочь князя, — рассказали братья.

Овдилг поднялся из золы и спросил братьев:

— Скажите, ради бога, не был ли он хоть немного похож на меня?

— Перестань, дурень! Куда тебе до него? Ты хоть понимаешь, что говоришь?! Лучше продолжай возиться в золе, — ответили братья.

На второй день Овдилг опять стал просить братьев взять его с собой. Братья и слушать не стали, а лишь обругали его. Сами же сели на быков и поехали во двор князя.

Овдилг вытащил из кармана волос коня, подобного белому барсу, и сжег его. Не успел Овдилг и глазом моргнуть, как конь, подобный белому барсу, предстал перед ним; на его спине были одежды для всадника. Овдилг оделся в белые шелковые одежды и отправился во двор князя. Догоняет он братьев и говорит:

— Ассалам-алейкум, всадники на быках! Далеко ли путь держите?

— Ва алейкум-салам, всадник на коне! Едем мы во двор князя добиться руки одной из его дочерей. А ты куда путь держишь?

— И я по тому же делу, — промолвил Овдилг, пришпорил коня, поднял облако пыли и, обдав ею братьев, поскакал вперед.

Братья так и остались стоять с разинутыми ртами.

— Да, далеко нам до него. Вряд ли и на этот раз вам добиться дочери князя, — ворчали они.

Вторая дочь князя сидела у окна высокой башни. Народу во дворе было видимо-невидимо. Никто из присутствующих не мог допрыгнуть до окна дочери князя.

Пришпорил Овдилг коня, разрушил тройные фарфоровые ограждения и взлетел к вершине башни, у окна которой сидела дочь князя. Вершина этой башни упиралась в облака, а основание — в землю. Подпрыгнул он до окна башни и воскликнул:

— Пусть я буду счастлив с тобой, а ты — со мной!

Усадил он девушку впереди себя и поскакал домой. Никто не мог заметить, в каком направления он скрылся. Дома Овдилг отпустил копя, а вторую дочь князя спрятал в ту же кадушку, сам же принялся возиться в золе.

Через некоторое время вернулись домой расстроенные братья. На вопросы Овдилга рассказали о всаднике, который увез вторую дочь князя.

Овдилг поднялся и спросил братьев:

— Скажите, не был ли этот храбрый всадник похож на меня?

— Что ты мелешь, дурень? Если бы он был похож на тебя, то, как и ты, возился бы у очага в золе.

На третий день чуть свет отправились братья добиваться руки самой красивой дочери князя, по имени Харсен Нарс. На просьбы Овдилга взять его с собой они не обратили никакого внимания.

«Можете ехать, но возвратитесь ни с чем», — подумал младший брат, достал из кармана черный волос и сжег его.

Появился черный конь, подобный барсу; на его спине были одежды для всадника. Овдилг оделся в черные шелковые одежды и верхом на черном коне отправился следом за братьями.

Как и прежде, он догнал братьев, ехавших на быках, поприветствовал их, расспросил о житье-бытье и, оставив их далеко позади, прибыл во двор князя.

Пришпорил он черного коня, разрушил тройные фарфоровые ограждения и взлетел к вершине башни, у окна которой сидела прекрасная Харсен Нарс.

Вершина этой башни скрывалась в облаках, а основание ее упиралось в землю.

Харсен Нарс сидела, выставив свою золотую голову и серебряные руки. Допрыгнул Овдилг до окна башни и воскликнул:

— Харсен Нарс! Пусть я буду счастлив с тобой, а ты — со мной!

Усадил он ее впереди себя и поскакал домой. Дома Овдилг отпустил коня, а Харсен Нарс посадил в кадушку вместе с сестрами.

Через некоторое время возвратились домой на уставших быках старшие братья.

— Что случилось с вами, добрые молодцы? Чем вы так озабочены?

— Три наши поездки не увенчались успехом. Всадник на черном коне и в черном одеянии увез прекрасную Харсен Нарс, будто ветром гонимый репейник, — стали причитать братья.

— Богом молю вас, скажите правду, не был ли этот всадник похож на меня?

— Ты что, ослиного мозга объелся, несчастный? Соображаешь, что говоришь? Если бы он возился в золе, как и ты, где бы ему состязаться со всеми? Не мели чепуху.

— Три всадника, о которых вы говорили, на самом деле был один всадник, и этим всадником был я! Если не верите, посмотрите в кадушку, что стоит за дверью, — сказал Овдилг.

Посмотрели братья и увидели трех сестер, одну красивее другой:.

Понурив головы, стояли удивленные братья.

— А откуда у тебя жеребцы, прекрасные одежды? — стала они спрашивать.

На это Овдилг ответил, что когда он сторожил три ночи могилу отца, то каждую ночь одерживал верх над жеребцами, подобными барсу.

— С тремя девушками мне делать нечего, старших двух отдаю вам, а себе оставляю милую моему сердцу Харсен Нарс, которую люблю больше всего на свете. Будьте и вы счастливы!

Справили братья пышные свадьбы а стали жить со своими женами.

Вдали от братьев жил Бийдолг-Бяре. Его прозвали «низким ослом». Ростом он был невелик, зато обладал непомерной силой. С отцом Харсен Нарс он вел войну из-за нее целых тринадцать лет. Когда Овдилг женился на ней, он кружил вокруг его дома в надежде украсть Харсен Нарс.

Однажды, когда Овдилг был на охоте, Харсен Нарс пошла по воду. Сидевший в засаде Бийдолг-Бяре украл ее.

Возвратился с охоты Овдилг и узнал, что жена его похищена. Не теряя времени, он сжег красный волос и призвал красного жеребца, подобного барсу. Жеребец появился и привез с собой одежды из красного шелка. Овдилг оделся в красные одежды и на жеребце отправился на поиски Харсен Нарс. Он скакал до тех пор, пока седло не прилипло к коню, а сам он — не прирос к седлу. Наконец он увидел вдали среди камышей клубившийся дымок. Овдилг подъехал и нашел небольшую землянку. Только он подошел к дверям, как из землянки вышла красивая женщина. Она опросила:

— Что ты за человек? Как попал в края, куда не ступала нога человеческая? Что привело тебя

сюда?

— Я — Овдилг, копавшийся в золе. Мою жену похитил Бийдолг-Бяре. Я должен отобрать свою жену и убить Бийдолг-Бяре.

— Ой, ты же мой зять. Я — самая старшая сестра Харсен Нарс. Мой муж — сын Солнца. Он скоро должен прийти домой. Как можно скорее убегай; если он увидит тебя, то непременно убьет в съест.

— Я не вернусь назад и буду искать Харсен Нарс, — тверда сказал Овдилг.

— Что с тобой делать, заходи, я постараюсь остановить сына Солнца.

Она повела Овдилга в комнату, накормила и уложила спать под кроватью.

В сумерки возвратился сын Солнца. Ростом он был с высокую башню. На одной ручище у него висел олень, а на другой — чинара. Бросил он посреди двора оленя и чинару, подвесил Солнце, посмотрел по сторонам и сказал:

— Кто-то здесь был. Жена, скажи, где он? Не то плохо будет!

— Никого здесь не было, тебе просто показалось, — сказала испуганная жена.

— Не перечь мне, все равно не проведешь, лучше говори правду!

— Что бы ты сделал, если бы в гостях у тебя оказался один из твоих свояков?

— Старших можно и меж ладоней растереть, а с младшим и развлечься можно.

— В гостях у тебя младший свояк.

— Приведи его, и ему ничего плохого не сделаю, он хороший человек.

Жена пошла и привела своего зятя. Сын Солнца разрубил чинару, развел огонь, изжарил оленя и пригласил Овдилга ужинать.

— Я не прикоснусь к еде[48], пока ты не скажешь, где живет Бийдолг-Бяре. Я должен отобрать у него свою жену.

— Ой-ой-ой! Не ходил бы ты лучше к нему — живым от него не вернешься, — сказал сын Солнца.

Наконец он указал ему путь-дорогу, которая вела к Бийдолг-Бяре. Сели они, поели, переночевали, а утром Овдилг уехал.

Шестьдесят три дня ехал он по колючкам репейника, шестьдесят три дня ехал по стеблям кукурузы, шестьдесят три дня ехал по острым каменьям, пока седло не прилипло к коню, а он сам не прирос к седлу. Овдилг добрался до жилья Бийдолг-Бяре, который ложился спать в пятницу и спал целую неделю до следующей пятницы. Боясь, что Харсен Нарс могут украсть, он ложился спать, положив голову ей на колени. Овдилг пришел в тот день, когда Бийдолг-Бяре только уснул. Заглянув в окно, он увидел Харсен Нарс и спящего на ее коленях Бийдолг-Бяре. И она увидела его и от радости улыбнулась, а потом заплакала. Овдилг спросил:

— Почему ты сначала улыбнулась, а потом заплакала?

— Увидев тебя, я улыбнулась от радости, а заплакала потому, что боюсь, как бы Бийдолг-Бяре, проснувшись, не убил тебя.

— Выходи скорее, пока он спит, мы убежим подальше.

— Оставь меня, а сам уходи! Пусть со мной случится что угодно, лишь бы ты остался жив! — так говорила Харсен Нарс, но Овдилг все же усадил ее на своего жеребца и ускакал.

У Бийдолг-Бяре был гулинг[49] — трехногий конек, которому не было равных на свете. Как только Овдилг и Харсен Нарс ускакали, трехногий конек стал яростно кричать[50], звать на помощь и разбудил своего хозяина. Бийдолг-Бяре вскочил и увидел, что Харсен Нарс нет рядом. Спросил он у трехногого гулинга:

— Что произошло? Где Харсен Нарс?

— Ее увез муж, Овдилг, усадив впереди себя, — сказал трехногий гулинг.

— После обеда догоним их или не обедая? — спросил Бийдолг-Бяре.

— Мы догоним их и не обедая, и после обеда.

Бийдолг-Бяре взял волчью палицу, сел на трехногого гулинга и поскакал за ними в погоню; догнал их и волчьей палицей искромсал Овдилга на куски.

От горя Харсен Нарс слезами плакала — сколько лилось воды, кровью плакала — сколько лилось крови! Стала она просить Бийдолг-Бяре:

— Ты убил его, дай мне хоть собрать останки тела, чтобы птицы не клевали, дождь не размывал, а солнце не пекло их.

Бипдолг-Бяре не стал перечить Харсен Нарс. Она быстро собрала останки тела Овдилга положила их в талс и привязала его к седлу жеребца. Бийдолг-Бяре вместе с Харсен Нарс вернулись обратно, а жеребец Овдилга с сумой побежал к дому сына Солнца.

Когда его жена увидела талс с останками тела Овдилга, она горько заплакала.

— Чем плакать, сделай лучше из останков Овдилга его подобие, — сказал сын Солнца.

Жена сына Солнца сделала из останков. Овдилга его подобие. Сын Солнца потер покойника бруском, смазал клеем и оживил его.

— Из мертвых воскрес ты, Овдилг, что ты теперь думаешь делать? — спросил сын Солнца.

— Не успокоюсь, пока не отобью Харсен Нарс.

— Не успокоишься?

— Нет, не успокоюсь!

— Тогда пойдем к твоему второму свояку, сыну Луны, он поможет тебе, — сказал сын Солнца и отправил его в путь.

Овдилг вырвал у красного жеребца волосок и отпустил. Затем достал из кармана белый волос и сжег его. С небес мгновенно спустился прекрасный жеребец, подобный белому барсу, с белыми одеждами.

Уселся Овдилг на коня и стал пугать его криком. С неба все птицы попадали на землю, все звери ушли в норы. Прыгнул прекрасный жеребец, подобный белому барсу, — ударами копыт разрушал горы, грудью валил лес, головой разгонял тучи, гривой подымал ветер — летел пулей. Через некоторое время он подъехал к горной пещере, из которой навстречу ему вышла женщина.

— Что ты за человек? Куда путь держишь?

— Я — Овдилг, мою жену Харсен Нарс похитил Бийдолг-Бяре. Я хочу найти сына Луны и с его помощью отнять свою жену.

— Твой свояк, сын Луны, живет здесь, а ты — мой зять. Мне тебя жаль. Уходи отсюда скорее; если он застанет тебя здесь, непременно убьет, — сказала женщина.

Овдилг не послушал ее. Она пригласила его в дом, зарезала трехгодовалого бычка, накормила, напоила, а затем спрятала в сарае. В сумерки возвратился сын Луны. Он нес в одной ручище оленя, в другой — чинару.

— Жена, кто у нас?

— У нас никого нет. Почему ты спрашиваешь?

— Не лги. Следы одного человека остановились у вашей пещеры. Если у него нет крыльев взлететь в небо и нет когтей уйти под землю, ему больше некуда деваться.

— Что бы ты сделал, если бы к тебе в гости пришел твой свояк?

— Старших можно и меж ладоней растереть, а с младшим и развлечься можно.

— У тебя в гостях младший свояк.

— Хорошо, приведи его. Я не причиню ему зла.

Он подвесил в небе Луну, разрубил чинару и развел огонь, зажарил оленя, приготовил ужин и пригласил Овдилга поужинать.

— Я не прикоснусь к еде, если ты не скажешь, как одолеть Бийдолг-Бяре.

— Не говори о невозможном, лучше поговорим о возможном.

Но Овдилг стоял на своем.

— Ладно, так уж и быть, скажу тебе. Как только приедешь к Бийдолг-Бяре, взнуздай его трехногого конька, — дал совет сын Луны.

Тогда они сели и поужинали.

Шестьдесят три дня ехал Овдилг по колючкам репейника, шестьдесят три дня ехал по стеблям кукурузы, шестьдесят три дня ехал по острым каменьям, пока седло не прилипло к коню, а сам он не прирос к седлу. И вновь подъехал Овдилг к жилью Бийдолг-Бяре, который и на этот раз спал. Подъехав, он быстро взнуздал трехногого конька. Под голову Бийдолг-Бяре он положил чурбак, усадил Харсен Нарс на круп коня и изо всей мочи погнал прекрасного жеребца, подобного барсу.

Через семь дней и семь ночей в пятницу, проснулся Бийдолг-Бяре. Под своей головой он заметил чурбак, а трехногого гулинга нашел взнузданным. Разнуздал его Бийдолг-Бяре, и обо всём поведал ему трехногий гулинг.

— После обеда догоним их или не обедая догоним? — спросил Бийдолг-Бяре.

— Мы догоним их и не обедая, и после обеда.

Перекусив, Бийдолг-Бяре взял волчью палицу, уселся на трехногого гулинга и пустился в погоню. Догнал он Овдилга и Харсен Нарс и ударом волчьей палицы вдребезги раскрошил Овдилга.

От горя Харсен Нарс слезами плакала — сколько лилось воды, кровью плакала — сколько лилось крови.

— Ты убил его, дай мне хоть собрать останки тела, чтобы птицы не клевали, дождь не размывал, а солнце не пекло их, — стала умолять Харсен Нарс Бийдолг-Бяре.

Бийдолг-Бяре и на этот раз разрешил ей собрать останки тела Овдилга. Наполнив два талса, она приторочила их к седлу и пустила прекрасного жеребца, подобного белому барсу. Переваливаясь с боку на бок, конь пришел к дому сына Лупы. Собрав останки тела, сын Луны потер их бруском, смазал клеем и вновь оживил Овдилга.

— Теперь-то ты, Овдилг, перестанешь добиваться своего? — спросил сын Луны.

— Не перестану до тех пор, пока бьется сердце, — ответил Овдилг.

Тогда сын Луны указал ему дорогу к третьему свояку — сыну Звезды.

Овдилг вырвал у белого коня волосок и отпустил его. Достал из кармана черный волос и сжег его. С неба слетел черный жеребец, подобный барсу. Ноги его по брюхо увязли в земле. Затем он встрепенулся, встал на дыбы и произнес:

— Что будем делать?

Овдилг надел черные одежды и помчался к жилью сына Звезды.

От пота коня разливались лужи, от дыхания стлался туман, седло к спине прилипло, так долго они ехали.

Однажды к вечеру в огромном лесу они наткнулись на отверстие в земле. Из него вышла красивая женщина и спросила:

— Что ты за человек? В эти края и волк не забредает, а ты зачем пришел?

— Я — Овдилг, муж Харсен Нарс и твои зять.

— Как хорошо, что это так, что поделывает моя сестренка?

— Ее похитил Бийдолг-Бяре. Дважды я пытался ее возвратить, но из этого ничего не вышло, поэтому я пришел просить помощи у сына Звезды.

— Не будь несчастным! Если не уйдешь до его прихода, то плохо тебе придется.

— Я шел сюда, чтобы или умереть, или возвратить Харсен Нарс.

— Делать нечего, заходи в дом, — пригласила Овдилга женщина, зарезала трехлетнего

бычка, накормила его, напоила и спрятала.

Возвратился сын Звезды. Подбросил он свои Звезды в небеса а спросил у жены:

— Кто к нам пришел?

— Кто к вам может прийти? Никто не приходил.

— Не перечь мне. Я знаю, что к тебе в гости пришел один человек. Кто он, где он? Говори!

— Что бы ты сделал, если бы к тебе в гости пришел один из твоих свояков?

— Старших можно и меж ладоней растереть, а с младшим и развлечься можно.

— У тебя в гостях младший.

Она привела к нему Овдилга. Сын Звезды изжарил оленя, пригласил Овдилга поужинать:

— Отведай ужина, своячок!

— Не притронусь к еде, сын Звезды, до тех пор, пока не скажешь, как мне одолеть Бийдолг-Бяре, — сказал Овдилг и рассказал ему о помощи сына Солнца и сына Луны. — Я не успокоюсь до тех пор, пока не отобью Харсен Нарс.

— Ничего с тобой не поделаешь. Я доволен тем, что ты добиваешься своего, и сделаю все, что в моих силах. А сейчас спокойно ужинай.

После ужина сын Звезды сказал Овдилгу:

— Собирайся, пойдем на охоту, — и взял его с собой.

Они охотились целую неделю и наполнили высокие корзины дичью. Сын Звезды сказал:

— В понедельник возьмешь эти корзины с мясом и отправишься в сторону захода солнца. Пересечешь три горы. Там ты увидишь лысую гору, на которой не растут трава и лес, а лежат лишь камни и гравий. Раз в год на эту гору приходит кобыла, которая там жеребится, от нее и пошли гулинги. Трехногий гулинг Бийдолг-Бяре — тоже от нее. Когда она приходит жеребиться на эту гору, туда со всего света собираются звери и птицы, чтобы съесть этого гулинга. Как только кобыла ожеребится, ты разбросай куски мяса из своих корзин. Съев мясо, звери и птицы уйдут. Напоследок придет голодный волк. Сколько бы ты ни взял с собой мяса, к приходу волка оно кончится. Тогда оторви мышцы со своих рук и брось их волку. Если так не сделаешь, то твой гулинг тоже будет трехногим — ногу съест волк. Возьми вот это снадобье; если им смажешь руки, они сразу станут прежними. Это снадобье не было известно Бийдолг-Бяре, и поэтому его гулинг остался трехногим. Если поступишь так, твой гулинг будет четвероногим, и трехногий гулинг Бийдолг-Бяре никогда его не догонит. Тогда ты сможешь спасти Харсен Нарс.

— Большое спасибо за совет, — попрощался Овдилг и отправился в путь.

Преодолев три горы, он очутился у той, про которую ему рассказывал сын Звезды. Вокруг горы Овдилг поставил корзины с мясом и сел отдыхать.

В понедельник на этой горе появилась кобыла, а за ней звери и птицы. Когда кобыла начала жеребиться, Овдилг стал разбрасывать куски мяса. Наевшись досыта, звери и птицы покинули это место. Издали послышалось завывание волка. Появился голодный волк с впалыми боками. Овдилг вырвал мышцы со своих рук и бросил волку. Затем смазал раненые места снадобьем — руки стали прежними. Когда жеребенок трижды пососал свою мать, он окреп настолько, что на нем можно было ездить.

— Спасибо тебе за жеребенка. Ты спас его от смерти. Я дарю его тебе, — сказала кобыла.

Отпустив черного коня, Овдилг сел на гулинга и поехал к Бийдолг-Бяре.

Шестьдесят три дня ехал он по колючкам, репейника, шестьдесят три дня ехал по стеблям кукурузы, шестьдесят три для ехал по острым каменьям, пока не приехал к Бийдолг-Бяре, Была пятница, Бийдолг-Бяре положил голову на колени Харсен Нарс и уснул до следующей пятницы.

Вспоминая про смерть мужа, Харсен Нарс обливалась слезами — сколько текло воды, кровью оплакивала его — сколько лилось крови!

Увидев перед собой живого Овдилга, она очень обрадовалась и спросила:

— Не сон ли это? Неужели ты снова живой передо мной?

— Как видишь, не теряй даром времени, бросай эту грязную голову и уйдем отсюда.

Харсен Нарс потихоньку положила на пол голову Бийдолг-Бяре и с Овдилгом ускакала на четвероногом гулинге.

— О боже, как хорошо, что ты пришел вовремя! Через семь дней и семь ночей я должна была стать женой Бийдолг-Бяре. Если бы ты не пришел через семь дней, то вместо меня увидел бы мой труп. Я покончила бы с собой, лишь бы не стать его женой.

Как птицы, выпорхнувшие из гнезда, поскакали Овдилг с Харсен Нарс. Как и прежде, трехногий гулинг поднял шум и разбудил Бийдолг-Бяре. Проснувшийся Бийдолг-Бяре спросил своего гулинга:

— Ну как, после обеда догоним их или не обедая догоним?

— Теперь хоть пообедаем, хоть не пообедаем, все равно не догоним, — ответил трехногий гулинг.

— Что за разговоры! Я перебью тебе оставшиеся ноги.

— Дело в том, что у меня три ноги, а гулинг Овдилга о четырех ногах.

— Или умрешь, или догонишь их! — воскликнул Бийдолг-Бяре и бросился в погоню.

Но как ни старались, догнать их не могли. Бийдолг-Бяре стал избивать коня палицей.

Обливаясь кровью, гулинг заржал и стал молить о помощи скачущего впереди гудинга:

— Смилуйся надо мной, подожди хоть немножко, ведь мы от одной матери, не дай мне умереть жестокой смертью. Скажи своему хозяину, чтобы он сбросил черную бурку, и я, испугавшись, скину с себя Бийдолг-Бяре.

Четырехногий гулинг сделал, как просил его брат.

Овдилг сбросил с себя черную бурку, и Бийдолг-Бяре ушел в землю на глубину три раза по пятнадцать локтей. Там и пришел смертный час Бийдолг-Бяре.

А Овдилг со своей ненаглядной Харсен Нарс на четырехногом гулинге направились к сыну Звезды.

Оставим их наедине друг с другом, а тем временем поговорим о братьях Овдилга.

Надоели сестрам Харсен Нарс трусливые мужья, и они выгнали их из дому:

— Вашего брата давно нет дома. Не спите, подобно женщинам, поезжайте и разузнайте, жив Овдилг или нет. Не нужна ли ему помощь? Будьте наконец людьми!

Уселись братья на быков с истертыми шеями и поехали в путь. Ехали они, ехали и через некоторое время прибыли в местечко, где жил сын Солнца. Встретила их жена сына Солнца. Братья рассказали ей, кто они и зачем приехали.

— Уезжайте, пока не возвратился сын Солнца. Он говорил, что сотрет вас в порошок.

— Боже упаси нас! — сказали братья и убежали.

— Погодите, — сказала она, — поезжайте к сыну Лупы, — и жена сына Солнца указала им дорогу.

Мало ли, долго ли они ехали и прибыли к сыну Луны. Встретила их жена сына Луны и расспросила. Братья ей обо всем поведали.

— Сын Луны говорил, что сотрет вас в порошок, поезжайте лучше к сыну Звезды, куда и отправился ваш брат, — и она указала им дорогу.

Испугались они сына Луны и поехали в ту сторону, где жил сын Звезды.

Тихо ли ехали, быстро ли, но приехали на усталых быках к сыну Звезды.

— Вы откуда едете, всадники на быках? По какому важному делу выехали? — встретила их жена сына Звезды.

— Мы преспокойно сидели бы дома, да жены нас выгнали. Был у нас брат Овдилг, играющий в золе. Если мы возвратимся без него, нас не впустят в дом, нам нужно живым или мертвым

найти его.

— Ой, если возвратится сын Звезды, он сотрет вас в порошок, вы не сможете устоять перед ним.

Собрались братья снова бежать.

— Подождите, — сказала им жена сына Звезды, — вот по этому пути отправился ваш брат, — и она указала им дорогу.

Испуганные братья не успели даже поблагодарить жену сына Звезды и бросились бежать.

«Пусть этот Овдилг в могиле окажется, лишь бы нам выжить», — рассуждали они.

Через некоторое время они встретили Овдилга; он ехал вместе с Харсен Нарс на четырехногом гулинге.

— Ассалам-алейкум!

— Ва алейкум-салам!

Здесь они обо всем и поговорили. Овдилг очень обрадовался встрече с братьями. Радостные, веселые, отправились они в путь в родные края. Как только стало темнеть, Овдилг быстро разбил шалаш, затем побежал в лес и принес трех оленей. После ужина Харсен Нарс и братья улеглись спать, а Овдилг не спал.

В полночь засверкала молния, загремел гром, задрожала земля. Удивленный Овдилг увидел энджала[51]. От скрипа его зубов гремел гром, от искр вспыхивала молния. Под его ногами земля превращалась в жидкую кашу.

— Кто это такие, словно мухи, оказавшиеся на моей земле?! — заревел энджал.

Удары энджала не попадали в Овдилга, а удары Овдилга приходились тому прямо в сердце. Иссякли силы энджала, и он упал. Овдилг достал из ножен шашку и сильным ударом снес ему голову. В одну сторону он бросил тело энджала, в другую — голову, а только потом лег спать. Братья все это видела, но из трусости боялись шелохнуться.

На второй день после длительного пути ночь застала их в лесу. После ужина братья легли спать, а Овдилг не спал. Как и в первый раз, ночью пришел энджал, огромнее первого. В битве Овдилг побелел и его. Потом лег спать.

И на третий день Овдилг разбил шалаш, убил оленей, приготовил ужин, а после ужина не стал спать. В эту ночь пришел такой огромный энджал, по сравнению с которым первые два казались котятами. Головой энджал разгонял тучи, от удара его ног земля качалась. Овдилг первым начал битву. От пота, лившегося с них, появлялись лужи. Четырехногий гулинг бросился на помощь хозяину, они вдвоем свалили на землю энджала, и Овдилг шашкой снес ему голову.

Испуганные братья Овдилга подумали: «Овдилг превзошел нас во всем. Убьем его. Но голыми руками нам его не одолеть, оружием не победить».

И решили они, когда он заснет глубоким сном, положить на его ноги острием вниз шашку.

Положила они шашку, отошли немного в сторону и крикнули:

— Энджалы идут, энджалы идут!

— Где энджалы? — спросонья вскочил Овдилг и лишился обеих ног.

Братья оставили его истекающим кровью. Рядом с ним, плача, сидела Харсен Нарс, Братья забрали с собой гулинга и довольные отправились домой.

Некоторое время Овдилг был в бреду. Он не умер, но и не мог двигаться. И стали они с Харсен Нарс жить в шалаше.

Однажды к их шалашу подошел слепец. Он был высокого роста, ударом ноги швырял деревья в небеса, ломал их бедрами.

— Кто ты? И откуда идешь? — спросил Овдилг.

— Сначала скажите, кто вы? — ответил слепец.

Рассказал ему Овдилг о коварстве братьев.

— В таком случае мы будем жить вместе, — сказал слепец. — Из зависти, что я так силен, мои братья лишили меня глаз. И с тех пор я ищу такого же горемыку.

И стали они верными друзьями[52]. Через некоторое время к ним пришел безрукий. Когда безрукий увидел безногого и слепого, он подумал, что они достойны быть его друзьями, и подошел к ним. Он был искусным кузнецом, и братья из зависти лишили его рук.

И стал безрукий их верным другом. Сделали они себе землянку и стали в ней жить.

Овдилг садился на плечи слепца и ходил с ним на охоту. Слепец приносил лес, а Овдилг по совету безрукого мастерил различные вещи и оружие. Им удавалось на охоте убивать много зверей: В доме за всем присматривала Харсен Нарс. Однажды, когда они отправились на охоту, Харсен Нарс стала готовить друзьям пищу: под котлом у нее погас огонь, а огниво и кресало друзья забрали с собой на охоту.

«Уже темнеет, и они придут голодными, а еда не готова, какой позор падет на меня! Что делать? Как быть?» — думала она, вдруг заметила вдали дым и решила принести оттуда огонь.

Когда она пришла к дыму, то увидела ешапят. Ешап-матери не было дома, а были только ее дети.

Харсен Нарс попросила огня, и они разрешили ей взять его.

— Как я его понесу? — спросила Харсен Нарс.

Они взяли сито, насыпали золы, а сверху положили горящие угольки, затем вынули один уголек и бросили обратно в очаг[53].

При ходьбе сито в руках Харсен Нарс качалось, и из него сыпалась зола. И остался след от дома ешап до ее дома.

Харсен Нарс быстро приготовила ужин и накормила возвратившихся охотников. Утром следующего дня они вновь отправились на охоту.

Когда ешап-мать пришла домой и взглянула на очаг, она заметила, что не хватает трех угольков. Стала она бить своих детей и бранить их за то, что не уберегли огонь. Тогда они ей сказали, что один уголек они вновь бросили в очаг, а чтобы проследить, куда пошла девушка, в сито насыпали золу. Пошла ешап-мать по следу и видит, что Харсен Нарс занята домашними делами. Она крикнула девушке:

— Я съем Овдилга из-за огня, который ты принесла!

— Не убивай его, лучше съешь меня, ведь огонь унесла я, — сказала Харсен Нарс.

— Войти в окно и взять твою душу или войти в дверь и выпить твоей крови? — спросила ешап-мать.

— Войди в дверь и выпей моей крови, — ответила Харсен Нарс.

Вошла ешап-мать в дверь и выпила ее крови. Когда Овдилг и его друзья возвратились с охоты, они увидели, что Харсен Нарс очень бледна и ее клонит ко сну.

— Что с тобой, что случилось? — спросил Овдилг.

— Ничего, бывает такое иногда, — ответила Харсен Нарс, желая скрыть происшедшее.

Оставив дома безглазого, Овдилг отправился на охоту с безруким. Через некоторое время вновь пришла ешап и промолвила:

— Войти в окно и взять у тебя душу или войти в дверь и выпить твоей крови?

— Войди в дверь я выпей моей крови, — ответила Харсен Нарс.

Ешап вошла и стала пить кровь. Слепец шарил руками по комнате, но поймать ее не мог, а та выскочила в окно. Когда друзья возвратились, слепец сказал безрукому:

— Я не вижу и ничего не мог поделать, попробуй ты. Надо убить ешап.

Они не сказали Овдилгу о том, что случилось, боялись, что ешап убьет Харсен Нарс.

Безрукий спрятался в комнате. Через некоторое время пришла ешап, приговаривая:

— Войти в окно и взять у тебя душу или войти в дверь и выпить твоей крови?

Когда ешап стала пить кровь Харсен Нарс, безрукий бросился на ешап, но не мог ее поймать и только бил ногами и кусал зубами.

Вечером, сидя на плечах слепого, Овдилг возвратился домой. Бросив во дворе убитых оленей, они зашли в дом и увидели бледную, как полотно, Харсен Нарс и плачущего безрукого. Узнав правду, Овдилг со злости лег спать, не поужинав, но не долго держал обиду. Утром он сказал:

— Сегодня, мы втроем останемся дома. Когда придет ешап сосать кровь, один станет в дверях, другой у окна, а я спрячусь.

Через некоторое время пришла ешап и прокричала:

— Войти в окно и лишить тебя души или войти в двери и напиться твоей крови?

— Войди в окно и лиши меня души; в моем теле нет уже ни капли крови.

Скрипя зубами, вскочила ешап в окно. Безглазый стал в дверях, безрукий — у окна, а Овдилг выскочил из укрытия и начал взносить удары шашкой. Он нанес ей восемь ударов и лишил ее восьми душ. Когда у нее осталась только одна душа, она стала умолять:

— Я вас всех вылечу, не убивайте меня. Дома у меня остались голодные детки.

— Как ты вас вылечишь?

— У меня есть живительное колесо[54], которым стоит лишь потереть — и оно вылечит. Поводи им по себе и проверь, — сказала ешап и выбросила изо рта колесо.

Овдилг согласился и прокатил это колесо по дворовой собаке. Колесо перерезало собаку и опять возвратилось к нему.

— Ты снова за свое?! — взмахнул шашкой Овдилг.

— Нет, нет; не спеши, я больше не буду. Вот брусок, он вылечит вас, — со слезами сказала ешап.

Взял Овдилг брусок и потер им собаку. Собака ожила и стала вилять хвостом.

— Вот это хорошую вещь ты нам дала, но жить тебе осталось недолго, — и ударом шашки Овдилг убил ешап.

Потерли бруском глаза слепца — стал он зрячим, потерли безрукого — руки стали прежними, провели бруском по телу Харсен Нарс — она стала прежней, потерли Овдилга по ногам — он стал ходить.

Вынул Овдилг из кармана три конских волоса и сжег их. Тотчас появились три жеребца с шелковыми одеждами. Принарядились три друга: бывший слепец получил жеребца, подобного красному барсу, безрукий — жеребца, подобного белому барсу, а черного, барсу подобного жеребца Овдилг оставил себе.

И отправились они в родные края.

Вместе с Харсен Нарс и со своими друзьями приехал Овдилг к сыну Звезды. Тот их хорошо принял, и затем они все вместе отправились к сыну Луны. Погостили они у него и отправились к сыну Солнца. Затем все вместе прибыли в родной край Овдилга и увидели его братьев, похвалявшихся перед своими женами: «Мы отомстили за смерть Овдилга и привели гулинга».

Увидели они Овдилга — и души их в пятки ушли.

— Бесстыжие вы люди! — воскликнул Овдилг и, пустив колесо, разрезал их пополам. — Если бы вас родила не моя мать, я бы не оживил вас! — И, вновь оживив, прогнал их вон со двора.

Жен братьев он отдал своим друзьям. Сын Солнца, сын Луны, сын Звезды, Овдилг и его два названых друга, их жены, шесть сестер, младшей из которых была Харсен Нарс, стали жить, как хорошие родичи.

Вершины их башен упирались в облака, а основания — в землю; шесть таких огромных башен выстроили они и стали в них жить[55].

Сын Солнца поигрывал Солнцем, сын Луны — Месяцем, сын Звезды — Звездами. Каждый рождавшийся у них сын становился князем, дочь — княгиней.

Пусть им сопутствует удача, пусть нас не минует добро!

NB В книге идет после № 10.

Один из вариантов этого сюжета записал И. А. Дахкильгов в 1977 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Герсолта

Жил-был старик. У него были две жены [56] *и три сына. Сыновья старшей жены были придурковатые, а сын младшей жены Герсолта прослыл достойный человеком. Старшие два брата не считались с отцом. Однажды они сказали отцу:*

— Дади, мы идем искать себе жен. Нани, приготовь нам на дорогу еды.

Отец сказал им:

— По пути вы очутитесь в таком месте, где дорога раздваивается. Если вы поедете по правой дороге удачи вам не будет, если по левой, может быть, вас ждет удача.

Когда братья собрались в путь, младший сказал:

— Возьмите и меня с собой.

— Отстань, снежный комок! — сказали они и отправились.

Через шесть дней младший сын обратился к отцу:

— Если позволишь, я отправлюсь за братьями.

Отец дал согласие. И Герсолта отправился в путь. К вечеру он догнал братьев на том месте, где расходятся дороги. Когда старшие братья тронулись по правой дороге, младший сказал им:

— Отец ведь говорил вам, что на правой дороге удача вас минует.

— Убирайся вместе с отцом, снежный комок! И они поехала по правой дороге, а младший по левой.

Ехал он, ехал и доехал до одной крепости. У окна крепости сидела девушка, и она сказала Герсолте:

— Я нашлю на тебя столько собак, сколько пастухов, и столько пастухов, сколько собак, если ты не покинешь пределы моего края.

— Посылай своих собак и пастухов, ответил Герсолта.

Наслала она на него пастухов и собак, а Герсолта вырвал из ножен шашку, разогнал их, а девушку посадил на круп коня и отправился следом за братьями.

Когда он проделал путь с утра до ночи, то оказался у другой крепости. У окна крепости тоже сидела девушка. Юноша спросил ее об одном из своих братьев. Девушка ответила, что такой человек у них есть, он их слуга.

— Я нашлю на тебя столько собак, сколько пастухов, и столько пастухов, сколько собак, если ты не покинешь пределы коего края, сказала девушка.

Герсолта разогнал всех пастухов и собак, освободил брата, усадил девушку на круп коня, и вместе они отправились на поиски другого брата.

Проделали они путь с утра до ночи и оказались еще у одной крепости. Третий брат оказался здесь он также был слугой. Освободили они брата, забрали девушку и повернули домой.

По дороге они проезжали мост.

— Вы отдыхайте, а я буду нести охрану, сказал Герсолта и уложил братьев.

В полночь откуда ни возьмись появился дажал [57].

— Кто позволил вам останавливаться на моем мосту? — закричал он.

Ударом шашки Герсолта снес голову дажалу и положил ее в талс старшего брата. Утром братья проснулись, увидели в талсе старшего голову дажала и стали хвастаться перед младшим братом:

— Смотри, пока ты спал, мы дрались с дажалом и снесли ему голову.

Любым путем хотели они унизить младшего брата перед своими невестами. Но они знали, что Герсолта не трус.

На вторую ночь братья остановились ночевать на втором мосту. Братья легли спать, а Герсолта остался на мосту на страже. Как и в первую ночь, появился дажал.

Только успел он произнести: «Кто вам позволил останавливаться на моем мосту?», как Герсолта ударом шашки снес ему голову и положил в талс второго брата.

— Смотри, пока ты спал, мы убили дажала! — сказали они утром младшему брату так, чтобы невесты услышали эти слова.

В третью ночь он положил голову убитого дажала в свой талс.

— Смотри, сказали братья, пока ты спад, мы убили дажала и положили его голову в твой талс.

Старшие братья убедились, что невесты им не верят, и решили убить младшего, подумав, что по возвращении он обесславит их. Мы скажем: «Ты три дня и три ночи не отдыхал, отдохни теперь немного, а мы станем караулить» и уложим его спать.

Когда младший брат уснул, старшие положили шашку острием к его ногам, к шашке привязали веревку и накинули петлю ему на шею. Потом крикнули:

— Вставай, Герсолта, на нас идут войной!

Герсолта вскочил и шашкой отрубил себе обе ноги.

— Совершили вы это злое дело ничего не поделаешь, хоть отведите мою невесту к ее родным, сказал Герсолта и остался в этом безлюдном крае.

Шло время. И раны на ногах Герсолты стали заживать.

Однажды ему повстречался безрукий человек. Он искал подобного себе. Герсолта сел к нему на плечи, и они пошли вместе. По дороге им встретился слепец. Он присоединился к ним. Герсолта сел на плечи слепца и указывая ему путь. Герсолта был самым храбрым человеком на свете. Самым быстрым человеком был безрукий, самым сильным слепец.

Они выбрали себе равнину, построили башни, ходили на охоту. Так и жили три друга. Однажды к ним пришли слуги одного князя. От них три друга узнали, что у князя есть дочь. Через них они послали весть князю:

— Пришли к нам на некоторое время свою дочь. Подняв платок с головы в лицо ей не заглянем, прикрывшись носовым платком, говорить о ней будем и всего лишь три слова скажем [58].

Слуги князя стали собираться домой, а самый сильный на свете человек, слепец, спрятался в одной из подвод князя. В это время подъехала в карете [59] *его дочь. Как только она стала выходить из кареты, спрятавшийся в подводе слепец встал во весь рост казалось, что целый мир поднялся. И лошади понесли. Друзья оставили девушку у себя.*

Они ходили на охоту, а девушка занималась по хозяйству. Друзья сказали ей:

— Чтобы ни случилось, не дай угаснуть огню в очаге нашей башни.

Однажды она взобралась на верх башни и, обратившись в сторону своего края, забыла обо всем на свете. В это время огонь в очаге потух. Девушка стала смотреть с вершины башни, не курится ли где-нибудь дым. Вдали она увидела землянку гарбаш [60] *, у которой была две дочери: одна умная, другая глупая. Девушка пришла к ним просить огня; с собой она принесла чашку с*

разбитым дном. Глупая дочь гарбаш взяла чашку и положила в нее угольки. А умная насыпала под угольки золы.

Через некоторое время по следу падавшей золы пришла гарбаш и крикнула:

— Войти в дверь и лишить тебя души или войти в окно и напиться твоей крови?

Девушка подумала и ответила:

— Войди в окно и напейся моей крови.

Она боялась, что если гарбаш войдет в дверь и убьет ее, то потухнет в очаге огонь. Поэтому она согласилась дать ей выпить крови. Гарбаш ворвалась в окно, за косы подвесила ее к потолку и стала сосать кровь из пятки. Напившись крови, она отвязала девушку и убралась. Возвратившиеся охотники не могли узнать девушку, а на их расспросы она ничего не отвечала.

На следующий день Герсолта оставил дома безрукого, наказав ему проследить, что происходит с девушкой в их отсутствие. Девушка не знала, что безрукий остался дома. Через некоторое время она слышит голос:

— Войти в дверь и лишить тебя души или войти в окно и напиться твоей крови?

— Войди в окно и напейся моей крови, ответила девушка.

И видит безрукий, что в окно ворвалась семиголовая гарбаш. От страха безрукий упал в обморок, а гарбаш, напившись крови, ушла.

Возвратившийся Герсолта увидел, что девушка еле жива, и спросил безрукого:

— Ты что-нибудь заметил?

— Ничего я не заметил. Я не знаю, что с ней, сказал безрукий.

На следующий день Герсолта сам пошел на охоту, подпрыгивая на обрубках ног, а дома оставил безрукого и слепца.

Как и прежде, гарбаш ворвалась в окно, напилась крови и убралась. А слепец и безрукий от страха шевельнуться боялись в своем укрытии.

Тогда Герсолта сам решил остаться дома. Через некоторое время он услышал голос:

— Войти в окно и выпить твоей крови или войти в дверь и лишить тебя души?

— Войди в окно и выпей моей крови, ответила девушка.

Только гарбаш ворвалась в окно, Герсолта выскочил из укрытия и ударом шашки снес ей шесть голов.

— Что ты сделаешь для нас, спросил Герсолта у гарбаш, если я оставлю тебя в живых?

— Я вылечу все ваши недуги, ответила гарбаш.

Первой она взяла в рот девушку. Девушка стала в десять раз красивей, чем была. Затем гарбаш излечила слепца и безрукого.

— Залезь ко мне в рот, сказала гарбаш Герсолте, а затем обратилась к его друзьям:

— Я вас излечила, а этого оставьте мне.

Друзья согласились с гарбаш, но девушка с шашкой стояла сзади и сказала:

— Если ты его сейчас же не вылечишь, я снесу тебе голову.

Выпустила гарбаш Герсолту со здоровыми ногами, и он тут же ударом шашки снес ей последнюю, седьмую голову. А друзей он простил. После этого вместе с девушкой они отправились к отцу девушки, князю.

Они рассказали князю обо всем, что произошло с ними.

Тогда князь сказал дочери, что он хочет выдать ее за Герсолту. Дочь согласилась стать его женой. Устроили свадьбу, и дочь князя под барабанный бой в сопровождении множества народа прибыла на тот мост, где братья отрубили ноги Герсолте. Конь Герсолты умирал от чесотки. Герсолта рассказал о случившемся с ним и о том, что этот конь, это оружие и доспехи его. Тогда девушка дала ему три перышка и сказала, что, если каждым перышком он проведет по коню, одежде и доспехам, они станут такими, как прежде.

Герсолта провел перышком по коню; и он стал лучше прежнего. Герсолта надел свою одежду, нацепил оружие и отравился домой. Его отец и мать от горя ослепли и сначала не поверили возвращению сына. Но когда убедились, что это их сын, сразу прозрели.

Герсолта рассказал им о своих приключениях.

Братьев он не убил, а сделал своими пастухами.

Тот пир, который они устроили, говорят, длится до сих пор.

9. Черный хожа[61]

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 130.

Записал Я. Эсхаджиев в 1959 г, на чеченской языке от своего дяди Магомеда, Толстой-Юрт ЧИАССР.

У одного отца было три сына и три дочери. Из трех сыновей младший был самым любимым и дорогим… И за то, что отец любил его больше всех, старшие братья возненавидели его. Перед смертью отец завещал:

— Выдайте замуж своих сестер за того, кто их посватает, пусть то будет птица или зверь.

После смерти отца прошло много времени, и сватать старшую сестру прилетел голубь. Братья помнили завещание отца и выдали ее за голубя.

Через некоторое время прилетел ястреб сватать среднюю сестру. Братья выдали ее за ястреба. После этого прилетел сокол — выдали за него третью сестру.

Братья не знали, где и как живут их сестры, и очень о них беспокоились. И решили они поехать на поиски своих сестер. Оседлали коней, опоясались оружием и отправились в путь. Мало ли ехали, много ли, но оказались братья в далеком необитаемом краю. Там они увидели трехъярусную башню.

— Войди в эту башню и посмотри, что в ней, — говорят старшие младшему.

Поднялся младший брат на третий этаж башни, открыл дверь и увидел трех девушек. Старшей из них понравился младший брат, и она сказала:

— Если ты посватаешь меня, я согласна выйти за тебя замуж.

— За меня не выходи, лучше выйди за моего брата, ты будешь моей снохой, — сказал младший брат.

И средняя сказала, чтобы он посватал ее. Младший брат предложил ей стать женой среднего брата. Себе же в жены выбрал младшую сестру, а двух старших привел для своих братьев. Все отправились домой, усадили на круп коней по невесте и взяли все богатства.

По дороге им встретился человек высотой в локоть, а борода у него была длиной в два локтя. Он попросил старшего брата взять его с собой, пообещав, что будет ухаживать за лошадьми.

— За лошадьми есть кому ухаживать, — сказал старший и проехал мимо.

И среднего брата попросил карлик о том же.

— Ты мне не нужен, обойдусь и без тебя, — сказал средний и проехал мимо.

С этой же просьбой карлик обратился к младшему брату. Тот пожалел карлика и усадил его на круп коня позади невесты. Незаметно для младшего брата карлик соскочил с коня и скрылся с его невестой. Он, оказывается, превращался, в кого желал, и был на самом деле Черным хожей. Увидел младший брат, что карлика и невесты нет, не сказал братьям ни слова и тронулся в обратную дорогу.

«Если бы я знал, где он, я б с ним вступил в бой и убил его. Без невесты я не вернусь», — решил он.

Мало ли он ехал, долго ли ехал, но через некоторое время очутился в одном селе. Пришел он к роднику[62] и не знал, к кому пойти в гостя. У родника к нему подошла старшая сестра, которая вышла замуж за голубя.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра![63] Откуда ты? — сказала сестра, быстро повела его в свою комнату и усадила.

Расседлала она коня брата, а в это время прилетел голубь. Влетел он в комнату, сбросил свое оперение, переоделся в новые одежды и приветствовал своего шурина. Сидят они, веселятся, и

младший брат спрашивает зятя:

— Ты летаешь по всему свету. Нет ли у тебя каких-нибудь новостей?

— Больших новостей нет, но сегодня я видел чудо. На трехногом гулинге Черный хожа увозил красивую девушку. Больше я ничего но видел я не слышал, — ответил зять-голубь.

— В какую сторону поскакал Черный хожа? — спросил шурин.

— Он поскакал в сторону восхода солнца, — ответил зять-голубь.

Больше ни о чем не стал расспрашивать младший брат у зятя и отправился в сторону восхода солнца. Мало ли он ехал, долго ли, но очутился в одном селе. Остановился он у родника. Подходит к нему сестра, вышедшая замуж за ястреба.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра! — обняла она брата и ввела его в дом.

Расседлала коня брата, и через некоторое время прилетел ястреб. Влетел он в комнату, сбросил оперение, надел новые одежды и приветствовал своего шурина.

Посидели они, поговорили, и шурин спрашивает своего зятя-ястреба:

— Ты летаешь по всему свету, расскажи, что нового ты видел или слышал?

— Ничего особенного не произошло. Но вчера я видел, как Черный хожа увозил на трехногом гулинге красивую девушку. Я погнался за ним, но не смог догнать. Больше ничего особенного я не видел, — ответил зять-ястреб.

— В какую сторону он поскакал?

— В сторону восхода солнца.

На другое утро младший брат собрался и отправился в сторону восхода солнца. Мало ли он ехал, много ли, но через некоторое время очутился в одном селе. Остановился он у родника. Тут к нему подошла сестра, которая вышла замуж за сокола.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра! — И она привела брата к себе, расседлала его коня и завела в дом.

Через некоторое время прилетел сокол, сбросил оперение, надел новые одежды и приветствовал своего шурина. Посидели они, поговорили, и младший брат спрашивает:

— Ты летаешь по всему свету, сокол! Не расскажешь ли чего-нибудь нового?

— Ничего особенного нет. Но я видел, как Черный хожа увозил на трехногом гулинге красивую девушку. Я полетел, вслед за ним, но догнать его не смог. Мне было жаль эту девушку.

— В какую сторону он поскакал?

— В сторону восхода солнца.

На другое утро младший брат отправился в сторону восхода солнца.

Мало ли он ехал, долго ли, но через некоторое время очутился в одном селе.

Сидит он у родника вблизи этого села, и тут к нему подходит его невеста, увезенная Черным хожей.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра! — воскликнула она. — Как ты очутился здесь?

— Мало ли ехал, долго ли, но вот очутился здесь. Теперь торопись, нам нужно уезжать, — сказал младший брат.

— Мы-то убежим, по какой толк от этого? У похитившего меня хожи есть трехногий гулинг. Черный хожа обладает непомерной силой. Боюсь, как бы он не изувечил тебя, — сказала невеста.

— Если удастся — спасемся, не удастся — умрем, но уходить отсюда нужно! — сказал младший брат и ускакал со своей невестой.

В это время уставший от дороги Черный хожа крепко спал.

А спал он так: подложив одно ухо и накрывшись другим, он засыпал в одну пятницу, а просыпался только в следующую. Трехногий гулинг Черного хожи все понимал и разговаривал на человеческом языке. Узнал конь, что девушку увезли, сломал запор у сарая и, ударив Черного

хожу по уху передней ногой, разбудил его.

— Что случилось? — спросил Черный хожа.

— Нашу девушку увозят, — ответил трехногий гулинг.

— После обеда догоним их или не обедая догоним?

— Догоним и не обедая, и после обеда, — ответил конь.

Они не торопясь пообедали, а потом Черный хожа схватил трехпудовую дубину и бросился в догоню. Через некоторое время он догнал девушку и младшего брата, забрал девушку, ударил младшего брата дубиной и убил его.

Девушка говорит Черному хоже:

— Позволил бы ты мне собрать его кости в талс и приторочить их к седлу коня.

Черный хожа разрешил собрать кости в талс. А конь младшего брата спустя некоторое время очутился у сестры — жены сокола. Диким криком кричала она, слезы дождем лились из ее глаз. В это время прилетел сокол. Увидел он мертвого шурина и, успокаивая жену, сказал:

— Не горюй и не плачь! Я оживлю его, и он станет прежним.

Вырвал он из своего оперения три пера, потер им кости шурина, и тот ожил.

— Долго же я спал! — промолвил младший брат и встал.

На второй день утром он снова, остановился у родника, где проживал Черный хожа. Приходит его невеста по воду, и говорит он ей:

— Так нам не спастись от Черного хожи. Любым путем узнай, где он добыл трехногого гулинга. Тогда я добуду такого же гулинга и увезу тебя от него.

Стала невеста расспрашивать Черного хожу, где достал он своего гулинга.

Черный хожа поведал ей всю правду:

— На востоке, где встает солнце, в далеком краю, у моря на песке стоит кобыла. Она каждый год приносит одного жеребенка, и тут же съедает его — в пустыне нет травы. В эти дни она должна ожеребиться. Когда я отправился туда, она успела съесть лишь одну ногу жеребенка. Я накормил кобылу и забрал жеребенка. Эта кобыла ест мясо и молоко.

Девушка передала все, что сказал Черный хожа, младшему брату. И младший брат отправился в те края. Мало ли ехал, долго ли, но очутился в краю, где в песках стояла кобыла. Стал он кормить кобылу мясом и молоком. Спустя немного времени она начала жеребиться. Довольная угощением младшего брата, кобыла дала ему совет:

— Кант, только появится морда жеребенка, сразу же взнуздай его, только появится круп, сразу же оседлай, подтяни тремя подпругами, укрепи подхвостник, только он станет на четыре ноги — вскочи на него.

Младший брат исполнил все советы кобылы и вскочил на жеребенка. Жеребенок носился по всему свату и очутился опять около своей матери-кобылы.

— Есть ли на мне кто-нибудь? — спрашивает жеребенок у матери.

— Я, кант, на тебе, — ответил младший брат и сжал бока жеребенка.

— Тогда пусть я буду тебе впрок. Дай мне лишь насытиться молоком матери, и мы отправимся, куда хочешь, — сказал жеребенок.

Досыта пососал жеребенок материнского молока и потом проделал за час многодневный путь до Черного хожи и очутился в его дворе.

Вызвал младший брат свою невесту, усадил ее на круп гулинга и поскакал. Узнал об этом трехногий гулинг Черного хожи и ударил передней ногой спящего хозяина по уху, разбудил его и сообщил о случившемся.

— После обеда догоним их или не обедая догоним? — спросил Черный хожа.

— И не обедая не догоним, и после обеда не догоним, — ответил трехногий гулинг.

Черный хожа быстро схватил трехпудовую дубину и бросился вдогонку. Младший гулинг

совсем близко подпускал к себе Черного хожу, а затем тут же исчезал. Трехногий гулинг Черного хожи стал уставать. Когда они еще раз были совсем близко, трехногий гулинг крикнул младшему гулнигу:

— Мы братья, рожденные одной матерью. Дай мне догнать себя! Видишь, как мучает меня мой хозяин!

— Ты возишь подлого седока. И мне тебя не жаль. Я скажу своему хозяину, чтобы он бросил бурку, а ты, будто от испуга, отпрянь, сбрось его с себя, убей ударами копыт и следуй за мной, — сказал младший гулинг.

На всем скаку младший брат сбросил с себя бурку. Испуганный трехногий гулинг резко шарахнулся в сторону, и Черный хожа слетел с него. Ударами копыт трехногий гулинг убил Черного хожу, а сам отправился вслед за младшим гулингом.

Вместе с невестой и двумя конями младший брат прибыл к зятю-соколу.

Три дня и три ночи играли они свадьбу. Зять-сокол одарил шурина богатыми подарками и проводил с почестями.

Прибыл младший брат к зятю-ястребу. И там три дня и три ночи играли свадьбу. Зять-ястреб одарил его подарками и проводил к свояку.

Прибыл он к зятю-голубю, где его хорошо приняли, одарили подарками и проводили домой.

Братья не надеялись его больше увидеть и, радостные от встречи с братом, устроили большой той[64], стали счастливо жить.

10. Семеро товарищей

Опубл.: ИФ, т. II, с 101.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

В давнее время жила вдовая старуха с пятнадцатилетним сыном. Дочь ее была замужем. Вдовая мать с сыном жили бедно. Однажды они пошли на речку, чтобы промыть полмешка пшеницы. Промыли пшеницу и положили сушить. Мать говорит сыну:

— Охраняй пшеницу от птиц, я скоро приду.

— Хорошо, — сказал мальчик и стал охранять пшеницу.

Спустя некоторое время он уснул. Проснулся он от пинка матери и видит, что пшеницу поклевали птицы и над ним стоит мать.

— Напрасно ты меня разбудила, я видел хороший сон. Если бы ты знала, какой это был красивый сон, то не ругала бы меня, — сказал он ей.

— Пусть умру я вместо тебя[65], если ты мне не расскажешь свой сон.

— Пусть умрет моя мать, если я расскажу!

— Будь проклят! — сказала мать и избила его.

От матери он убежал к сестре. Месяц, два, три провел у сестры. Говорит ему сестра:

— Нашей матери трудно, наверное, приходится, возвратись к ней, посмотри за старой.

— Нет, не пойду. Когда я, уснув, увидел сон и не рассказал ей, она меня избила.

— Пусть умрет твоя сестра, если не расскажешь мне об этом, — попросила сестра.

— Пусть умрет, если расскажу.

Прогнала его и сестра.

Шел он, шел и дошел до владений одного падчаха.

— Ва, люди, кому нужен человек, искусный в воинских делах? — причал он, идя по селу.

Эти слова услышал падчах и позвал его к себе. Падчаху молодой человек показался неказистым:

— Разве из него выйдет воин? Дайте ему хромого коня и заржавленную шашку, — сказал падчах.

— Мне не нужны эти вещи, они не по мне.

— Ишь ты! Какой гордец! Кто ты и откуда путь держишь?

— Я сын вдовы. Однажды я уснул у реки и увидел хороший сон. Этот сон я не рассказал ни матери, ни сестре, и поэтому они прогнали меня.

— Пусть у тебя умрет падчах, если не расскажешь этот чудесный сон.

— Большое дело — твое царствование! Умри ты, если расскажу.

Разгневанный падчах сказал, чтобы его не убивали, а посадили в мусорную яму. Яма была очень глубокая, и из нее невозможно было выбраться. Молодой человек как ни в чем не бывало сделал из корня крапивы зурну[66] и играл на ней.

Однажды к этой яме пришла дочь падчаха. Услышала она мелодичные звуки и увидела молодого человека. Он ей понравился, и дочь падчаха сказала:

— Что ты делаешь в яме? Я принесу веревку и вытащу тебя.

— Я не выйду, сюда бросил меня твой отец. Пусть он и вытаскивает. Придет день, когда я буду нужен ему.

С тех пор дочь падчаха приносила юноше вкусную, жирную, пищу, кормила его и часто слушала его игру на зурне.

У падчаха не было жены, и он надумал жениться на дочери соседнего князя. Но каждый раз сваты получали отказ — князь не хотел брать в зятья старого падчаха.

Просьбы падчаха ему надоели, и он прислал ему лук и тетиву, которую не могли натянуть шестьдесят человек, со словами: «Если в твоем царстве найдется человек, способный натянуть тетиву этого лука, то я выдам за тебя свою дочь и подарю половину княжества».

Ни падчах, ни его эздии, ни рабы[67] не могли натянуть тетиву лука. Тогда падчах дал приказ своим эздиям пройти по всему царству в поисках человека, который натянул бы тетиву. Пришли к падчаху и говорят, что во всем царстве нет человека, который мог бы натянуть тетиву княжеского лука. Опечаленный сидел падчах. К нему пришла дочь и говорит:

— В твоем царстве есть человек, который не испробовал свои силы.

— Кто он?

— Это молодой человек, брошенный тобой в мусорную яму.

— Пойди и приведи его, — послал он своего раба.

— Нет, не пойду, если сам падчах не попросит, — ответил юноша.

Падчах послал своих эздиев — он и им отказал. Пришлось идти самому падчаху.

— Забудь обиду и выйди из ямы.

Только тогда вышел юноша из ямы. Натянул лук.

— Куда пустить стрелу: в башню, где сидит дочь князя, или в башню, где сидит князь? — спросил юноша.

— В башню князя, — сказали все.

Юноша натянул тетиву, пустил стрелу и разрушил угол башни князя.

Тогда князь сообщил: присылайте сватов за девушкой. Он думал, что вряд ли найдутся такие сваты, которые наберутся решимости приехать за его дочерью. Об этом догадывался и падчах.

— Только ты в моем царстве можешь привести дочь князя, поехал бы за ней.

Отправился юноша к князю и по дороге увидел человека, который приложил ухо к земле, а другое — к небу.

— Что ты делаешь? — спросил юноша.

— За семью горами, за семью морями играют в альчики ешапята. Я прислушиваюсь к их игре, и это меня веселит.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал слышащий все, что происходит за семью горами, за семью морями.

По дороге они встретили человека, который сидел на берегу моря и менял зобы у голубей по другую сторону моря.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо, — ответил тот. — Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал встречный.

Шли они, шли и встретили человека, который одну ногу подвязал к поясу, а на другой гонялся за ланями и оленями, ловил их, затем отпускал и снова ловил.

— Вот это чудо!

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал встречный.

Пошли все вместе дальше и встретили человека, который стрелял из ружья в барса, находившегося за семью горами.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал встречный.

Шли они, шли и повстречали у моря еще одного человека. У него был испорченный зуб, в дупло которого он втягивал море, а потом снова выпускал его.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда я ваш друг, — сказал встречный и втянул море в дупло зуба.

Отправились они вместе и встретили человека, который взваливал на спину село с девятью тысячами очагов и переносил его на другое место.

— Есть ли на свете что-либо удивительнее этого?! — сказал молодой человек.

— Есть! Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— В таком случае я ваш друг, — сказал встречный, поставил село на место и отправился вместе с ними.

Юноша и шесть товарищей пришли к князю. Князь не хотел отдавать им свою дочь. Принял он сватов и усадил их в отдельной комнате. Сидят они и думают, чем их будут угощать хозяева.

— Это мы сейчас узнаем, — сказал хорошо слышащий.

Он приложил одно ухо к земле, а другое — к потолку и через некоторое время сказал:

— Я подслушал разговор людей, которые готовят нам еду. Они готовят два стола — один вкусный для своих родственников, а другой с ядом — для нас.

Сидят они и думают, что же им теперь делать.

Менявший зобы у голубей незаметно для всех заменил столы. Вкусная и обильная пища досталась юноше и его друзьям, а отравленная — родственникам князя. Друзья сытно поели, а те — вспухли и умерли.

Присылает к ним князь посланца с таким поручением:

— Можете ли вы выделить человека, который состязался бы с нашим наперегонки?

Друзья ответили:

— Готовьте своего, а наш сейчас придет.

Князь подговорил гам. Состязаться с ней наперегонки вышел тот, который на одной ноге догонял ланей, косуль.

Отметили им вдали одно место. И условились, что победит тот, кто первый добежит до этого места и возвратится обратно.

Гам-плутовка была очень хитрой. Она захватила с собой карак[68] и еду. Изо всей мочи мчалась гам, и на одной ноге бежал быстро бегающий. Добежали они до отмеченного места.

— Давай отдохнем немного, — сказала гам.

— Я вовсе не устал, — ответил человек.

— Куда ты спешишь, садись. У меня есть карак и еда. Посидим немного.

Сели они. Гам сама не пила, а бегавшего на одной ноге опоила, и он уснул. Гам подложила ему под голову чашу, из которой он пил карак, а сама бросилась бежать.

Шестеро товарищей увидели бегущую изо всех сил гам. Тогда хорошо слышащий приложил ухо к земле, а другое — к небу и прислушался.

— Мне кажется, что наш товарищ спит. Что нам делать?

Хорошо стрелявший выстрелил из ружья и вдребезги разбил чашу, лежавшую в головах уснувшего. Бегун вскочил, опустил свою вторую ногу и бросился вдогонку гам. Нагнал ее, сбил с ног и возвратился первым.

— Наш бегун прибыл первым, давайте нашу девушку, — сказали товарищи.

— Уже вечер, завтра отдадим вам невесту, — сказал князь, а сам задумал злое дело.

Среди ночи весь дом, в котором спали друзья, обложили соломой и подожгли, чтобы ни один из них не остался в живых.

Спохватились друзья, но прорваться сквозь огонь были не в силах. Тогда втягивающий в рот морскую воду выпустил ее из дупла зуба и потушил пожар.

— Уже наступило утро, нам пора возвращаться, — сказали друзья.

Но князь и не думал отдавать дочь.

«Надоели нам проделки князя», — подумал юноша, выстрелом из лука разрушивший угол башни, и говорит товарищу, который перетаскивал село с одного места на другое:

— Люди князя не отдадут нам невесту, взвали это село вместе с невестой на спину.

Тот взвалил село на спину, и они тронулись в обратный путь.

Все жители села стали просить юношу, чтобы друзья поставили село на прежнее место. Последними стали просить слепой старик и хромая старуха:

— Поставьте наше село на место, мы отдадим вам невесту.

Поставили они село на прежнее место и отправились к падчаху.

И стал думать юноша: «Жениться мне на дочери падчаха или на дочери князя? Обе они красивые, какая же из них лучше?»

— Проснись, мой мальчик, пшеница уже подсохла, пора возвращаться домой, — разбудила мальчика мать.

— Все, что я рассказал, случилось со мной во сне, — сказал мальчик.

Взяли они полмешка пшеницы и отправились домой.

11. Князь и Жера-Баба[69]

Записала Н. Точиева в 1976 г. на ингушском языке от С.-А. Бахаргиева, с. Бамут ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

У Жера-Бабы умер муж, и осталась она с семью сыновьями. У них был только домик. Сыновья все время лежали в соломе стеснялись выйти даже во двор — у них не было одежды. Жера-Баба работала на князя. Возвращаясь домой, она приносила сыновьям по комку толокна[70].

Как-то раз Жера-Баба услышала, что сармак украл дочь князя. Князь потерял, покой и интерес к жизни, часто плакал, переживая за дочь. Вернулась Жера-Баба домой и спрашивает у младшего сына:

— Есть ли в твоем теле хоть капля мужества?

— Мужества у меня нет, но я смог бы пойти по следу, который в прошлом году оставил муравей.

И у второго сына мать спросила:

— Есть ли в тебе капля мужества?

— Мужества у меня нет, но я смог бы незаметно для кобылы вытащить из ее чрева жеребенка.

Спросила третьего. Тот ответил, что обгонит любого человека или зверя на земле.

Когда она спросила о мужестве четвертого, тот ответил:

— Мужества у меня нет, но я смог бы одной рукой схватить, а другой отбросить шестьдесят трех человек.

Пятый сказал, что смог бы играть в поднебесье, шестой, что смог бы подпрыгнуть на сорок пять локтей в высоту и поймать любого в поднебесье. Спросила у седьмого и тот ответил:

— Мужества у меня нет, но я попал бы стрелой меж глаз того, кто спрячется в небесах.

Тогда Жера-Баба спросила, не могли бы они отыскать дочь князя. Пошла она к князю и сказала, что ее сыновья готовы освободить его дочь. Князь обрадовался ее словам, дал ей семь рубашек, семь штанов, семь папах и еду. Пришла она с этими вещами и собрала сыновей в дорогу.

По следу сармака пошел младший сын, который мог отыскать след прошлогоднего муравья. Пересекли они семь гор и за восьмой увидели спящего сармака, свернувшегося в кольцо. А в середине кольца сидела дочь князя. Второй брат, незаметно для кобылы вытаскивающий из ее чрева жеребенка, взял дочь князя. Третий, самый быстрый, увез ее.

Проснулся через некоторое время сармак и бросился в погоню. Тогда четвертый брат, который одной рукой останавливал, а потом отбрасывал шестьдесят трех человек, схватил сармака и всадил его в землю так, что из земли торчали только морда и кончик хвоста.

Девушка попросила семерых братьев одним ударом лишить сармака жизни. Только они ударили сармака, как тот вырвался из земли и вместе с дочерью князя взлетел на небо. Тогда пятый, который точно попадал в цель, пустил стрелу, попал меж глаз сармака и сбил его с небес. Не успел сармак долететь до земли, как шестой, подпрыгивающий на сорок пять локтей, подпрыгнул и вырвал из его пасти дочь князя.

И возвратились сыновья Жера-Бабы с дочерью князя.

Предложили девушке выбрать в женихи любого из семерых братьев, но ей все они нравились одинаково.

Тогда люди обратились к вещему человеку. Он сказал, что девушка принадлежит тому, кто вытащил ее из круга сармака, то есть второму брату, который незаметно мог вытащить жеребенка из чрева кобылы.

Князь отдал все свои богатства Жера-Бабе и ее сыновьям.

12. Сын вдовы Жатик

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от своей матери А. Торшхоевой, с. Галашки ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

В одном селе пас телят и этим кормил мать и себя плешивый мальчик. Его звали Жатиком. Он часто приходил к роднику, худа ходят по воду девушки, и играл на чондарге[71].

Однажды, когда он играл, за водой пришла дочь падчаха. Она издали прислушивалась к грустной мелодии. После этого она каждый раз приходила к роднику слушать его игру. Жатик сильно ее полюбил. И дочь падчаха его полюбила. Однажды Жатик сказал матери:

— Я даю тебе неделю времени. Передай падчаху, что я хочу жениться на его дочери, и пусть он скажет, какой урду[72] он потребует.

— Ай, он же нас убьет, я не осмелюсь ему это сказать, — ответила мать.

— Что он тебе сделает? Убьет? Если же ты не передашь ему мои слова и вернешься, я сам тебя убью, — сказал Жатик.

Медленно побрела мать ко двору падчаха.

— У наших ворот попрошайка. Дайте ей милостыню и отпустите, — сказал падчах.

Слуги падчаха дали женщине подарки и отпустили.

— Я не попрошайничать тебя послал, — стал браниться Жатик. — Тебе осталось шесть дней для сватовства.

Так два или три раза возвращалась мать с подарками — подаянием от падчаха.

— Если и теперь не передашь мои слова падчаху, — сказал Жатик матери, — не миновать тебе смерти. — Мы ни в чем не уступаем падчаху, чтобы он не выдал за меня свою дочь.

Опять пришла мать ко двору падчаха и, когда ей стали давать подаяние, сказала:

— Я не попрошайка. У меня есть разговор к падчаху.

— О чем она говорит? — спросил падчах у эздия.

— Она пришла свататься, — сказал он.

— Натравите на нее злых собак и прогоните… Разве слыхано такое сватовство, или она с ума спятила? — разгневался падчах.

Выпустили на мать Жатнка злых собак и прогнали. Сидевшая у окна башни дочь падчаха видела все это, пришла к отцу и сказала:

— Постеснялся хотя бы ее седин. Так поступать не к лицу падчаху. Теперь тебя люди будут упрекать в этом. Если ты недоволен, потребуй от них невыполнимый урду.

Пришлось старушку вернуть и извиниться перед ней. Падчах сказал:

— Я выдам свою дочь за твоего сына, если он пригонит шестьдесят три жеребца, подобных барсу, шестьдесят три стельных коровы, шестьдесят три годовалых бычка, отары овец и тюк гезадяри[73].

Плача возвратилась старая вдова и передала сыну требовании падчаха. Тогда Жатик спросил:

— Остались ли в нашем доме доспехи моего отца?

— Доспехи-то есть, но совладаешь ли ты с ними? У твоего дада[74] был красный жеребец, подобный, барсу, который находится за семью замками. Это не простой жеребец. Если ты разобьешь семь замков, мизинцем осадишь жеребца, не дашь ему шелохнуться, оседлаешь, а затем опояшешься оружием, которое найдешь там же, тогда ты достоин имени своего отца. Если же ты не в силах этого сделать, не ходи туда, где конь.

Жатик искупался, переоделся и отправился в подземелье.

Только он вошел, как на него бросился красный жеребец, подобный барсу, пугавшийся своего дыхания. Искры сверкали от скрежета его зубов. Только жеребец бросился на него, Жатик ударом мизинца осадил его. Не успел конь шелохнуться, Жатик оседлал, уселся на него и опоясался оружием. Выскочил из подземелья красный жеребец, подобный барсу, думая, что на нем сидит какая-то муха. Поднимался он в небеса, опускался на землю в надежде сбросить или разбить наездника. Но Жатик оказывался под брюхом коня, когда тот поднимался в небеса, и на его крупе, когда копь ударялся о землю. Устал конь и присмирел.

— Только твоему отцу я подчинялся. Теперь знаю, что и ты можешь управлять мной. Пусть я буду тебе впрок, а ты — мне. Я готов выполнить твои приказания. Мы отправляемся в бой или на мировую? — спросил он.

— Мы отправляемся в далекие степи, чтобы угнать у одноглазого вампала табуны коней и скота.

— Этот вампал лишил жизни твоего отца. Мы идем на битву. Ускорить ли нам отъезд?

Жатик прогарцевал несколько раз на коне по двору:

— Оставайся с добром, нана! — сказал Жатик матери, перескочил на коне через ограду и отправился в дорогу.

Едут они, едут и, насколько заметно глазу, видят в поле всадника. Подъезжает всадник и приветствует Жатика. Ответил на приветствие Жатик и спрашивает:

— Кто ты такой и как попал в эти края?

— Я сын князя, — ответил всадник, — и полюбил дочь падчаха. Но ее отдадут лишь за табуны коней и скота. Поэтому я очутился здесь.

— И я поэтому нахожусь здесь, — сказал Жатик, — поедем вместе, если ты согласен.

— Я бывал в этих краях и хорошо знаю их. Если я стану поджарым волком, станешь ли ты следовать за мной щенком волка?[75]

— Если ты будешь идти впереди, то я щенком волка последую за тобой, — сказал Жатик.

И они отправились дальше.

Едут они, и встречается им речка, на берегу которой растет большое дерево. Говорит конь Жатику:

— В этом месте твой отец часто отдыхал.

Переночевали друзья и отправились дальше. Ехали они, ехали и приехали к огромному синему морю. Говорит сын князя Жатику:

— Мы прибыли с тобой в степи вампала. Больше я впереди не поеду.

И говорит ему тогда Жатпк:

— Если поджарым волком я пойду впереди, последуешь ли ты щенком волка за мной?

— Если поджарым волком ты пойдешь впереди, то щенком волка я последую за тобой, — ответил сын князя.

— Ты останешься здесь отбивать добычу у проезжих или пойдешь на дно морское угонять табуны вампала? — спросил Жатик у сына князя.

— Я останусь здесь отбивать добычу у проезжих, — сказал сын князя.

— Хорошо. Тогда я спущусь на дно морское. Если на море, появится красная пена, знай, что я возвращаюсь с боем. Тогда можешь уезжать. Если появится на море белая пена, знай, что я возвращаюсь с миром, и жди меня! — И Жатик бросил коня в море.

Говорит конь Жатику:

— Сейчас вампал спит, проснется он только через неделю, если его не разбудит поводырь табуна — красный жеребец, подобный барсу. Он сильнее меня, так как сосал грудь моей матери три раза, а я — только один. Твой отец угнал меня из табуна вампала. Этот табун не трогается с места, если жеребец не пойдет впереди. Сначала надо выгнать жеребца, за ним и табуны.

Прибыли они на дно морское. Взял Жатик из-под головы вампала тюк геза-дяри, погнал жеребца впереди, а табуны коней — за ним. В это время оставшийся у моря сын князя отбивал у проезжих добычу; собрал много золота, серебра и, увидев на море белую пену, очень обрадовался. Жатик выгнал табуны из моря и сказал своему другу:

— Жеребец вампала хочет снова уйти в море. Если он уйдет от вас, то разбудит вампала. Ты возьмешь, его за узду и пойдешь впереди или пойдешь сзади?

— Я пойду впереди, — сказал сын князя и взял жеребца за узду.

Едут они, и конь Жатика говорит:

— Жеребец вырвался из рук князя. Табуны скачут за жеребцом. Если он вернется в море, то нам туго придется. Ударь меня кнутом с такой силой, будто ударили семеро вампалов, напряги свое тело так, будто напряглись пятнадцать всадников.

Нанес Жатик коню плеткой удар с такой силой, будто ударили семеро вампалов, напряг свое тело, словно напряглись пятнадцать всадников, пустил коня вслед жеребцу вампала, подобному барсу. Но не успел его догнать, и жеребец вампала ушел в море.

Говорит конь Жатику:

— Окутай меня шестьюдесятью тремя лошадиными шкурами. Сейчас из моря выскочит вампал на жеребце. Ты станешь драться с вам, а я — с конем. В этом жеребце — сила вампала. Проиграет жеребец — проиграет и вампал. Жеребец будет срывать с меня куски лошадиных шкур, а я с него — куски мяса. Станет его конь опускаться на колени, и тогда вампал скажет: «Солнце мое, если я победитель!» Тогда ты не забудь и окажи: «Куда тебе, собаке, солнце?! Божье золотое солнце мое, если я одержу победу!» Тогда силы вампала иссякнут. В это время и снеси ему голову. Если здесь оплошаешь, вампал победит нас, и я не смогу помочь тебе.

Жатик исполнил все советы коня и сказал другу:

— Мне здесь придется драться. Табуны коней и стада коров гони к дому падчаха, — и расстался с ним.

Поднялся ветер, загремел гром, засверкали молнии.

— Вампал вышел из моря, — сказал конь. — Поднявшийся ветер — его дыхание. Гром — скрежет его зубов. Молнии — искры от скрежета зубов. Не пугайся и смело вступай с ним в бой.

На ходу вампал стал кричать:

— Ах ты, жалкий ублюдок! Я думал тебе и пяти лет нет и поэтому был спокоен. Живым твой отец не давал мне покоя. Я оторвал ему голову, теперь и ты меня в покое не оставляешь? Ты лишишься головы, как и твой отец!

— Прошедшее и будущее одному богу известно. Спешивайся с коня, черный вампал. Я отцовской шашкой терсмайла[76] снесу твою голову. И без твоей головы не вернусь. Приготовь оружие и начинай бой, — оказал Жатик.

И начали они драться. Дрались они так, что пар, струившийся с них, превращался в тучи. Так же дрались и их кони. Жеребец вампала вырывал лошадиные шкуры, а конь Жатика вырывал куски мяса. Жеребец вампала устал и еле стоял на ногах. И принялся он просить коня Жатика:

— Мы рождены одной матерью, сжалься, не убивай меня.

— Мой наездник — достойный человек, а твой хозяин — черный вампал. Мой хозяин никогда не обижал меня, и я его в обиду не дам. Упади на передние ноги, будто от бессилия.

Жеребец вампала упал на передние ноги. Увидел это вампал и крикнул:

— Солнце мое, если я победитель!

— Куда тебе, собаке, солнце?! Божье золотое солнце мое, если я одержу победу! — крикнул Жатик и ударом шашки снес голову вампала.

Жатик положил голову вампала в талс и поехал на то место, где останавливался отдыхать его отец. Прилег он там в тени и не мог встать от тяжких ран. Неподалеку он пустил пастись своего

коня.

В это время сын князя прибыл к падчаху. Выходит утром падчах и видит огромные табуны коней и скота.

— Кто пригнал эти табуны? — спросил он.

— Сын князя, — ответили ему.

И хотел выдать падчах свою дочь за сына князя, но дочь не согласилась:

— Я не согласна выйти за него замуж, так как он не привез отрезы геза-дяри.

Она попросила отложить свадьбу на неделю, а потом, стала умолять отца:

— Запряги для меня трех лучших коней и разреши мне одной осмотреть наш край.

Хоть и не понравилось это падчаху, но все-таки он отпустил дочь. А она направилась, в далекие степи. Прискакала к чуть живому Жатику. Вырвала из его ножен шашку, острие направила в свою грудь, а рукоять приложила к груди Жатика и решила: «Если он умрет, то и я покончу с собой».

Увидев все это, говорят, ангел полетел к богу и обо всем ему рассказал. Бог дал ангелу яблоко и сказал:

— Брось им это яблоко! Оно исцелит их.

Бросил ангел яблоко.

— Вот чудо! Откуда же это яблоко? А вдруг оно целебное? — подумала девушка и взяла его.

Очистила яблоко и из одной дольки выжала каплю сока надо ртом Жатика. Зашевелился Жатик. А когда она выжала еще каплю, он открыл глаза и произнес:

— Как ты очутилась здесь?

Дочь падчаха поведала ему обо всем и сказала, что не хочет выходить замуж за сына князя. Тогда Жатик сказал девушке:

— Теперь я чувствую себя лучше. Возвращайся домой. Заживут раны, и я сразу же приеду следом за тобой.

— Я дарю тебе вот это кольцо, оно известит меня о твоем возвращении. Доешь это яблоко, — сказала дочь падчаха и вернулась домой.

Съел Жатик все яблоко и окончательно выздоровел. Сел он на своего коня, положил голову вампала в талс и вернулся домой. В этот день во дворе падчаха играли свадьбу. Дочь падчаха выходила замуж за сына князя. А мать Жатика плакала, думая, что ее сын погиб. В это время вернулся Жатик. Увидела мать сына и говорит:

— Если ты везешь голову вампала, пусть молоко моей груди будет тебе впрок. Если же ты не отомстил за кровь отца, пусть молоко моей груди будет тебе ядом[77].

Вытащил Жатик из талса голову вампала и бросил к ногам матери. И мать Жатика так легко пустилась в пляс, что не оставляла следов на поверхности золы[78]. Жатик спросил у матери:

— Что за веселье во дворе падчаха? Там было так много людей.

— Дочь падчаха выходит замуж за сына князя, — сказала мать.

Вскочил Жатик на коня и отправился к роднику. Туда же пришла по воду служанка дочери падчаха.

— Ты почему пришла по воду так далеко? — спросил ее Жатик.

— Сегодня дочь падчаха выходит замуж. Она пожелала выпить воды из этого родника, — сказала девушка-служанка.

— Дай и мне напиться из этого кувшина! — попросил Жатик.

Девушка подала ему кувшин. Незаметно для девушки Жатик опустил в кувшин кольцо, и девушка, набрав в кувшин воды, ушла. Передала она кувшин дочери падчаха, и та увидела в нем свое кольцо.

— Не встретила ли ты кого-нибудь у родника? — спросила она.

— Там был один молодой человек, — ответила служанка.

— Иди и позови его ко мне, — приказала дочь падчаха.

Служанка привела Жатика, и он сказал:

— Если слово, которое ты мне дала, твердо, ты должна уехать со мной.

Дочь падчаха согласилась. Жатик посадил ее на круп копя и выехал со двора. Сын князя бросился в погоню за ним. Ударом шашки Жатик снес ему голову и увез свою невесту.

— Такого позора я так не оставлю, — сказал падчах.

Тогда Жатик показал ему отрезы геза-дяри и весь урду.

— Почему ты нарушил свое слово? — спросил Жатик у падчаха.

— Сын князя мне сказал, что ты убит черным вампалом, а я знал, что никто другой не сможет убить черного вампала и принести геза-дяри. Поэтому я нарушил слово. Если ты простишь меня, я отдам тебе полцарства.

Сыграли они богатую свадьбу, ели-пили целую неделю и разошлись. Жатик со своей женой и матерью и сейчас хорошо живут.

Ниже приводится вариант этого сюжета.
Записал И. А. Дахкильгов в 1970 г. на ингушском языке от Б. Гомботова, г. Грозный.
Личный архив И. А. Дахкильгова.

Кант в свиной шкуре

Давным-давно жили старик и старуха. У них не было детей. Скучной была их жизнь. Старик иногда говорил:

— Разве это жизнь? Нельзя так жить.

Однажды старуха пошла к знахарю попросить совета, а он сказал:

— Если съешь легкое и печень свиньи, то родишь сына.

Пришла старуха домой и, как посоветовал знахарь, съела печень и легкое свиньи [79].

Через некоторое время она родила сына. Днем мальчик был в свиной шкуре и ходил по двору, словно поросенок, а когда ложился спать, то снимал ее. Так он подрос и стал статным, красивым молодцом.

Однажды он сказал отцу:

— Засватай за меня дочь падчаха.

— Разве падчах выдаст свою дочь за тебя? Не будем говорить о невозможном, — сказал отец.

Но сын настаивал, чтобы отец посватал ему дочь падчаха.

Отец часто приходил к надчаху, но о просьбе сына не заикался.

Как-то позвал падчах старика, а тот заикнулся о сватовстве. От злости падчах даже подпрыгнул, обругал старта и выгнал его.

Приближенные падчаха сказали:

— Так прогонять старика не следовало. Люди могут подумать, что наш падчах груб.

Дочь же падчаха знала, что кант в свиной шкуре очень красив и статен.

— Не прогоняй так старика, лучше дай ему невыполнимое задание и скажи, что если он не выполнит его, то сватовство не состоится, а если выполнит, то состоятся, сказала дочь падчаха.

Когда на другой день старик пришел сватать дочь падчаха, его не прогнали.

— Подожди, старик. В эту ночь до рассвета в моем дворце должны стоять двадцать две золотые кареты, полные жемчуга. Если это будет тогда я выдам дочь за твоего сына, а если нет голову с плеч сниму. И падчах отпустил старика.

Пришел старик домой и стал прощаться с жизнью.

— Завтра день моей смерти. Падчах велел к утру привезти двадцать две золотые кареты, полные жемчуга. Только тогда он согласится выдать свою дочь за тебя. И если не выполнить его требование он снесет мне голову. Жить мне осталось всего вечер и ночь.

— Это не тяжело выполнить, иди, отец, отдыхай, сказал сын в свиной шкуре.

Желание сына исполнилось.

На рассвете во дворе отца стояли двадцать две золотые кареты, полные жемчуга, в них и отправился старик к падчаху. Падчах сдержал слово, и кант в свиной шкуре женился на его дочери.

Дочь падчаха знала, что кант носит свиную шкуру только днем, а ночью становится красивым юношей.

Пойдет дочь падчаха по воду, а над ней люди насмехаются за то, что она вышла замуж за кабана. Надоели ей эти насмешки, и она бросала ночью свиную шкуру в огонь. До утра ворочался в постели кант и все время повторял:

— Горю я, горю я!

Перед рассветом он ушел из дому, сказав:

— Кто меня любит, тот меня найдет.

Дочь падчаха решила найти мужа и собралась в дорогу. Свекор в свекровь сказали ей:

— Закрой нас в доме, чтобы даже свет к нам не проникал.

Закрыла она их и отправилась в дорогу.

Шла она, шла и встретила пастухов, стерегущих овец. Спросила у них:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— Вчера в сторону гор быстрее сокола прошел один человек, ответили пастухи.

Пошла дочь падчаха в указанную сторону.

Шла она, шла и встретила, пастухов, стерегущих коров, и спросила:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— Ничего мы не видели. Если хочешь узнать что-либо, то обратись к нашим братьям пастухам табунов коней. Они знают лучше нас.

Пришла дочь падчаха к этим пастухам и спрашивает:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— В горах, где обитают лишь олени, мы видели, как вчера из одной пещеры курился легкий дымок.

Дошла дочь падчаха до гор, где обитают лишь олени, и заметила, что из одной пещеры курится легкий дымок.

Вошла она в пещеру: там в огромном котле варится олень, половина пещеры завалена костями оленей, на столе всякие яства. Выглянула из пещеры и видит своего мужа он идет по тропинке. В одной руке несет убитого оленя, в другой чинару.

Дочь падчаха спряталась. Вошел муж в пещеру и думает: «Что бы это значило? Кто может здесь быть? Только трое могли вспомнить обо мне: мать, отец и жена».

Подумал он и произнес:

— Кто бы ты ни был покажись. Если стар, будешь мне отцом или матерью, если молод будешь мне братом или сестрой.

— Я в твоей и божьей власти, — сказала дочь падчаха, выходя из укрытия, и стала умолять мужа: — Возвратись домой, твои отец и мать доживают последние дни.

Молодой человек согласился. Перед сном он произнес:

— Пусть к утру здесь будет карета.

Утром у пещеры стояла карета. Они сели в нее и направились домой.

— Мы приехали, открывайте двери, — сказали они отцу-матери.

— Нет, мы не откроем, сына и невестки нет дома. Только мы, старики, дома.

— Ваши сын и невестка вернулись.

— Не верим, ответили родители. Просунь в отверстие палец, тогда узнаем.

Просунул сын палец, и по нему старики сразу узнали своего сына.

От пролитых слез родители ослепли, но, узнав, что сын и невестка вернулись, от радости, прозрели и стали жить счастливо.

13. Сын нарта

Опубл.: ИФ, т. II, с, 147.
Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от С. Гандалоевой, г. Грозный.

Сказка, сказка, пастушья сказка! У доносчика пусть язык отсохнет, у сплетника пусть душа оборвется! Плохой хозяин дома пусть умрет! Плохая жена пусть умрет! Если жена хорошая, пусть она, радостная, возвращается к родственникам мужа и чтит своих родителей!

Жила-была княжеская дочь. Одни князь надумал на ней жениться. Пришел он к ней и говорит, чтобы она вышла за него замуж.

— Я решила выйти замуж за мужественного и храброго человека, — ответила девушка.

— Мужчина, о котором ты говоришь, — я. Что нужно сделать, чтобы доказать свое мужество и храбрость?

Чтобы вам пожелать всего лучшего[80], недалеко от этой девушки жила старушка-мать с сыном. Отец мальчика был всем известный нарт. Однажды он отправился пригнать табун коней. В бою семиголовый вампал нанес ему тяжелые раны, и отец возвратился домой. Во дворе он вырыл девять ям, поставил в каждой яме по двери, а за ними укрыл своего турпал-коня[81]. А жене сказал:

— Ничего не рассказывай обо мне и о моем турпал-коне нашему мальчику, пока ему не исполнится пятнадцать лет. — После этого он умер.

Княжеская дочь решила, что и сын должен быть таким же, как отец, и сказала сватавшемуся к ней князю:

— Твое мужество и храбрость я узнаю, если ты продашь этого юношу и вырученные деньги привезешь мне.

— Хорошо, — согласился князь и отправился к юноше.

— Пойдешь ли ты, юноша, со мной за море? Если пойдешь, узнаешь имя убийцы твоего отца и отомстишь за него.

«Я же молод, какая от меня польза князю?» — подумал юноша, но, чтобы князь не заподозрил его в трусости, сказал:

— Князь, спасибо тебе, что предлагаешь мне пойти с тобой, но у меня нет коня для поездки.

— Это не беда, зайди ко мне и выбери себе из моего табуна лучшего скакуна, — сказал князь.

На второй день юноша пришел к князю. Сел на одного коня — у того спина сломалась, сел на второго — спина тоже переломилась, сел на третьего и четвертого — то же самое.

— Нет, из этого ничего не получится. Лучше я пойду домой и спрошу у матери, кто убийца моего отца и где его конь. Если я не найду коня, то пойду с тобой пешком.

В то время юноше было двенадцать лет.

— Кто убийца моего отца и где его конь? — не давал покоя сын матери.

Мать не отвечала, так как боялась, что сына ее могут легко убить.

«Надо действовать хитростью», — решил юноша и попросил мать:

— Нани, поджарь ячмень.

Мать быстро поджарила ячмень и поставила перед ним.

— Нани, я возьму его только из твоих рук, — сказал он.

— Живи долго, мой сыночек, — сказала она и подала на ладони горячий ячмень.

Сын сжал руку матери, в которой был ячмень так, что она вскрикнула:

— Отпусти мою руку, жжет!

— Кто убийца отца и где его конь?

— Твоего отца убил семиголовый вампал, сидящий в море. Если ты вскопаешь во дворе землю, то увидишь девять ям с девятью дверями; если взломаешь все двери, увидишь коня. Если ударом мизинца осадишь коня — значит, можешь ездить на нем.

Сын отпустил руку матери, взял лопату и вскопал землю. Одну за другой взломал он восемь дверей, а девятая сама открылась. Мизинцем юноша ударил коня, и тот осел на задние ноги. Тут же юноша оседлал коня, надел уздечку и сел на него. Конь почувствовал, что наездник — турпал, и во всем ему повиновался. Очистил юноша коня от навоза, взял со стены шашку, лук и другое снаряжение и выехал во двор. Оторвал от конского хвоста три волоска и передал их матери.

— Нани, что в первую очередь делал отец, когда садился на коня?

— Перескакивал на нем через ворота.

Разогнал юноша коня и перескочил через ворота.

— Нани, я отомщу за отца и вернусь обратно. Если же со мной что-нибудь случится, то возвратится конь, которого ты узнаешь по трем волоскам. С добром тебе оставаться, нани!

Хорошо вооруженные, они с князем отправились к морю за добычей.

По дороге им повстречалось стадо коров.

— Давай угоним этих коров, — сказал князь.

— Нет, хозяева этих коров, вместо воды давали моему отцу молоко. Не будем делать плохого хорошим людям!

Далее повстречали они табун коней.

— Давай угоним этот табун, — предложил князь.

— Нет. В нужную минуту хозяева табуна давали моему отцу лучшего скакуна. Лучше продолжим путь.

Затем им повстречались отары овец.

— Давай угоним эти отары, — снова предложил князь.

— Нет. И отары мы не тронем. Хозяева отар для уставшего отца резали барана и гостеприимно принимали его. Лучше совершим задуманное.

Наконец они доехали до синего моря.

— Что же мы будем делать теперь? — спросил князь.

— Ты оставайся с моим конем у моря. А я пойду на дно морское сражаться с убийцей отца. В четверг взглянешь на море. Я буду сражаться с морскими вампалами, море разыграется и будет все в крови и пене, польет сильный дождь. От скрежета зубов вампала засверкают молнии. Тогда отпустишь моего коня, и он придет мне на помощь.

— Хорошо, иди спокойно, — сказал лукавый князь.

Опустился юноша в море. В четверг взглянул князь на море — оно бурлило все в крови и пене. Лил дождь и сверкали молнии.

«После такого светопреставления не вернуться юноше, а пойти лишь туда, куда вошел его отец», — подумал злобный князь.

Забрал князь турпал-коня, думая, что юноша погиб, и отправился домой.

А было все вот как. На дне морском юноша подошел к башням вампалов и крикнул:

— Я пришел мстить за кровь отца, выходите, собаки! Вы думали, что убийство моего отца пройдет вам даром!

Вышел одпоголовый вампал. Одним ударом юноша снес ему голову. Вышел двухголовый вампал, и обе его головы слетели. Такая же участь постигла трехголового, четырехголового, пятиголового вампалов. Затем вышел шестиголовый вампал. Юноша снес ему шесть голов. От его грязной крови все море почернело. Выбежал тогда семиголовый вампал величиной с гору —

три дня и три ночи бился с ним юноша. Удары шашки высекали от него только искры, а тело его было твердым как камень. От ударов семиголового вампала на теле юноши оставались раны. Вышли они из моря, и юноша понял, что не одолеть ему шашкой семиголового вампала. Отбросил он шашку и взмолился:

— Ва, заходящее золотое солнце, помоги мне![82] — И, схватив семиголового вампала за пояс, бросил его наземь. Он вынул из его кармана нож и брусок.

Отрежет голову — и поточит нож о брусок. Отрежет — и поточит. Так он отрезал все семь голов. Из вен вампала текла не кровь, а выползали змеи, тараканы и всякая мразь. С тех пор на свете существуют насекомые и разная нечисть[83].

Много ран осталось на теле юноши. С трудом добрался он до пастухов, стерегущих овец, и с их помощью встал на ноги. Потом остановился у хозяев коней, которые дали ему лучшего скакуна, а затем — у пастухов коров. Они утолили его жажду молоком.

Живым и здоровым возвратился он домой и увидел, что двор его зарос бурьяном. В доме никого не было, а из курятника доносился голос:

— Да умри твоя мать, куда делся мой сын?! Разве он вырос до того, чтобы вершить геройские дела? Не успел он и подрасти, как ему пришлось покинуть белый свет и оставить меня старуху. Куда же он делся?

Юноша зашел в курятник, увидел мать в лохмотьях, ослепшую от пролитых слез.

— Не плачь, нани! Это я, твой сын, живой и здоровый стою перед тобой.

— Не береди сердце матери, оставшейся без сына. Моего сына убил черный вампал, а конь моего сына возвратился.

— Я жив, нани. Если не веришь, дотронься до талисмана, который ты дала мне в детстве.

Дотронулась мать до талисмана и поняла, что сын ее жив. Он вывел мать из курятника, переодел ее и рассказал о том, как отомстил убийце отца. Услышав это, его мать прозрела и на кончиках пальцев пустилась в пляс[84].

В это время возвратился князь и сказал девушке:

— Я продал юношу, и за него мне дали вот этого турпал-коня. Ты должна теперь выйти за меня замуж.

Три дня девушка ждала возвращения юноши. И наконец дала согласие князю.

Хотя юноше исполнилось всего четырнадцать лет, выглядел он тридцатилетним. Так повзрослел он за это время. Пошел юноша во двор девушки на веселье. Грустная сидела она у окна и вдруг заметила его. Она быстро подошла к нему и спросила:

— Разве ты не продан?

— Что это за враки! Я не дам себя так легко продать или купить. Откуда эти слухи?

— Мне рассказал об этом князь.

Юноша тут же сказал князю:

— Ты мой враг. Ты бросил товарища и увел его коня. Хвастался, что продал меня и хотел меня опозорить. Ты не князь, а жалкая вошь!

И сказал чванливый князь:

— Что ты можешь мне сделать, жалкая шубенка, объеденная молью?

— Я вот что сделаю, — сказал юноша, вырвал у него горло и бросил собакам.

— Я своих собак не считаю такими плохими, чтобы они могли сожрать горло столь грязного человека, — сказала девушка и бросила его горло в мусорную яму. Вокруг стояли удивленные люди.

— Продолжайте свадьбу, — сказала девушка, — я выхожу за этого юношу-турпала.

Они поженились и стали жить счастливо.

14. Князь Тепсырко и вдовий сын Жосарко

Опубл.: ИФ, с 38.
Записал Х. Осмиев в 1938 г. на ингушском языке от Х. Нашхоева, с. Гуй ЧИАССР.

Давным-давно, в далекие времена, — чтобы хорошим вас успокоить, чтобы княжеский сын из колыбели не встал, а волчий щенок из норы не вылез![85] — два молодых человека — князь Тепсырко и вдовий сын Жосарко — ухаживали, говорят, за одной девушкой.

— Если ты продашь вдовьего сына Жосарко и в подарок принесешь мне дорогие платья, я выйду за тебя замуж, — сказала девушка князю Тепсырко.

Князь Тепсырко расхвастался перед девушкой и пришел к сыну вдовы Жосарко.

— Сын вдовы Жосарко, пойдем в набег и пригоним табуны коней, — сказал он.

— Я не пойду с тобой, князь Тепсырко, — ответил сын вдовы Жосарко. — У меня нет ни одежды, ни коня, ни оружия, чтобы пойти с тобой в набег.

— Я дам тебе коня, одежду и оружие, — приставал князь Тепсырко.

Дал он Жосарко коня, оружие, одежду, но, как только они выехали из села, у коня, на котором ехал Жосарко, сломалась спина, и он тут же упал и сдох.

— Так-так, — сказал сын вдовы Жосарко. — Если нам нужно поехать, то все, что мне потребуется для этого, я найду себе сам.

Вернулись они обратно. Жосарко надел ту одежду, которую надевал его отец, взял оружие, которое носил отец, оседлал коня, на котором ездил отец, и приготовился в путь.

Долго-долго ехали они с князем и наконец очутились у берега моря.

— Князь Тепсырко, войдешь ли ты в море или останешься на берегу? — спросил сын вдовы Жосарко своего спутника.

— Я останусь на берегу, в море не пойду, — ответил князь Тепсырко.

— Жди меня на берегу, пока я не вернусь, — сказал сын вдовы Жосарко. — Если я должен умереть, то на поверхности моря появится пена краснее красной меди. Тогда опасайся беды, которая может постигнуть и тебя. Если же останусь жив, то на поверхности моря появится пена белее белого снега. Тогда жди моего возвращения.

После этого разговора сын вдовы Жосарко бросился в волны моря. В конце второй недели на поверхности моря появилась пена краснее красной меди. Князь Тепсырко так испугался, что не мог бежать и не знал, что делать. Еще через три дня на поверхности моря появилась пена белее белого снега.

Увидев белую пену, князь Тепсырко не находил себе места от радости. Через некоторое время из моря вышел табун коней, погоняемый Жосарко. Погнали они свою добычу — табун коней к дому. В этом табуне было три жеребца, подобных барсу: красной масти, словно медь; черной масти, словно уголь; белой масти, словно снег.

Не одолели всадники с табуном и части пути, как к сыну вдовы поскакал красный, барсу подобный жеребец. Ударом кнутовища по лбу Жосарко отпугнул его, и жеребец бросился в сторону князя Тепсырко, перепрыгнул через него и скрылся в море.

Испуганный князь стал оглядываться назад и сказал сыну вдовы Жосарко:

— Что это за мгла, которая с такой скоростью надвигается на нас?

— Это за нами гонится хозяин коней. Об угоне табуна ему сказал жеребец красной масти. Будешь ли ты гнать табун или останешься и дашь бой? — спросил у Тепсырко вдовий сын Жосарко.

— Я погоню табун коней, — сказал князь Тепсырко.

И сын вдовы Жосарко остался, чтобы отразить погоню. В это время к нему подскакал хозяин коней — черный великан.

— Так-так, сын вдовы Жосарко, — сказал он. — До сих пор нам не давал покоя твой отец, а теперь — ты. Начинай бой!

— Эй, черный великан! Зол на нас ты, покой потерял ты; угнанный табун коней — твой, так ты и начинай бой!

Черный великан натянул тетиву лука и пустил в сына вдовы стрелу. Пока стрела летела, Жосарко подпрыгнул в седле три раза на пятнадцать локтей, пропустил стрелу между собой и конем и опять очутился в седле.

Выстрелил он в черного великана и попал ему прямо в сердце, и тот замертво свалился с коня. Отрубил Жосарко голову великану, снял с него дорогие одежды, положил их в талсы и догнал князя Тепсырко.

Не одолели всадники с табуном и части пути, как в сторону Жосарко поскакал черный, как уголь, жеребец, подобный барсу.

Ударил его Жосарко кнутовищем по лбу и отпугнул. Тогда черный жеребец кинулся в сторону князя Тепсырко, перепрыгнул через него и скрылся в море.

Спустя некоторое время в погоню за князем Тепсырко и сыном вдовы Жосарко бросился второй брат великана.

— Что это за буря приближается к нам? — спросил князь Тепсырко.

— Это хозяин табуна пустился за нами в погоню. Князь Тепсырко, погонишь ли ты табун коней или останешься отбивать погоню? — спросил сын вдовы Жосарко.

— Я погоню табун коней, — сказал Тепсырко.

И сын вдовы Жосарко стал ждать погони. Приблизился к нему второй брат великана.

— Так-так, сын вдовы Жосарко! До сих пор твой отец не давал нам покоя, а теперь — ты. Начинай бой!

— Эй, черный великан! Зол на нас ты, покой потерял ты, угнанный табун коней — твой, ты и начинай бой! — крикнул Жосарко.

Пустил черный великан стрелу в Жосарко. Пока стрела летела, сын вдовы подпрыгнул в седле три раза на пятнадцать локтей, пропустил стрелу между собой и конем и опять очутился в седле.

Пустил сын вдовы Жосарко в черного великана стрелу, и тот свалился с коня. Жосарко отрубил ему голову, снял с него дорогие одежды, положил их в талсы и догнал князя Тепсырко.

Не одолели всадники с табуном и части пути, как в сторону Жосарко понесся белый как снег жеребец, подобный барсу. Ударял его Жосарко кнутовищем по лбу, и тот, испуганный, бросился в сторону князя Тепсырко, перепрыгнул через него и скрылся в море.

На этом белом коне в погоню за ними бросился самый старший из братьев великанов. Он сжигал по пути холмы и верхушки деревьев — столь разгневан он был на сына вдовы Жосарко и князя Тепсырко. Князь в испуге спросил:

— Что это за погоня, что это за огненный смерч мчится на нас?

— Это мчится за нами хозяин табуна копей, — ответил сын вдовы Жосарко. — Князь Тепсырко, ты погонишь табун коней или остановишься и дашь бой?

— Я погоню табун коней, — сказал князь Тепсырко.

И сын вдовы Жосарко стал дожидаться черного великана. Приблизился тот и говорит:

— Так-так, вдовий сын Жосарко! До сих пор нам не давал покоя твой отец, а теперь — ты. Начинай бой!

— Зол на нас ты, покой потерял ты, табун коней — твой, убитые два брата — твои. Ты и начинай бой, черный великан!

Пустил черный великан стрелу в Жосарко. Подпрыгнул он в седле три раза на пятнадцать локтей и опять очутился в седле. В эту секунду стрела, пущенная черным великаном, пронзила Жосарко. Пустил стрелу Жосарко, и раненный насмерть черный великан свалился с коня. Тогда стал Жосарко звать своего друга:

— Князь Тепсырко, снеси с этого черного великана голову и сними с него одежды.

— Я не осмелюсь отрубить ему голову и снять с него одежды, — сказал испуганный князь Тепсырко.

— Отруби ему голову, ничего с тобой не станет, он же мертв, нужно отрубить ему голову! Если я спешусь, обратно мне на коня не взобраться. Видно, насмерть меня пронзила стрела, — сказал сын вдовы Жосарко.

Князь Тепсырко не стал отрубать голову убитого великана и снимать богатые одежды.

Спешился Жосарко с коня, отрубил голову черному великану, снял с него дорогие одежды, уложил их в талс и хотел взобраться на коня, но не смог.

— Князь Тепсырко, — сказал он своему трусливому и коварному спутнику. — Скажешь, что, продав меня, ты приобрел эти дорогие одежды и табуны коней. Все это передай девушке, которую мы оба любим, а эти отрубленные головы отдай моей матери и скажи, что я не вернусь…

Князь Тепсырко оставил сына вдовы Жосарко, а сам вернулся домой и стал хвастаться, что продал сына вдовы Жосарко и за него выручил дорогие одежды и табуны коней. Все это богатство привез князь Тепсырко во двор девушки, а головы трех великанов отдал вдове.

— Смерть сына ничего не значит. Все-таки он отомстил за отца и себя, — приговаривала мать, катала головы трех великанов и этим забавлялась[86].

Но девушка догадывалась, что князь Тепсырко не в силах был бы продать сына вдовы Жосарко. Она собралась в путь-дорогу и поехала по свету искать Жосарко. Где-то далеко-далеко она наткнулась на мертвого сына вдовы Жосарко. Возле него стоял конь, который ослеп от долгого плача над своим хозяином.

Села она возле мертвого сына вдовы Жосарко и так много пролила слез, что тоже ослепла.

В это время неизвестно откуда в подол ее платья упали два белых пятака. Она подумала, что они упали с ее шеи, взяла их в руки и стала тереть глаза кулаками, в которых были зажаты пятаки. Глаза девушки опять стали зрячими. Она подошла к покойному сыну вдовы Жосарко и провела этими пятаками по его глазам.

— Как долго я спал, — сказал Жосарко и вскочил.

Потерли они пятаками глаза коня, и конь стал зрячим. Сын вдовы Жосарко возвратился с девушкой домой, женился на ней, стали они жить-поживать и были счастливы.

15. Тимар

Записал А. О. Мальсагов на чеченском языке в 1976 г. от Х. Башиева, с Шали ЧИАССР. Личный архив А. О. Мальсагова.

Постарел один человек, согнулась у него спина и пропало зрение.

На поиски лекарств для отца отправился его старший сын. Долго ли, коротко ли шел, дошел он до одного края, где снег был красным. «Вот чудо! Такого никогда не видел», — подумал он.

Возвратился старший сын с красным снегом домой, надеясь вылечить им отца.

Отец спрашивает его:

— Привез ли ты лекарство?

— Дада, я привез тебе никем не виданный красный снег, — ответил старший сын.

Отец остался им недоволен.

Отправился за лекарством второй сын. Долго ли, коротко ли шел, но миновал он места, где выпадал красный снег, и оказался в краю, где растет белая трава. С белой травой возвратился средний сын домой, думая, что никем не виданной белой травой он вылечит отца.

Отец спрашивает его:

— Что ты привел для моего излечении?

Сын ответил, что привез никем не виданную белую траву.

Отец и им остался недоволен.

Тогда стал собираться в дорогу младший сын. Собирался он три дня и три ночи. Отец сказал, что, отправляясь в путь-дорогу, он должен перепрыгнуть на коне через каменную ограду.

Младший сын разогнал коня и трижды перескочил через каменную ограду. Отец пожелал ему благополучного пути и наказал ничего в дороге не подбирать, иначе его постигнет беда. Наступил день, и день прошел, а за ночь младший сын миновал места, где выпадал красный снег и росла белая трава. Скачет он на белом коне и видит на дороге золотое перо. Остановил он коня и поднял золотое перо. Конь говорит ему:

— Ты нарушил наказ отца. Он же просил тебя ничего не подбирать.

Но сын взял перо и, спрятав его, поскакал дальше. Долго ли, коротко ли ехал он, видит на дороге золотой клубок ниток.

Приостановил он коня и подобрал золотой клубок. А конь ему опять говорит:

— Ты снова нарушил наказ отца. Он же говорил тебе в дороге ничего не поднимать. Этот золотой клубок ниток принесет тебе беду.

Но младший сын взял клубок.

На закате солнца доехали они до одного шахара и встретили пастуха коров. Младший сын спрашивает его:

— Кто в этом шахаре считается достойным мужчиной и принимает гостей?

Пастух указал на высокие башни, в которых жил князь, почитаемый людьми и принимавший гостей. Сын направился к нему. После расспросов гость стал на вечернюю молитву. Когда он совершил намаз и нагнулся, из-за пазухи у него выпало золотое перо. Князь схватил перо и сказал, что, если юноша не достанет ему птицу, которой принадлежит это перо, он умрет. Юноша ответил, что ему надо посоветоваться с конем, иначе он ничего не может ответить. Сын рассказал коню о просьбе князя.

— Поедем посмотрим, — говорит конь. — Пусть князь приготовит нам в дорогу легкую вкусную пищу, сахь[87] проса и курдюк караки.

Князь приготовил им все необходимое, и на второй день младший сын отправился в дорогу.

Долго ли, коротко ли ехал, прибыл он в далекий край. Конь остановился высоко в горах и сказал младшему сыну:

— Если окинешь вселенную взглядом, то увидишь вдали громадину, упирающуюся в небеса. Видишь ли наверху нечто подобное папахе?

— Вижу, — ответил младший сын.

— Это птица, о которой говорил князь. Я постараюсь незаметно привести ее сюда, а ты настрой себя на игру с ней. Она спросит тебя: «Из какого ты аула?», а ты отвечай: «Я из аула, где живет Тимар». Она спросит тебя: «Как себя чувствует Тимар?», а ты отвечай: «У Тимара согнулась спина и пропало зрение». Если птица спросит о коне Тимара, ответь, что если хозяин одряхлел, то конь, пропади он пропадом, не стареет и в чаще лесной пасется. Больше ей спрашивать будет неудобно. Она спустится с высоких гор и станет купаться в речке — чистить свое оперение. Тогда ты вылей из курдюка в речку караку, а просо разбросай вокруг себя.

Все исполнил младший сын.

Птица выкупалась в реке, опьянела и подошла ближе к нему поклевать зерно. Юноша бросился и поймал ее. Она трепещет в его руках, но он не отпускает ее. Птица спрашивает его:

— Это ты, Тимар?

Юноша ответил, что он — третий сын Тимара.

— Вечерний намаз мне надо совершить, оперение почистить, отпусти меня, — стала просить птица.

И юноша отпустил ее. Почистила птица оперение и села ему на плечо.

Так, с птицей на плече, на закате солнца прибыл младший сын Тимара в аул, в котором жил князь.

Стал младший сын совершать намаз, а из-за пазухи у него выпал золотой клубок ниток. Князь схватил этот клубок и сказал:

— Умру, если не привезут девушку, которая смотала этот клубок.

Юноша все рассказал коню. Конь сказал ему, чтобы князь приготовил им в дорогу вкусную легкую пищу.

На второй день юноша на своем коне отправился на поиски девушки.

Долго ли, коротко ли он ехал и прибыл в далекий край.

Говорит конь младшему сыну Тимара:

— Видишь ли высокие горы, а на них башню без входа и выхода? На верху башни сидит девушка, которая смотала клубок золотых ниток. Клубок неведомым образом начнет разматываться, а ты следуй за ним. Она спросит тебя: «Как себя чувствует Тимар?», а ты отвечай: «У Тимара согнулась спина и пропало зрение». Если девушка спросит о коне Тимара, ответь, что если хозяин постарел, то конь, пропади он пропадом, не стареет и в чаще лесной пасется. Для нее это будет радостной вестью. Девушка скажет: «Я боялась спуститься с башни из-за Тимара и поэтому состарилась здесь». Еще она скажет: «Я сыграла бы на гармошке на нижнем балкончике, если бы ты, гарцуя, сделал несколько кругов на коне». Ты ответь: «Хоть я и спешу, но, чтобы успокоить твое сердце, прогарцую». Сделай три круга, а на четвертом я передними копытами коснусь балкончика (если я не коснусь — пусть мои передние ноги оторвутся), а ты хватай ее.

И сын Тимара отправился к девушке. Та спросила его:

— Откуда ты родом?

Он ответил:

— Я из аула, в котором проживает Тимар.

На вопрос девушки о состоянии Тимара юноша ответил:

— Тимар тяжело болен: у него согнулась спина и пропало зрение.

— А как его конь? — спросила девушка.

— Хозяин постарел, а конь, пропади он пропадом, не стареет и в чаще лесной пасется.

Девушка обрадовалась этой вести.

Она сыграла на гармошке на нижнем балкончике и попросила младшего сына, чтобы он сделал на коне пару кругов вокруг башни.

Три круга прогарцевал юноша, а на четвертом конь коснулся передними копытами балкончика. Младший сын схватил девушку. Она начала биться в его руках, но юноша держал ее крепко.

— Ты, Тимар? — спросила девушка.

— Я не Тимар, а его третий сын, — ответил юноша.

— Я дала клятву быть женой только того, кто снимет меня с этого балкончика, — сказала девушка.

Схватил юноша эту девушку и привез к князю. Князь пришел к девушке, и она сказала ему:

— Если ты не искупаешься в молоке морской кобылицы, то не имеешь права дотронуться до меня.

Князь призвал всех ему подвластных и потребовал достать молоко морской кобылицы. Люди не могли достать это молоко и сказали князю, что тот, кто привез птицу и девушку, может достать и молоко морской кобылицы.

Князь попросил младшего сына Тимара достать ему это молоко. Младший сын ответил, что посоветуется с конем.

— Вот чего я с самого начала боялся, — сказал конь. — Пусть князь прирежет трех коней. Из их шкур приготовит куски сафьяна и даст меру клея.

Долго ли, коротко ли они ехали и прибыли на берег моря. Конь попросил вырыть две ямы, где им обоим можно было бы спрятаться. Младший сын смазал клеем три куска сафьяна и обмотал ими коня. Затем конь ударил копытами по воде, заржал и спрятался в яму.

Выскочил из моря жеребец, заржал, стал носиться по берегу и опять опустился в море.

Копь спросил юношу:

— Каков он был, когда выскочил из моря, и каким он стал когда опускался в море?

— Когда он выскочил из моря, на нем был аркан с тремя узлами, а когда опускался в море, один узел развязался.

Второй раз ударил конь копытами по воде, заржал и спрятался в яме. Как и прежде, выскочил из моря жеребец; поносился по берегу и, ничего не обнаружив, вновь опустился в море.

Конь спросил юношу:

— Каким был жеребец, когда вышел на моря, и каким стал, когда опускался в море?

Юноша ответил:

— Когда он выскочил из моря, два узла развязались, а когда опускался в море, остался один узел.

В третий раз ударил конь копытами по воде и спрятался в яму. Выскочил из моря жеребец; поносился по берегу и без единого узла на аркане, опустился в море.

Конь копытами взбурлил море и стал на открытом месте. Выскочил из моря жеребец и начал драться с конем юноши.

Морской жеребец срывал с коня куски сафьяна, а конь срывал с морского жеребца куски мяса. Подмял конь морского жеребца.

— Я владыка этой большой земли и этого моря. Я сделаю все, что ты прикажешь, — взмолился морской жеребец.

— Выгони всех кобылиц и жеребят из моря, иначе я расплескаю его! — сказал конь.

Жеребец выгнал всех кобылиц, младший сын Тимара оседлал своего коня и прибыл с кобылицами к князю. Вскипятили они в большом котле молоко кобылиц. Князь сказал, что сначала в этом котле должен искупаться младший сын Тимара, а он выкупается лишь после него. Младший сын ответил, что должен посоветоваться с конем.

Конь юноши ответил так:

— Скажи князю: «Если возле котла поставите моего коня, то я искупаюсь».

Юноша так и сказал князю.

Князь приказал поставить коня рядом с кипящим котлом молока. Юноша опустился в котел, а конь одним дуновением охладил молоко в котле. Увидев это, князь приказал, чтобы рядом с котлом, когда купаться будет он, поставили коня юноши. Конь жарким дуновением убил князя.

Младший сын Тимара собрался ехать домой. Он взял девушку, золотая птица уселась на его плечо, а жеребец погонял кобылиц. В дороге младший сын стал худеть. Девушка спрашивает:

— У тебя золотая птица, какой не видел ни один человек, табун морских коней, да и я в придачу. Почему ты худеешь?

— Я отправился из дому искать лекарство отцу от его недугов. Я не нашел и потому худею.

Золотая птица, сидевшая на его плече, сказала:

— Если ты вырвешь из моего правого крыла перо и потрешь им отца, он станет моложе тебя.

Прибыли они домой. Сын вырвал из правого крыла птицы перо и потер им отцу глаза и спину. Отец стал моложе сына. Оборачивается отец и видит птицу, которую не мог поймать, девушку, которой не мог добиться, и табун кобылиц, о котором мечтал. И сказал отец своему младшему сыну:

— Ты меня во всем превзошел: ты достиг того, чего я достичь был не в силах.

Сын выдал девушку за отца.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу. Приготовили такую пищу, которая и зубов не касалась, приготовили такое вино, которым и губ не обмочить.

Я был там, дал им тума[88] и вернулся домой.

16. Отцовское наследство

Опубликован на чеченском и русском языках: СМОПМК. Вып. 29, 1901.
Записал и перевел Т. Эльдарханов.

В селе с двенадцатитысячным населением жил когда-то человек по имени Нельбий Чуара[89], такой бедный, что чуть не умирал с голоду. Раз он сказал своей матери:

— Нет у меня коня, чтобы ездить, нет одежды, чтобы как следует одеваться, нет оружия, чтобы опоясаться. Видно, мой отец был бедным. Едва ли я выйду из бедности!

Мать сказала:

— Отец твой не был беден. После его смерти остался конь; он пятнадцать лет стоит в темной конюшне и кормится только кремнем и железом. Он очень зол и страшен. Если у тебя есть смелость осадить его, то он твой. Осталась также броня. Она тяжела, пятнадцать молодцев только могут сдвинуть ее с места, она твоя, если сможешь носить. Осталась также шашка, если сможешь владеть ею.

Нельбий Чуара оседлал отцовского коня, легко поднял и надел броню, опоясался оружием и, перепрыгнув на коне через три ограды, выехал бродить по белому свету. Долго ли он ехал, коротко ли, но наконец наткнулся на семь братьев нарт-орстхойцев, спавших на дороге крепким сном. При его приближении кони нартов сказали коню Нельбий Чуары:

— Куда путь держишь, бороздя, как плугом, дорогу и, как крот, поднимая землю? Если бы мы не боялись разбудить своих хозяев, то этот день был бы для тебя последним.

— Если бы я не спешил в далекий неведомый край, то я, как росу с травы, стер бы вас с лица земли, — сказал конь Чуары и проехал мимо.

Долго ли, коротко ли ехал Нельбий Чуара, но доехал он до большого шахара. Подъезжая к шахару, он бросил поводья, предоставив коню завернуть во двор, где им обоим было бы хорошо. На другом краю шахара стоял особняком дом вдовы: в этот двор и завернул конь Чуары. Чуара, утомленный с дороги, рано лег спать. Поздно ночью он увидел, как блеснула молния, хотя небо кругом было ясное. На другой день Чуара рассказал вдове о ночном явлении. Вдова объяснила, что шахар этот озаряется светом молнии в тот момент, когда царская дочь во сне переворачивается с боку на бок.

Узнав от вдовы, что дочь падчаха очень красива, Чуара послал старушку к падчаху спросить, не выдаст ли он за него свою дочь. Вдова передала желание Чуары падчаху: последний на это сказал, что он не вправе распоряжаться дочерью, так как едет со ста двадцатью всадниками сын другого падчаха, чтобы увезти ее силой.

Узнав это, Нельбий Чуара сел на коня и поспешил навстречу сыну падчаха. Долго он ехал и наконец встретился с сыном падчаха. Говорит сын падчаха с пренебрежением:

— Что за создание едет нам навстречу?

Чуара с достоинством ответил:

— Ты видишь перед собой Нельбий Чуару, которому пролетающая птица бросает в виде дани перо, а пробегающий зверь — копыто. Такой я, скоро увидите!

Сказав это, он ударил плетью коня и бросился с обнаженной терсмайльской шашкой на тех, кто был вместе с сыном падчаха. Конь давит тех, кто попадается ему под ноги. Кто попадается под руки, того убивает Нельбий Чуара.

Перебив всех, он вернулся обратно в тот шахар и опять послал вдову сказать падчаху, что с ним будет то же, что случилось, с сыном падчаха, если он не выдаст за него свою дочь.

Падчах поспешил изъявить согласие. Нельбий Чуара с красавицей невестой в карете поехал к

себе домой. Возвращаясь, он опять наткнулся на братьев нарт-орстхойцев. Они его обманули, уверив в своей дружбе, Нельбий Чуара подошел к ним без оружия. Этим воспользовались нарт-орстхойцы. Они сели в его карету и помчались с его невестой.

На своем коне, который случайно отвязался от экипажа, Чуара поскакал за ними. Вмиг он их догнал, но, догнав, не знал, что делать без оружия. Воспользовавшись удобным моментом, невеста передала ему терсмайльскую шашку. Засверкала шашка, покатились на землю головы нартов.

Со своей невестой без новых приключений прибыл Нельбий Чуара домой, и они поженились. В первую ночь, когда они, обнявшись, мирно спали, жена Чуары неизвестно кем была похищена, хотя двери и окна были закрыты. Проснувшись, он не нашел возле себя своей жены. Тогда он стал плакать слезами, пока слезы не иссякли, плакать кровью, насколько хватало крови. Погоревав, он отправился на поиски жены.

Долго ли, коротко ли ехал, но заехал очень далеко и в стороне от дороги увидел пастуха, пасшего телят. Пастух этот то взбирался на курган смеясь, то спускался с него плача. Странное поведение пастуха привлекло внимание Чуары, и, подъехав к нему, он спросил в чем дело. Пастух ответил:

— Плачу я, спускаясь с кургана, потому, что жалею Нельбий Чуару, у которого в первую ночь украли молодую жену; смеюсь только потому, что мне по возвращении домой дадут хлеба и мяса.

— Кто похитил жену Чуары? Где живет ее похититель? — спросил Чуара у пастуха.

— Неге[90] из села, что неподалеку отсюда, — ответил пастух.

Затем Чуара сказал ему, кто он такой, и попросил совета, как освободить жену из когтей Неге. Пастух дал ему совет:

— В эту ночь похититель собирается впервые пойти к твоей жене. Надень мое платье, под платьем спрячь свою шашку. Вечером отправляйся с телятами в то село. Телята приведут тебя во двор Неге. Там дадут мяса и хлеба. Тогда попроси допустить тебя с этими дарами к невесте с поздравлениями, он тебя допустит. Когда войдешь в комнату жены — она тебя узнает; спрячься с ее помощью за ширмы и жди похитителя. Когда он придет, сам знаешь, что с ним делать.

Нельбий Чуара в точности все исполнил. Совет пастуха сбылся: он был допущен в комнату жены. Как только наступила ночь, Неге не замедлил появиться. Войдя в комнату, он стал хвастаться:

— Я краду детей из рук матерей так ловко, что они и не замечают этого, краду молодых жен, хотя мужья спят с ними обнявшись.

Она сказала ему:

— Хоть ты и ловко крадешь детей и жен, но шашкой никто не владеет так, как Нельбий Чуара.

Слова эти рассердили злого Неге, и он ударил ее нагайкой. В этот момент выскочил из-за ширмы Нельбий Чуара и одним ударом отрубил голову Неге. Затем, забрав имущество своего врага, дав добрую часть пастуху, Нельбий Чуара вернулся с молодой женой к себе домой.

17. Мерий-Тотал

Опубл.: ИФ, т. II, с. 188.
Запасал М.-Г. Аушев в 1960 г. на ингушском языке от А. Аушева, с. Сурхохи ЧИАССР.

У одного старика был сын. Люди считали его сумасшедшим. Отправят его пасти овец, а он их всех перережет и возвращается домой. Надоел он людям, и говорят они отцу:

— Или успокой своего сына, или выгони.

«Продам-ка я его или отдам кому-нибудь даром и освобожусь от него»[91], — решил отец.

Он запряг в арбу лошадь и отправился в путь-порогу. Едет он по лесу, и встречают его семь братьев:

— Кто дал тебе право ездить по нашей земле? Даже птицы в небе боятся пролетать над нашей землей.

Рассказал им старик о своем горе.

— Где нам сыскать такого брата? Он будет нашим восьмым братом, — сказали братья и заплатили старику много золота и серебро.

Приехали они домой и говорят своему новоявленному брату:

— Сейчас мы отправляемся на охоту. Возьми ключи. Можешь открыть ими шесть дверей и осмотреть наше хозяйство. Не открывай только седьмой двери.

Открыл сын старика шесть дверей и решил открыть седьмую. Открыл — из седьмой двери выскочила какая-то тьма. Он схватил ее, а тьма вырвалась, и в руках у него осталось кольцо.

Приходят братья с охоты. Сын старика рассказал им, как убежала тьма и как у него оказалось кольцо. Они остались довольны сыном старика и сказали:

— Наши старики умирали, но боялись открыть эту дверь, а у тебя хватило смелости открыть ее.

Задумали братья продать это кольцо. Когда они продавали его, к ним подошел человек и сказал:

— Откуда вы взяли кольцо? Оно же мое. Верните мне его.

— Ты говоришь, что кольцо твое? Тогда обратимся в кхел[92], узнаем судебное решение, — сказали братья.

— Если вы принесете такое же кольцо, то вы правы. Я даю вам шесть недель сроку. Если до конца этого срока вы принесете мне такое же кольцо, то отрубите мне голову. Если не принесете, я вам восьмерым отрублю головы, — сказал судья.

Старший из семерых говорит младшему:

— Мы пойдем на поиски кольца, а ты останешься присматривать за домом.

Сын старика не согласился:

— Вы останетесь дома, а я отправлюсь на поиски кольца.

Старшие братья согласились.

Шел он, шел и увидел море, по берегам которого были две страны. Жители одной гуляли и веселились, а другой — плакали и умирали. Спрашивает у них сын старика:

— Жители той страны гуляют и веселятся, а вы плачете. Почему? Что произошло?

— У жителей той страны есть зерно, а у нас ткани. Мы возили ткани в ту страну и обменивали их на зерно, и все были довольны. Теперь же, когда мы из той страны везем по морю зерно, на нас нападает какая-то тьма, топит наши лодки и забирает все зерно.

— Нагружайте лодки, — сказал сын старика.

— Нет, тьма потопит наши лодки и погубит нас, не поедем.

— Я справлюсь с этой тьмой, нагружайте лодки.

Нагрузили они лодки и поплыли. Когда доплыли до середины моря, на них напала тьма. Сын старика и тьма начали драться; наконец тьма убежала, а в руках сына старика осталась туфля. Нагрузили они лодки зерном и вернулись.

И стали люди просить:

— Мы не отпустим тебя. Ты должен жить с нами. Если ты уедешь, нам нечем тебя одарить[93].

— Мне здесь нельзя оставаться. Я должен достать такое же кольцо и возвратиться до истечения срока к судье, — сказал сын старика.

У жителей не было такого же кольца, и они сказали:

— Все-таки ты должен породниться с нами. Выбирай себе в жены любую из наших девушек.

— У меня семь братьев. Для четырех старших, если вы дадите, на обратном пути я возьму четырех девушек[94].

Засватал он четырех девушек и отправился на поиски кольца. Шел он, шел и дошел до кладбища, где горел костер. Подошел он и увидел у костра могилу, в которой одна девушка дралась с молодым человеком. Схватил сын старика девушку и стал бить ее о надгробную плиту. Девушка вырвалась, а у сына старика остались ее косы. Спрашивает он молодого человека:

— Почему она дралась с тобой? Что ты ей сделал?

— Она дралась со мной вот почему, — ответил юноша. — Вначале она хотела овладеть моей душой, а затем похоронить и сделать меня таким же, как они[95].

— Ты можешь найти дорогу к себе?

— Смогу, — ответил молодой человек, и пошли они к нему домой. Сидят они у него в доме, и в комнату входит мать молодого человека. Увидела она их, заплакала и вышла. Затем вошли три его сестры, и они с плачем вышли. Зашел брат, за ним отец, и они со слезами вышли. Сын старика спрашивает у них:

— Почему вы плачете?

— Мы плачем потому, — сказали они, — что твой товарищ похож на нашего сына.

— Если он вам кажется похожим на вашего сына, то это он и есть.

Обрадованные мать и отец молодого человека стали обнимать и благодарить сына старика.

Рассказал сын старика о цели своего путешествия. Он показал им кольцо, но у них подобного не оказалось. Собрался юноша уходить, а они ему говорят:

— Ты должен породниться с нами.

Сын старика засватал трем братьям трех сестер. Оставил он их до своего возвращения, а сам отправился на поиски кольца. Идет он и видит башню, которая вверху упиралась в небо, а внизу — в землю. Долго кружил он вокруг башни и наконец увидел на большой высоте окно. Стал юноша взбираться, но стены башни были гладкие, и он истер пальцы рук и ног до крови. От этой крови образовались выступы, и, опираясь на них, он добрался до окна башни. Заглянул в окно и видит стол, уставленный едой и питьем, а вокруг него три стула. Сын старика испробовал все кушанья и спрятался. Только он спрятался, как в башню влетели три голубя, посмотрели друг на друга и превратились в трех красивых девушек. Сели они на стулья, и говорит старшая младшим:

— Давно мы не встречались друг с другом, расскажем о виденном нами.

Рассказывает старшая:

— Я находилась взаперти в темной комнате. Один молодой человек открыл дверь этой комнаты, и, когда я с ним дралась, у него осталось мое кольцо. Мне бы этого человека, вам — все остальное[96].

Рассказывает средняя:

— Меж двух стран было море. Когда лодки из одной страны плыли в другую, то в середине моря я нападала на них, топила лодки и все забирала. Однажды, когда я напала на лодку, меня схватил молодой человек, и в руках у него осталась туфля с моей ноги. Мне бы этого человека, а вам — все остальное.

Рассказывает младшая:

— Я овладела душой одного человека, заставила людей похоронить его, хотела сделать из него своего пособника и дралась с ним в могиле. В это время подошел молодой человек, схватил меня за косы и начал бить о надгробную плиту. Я еле вырвалась, а у него в руках остались мои косы. Увидеть бы мне этого человека, а вам пусть досталось бы все остальное.

— Так это я и есть, — сказал сын старика и вышел из укрытия.

Стали сестры его обнимать и ласкать.

— Мне некогда, — сказал он, — здесь веселиться; приближается срок, когда мои братья будут убиты, если я не принесу точно такое же кольцо. — И он рассказал о цели своего странствия.

Тогда девушки принесли целый чемодан [97] колец. Взяли они кольцо у молодого человека, заставили закрыть глаза и бросили кольцо в чемодан.

— Какое кольцо твое? — спросили они его.

Но он не смог найти свое.

Наполнили сестры этими кольцами два талса и привели коня старшей сестры.

— За сколько минут ты доставишь его домой? — спросили коня.

— За пять минут.

Прогнали его и позвали коня средней сестры:

— За сколько минут ты доставишь его домой?

— За две минуты.

Прогнали его и привели коня младшей сестры:

— За сколько минут ты доставишь его домой?

— Не успеет он и глазом, моргнуть, как я доставлю его домой.

Уехал сын старика на этом коне.

Приехал он домой, но не стал входить в дом, а улегся во дворе. Семь его братьев готовились к смерти: остригли ногти, искупались. Вышел один из братьев вылить воду и увидел своего брата. Зашел он в комнату и говорит:

— Наш брат возвратился и отдыхает во дворе.

Позвали они брата в комнату и спрашивают:

— Нашел кольцо?

— Не нашел.

— Тогда искупайся, остриги ногти и приготовься к смерти.

— Не буду я купаться.

Отправились братья утром к судье.

— Нашли вы кольцо?

— Не нашли.

Только положили голову старшего брата на чурбак, младший высыпал кольца.

Убили они судью и вернулись домой, после чего семеро старших братьев женились на засватанных братом девушках. Тогда они сказали младшему брату:

— Ты всех нас спас от смерти и женил. Поэтому мы женим тебя на красавице — сестре семерых братьев.

Братья этой сестры пили людскую кровь. Их сестра сидела у окна башни, из которого видела все, что происходит на свете. Прибыли братья к ним. Семеро братьев, пьющие людскую кровь,

сказали своему младшему брату:

— Пойди посмотри, зачем пришли эти люди, и выпей их кровь.

Братья сказали ему, что они пришли сватать их сестру. Зашел в башню младший и рассказал старшим о цели их прихода.

— Пригласи их в башню, — сказал старший.

Братья, пьющие кровь, сказали своей сестре, зачем пришли гости.

— Я выйду за этого молодого человека, если он узнает, что случилось с носом Мерий-Тотала, — решила девушка.

И отправился сын старика узнать, что случилось с носом Мерий-Тотала. Он проголодался и устал, когда увидел у моря человека, который пас коня.

Сын старика постелил бурку и лег отдыхать. Тогда встречный оседлал коня и со словами: «Айт[98], славный Мерий-Тотал!» — бросился на коне в море.

Увидел это сын старика, быстро оседлал своего копя и со словами: «Айт, славный сын старика!», — бросился в море вслед за Мерий-Тоталом. Они пригнали из моря табун коней.

— Ты погонишь табун вперед или будешь отбивать погоню?[99] — спросил Мерий-Тотал.

— Я буду отбивать погоню, — ответил сын старика.

Один жеребец отстал от табуна и снова бросился в море. Мерий-Тотал сказал:

— Не упускай этого жеребца, а то придется плохо.

Схватил сын старика жеребца и сказал:

— Если ты не скажешь, что случилось с твоим носом, то я отпущу этого жеребца.

— Хоть я умру, хоть ты умрешь, не скажу, — ответил Мерий-Тотал.

Отпустил сын старика жеребца. Бросился жеребец в море. Через некоторое время оттуда вышел дажал. Накинулся он на сына старика, а тот свалил его и ударом шашки срубил голову.

Отправил он Мерий-Тотала в село, чтобы тот раздал табун коней: бедным по два копя, богатым — по одному.

Раздал Мерий-Тотал табун коней, вернулся и снова они выгнали из моря табун коней. Когда отбился один жеребец, Мерий-Тотал сказал:

— Не отпускай этого жеребца, упустишь — плохо нам придется.

Поймал сын старика жеребца и сказал:

— Если ты скажешь, что случилось с твоим носом, то не отпущу.

— Хоть я умру, хоть ты умрешь, — не скажу.

Отпустил сын старика жеребца. Бросился жеребец в море, оттуда вышла мать дажала. Убил он ее и отправил Мерий-Тотала раздать коней.

Мерий-Тотал раздал коней и вернулся. Они пригнали из моря еще табун. И когда от табуна отбился жеребец, Мерий-Тотал сказал:

— Теперь нам будет не так легко, как прежде, не упускай жеребца.

Поймал сын старика жеребца и говорит:

— Не отпущу, если скажешь, что случилось с твоим носом.

— Хоть я умру, хоть ты умрешь, не скажу, — ответил Мерий-Тотал.

Отпустил сын старика жеребца, и бросился жеребец в море. Вышел из моря отец дажала. Стали они драться. Дрались так долго, что ноги по колени ушли в землю. Наконец повалил сын старика дажала и ударил шашкой, но шашка не брала дажала.

Сказал тогда дажал:

— Не убивай меня так жестоко, возьми бритву, которая у меня под ресницей и ею прирежь.

Сказал Мерий-Тотал молодому человеку:

— Я бы его убил, если позволишь.

— Тогда держи, — сказал сын старика и немного отпустил дажала.

— Нет, нет, сам убивай, — сказал испуганный Мерий-Тотал.

Убили они дажала, раздали табун коней, и Мерий-Тотал пригласил сына старика к себе в гости.

Приехали они к нему, и увидел сын старика на его дворе оледеневшего человека. Спрашивает он у Мерий-Тотала:

— Кто этот человек и как он оледенел?

— Это моя жена. Я пожелал, чтобы она оледенела.

— Разве нельзя ее избавить от этого?

— Можно, — сказал Мерий-Тотал. — Между двух гор лежит сармак, в нем — заяц, в зайце — коробочка, в коробочке — рыбешка. Если потереть ее этой рыбешкой, то она станет прежней.

— Если ты все это знаешь, почему не поедешь туда? — спросил сын старика и сам отправился на поиски сармака.

Говорит ему конь:

— Видишь вон тот лес?

— Вижу.

— Это на сармаке дыбом волосы встали. Видишь вон тот туман?

— Вижу.

— Это пар из его ноздрей валит. Я постараюсь подскочить к нему со стороны, и только он разинет пасть, прыгни в нее и перережь все его внутренности. В потоке крови ты поймаешь зайца.

Они поехали. Сармак обдавал сына старика огнем, разевал пасть, скрежетал зубами, но сын старика проник в его внутренности, перерезал их и в потоке крови поймал зайца. Вытащил из зайца коробочку, а из нее рыбешку. Потер рыбешкой жену Мерий-Тотала, и она ожила. Бросился Мерий-Тотал к сыну старика и стал просить, чтобы он рыбешкой потер его нос.

— Если ты расскажешь, что случилось с твоим носом, то потру, — сказал сын старика.

— Когда я избивал жену, она исцарапала мне нос. Я проклял ее и сказал: «Да превратишься ты в льдину!»

Сын старика потер нос Мерий-Тотала рыбешкой, и нос стал прежним.

Сестра семерых братьев, пьющих людскую кровь, видела из окна башни все, что делал сын старика, спустилась вниз и сказала своим братьям:

— Благословите мое замужество и осушите чаши с вином. Нечего больше испытывать молодого человека.

Так сын старика женился на сестре семерых братьев.

18. Двадцать муталимов[100] и двадцать первый мулла

Записала М. Чапанова в 1977 г. на чеченском языке от М. Хацаева, с. Итум-Кале ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкплъгова.

Жили-были двадцать муталимов, а двадцать первый был муллой. Среди них был один красивый муталим, исполнявший назмы[101]. Через некоторое время этот муталим умер. Похоронили его муталимы и, печальные, возвратились домой. Говорит им мулла:

— Он во всем превосходил нас, нет среди нас достойного его!

Но один муталим сказал, что он достоин его.

— Если так, то ты должен этой ночью положить на его могилу нож! — сказал мулла.

Муталим пошел ночью на кладбище, чтобы положить нож на могилу покойного. Как только он вошел на кладбище, все вокруг озарилось ярким светом. Тогда он стал громко произносить слова молитвы.

Вдруг на него набросилось какое-то чудовище с одним глазом. Но муталим не испугался и, продолжая произносить слова молитвы, схватил чудовище. Оно еле вырвалось, а в руках муталима остался башмачок.

Пришел муталим на могилу и увидел, что могила разрыта, а с лица покойника сдернут саван. Муталим понес покойника на речку, обмыл его, вновь захоронил и вернулся.

Наступил рассвет, и муталим увидел, что башмачок не простой, а золотой. Поутру муталимы и мулла спрашивают:

— Почему ты так долго задержался на кладбище?

Он не стал им рассказывать о случившемся, а сказал, что был в мечети на молитве и там уснул. Но одному из муталимов он рассказал обо всем и показал золотой башмачок. Этот муталим рассказал второму, второй — третьему, и все дошло до муллы. Обо всем узнал и народ.

В этом селе проживал один богатый эрмало[102]. Прослышал он обо всем и стал утверждать, что этот башмачок принадлежит ему, что, мол, с этим башмачком у него похищены многие другие вещи. Муталим ничего не мог доказать и пришлось обратиться в кхел. Судья решил:

— Сегодня понедельник. Если до следующего понедельника вы найдете пару этому башмачку, то эрмало покинет ваше село и оставит вам все свои богатства. Если же вы не найдете, то станете его рабами и будете всю жизнь работать на него.

После такого решения муталим отправился на поиски второго башмачка.

И вот доходит он до огромного моря. Видит: по морю плывет корабль. Просит он его остановиться, но тот не останавливается. Бросился муталим в море, доплыл до корабля, взобрался на него, и он тут же остановился. Люди на корабле сказали, что муталима следует бросить в море, так как корабль вдруг перестал двигаться. Муталим стал просить их не бросать его в море и обещал узнать, почему они остановились. По краю судна он стал спускаться на дно. Вдруг на дне он наткнулся на чью-то руку, с пальца которой сорвал кольцо.

Корабль тронулся.

Переплыл муталим море, пошел по горным отрогам и увидел голубя, который играл с маленьким ребенком. Схватил он голубя за хвост, но тот оставил у него три перышка и вырвался. С маленьким ребенком муталим оказался в одном селе. Вошел он в дом на краю села. Видит — хозяйка и хозяин сидят опечаленные.

Спрашивает у них муталим:

— Чем вы опечалены?

Хозяин ответил, что у них был единственный ребенок, который пропал два дня назад, потому-то они так и печальны.

Тогда муталим привел к ним отобранного у голубя ребенка. Хозяева узнали в нем своего сына и очень обрадовались. Затем он показал им золотой башмачок и сказал, что ему нужен второй.

— Такого башмачка сам бог не сделает, — сказали хозяева.

Пошел муталим дальше и за семью горами увидел башню без дверей и окон; она упиралась в небо. Он взобрался на верх башни и нашел отверстие. Через него он проник в башню и увидел три кровати и стол. На столе стояла еда на троих, а на кроватях — по гармошке. Муталим попробовал из каждой чаши еды, а потом спрятался.

Через некоторое время в башню влетели три голубя. Сбросили они с себя оперение и превратились в девушек. Сыграли на гармошках, поели и стали рассказывать о том, что случилось с ними.

Старшая сестра сказала:

— В одном селе жили двадцать муталимов и двадцать первый мулла. Среди них был один красивый муталим, прекрасно исполняющий назмы. Всем людям он нравился, и они часто приходили его послушать. И я ходила на него смотреть. Этот муталим скончался. Ночью я вытащила его из могилы, приподняла саван с лица и стала любоваться им. В это время на кладбище пришел один из муталимов. Я преобразилась в одноглазое чудовище, чтобы напугать его. Но он не струсил. Громко читая молитву, муталим бросился на меня. Я вырвалась от него, но в руках у него остался мой башмачок. Не мешало бы такого муталима иметь и среди нас.

Стала рассказывать вторая сестра:

— На просьбу одного канта корабль в море не остановился. Он бросился в море и взобрался на него. Я остановила корабль, чтобы люди, находившиеся на нем, сбросили канта в море. Но он спустился на дно и поймал меня за руку. Я вырвалась, но у канта осталось мое кольцо. Не мешало бы иметь такого канта среди нас.

Стала рассказывать младшая сестра:

— В одном ауле жили муж и жена, у них был единственный ребенок. Я давно мечтала его похитить. Я похитила его и играла с ним. Вдруг меня схватил за хвост один кант; я еле вырвалась, но у него остались три пера от моего хвоста. Такой кант нам, конечно, был бы на радость.

Посла этих слов муталим вышел и сказал, что все трое говорили о нем, и показал башмачок, кольцо и три перышка.

Девушки стали уговаривать его остаться, играли ему на гармошках, веселили. Но муталим не соглашался и продолжал горевать. Он рассказал им о своих делах и о том, что до истечения срока, назначенного кхелом, осталось лишь двое суток. Девушки его успокоили.

Утром, проснувшись, он оказался в сельской мечети с двумя золотыми башмачками. Муталим отправился в село. Мулла и муталимы стали спрашивать его о делах и были уверены, что второго башмачка он не нашел и им придется идти работать на эрмало. Муталим не признался, что достал башмачок.

Девятнадцать муталимов и двадцатый мулла пошли к эрмало. Тот сидел, гордо подбоченясь, и важно говорил:

— Одни будут пасти моих коров, другие — овец, третьи — рубить дрова, четвертые — косить сено.

Тогда муталим вытащил два башмачка, ударил ими друг о друга и сказал:

— Одни пойдут выгонять скот эрмало, другие — овец, третьи принесут себе дров, четвертые — сено для овец и коров, а ты, эрмало, пропади пропадом!

Изгнали они эрмало и стали спокойно жить.

19. Тимар с обгоревшим боком

Опубл.: ЧФ, т. III, с. 83.

Записал М. Кибиев в 1960 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

В одном ауле жил старый охотник с дочерью. Дочь не с кем было оставить дома, и поэтому он взял ее однажды на охоту. Целый день ходили они в поисках добычи и наконец, голодные и усталые, сели отдохнуть.

Вдруг откуда ни возьмись из лесу выскочила лань. Она не успела скрыться — старый охотник метким выстрелом уложил ее. Решив быстрее накормить проголодавшуюся дочь, старый охотник не стал разделывать лань, а отрезал от ее сердца и печени по куску и бросил их в разведенный костер. Не успел он это сделать, как лань ожила[103], вскочила и бросилась бежать. Удивленный этим охотник сказал:

— Вот чудо! Такого я еще не видел!

Оглянувшись на бегу, лань человеческим голосом проговорила:

— Это не такое чудо. Вот Тимар с обгоревшим боком — это чудо!

Старый охотник поклялся, что не придет домой, пока не узнает о Тимаре с обгоревшим боком.

Шел он, шел и пришел в аул, в котором жил Тимар с обгоревшим боком. В ауле старый охотник увидел много народа, подошел, поприветствовал собравшихся и спросил:

— Не скажете ли вы, где живет Тимар с обгоревшим боком?

Люди не ответили на вопрос охотника и начали расходиться. Ходил он, ходил по аулу и наткнулся на других людей. Старый охотник подошел к ним, поприветствовал и спросил:

— Не скажите ли вы, где живет Тимар с обгоревшим боком?

Люди не ответили на его вопрос и начали расходиться.

В третий раз наткнулся старый охотник на людей в ауле, подошел к ним, поздоровался и спросил:

— Не скажете ли вы, где живет Тимар с обгоревшим боком?

Люди и на этот раз не ответили на его вопрос и стали расходиться.

В это время к охотнику подошел мальчик лет пятнадцати и сказал:

— Иди за мной, я приведу тебя к Тимару.

Мальчик привел охотника к дому, огороженному частоколом. На кольях старый охотник увидел человеческие головы. Как только он поравнялись с домом, мальчик сказал:

— Здесь живет Тимар с обгоревшим боком, о котором ты спрашивал. Он отрубает головы тем, кто называет его Тимаром с обгоревшим боком, — и убежал.

Старый охотник приблизился к воротам и крикнул:

— Ва, Тимар с обгоревшим боком!

Никто не отозвался. Старый охотник подошел еще ближе к воротам и крикнул:

— Ва, Тимар с обгоревшим боком!

И второй раз никто не отозвался. Старый охотник вплотную подошел к воротам и очень громко крикнул:

— Ва, Тимар с обгоревшим боком! Выйди, если можешь!

Не успел охотник произнести эти слова, как хлопнула дверь и из комнаты с обнаженной шашкой выскочил Тимар:

— Кто тут не довольствуется тем, что прокричал мое имя не один раз, а трижды? Будь ты

трижды проклят!

— Не спеши сердиться, сперва узнай причину моего прихода. — Я пришел к тебе не со злым умыслом, а хотел узнать, как обгорел твой бок.

— Я думал, что ты пришел дразнить меня. Ну что ж, если ты гость, то это твое счастье. Следуй за мной, — сказал Тимар, повел охотника с дочерью в дом и начал свой рассказ:

— Я не могу обвинить тебя в том, в чем ты не виноват. Ты не знал, что означает Тимар с обгоревшим боком, поэтому кричал у моих ворот. Я расскажу тебе, почему меня так называют и почему я отсекаю головы тем, кто смеет меня так называть:

«У матери и отца было нас семеро сыновей. Раз охотились мы в дальних краях. Прошло много времени, и, оборванные, усталые, мы встретили в горах нарта[104], пасшего отары овец. Подошли мы к нарту, поздоровались и попросили принять нас. Нарт не ответил на наше приветствие[105] и сказал:

— Идите по этой дороге. Там найдете мое жилище. Поешьте и отдохните.

Мы направились в сторону, куда указал нарт. Когда мы отошли довольно далеко, нарт снял с головы папаху[106], бросил ее вслед нам и сказал:

— Мое жилище оберегают злые собаки, они могут разорвать вас. Захватите мою папаху, ею вы отпугнете собак. В таком-то месте вы найдете котел, в котором я варю собакам похлебку. Поешьте сами и собак накормите. Вход в мое жилище завален камнем. Отодвиньте камень, и вы сможете отдохнуть.

Самый старший из нас подошел к папахе нарта, но не смог даже с места ее сдвинуть. К самому старшему подошел следующий, но и вдвоем не смогли поднять папаху. К двум старшим братьям подошли еще двое. Но и вчетвером не смогли сдвинуть ее с места. Тогда подошли к папахе нарта все мы, семеро, и ухватились за нее. Но и все вместе не смогли сдвинуть папаху. Оставили ее, а сами пошли к жилищу нарта. Пришли к нему во двор. Тут выскочили огромные собаки и стали терзать нас. Кое-как мы успокоили их и взялись за камень, которым был завален вход в пещеру нарта. Камень не поддавался. Оставили мы этот камень и сели отдохнуть. Вспомнили, что надо накормить собак, нашли котел и стали поднимать его с земли. Но как ни старались, поднять котел не смогли.

Вечером с отарами овец вернулся нарт и спросил:

— Накормили ли вы моих собак?

— Мы не смогли даже котел с места сдвинуть, — ответили мы.

Нарт одной рукой легко отодвинул камень, загнал овец в пещеру и впустил нас. Потом затопил очаг, нанизал на вертела семь баранов и бросил их на огонь.

Бараны изжарились, нарт съел их и прилег.

Через некоторое время на эти же вертела нарт нанизал нас и бросил на угли в очаг. Нарту показалось, что мы достаточно изжарились, и он всех семерых бросил в башлык и сказал: „Вами я пообедаю завтра“.

Когда нарт бросил нас в очаг на угли, я оказался на вертеле с краю, и обгорел только один мой бок. Поэтому я остался жив. А шестеро моих братьев сгорели.

Утром нарт взял свой башлык, в котором мы находились, накинул его на плечи и погнал отары овец на пастбище. Там он снял башлык с плеч и положил рядом с собой. До обеда я сумел выбраться из башлыка и убежать. Вернулся я в аул с обгоревшим боком. Аульчане проведали об этом и с тех пор стали называть меня Тимаром с обгоревшим боком. Тогда я поклялся, что буду отсекать голову всякому, кто назовет меня Тимаром с обгоревшим боком, и каждого, кто так меня называл, я убивал. Головы убитых я насаживал на колья».

— Я пошел бы к этому нарту, если бы ты пообещал мне сделать то, о чем я тебя испрошу, —

сказал Тимару старый охотник.

— Я сделаю все, что ты попросишь, но не советую идти к нарту, — сказал Тимар.

— Я непременно пойду, а просьба моя такая: раз в год до моего возвращения покупай моей дочери по холщовой рубахе и корми ее.

Тимар обещал охотнику покупать его дочери в год по холщовой рубахе и кормить ее до его возвращения.

После этого старый охотник отправился на поиски нарта. Шел, шел старый охотник и пришел к тому самому нарту. Старый охотник приблизился к нарту, поздоровался, рассказал, что от долгого пути он устал, проголодался, и попросил принять его.

Так же, как Тинару и его братьям, нарт не ответил на приветствие, показал рукой, куда следует идти, и сказал:

— В моем жилище поешь и отдохнешь.

Когда старый охотник отошел довольно далеко от нарта, тот снял папаху, бросил ее в сторону охотника и сказал:

— Мое жилище охраняют злые собаки, они могут разорвать тебя. Захвати с собой папаху, ею ты отпугнешь собак.

Старый охотник пинком отбросил папаху нарту обратно со словами:

— Когда будешь возвращаться домой, сам принесешь свой рассадник гнид.

Пришел охотник к жилищу нарта, взял котел, в котором тот варил собакам похлебку, и так ударил им о камень, которым был завален вход в пещеру, что котел раскололся на мелкие кусочки. Увидели это собаки и разбежались в разные стороны. Старый охотник взял камень, которым был завален вход в пещеру, и швырнул его вдогонку собакам. Затем зашел в жилище и лег отдыхать. Вечером вернулся нарт и пригнал овец. Вошел он в пещеру и спрашивает:

— Куда делись мои собаки?

— Какие еще собаки? — спросил старый охотник.

— Те, которые охраняли мое жилище.

— Ты спрашиваешь о тех щенках, которые сидели у этой пещеры? Они разбежались в разные стороны, как только я топнул ногой.

— Ну а где камень, которым был завален вход в пещеру? — спросил нарт.

— Этот камень я бросил вслед твоим щенкам, — ответил старый охотник и добавил: — Готовь баранов, я сильно проголодался.

Нарт пригнал семь баранов. Старый охотник нанизал их на вертела и бросил на угли в очаг, чтобы поджарить. Он не дал нарту ни куска — сам съел семерых баранов.

Тогда нарт бросился на старого охотника. А охотник схватил нарта, поднял его и с размаху вогнал в землю по щиколотки. Нарт выскочил из земли, схватил старого охотника и по пояс вогнал его в землю. Старый охотник выскочил из земли, схватил нарта, высоко поднял над головой и вогнал в землю по самую шею. Как нарт ни бился, но выйти из земли не смог. Старый охотник отсек нарту шесть голов одну за другой. Тогда нарт стал просить его:

— Я начал бояться тебя с того самого дня, когда ты сбежал из моего башлыка. Я знал, что ты постараешься отомстить мне за своих братьев. Оставь на моих плечах хоть последнюю голову. За это я верну тебе братьев живыми и здоровыми.

— Как ты оживишь их? — спросил нарта старый охотник.

— Я покажу тебе место, где хранятся их кости, и место где находится мой оселок. Потрешь им кости своих братьев — они оживут, — ответил нарт и показал старому охотнику, где лежат кости шести братьев Тимара и оселок.

Старый охотник отсек последнюю голову нарта, нашел кости шести братьев Тимара и оселок. Потер он оселком кости и оживил шестерых братьев Тимара.

— Когда будете возвращаться, захватите отары овец этого нарта, — сказал старый охотник братьям Тимара, а сам раньше их вернулся в аул к Тимару.

Старый охотник пришел к Тимару с обгоревшим боком, потер его оселком и вылепил обгоревший бок. И стали они дожидаться прихода братьев. Собрались все семеро братьев и спросили старого охотника:

— Какое доброе дело сделать тебе за то, что ты оживил нас?

— Мне ничего не нужно, — ответил старый охотник. — Спасибо и за то, что Тимар содержал мою дочь до моего возвращении.

— Если ты согласишься взять в жены нашу сестру, мы выдадим ее за тебя, — предложили семеро братьев.

Охотник согласился жениться на сестре семерых братьев. Три дня и три ночи играли они свадьбу, а старый охотник зашел к своей невесте. Она громко вскрикнула и потеряла сознание. Старый охотник хотел уйти, но сестра семерых братьев, придя и себя, остановила его и попросила выслушать ее:

— Когда я узнала, что шесть моих братьев убиты, я молила небеса, чтобы они дали мне силу превратиться в того, в кого хочу, и я превратилась в лань.

Отдыхал ли ты однажды в лесу у костра вместе со своей проголодавшейся дочерью? Выскочила ли в это время из лесу лань, и промчалась ли она мимо вас? Когда ты, ранив лань, отрезал по куску от ее сердца и печени и бросил в огонь, ожила ли лань и убежала ли она? А когда убежала, сказал ли ты: «Какое это чудо!» И ответила ли тебе на бегу лань: «Это не такое чудо, чудо — Тимар с обгоревшим боком»?

— Да, все это действительно было, — ответил удивленный старый охотник.

— Клянусь тебе семью братьями, клянусь небесами, которые услышали эту молитву и исполнили мое желание, когда ты дотронулся до меня, я вскрикнула потому, что раны, нанесенные тобой, когда ты отрезал по куску от моих сердца и печени, еще не зажили, и мне стало больно. В лес я тогда попала случайно. Я искала человека, который отомстил бы за моих братьев нарту. Поэтому я промчалась мимо тебя[107].

Так закончила рассказ сестра семерых братьев.

20. Как у Силаймы нос оторвали

Опубл.: ИФ, с. 65.

Записан Х. Осмиевым в 1939 г. на ингушском языке от С. Осмиева, с. Каптышево, ЧИАССР.

«Я отдам своего коня первому встречному, который попросит его у меня», — решил один всадник.

Долго ли, коротко ли ехал всадник, наконец увидел юношу, идущего навстречу, который пропустил всадника и крикнул ему вслед:

— Кант, дай мне этого коня!

Всадник проворно соскочил с коня и со словами: «Во всем мире нет лучше этого коня, кроме одного», — отдал его юноше.

Юноша сел на коня и тронулся в путь.

Довольный конем, юноша решил не возвращаться домой, пока не найдет своего счастья. Прибыл он к морю, посреди которого увидел башню с золотой крышей и серебряными окнами и дверями. Когда он проплыл по морю около половины пути до башни, конь его стал тонуть.

«Без тебя мне и жизнь не мила», — подумал юноша и сам решил погибнуть.

— Я хотел проверить, насколько, ты дорожишь мной, — сказал конь на человеческом языке, снова поплыл к башне и доставил к ней юношу.

Юноша соскочил с коня, привязал к коновязи, а сам смело вошел в башню. Красавица, подобная солнцу, жила в этой башне. После приветствий юноша попросил у девушки напиться воды. Она подала ему воды в фарфоровой чашке и бросила туда золотое кольцо. (Брошенное кольцо означало, что юноша прибыл в башню по дну моря.)

Юноша отпил несколько глотков, бросил в оставшуюся воду соломинку и возвратил чашу. («Я плыл по воде» — означала брошенная соломинка.) Они полюбили друг друга, и юноша предложил, чтобы девушка вышла за него замуж.

— Я выйду за тебя, если ты узнаешь, как у Силаймы оторвали нос, — сказала девушка.

Юноша решил во что бы то ни стало разузнать, это. Отправился он в путь. Долго ли, коротко ли ехал, и вот в пути он встретил одного человека.

— Станем друзьями, — предложил юноша.

— Сначала испытаем силу коней, потом сами померимся силой и только после этого станем друзьями, — сказал встречный.

Ударили конями — конь юноши победил.

— Померимся силой, — предложил встречный.

И здесь юноша победил и положил его на землю. Тогда встречный сказал:

— Лучше станем друзьями.

Подружились они и поехали дальше.

— Теперь мы должны пойти за добычей, — сказал друг.

Юноша согласился, и они отправились за добычей к одному князю. Угнали у него табун лошадей. На обратном пути они услышали мелодию, доносившуюся из одного дома; из него выбежала девочка и сказала им:

— Не шумите у этих дверей. Если Берза Каза[108] выйдет, он убьет вас!

Во всем мире друг юноши не боялся никого, кроме Берза Казы. Но его он боялся до смерти.

— Вот что, — обратился юноша к своему другу, — погонишь ли ты дальше нашу добычу или сразишься с Берза Казой?

— Я лучше погоню добычу, — сказал друг.

А юноша хлестнул своего коня и остановился у ворот Берза Казы. Вышел Берза Каза, и юноша спросил его:

— Мы должны сразиться, и победитель отрубит голову побежденного.

И начали они драться. Час дрались, два дрались, три дрались, и наконец юноша осилил Берза Казу, отрубил ему голову, положил в талс и поскакал вслед за своим другом.

А тот, напуганный Берза Казой, согнал всех коней в лощину в ожидании юноши. С табуном коней отправились они в дом друга. Он усадил юношу в комнате, а сам вышел, чтобы достойно принять его. В это время юноша заглянул в одну из комнат. В ней лежал труп женщины, а от него исходило сияние. Долго стоял удивленный юноша. Наконец, когда пришел хозяин дома, он спросил его:

— Что за труп находится в соседней комнате? Почему ты его не уберешь?

— Это моя бывшая жена. Мне жалко ее хоронить.

«Пока не найду лекарства для ее оживления, не успокоюсь», — решил юноша и выехал.

— Что ты задумал? Куда нам нужно ехать? — спросил конь у юноши.

— Жена моего друга, что красивей лучей солнца, лежит мертвая. Пока не найду лекарства для ее оживления, не успокоюсь, — ответил юноша.

— Это лекарство далеко за горами. Они мгновенно расходятся, и в щель между ними можно проскочить с трудом. Затем они с грохотом сходятся, превращая в пыль целые скалы. Когда мы подъедем к этим горам, ты гикни, словно пятнадцать молодцев, и огрей меня, словно восемнадцать всадников.

И вот прибыл юноша к этим горам. Подобно камню стало его тело, стали уподобилось его сердце, конь гарцевал под ним, не касаясь копытами земли. Только горы раздвинулись, он гикнул, словно пятнадцать молодцев, огрел коня, словно восемнадцать всадников, и пустил коня меж раздавшихся гор. От ударов копыт коня, казалось, гром гремит и молнии сверкают. Не успели горы сомкнуться, как юноша оказался за горами на синей равнине.

Там увидел он огромного льва.

— Что нам делать? — спросил юноша у коня.

— Этот лев занозил себе лапу осколком камня, — сказал конь, — и поэтому очень свиреп. Мы выроем яму, чтобы спрятаться в ней, а затем будем дразнить льва. Он бросится на нас, перепрыгнет через яму, и осколок камня выпадет из лапы. Тогда лев подружится с нами.

Юноша так и поступил. Опустились они в яму, и тогда юноша закричал, а лев бросился на крик. Осколок камня выпал из его лапы, и боль прекратилась. Юноша вместе с конем вышли из ямы. Лев подружился с ними.

— Ведь это такой край, куда никто не приходит и откуда не возвращаются те, кто здесь был. Почему ты оказался здесь? — спросил лев.

— Я ищу живительное лекарство, — ответил юноша.

— Тогда ступай за мной, — сказал лев.

Дошли они до одной пещеры, и лев сказал юноше:

— Жди меня здесь.

Через некоторое время он принес из пещеры молоко и сказал:

— Если ты три раза искупаешь в молоке мертвеца, он вновь оживет.

Юноша поблагодарил льва и отправился назад. Доехал он до гор. И только они раздались, гикнул, словно пятнадцать молодцев, огрел коня, словно восемнадцать всадников, и пустил коня меж раздавшихся гор. От ударов копыт коня, казалось, гром гремит и молнии сверкают. Не успели горы сомкнуться, как юноша оказался на другой стороне.

Долго ли юноша ехал, коротко ли, наконец прибыл к своему другу. Выкупал он покойную

жену друга три раза в молоке. Она ожила, стала прежней. И говорит женщина:

— Увидев меня живую, муж спросит: «Чем отблагодарить тебя?» — «Дай мне вон ту шашку со сломанным концом и серую чесоточную лошадь. Больше мне ничего не нужно», — скажешь. И что бы он ни предлагал, бери только их.

Вошел муж и увидел ожившую жену. Обрадованный, он спросил:

— Проси, что хочешь, я все тебе дам.

— Мое нужна серая чесоточная лошадь и шашка со сломанным концом, — сказал юноша.

Путник, подаривший юноше коня, сказал, что лучше его коня есть лишь один. Этим лучшим конем и была эта серая чесоточная лошадь.

— Зачем так мало просишь, проси что-нибудь подороже! — говорит друг.

Юноша стоял на своем, и другу пришлось уступить.

— Мне бы еще хотелось одно узнать, — сказал юноша, — как у Силаймы нос оторвало?

— Тогда слушай, я расскажу тебе про это. В башне с золотой крышей и серебряными окнами и дверями, что стояла посреди моря, жили две сестры. В старшую из них влюбился я. (Это та которую ты оживил.) Она мне сказала, что выйдет за меня, если я в приданое угоню у семиголового великана табун коней и красного жеребца, подобного тигру.

Я взял с собой семерых товарищей и поехал за этим табуном. Семиголовый великан спал, и мы угнали табун. Он проснулся и узнал об угоне табуна. Когда мы перевалили за горы, раздался гром, будто все горы обрушились. Это был крик семиголового великана. Он обнаружил нас, оторвал от горы глыбу и бросил ее нам вслед. Ударом этой глыбы убило всех моих товарищей, а осколком оторвало мне нос. Это я — безносый Силайма. Табун коней я отдал в приданое и женился на этой девушке.

Расставшись со своим другом, юноша поехал к морской башне. Ехал он, ехал и доехал до моря. Бросил коня в море и добрался до башни.

— Выполнил ли ты мою просьбу? — спросила девушка. — Узнал ли ты, как у Силаймы нос оторвало?

— Узнал, расскажу тебе обо всем, — сказал юноша.

И он поведал ей о своих приключениях: о дружбе с Силаймой, об убийстве Берза Казы, оживлении жены Силаймы и его рассказе.

— Ты узнал, как у Силаймы был оторван нос, и, невзирая на опасность, достал лекарство и оживил мою сестру, — сказала девушка. — Если ты согласен, я выйду за тебя замуж.

Юноша женился на ней, и стали они жить счастливо.

21. Байнал-Бусани

Опубл.: ЧФ, т. III, с 79.

Записал М. Кибиев в 1960 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

У одной вдовы было семеро сыновей. Старшие шестеро прослышали, что в одном ауле живет очень красивая девушка с солнцем и месяцем во лбу. Решили они узнать, кто она такая, и отправились в дорогу.

Спустя некоторое время они пришли в аул, где жила девушка, и сказали:

— Вышла бы ты за одного из нас?

Девушка ответила:

— Если вы узнаете, что означает Байнал-Бусани, я выйду за одного из вас.

Шестеро братьев сказали, что они не знают, что означает Байнал-Бусани, и тут же превратились в каменные изваяния.

Когда подрос младший брат, он тоже прослышал, что в одном ауле есть девушка с месяцем и солнцем во лбу.

Он сказал матери, что идет сватать эту девушку.

— Не ходил бы ты, ведь там погибли шесть твоих братьев, — сказала мать.

Но сын успокоил мать и отправился в дорогу. Прибыл он в аул и спросил, где живет девушка. Его позвала Жера-Баба. Она рассказала ему, какие вопросы задает девушка женихам, и дала такой совет:

— Зайдешь во двор девушки и скажешь, чтобы она вышла за тебя замуж. Девушка ответит: «Я выйду, если ты узнаешь, что означает Байнал-Бусани». «Это я сейчас узнаю», — скажешь ты ей. Ударь коня плеткой и выскакивай со двора. Выехав со двора, отправишься туда, куда поведет тебя конь. В пути ты встретишь девять нарт-орстхойцев. Восемь из них — потомки старшего нарт-орстхойца. Первый, подняв вьюгу и ветер, размахивая булавой, бросится на тебя. Ты не обращай на него никакого внимания. Еще свирепей будут остальные, но ты не подавай виду, что испугался. Когда прибудешь к последнему нарт-орстхойцу, начни с ним битву, сильно напугай его и заставь рассказать, что означает Байнал-Бусани. Тогда девушка выйдет за тебя замуж.

Приехал младший брат к девушке, поговорил с ней. И сделал так, как посоветовала ему Жера-Баба.

Ему встретились нарт-орстхойцы. Младший из них ударил ветром-вьюгой, махал булавой, но младший брат, не обращая на него никакого внимания, проехал мимо.

Нарт-орстхоец бросился на него. Младший брат приподнял его и так ударил о землю, что все кости переломал. Убил второго, третьего. Наконец приехал к восьмому. От удара его ног земля дрожала, головой он погонял тучи, поднимая в небесах пыль и ветер, и махал огромной булавой. Младший брат спешился, и они начали драться. От пота, который тек с них, грязь стояла по колено.

Три дня и три ночи бились они. Грязь от их пота превратилась в гору. Младший брат приподнял нарт-орстхойца до небес и по пояс всадил его в землю. Выбрался нарт и по плечи всадил младшего брата в землю. Разозлился младший брат и вогнал его по подбородок в землю.

Тогда нарт-орстхоец сказал:

— Не убивай меня, а вытащи из земли и скажи, что тебе нужно.

Схватил его младший брат за ухо, вырвал из земли и сказал:

— Мне ничего от тебя не нужно, только скажи, что означают слова Байнал-Бусани. Если

скажешь, то оставлю тебя в живых.

— Следуй за мной, — сказал нарт-орстхоец и повел его в пещеру на отвесной скале. В пещере была черная собака — чернее угля.

— Вот это и есть Бусани. Она моя жена. Из-за того что она изменяла мне, Бусани стала собакой. Я ее муж — Байнал. Я знаю, ты пришел узнать, кто такие Байнал-Бусани. Эта девушка моя дочь. Ты хочешь жениться и стать моим зятем. Приезжай ко мне с моей дочерью. Здесь вы найдете все, что нужно для жизни. Я знаю, ты убил моих восьмерых братьев. Если они не смогли одолеть тебя, то ты, зять, одолел их и мне люб.

Вернулся младший брат к девушке с солнцем и месяцем во лбу и сказал:

— Девушка, выходи за меня!

— Выйду, если скажешь, что означает Байнал-Бусани, — ответила девушка.

Младший брат сказал:

— Бусани — это твоя мать, принявшая облик черной собаки, а Байнал — твой отец.

В тот же час все каменные изваяния, ожили, будто проснулись ото сна. Ожившие люди стали разбегаться. Возвратились домой и шестеро его братьев, а сам младший брат вместе с девушкой прибыл к нарт-орстхойцу, отцу девушки. Девушка-красавица и младший брат поженились и стали жить счастливо.

22. Тинин Висаг и Черный хожа

Опубл.: ЧФ, т. III. с 110.

Записал М. Кибиев в 1060 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

Однажды три брата — Тумин Батиг, Батин Ширдиг и Тинин Висаг — пошли охотиться. Ходили они, ходили по лесу — и вдруг из-за куста выскочил ушастый заяц.

Застрелили они зайца. Старшие братья наказали младшему изжарить зайца на костре, а сами прилегли в тени деревьев отдохнуть. Тинин Висаг не стал вытаскивать внутренности зайца, изжарил его целиком и повесил на куст, чтобы съесть, когда братья проснутся.

Стал Тинин Висаг будить братьев, а заяц в это время ожил и бросился в кусты. Разбудил Тинин Висаг братьев и говорит:

— Я изжарил зайца, повесил его вон на тот куст, но заяц ожил и убежал.

Братья не поверили Тинин Висагу.

— Ты съел ушастого, — сказали они и снова легли спать.

Пока Тумин Батиг и Батин Ширдиг спали, Тинин Висаг умер.

Встали старшие братья и увидели младшего мертвым. Вспомнили они слова брата о кусте, на котором ожил заяц, и положили брата на тот куст.

Ожил Тинин Висаг, открыл глаза, будто после долгого сна.

— О-о, да этот куст оживляет мертвых. Он будет принадлежать тому, кто окажется наиболее искусным в состязаниях, — сказал старший брат.

— Я не обладаю большим умением, но если воткнуть в конце поля кинжал, а я пущу в него стрелу из лука, то эта стрела попадет в лезвие кинжала и расколется на две половинки.

— Я бы смог на кончике острия этого кинжала сплясать лезгинку и не поцарапать подошвы новых чувяк, — сказал Батин Ширдиг.

— А ты на что способен? — обратились они к младшему.

— Я смог бы узнать у Черного хожи, отчего у него оторвана половина носа, — сказал Тинин Висаг.

Тумин Батиг и Батин Ширдиг знали, что нет на свете человека, который осмелился бы спросить Черного хожу об этом.

«Если Тинин Висаг осмелится спросить Черного хожу, отчего у него оторвана половина носа, то куст, оживляющий мертвых, отдадим ему», — решили старшие братья.

Воткнули они в конце поля кинжал, и стрела, пущенная старшим братом, попала в лезвие кинжала и раскололась на две половинки.

Средний брат лихо станцевал лезгинку на острие этого кинжала и даже не поцарапал подошвы своих и новых чувяк. Самый младший отправился узнать, отчего у Черного хожи оторвана половина носа.

Шел Тинин Висаг, шел и пришел на поле, где Черный хожа пахал на сармаках землю. Вместо кнутов погонял он сармаков змеями. Подошел Тинин Висаг и спрашивает:

— Как ты лишился половины носа?

Схватил его Черный хожа, поднял над головой и бросил оземь так, что Тинин Висаг вошел в землю на пятнадцать локтей. Выскочил Тинин Висаг из земли и второй раз спрашивает Черного хожу:

— Как ты лишился половины носа?

Вновь поднял его Черный хожа над головой и так бросил оземь, что Тинин Висаг на

пятнадцать локтей вновь ушел в землю.

Выскочил Тинин Висаг и опять спрашивает:

— Как ты лишился половины носа?

— Этого мужчину не переспоришь!

И Черный хожа рассказал: «Как-то ночью я разгневался на свою жену, замахнулся на нее и нечаянно задел ногтем свой нос. Вот так лишился я половины носа».

После этого Тинин Висаг отправился домой. Поднялся сильный ветер, прогремел гром и полил дождь. Смотрит Тинин Висаг и видит около себя огромного человека, который говорит:

— Подойди, путник, и садись на то место, где у меня выбит коренной зуб, пока не пройдет дождь.

Тинин Висаг сел в отверстие, где был коренной зуб. Дождь и ветер перестали; он вылез изо рта человека и спросил:

— Расскажи мне, как ты лишился зуба?

Огромный человек рассказал: «Нас было одиннадцать братьев. Однажды странствовали мы в дальних краях. Шли мы и наткнулись на одноглазого нарта. Он всех нас сгреб в кулак и бросил в кисет с табаком. Дома он вытащил моих десятерых братьев из кисета в стал грызть их зубами, словно лесные орехи. Вытащил, он меня, повертел между пальцами, хорошенько осмотрел и, сказав, что я слишком тощий, бросил меня на дверной косяк, а сам растянулся на нарах..

До того как он еще не уснул, вокруг него вертелся козел. Нарт частенько поглаживал его по спине, называл козлом дады, а потом уснул. Я зарезал этого козла и его шкуру, натянул на себя. Ударом большого камня я выколол нарту глаз и на четвереньках, блея, стал вертеться вокруг него. Нарт выскочил и два раза сказал: „Козел дады! Не выпускай его!“ Потом потер меня своей огромной рукой и случайно отодвинул скалу, которой был прикрыт вход в пещеру. Через щель я и выскочил. Пересек я две-три горы и громко крикнул:

— Это я, козел дады, который выколол твой глаз!

Схватил нарт огромную скалу, прикрывавшую вход в его жилье, и кинул мне ее вдогонку. Скала перелетела через меня, ударилась о гору и разлетелась на мелкие куски. Один ее осколок и выбил мне коренной зуб».

Так закончил человек свой рассказ о том, как у него был выбит коренной зуб.

Младший брат Тинин Висаг возвратился домой к старшим братьям и поведал им о том, как Черный хожа потерял половину носа и как огромный человек лишился коренного зуба.

За это братья оставили ему куст, который оживлял мертвых.

23. Парчо

Записал М. Мальсагов в 1978 г. на ингушском языке от А. Гудиева, с. Алхасты ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Данная сказка позволяет судить о трансформации сюжета «богатырь в пещере циклопа», которая привела к его деформации и фрагментарности.

В сказке отразился древнейший мотив поклонения камням и родникам, возникновение которых связывается с различными эпическими героями.

Давным-давно жил один сильный человек с одним глазом во лбу. Его звали Парчо. Когда он пас в лесу овец, на него наткнулись три брата, которые искали место для ночлега. Парчо пригласил их переночевать. Ввел он их в пещеру, съел одного и говорит:

— Завтра утром я съем кого-нибудь из вас, бросьте между собой жребий.

Съел он и второго брата. После этого Парчо бросил в очаг головешку и стал отдыхать. Головешка разгорелась. У очага Парчо уснул. Третий брат взял раскаленную головешку и выколол Парчо единственный глаз. Разъяренный Парчо носился по пещере, но найти третьего брата среди овец не мог.

— Куда ты денешься! Я сейчас выгоню овец и поймаю тебя, — кричал Парчо.

Он стал гонять овец и гладил рукой каждую из них по спине.

Третий брат подвязал себя под брюхо овцы и незаметно вышел из пещеры. Выгнал Парчо своих овец и носится по пещере.

А третий брат кричит:

— Не трудись, Парчо, я здесь!

— Ты хитростью превзошел меня, вот тебе в подарок кольцо, — и Парчо бросил кольцо.

Третий брат надел кольцо на палец, и оно стало издавать по лесу невообразимо громкий звук. На этот звук и направился Парчо. Хотел третий брат снять кольцо с пальца, но оно не поддавалось. Тогда он отрубил палец вместе с кольцом и убежал.

Подошел ослепленный Парчо и, думая, что лежит человек, стал наносить удары шашкой. От этих ударов и возник родник, который существует и, поныне.

24. Сказка об охотнике и нарте

Опубл.: ЧФ, т. III, с. 35. Перепечатана: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 285.

Записал К. Чокаев в 1969 г. на чеченском языке от С. Ахмадова, г. Грозный.

В давние времена жили-были муж и жена. Каждое утро муж выводил жену во двор, устанавливал на ее голове яйцо и стрелял в него из ружья. Жена, хотя и боялась, что пуля попадет в нее, не признавалась мужу в этом. Видя свое тяжелое положение, она как-то обратилась к ведунье за советом и обо всем рассказала ей. Ведунья спросила:

— Что он говорит тебе после того, как выстрелит?

— Он говорит: «Какой я молодец и какой охотник!»

— Когда муж завтра произнесет эти слова, ты скажи ему: «Есть молодцы и охотники получше тебя, поброди только по свету, а не сиди все время дома», — такой совет дала ей ведунья.

На второй день после того, как муж выстрелил, жена говорит ему:

— Найдутся молодцы и охотники получше тебя, увидишь их, если отправишься странствовать.

— Ну-ка я посмотрю, есть ли молодцы и охотники лучше меня или нет, — сказал охотник и отправился в дорогу.

В пути он увидел башни. В них жили семь нартов со своей матерью.

— Примете ли гостя? — с этими словами охотник вошел в башню.

Мать нартов пекла лепешки из кукурузной муки, а нартов не было дома. Она ответила:

— Примем, конечно, как же не принять гостя? Но если мои сыновья узнают о твоем приходе, они убьют тебя. Быстро спрячься в подоле моего платья.

И она спрятала гостя в подоле своего платья.

Через некоторое время вернулись домой семь нартов.

— Нана, кто к нам пришел? — спросили они.

— Если вы дадите слово, что не убьете, скажу.

Услышав их обещание, мать вытащила охотника из подола своего платья.

— Это наш гость, нана? — смеясь, стали перебрасывать нарты гостя-охотника из рук в руки.

Натешились они своей игрой, но из-за слова, данного матери, не стали его убивать дома, а решили убить в дороге, когда он выйдет из их дома.

Вышли они и сели в том месте, где должен был проходить гость-охотник. Мать нартов накормила гостя-охотника, указала ему путь-дорогу и посоветовала уйти до прихода сыновей. Быстро оседлал охотник коня и тронулся в путь. Тут нарты заметили его и бросились в погоню.

Убегавший охотник встретил по дороге нарта Гончу[109], который пахал землю на восьми кабанах.

— За мной гонятся семь нартов, которые хотят убить меня. Спаси меня! — стал просить охотник у нарта Гончи.

— Убирайся, не пугай моих кабанов, ты портишь полосу вспашки! — закричал Гонча.

— Разве тебе эта пахота дороже моей жизни? Спаси меня! — снова взмолился охотник.

Тогда Гонча положил его вместе с конем в рот, в дупло зуба.

Подскакали нарты и говорят:

— Отдай нашего гостя!

— Гостя, который просит у меня помощи, я вам не отдам. Идите своей дорогой, не портите

мне пахоту!

— Если не отдашь гостя, мы не уйдем! — сказали семеро нартов и хотели остановить пахоту.

Гонча прикрикнул на кабанов, и они понеслись на нартов, которые в страхе разбежались. А охотник сидел в дупле зуба Гончи и думал: «Я спрошу у него, как он лишился такого огромного зуба».

Как только нарты убежали, Гонча вытащил охотника вместе с конем из дупла своего зуба. Охотник спросил его:

— Расскажи, пожалуйста, как ты лишился зуба?

— Я занят пахотой и не могу остановиться и рассказывать тебе об этом.

— Я подожду до вечера, если ты мне расскажешь, — сказал охотник.

— Хорошо, вечером расскажу, а сейчас зайди в шалаш и жди меня, — сказал Гонча.

Гонча пахал до вечера, а вечером рассказал вот что: «Нас было семеро братьев, я был самым хилым. Была у нас единственная сестра. Эту сестру украл одноглазый нарт по имени Сарган. Мы, семеро братьев, отправились отбить ее. Пересекли семь гор и оказались в жилище Саргана. Сарган нас хорошо принял, расспросил и развел очаг. После этого воткнул в угли грязный вертел. Дал ему нагреться докрасна, а затем хватал каждого из нас и насаживал на этот вертел. Затем он положил вертел на угли и прилег отдохнуть.

Я оказался на самом краю вертела, и острие его не проткнуло мое сердце. Когда Сарган уснул, я соскочил с вертела, снял с него своих братьев, опять раскалил вертел и воткнул его в единственный глаз Саргана, а сам бросился бежать.

Проснувшись от боли, Сарган носился со страшным криком. Схватил он скалу и бросил ее мне вслед. Скала упала недалеко от меня и ударилась о другую. Несколько осколков от нее попало мне в скулу и выбило зуб. Я похоронил братьев в одной могиле, оставил вопящего Саргана и, не найдя следов сестры, пришел домой».

— Но ты житель гор, а не равнины, — сказал Гонча в конце своего рассказа, — возвращайся назад и живи своим трудом.

25. Храбрый кант

Опубл.: ЧФ, т. III, с. 121. Напечатана на русском языке под названием «Храбрый сын» в сборнике «Чудесные родники» (Грозный, 1963, С 142).

Записал И. Арсаханов в 1958 г. на чеченском языке от В. Сулейманова, с. Хасав-Юрт ЧИАССР.

У одного отца был единственный сын. Стал он взрослым и спросил у отца:

— Что это за башни вдали?

— В этих башнях живут семь нарт-орстхойцев.

— Я пойду к ним помериться силой, — сказал сын, взял шашку и пошел.

Юноша еще не дошел до этой башни, а мать нарт-орстхойцев говорит сыновьям:

— Сюда приближается какой-то человек. Видно, он очень сильный. Что будем делать? Натравим на него наших собак. Если он трус, они разорвут его.

И нарт-орстхойцы натравили на него собак. Ударами шашки кант изрубил всех собак.

Испуганные нарт-орстхойцы решили: «Это очень сильный человек, мы сделаем его своим братом».

Кант вошел в башню. Нарт-орстхойцы приветливо встретили его и сказали:

— У кого не было брата, у того он теперь есть.

И они выдали замуж за него свою сестру. Прошло время, и кант говорит:

— Я давно не видел своих отца и мать. Я соскучился по дому, и если вы не против, то проведал бы их.

— Поезжай, пожалуйста, — сказали нарт-орстхойцы, вместе с ним усадили на арбу сестру и проводили их.

— В дороге вам встретится небольшая речушка, и на вас наведут зеркало. Не бойтесь и смело гоните своих лошадей. Если вы промедлите, то очутитесь в нижнем мире, — предупредили нарт-орстхойцы.

Отправился кант с женой в путь.

Подъехали они к речушке, а на них навели зеркало. Кант смело погнал лошадей, но лошади и жена провалились в нижний мир, а кант удержался на берегу и не провалился. Ходил он по берегу и не знал, что ему делать. Увидел шалаш и вошел в чего. Через некоторое время в шалаш вошли еще трое.

— Пусть будет добрым твой приход! Будь нашим братом! — приветствовали они канта.

— И вас пусть добро не минует! — ответил кант, и они стали друзьями.

Однажды кант охотился и увидел девушку, которая ушла через отверстие в землю. Приехал он и рассказал об этом своим друзьям.

— Эту девушку мы давно приметили. Она живет в нижнем мире, — ответили ему друзья.

— Я обязательно доберусь до ее жилья, — сказал кант.

— В это отверстие не так-то легко пройти. Кто туда спустится, тот сгорит, — сказали ему друзья.

— Что бы ни случилось, я обязательно пойду туда, — настаивал кант.

— Тогда пойдем все вместе, — сказали друзья. — Ты наш гость, одного тебя мы не отпустим и первыми войдем в это отверстие в землю.

Первый обмотал себя веревкой и, спускаясь, сказал:

— Если закричу: «Горю!», то вытаскивайте.

Через некоторое время он крикнул: «Горю!», и они вытащили его.

Спустили в отверстие второго, тот крикнул «Горю!», и его вытащили. То же произошло и с третьим. Стал спускаться храбрый кант и сказал, чтобы на крик «горю!» его не поднимали, а спускали еще ниже. Через некоторое время он крикнул: «Горю! Горю!» — и друзья стали спускать его еще ниже.

Храбрый кант очутился в нижнем мире. Огляделся он по сторонам и увидел золотые башни, в которых сидели три очень красивые девушки. Две из них бросились обнимать канта и говорить:

— У кого не было брата, у того пусть он будет! Пусть будет добрым твой приход!

Третья девушка сразу влюбилась в него и стояла, повернувшись спиной. После приветствий кант сказал:

— Хотите, я подниму вас в верхний мир?

— Поднимайся вначале ты, а затем поднимешь нас. Твои друзья могут обмануть и не поднять тебя, — стали просить девушки.

— Нет, нет, я хорошо знаю своих друзей. Я не поднимусь первым, оставив вас здесь! — сказал кант и стал по одной поднимать девушек.

Девушки были подняты наверх, друзьям они поправились, и те обрезали веревку, когда поднимали канта. Он опять упал в нижний мир.

Огляделся он по сторонам и видит, что очутился в третьем мире. Ходил он, ходил и оказался в селе. Он встретил старуху и стал расспрашивать ее о житье-бытье[110]. Она сказала ему:

— Дела в нашем селе не очень хорошие. У родника лежит сармак и не дает нам воды. Мы гибнем от жажды.

— Об этом не печалься, старая женщина. Я накажу этого сармака! — сказал кант и отправился к роднику.

От скрежета зубов сармака, казалось, дробятся звезды. Как только он увидел храброго канта, высунул свой двухаршинный язык и, засвистел так, что, казалось, земля и небо лопаются, а затем бросился на храброго канта. Храбрый кант ударом шашки рассек язык сармака пополам. От сильной боли сармак стал на конец своего хвоста и снова ринулся на канта.

— Или я умру, или жив останусь! — крикнул кант и шашкой разрубил сармака на девять частей.

Потом он вернулся домой и сказал старой женщине:

— Я лишил его девяти душ. Живи спокойно!

Старая женщина усыновила канта и они стали жить вместе. Прошло много лег, и кант вспомнил своих отца-мать, заскучал и сказал женщине:

— Я сильно скучаю по отцу-матери и хотел бы проведать их, указала бы ты мне дорогу в верхний мир.

— Кому, кроме тебя, я укажу эту дорогу! Я не знала, как и чем отблагодарить тебя. Вон там есть дорога. На ней три барана: черный, белый и серый. Если дотронешься до белого, очутишься в верхнем мире, если до двух других, окажешься в еще более нижнем мире, — сказала старая женщина.

По ее совету кант коснулся белого барана и очутился в верхнем мире.

Шел он и встретил человека, который гонялся за белым зайцем. Ударом пинка храбрый кант убил зайца.

— Почему ты убил зайца? — стал плакать этот человек.

— Я хотел тебе услужить, а мне заяц не нужен. Отчего ты плачешь? — спросил храбрый кант.

— Я плачу не о зайце. Я давно потерял своего сына и ищу его. Некто мне сказал, что если я поймаю белого зайца, то найду своего сына. Я думал вот-вот поймаю его, а ты его убил. Нет в

тебе жалости. И теперь я не смогу найти своего сына! — снова стал плакать встретившийся человек.

Кант узнал своего отца.

— Ты нашел своего сына! Я твой сын! — бросился сын в объятия отца.

И они вместе отправились домой.

Коварные друзья канта уже женились на девушках и веселились.

Храбрый кант рассказал обо всем, и старейшины села решили изгнать его бывших друзей из села.

Их выгнали, а храбрый кант женился на любимой девушке.

Три дня и три ночи шла свадьба. И они счастливо зажили.

Удалой храбрый кант не теряется и мужает, когда его постигает неудача. И народ таких не забывает.

Ниже приводится современный вариант сказки, в которой деформированы многие сюжетные линии.

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от З. Цурова, с. Джайрах ЧИАССР.

Как сын нашел отца

Муж отправился пасти коров, а жена осталась дома. У них не было детей. И вдруг жена в отсутствие мужа родила семерых сыновей. Они быстро возмужали. Младший сын спросил у матери:

— Нана, есть ли у нас дада?

— Есть, ответила мать. Вон на той горе он пасет коров.

Младший сын отправился туда. Увидел он отца, стал между его ног и сказал:

— Ва, дада!

«Не черта ли это проделки?» — подумал отец.

А сын снова:

— Ва, дада!

Подумал про себя отец: «Если еще раз услышу, посмотрю, кто такой».

И снова слышит:

— Ва, дада!

— Кто ты такой, чего хочешь? — спросил отец.

— Я твой сын. Пришел к тебе, сказал младший сын.

— Брось, откуда у меня сын? Ты, наверно, ублюдок чей-то.

— Нет, я твой сын. Семерых сыновей родила твоя жена.

— В таком случае надо уходить, я не смогу их прокормить, сказал отец и убежал.

А сын пригнал домой всех коров и рассказал матери о разговоре о отцом.

Мать одна без отца вырастила семерых сыновей. Они стали известными людьми, особенно прославился младший.

Однажды возник спор, и младшего сына упрекнули:

— Разве ты достойный человек? Отец твой одичал, а вы не хотите вернуть его.

Младший сын спросил у матери:

— Осталось ли у нас что-нибудь от отца?

Мать дала ему кольцо отца, С этим кольцом младший сын отправился на поиски отца.

Шел он, шел и очутился в далеком краю. Там он увидел старика с бородой до земли и длинными волосами. Он гонялся за ланью. Из жалости к старику сын убил лань.

— Да умри твой отец! Что ты наделал?! Я до вечера гонялся за ланью и так проводил время, а вечером, поймав лань, доил ее, стал жаловаться старик.

— Не переживай, старик, лучше скажи, кто ты?

Старик рассказал ему, как в один прекрасный день жена родила ему семерых сыновей. И он, боясь, что не сможет прокормить их, убежал и одичал.

— Я твой сын, сказал молодой человек.

— Где мне такого сына иметь?! Не выдумывай, сказал старик.

Тогда сын показал ему кольцо.

Старик понял, что перед ним его сын. Посадил сын отца, побрил ему голову, бороду, усы, привез домой и усадил на тахту. Днем и ночью в задумчивости сидел старик.

— О чем ты печалишься? — спросили сыновья.

— Вы все повзрослели, и всех надо женить.

Как-то раз отец встретил человека, всего исколотого ножницами.

— Что с тобой случилось? — спросил отец семерых сыновей.

— У меня выросли семь дочерей. Они требуют, чтобы я нашел им мужей, и поэтому искололи всего меня ножницами.

Поговорили они, договорились, и отец семерых сыновей привел в дом шесть невест. Седьмая дочь спряталась в высокой башне.

В это время у башни лег сармак и сказал, что не уйдет до тех пор, пока ему не приведут младшую дочь, спрятавшуюся в башне.

Младший сын спросил у сармака:

— Что нужно сделать, чтобы ты покинул наше село? И как попасть в башню?

— Далеко-далеко находится огромная гарбаш. Кто приложится к ее груди, тот проникнет в башню, сказал сармак.

Отправился младший брат к гарбаш. Седло его приросло к коню, а сам он прирос к седлу, так долго он ехал. Очутился он в одном месте и увидел там шалаш. Вошел юноша в него и видит женщину. Она стала стряпать я замесила тесто на грязной воде.

— Что ты делаешь? — удивился младший сын.

— Родник захватил злой сармак. Если в пятницу ему не приведут в жертву человека, он не даст людям воды.

Младший сын повесил по ведру на палец и отправился по воду. Когда он брал воду, сармак сказал:

— Как гостю разрешаю тебе три раза набрать воды. Если придешь в четвертый раз съем тебя.

Дважды юноша раздавая воду ребятишкам, а на третий раз принес своей хозяйке. Женщина обрадовалась и стала его расспрашивать. Младший сын рассказал ей обо всем, и женщина сказала ему:

— Это край, куда никто не приходит, а пришедший никогда не уходит. Видишь вон вдали лес? На его краю сидит гарбаш к нам спиной, к ее груди ты должен приложиться. Свои большие груди она перебросила через плечи. Подойди незаметно для гарбаш и прикоснись к ее груди. И тогда она исполнит твое желание. Если ты не сможешь этого сделать, тебе придется плохо.

Долго шел младший сын, днем он спал, а ночью незаметно шел. Через три дня и три ночи он сзади подошел к гарбаш и приложился к ее груди.

— Пусть язык отсохнет у того, кто научил тебя этому! Какая нужда привела тебя ко мне? — спросила гарбаш.

— Один сармак захватил башню, в которой сидит засватанная мною девушка. Я должен

проникнуть в башню и спуститься оттуда вместе с ней, сказал младший сын.

— Это нетрудно, — сказала гарбаш. Я превращу тебя в красивого голубя. Ты прилетишь на окно башни, где сидит девушка. Увидев, какой ты красивый, девушка впустит тебя в комнату, тогда ты снова обратишься в человека. Потом вы спуститесь с башни. — И гарбаш дунула на него.

Младший сын превратился в красивого голубя, прилетел к окну башни, где сидела девушка, и начал ворковать.

Девушка выглянула, ей понравился голубь. Она открыла окно и впустила его.

Голубь тут же превратился в юношу. Спустились они с башни, и сармак убежал из этих мест. Они устроили большой той, и семеро братьев стали счастливо жить со своими женами и родителями.

26. Алхаст и Малх-Азни

Опубл.: ЧФ, т. III, с. 54.
Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от Х. Цугаева, г. Грозный.

У одного старика было семеро сыновей. Среди аульчан старик всегда был молчалив и задумчив. Обычно он сидел со своими сверстниками-стариками, обхватив голову руками.

Как-то старший из его сыновей, Алхаст, вышел на улицу и увидал среди других стариков своего пригорюнившегося отца. Он отозвал его в сторону и говорит:

— Дада, среди твоих сверстников я вижу тебя всегда опечаленным. О чем ты думаешь? Какое несчастье тебя постигло? Скажи мне, что с тобой?

— Мой любимый сын Алхаст! Не нужда какая-нибудь заставляет меня задумываться, а то, что я должен сделать в ближайшее время. Пока я и твоя мать живы, мне хотелось бы женить вас, моих сыновей. Говорят, у одного князя есть семь дочерей. Как бы вас женить на них — вот о чем я всегда думаю, — ответил отец.

Сын постеснялся после таких слов говорить с отцом[111] и пошел домой.

Алхаст позвал к себе младших братьев и сказал им:

— Из-за нас дада всегда сидит унылый среди таких стариков, как и он сам. Он думает о том, как бы женить нас на семи дочерях одного князя. Чтобы исполнить желание дады, я пойду сватать нам этих девушек. А вы оставайтесь дома и следите за хозяйством.

Выслушав старшего брата, самый младший сказал:

— Ты старше всех нас. Нельзя ли сделать так, чтобы ты остался дома, а нам пойти и сосватать дочерей князя?

Алхаст согласился, и они решили, что сватать дочерей князя поедут шестеро младших братьев.

Когда братья собрались в путь, Алхаст сказал:

— Вы оставляете меня дома, но боюсь, что с вами случится какая-нибудь беда. По дороге к князю стоит дом. Когда вы будете проходить мимо него, хлынет дождь. На обратном пути, как только вы поравняетесь с этим домом, опять хлынет дождь. Нельзя входить в этот дом, чтобы укрыться от дождя, дважды. Войдите только один раз — или на обратном пути или на пути к князю. Если вы оба раза войдете в дом, с вами случится беда.

— Хорошо, — сказали братья и поехали к князю.

Только братья поравнялись с этим домом, хлынул дождь и насквозь промочил их. Братья решили высушить одежду, прежде чем они приедут к князю. Они зашли в дом. В одной комнате они нашли накрытый стол, но хозяина дома не было. Братья пообедали, высушили одежду, отдохнули и тронулись в путь.

Братья прибыли к князю и, как научил их старший брат, сказали, что хотят посватать его семерых дочерей. Князь дал согласие, угостил дорогих гостей разными блюдами и дорогими винами, выдал за них семерых дочерей и проводил в обратный путь.

Счастливые братья возвращались домой. На обратном пути, как только они поравнялись с домом, о котором говорил им старший брат, пуще прежнего хлынул дождь. Хотя самый старший из шестерых братьев и напомнил им о том, что старший брат разрешил им входить в этот дом только один раз, братья сказали:

— Ничего не будет, — и вошли в дом.

Как и в первый раз, братья застали в комнате накрытый стол, но хозяина не было дома. Они пообедали, высушили свою одежду и только хотели выйти из дома, вошел одноглазый нарт.

— Оставьте у меня девушку, которую вы везете Алхасту, а остальные — убирайтесь! — сказал одноглазый и отобрал невесту Алхаста.

Тогда-то и пожалели они, что не послушали совета старшего брата. Делать нечего — отправились братья домой с шестью невестами.

Шестеро братьев приехали домой и рассказали обо всем, что с ними случилось.

Снарядился Алхаст в путь и сказал:

— Если я не вернусь домой через год, можете устроить свадьбы. Но до этого не играйте.

И Алхаст отправился к одноглазому. Он приехал туда, где одноглазый отобрал у братьев его невесту. Алхаст огрел коня плетью и подъехал к дверям дома.

Одноглазый нарт вышел из дома, поздоровался с Алхастом и сказал:

— Иди-ка сюда, Алхаст, и залезай на мои плечи.

Алхаст спешился и залез на плечи одноглазого. Не успел он и глазом моргнуть, как одноглазый принес его в чужой край. Там одноглазый спросил Алхаста:

— Посмотри вон туда. Видишь, там льется какой-то свет? Этот свет исходит от девушки. Ее зовут Малх-Азни. Хочешь добыть ее или умереть — упасть с моих плеч и разбиться?

— Или умру, или добьюсь девушки Малх-Азни.

Не успел Алхаст и глазом моргнуть, как одноглазый доставил его к своему дому и сказал:

— Если ты добудешь Малх-Азни и приведешь ее ко мне, тогда можешь забрать свою невесту.

После этого одноглазый отпустил Алхаста.

Алхаст сказал невесте, что она должна жить у одноглазого до его возвращения, и поехал добывать Малх-Азни.

По пути к Малх-Азни он то и дело натыкался на копны соломы. Возле одного села он заметил горящую копну.

— Жаль такую солому, — сказал Алхаст и принялся тушить огонь.

Крысы, укрывавшиеся в норках под копной, бегали туда-сюда. Алхаст потушил огонь и хотел продолжить свой путь. Тут одна белая крыса преградила ему дорогу и сказала:

— Кант, ты потушил огонь и спас наших жен и детей. Мы все благодарны тебе. Когда тебе понадобится наша помощь, сожги этот волос.

Белая крыса вырвала из своих усов волос, подала его Алхасту и добавила:

— Я вместе со своей армией крыс буду возле тебя.

Алхаст подумал: «Ну какую помощь мне могут оказать крысы»? — и отправился дальше.

Через три месяца после случая с крысами Алхаст вступил на земли Малх-Азни. Он сразу встретил отца Малх-Азни, объезжавшего свои владения, который спросил:

Кто это пришел в мой край?
Кто это — человек или зверь?
В край, куда птицы не залетают,
В край, куда звери не приходят.

— Сын бедного человека пришел в твой край, — ответил Алхаст.

— Отвечай скорее, зачем явился сюда? — спросил отец Малх-Азни.

— Мне неудобно отвечать на твой вопрос. Разреши, старик, ответить кому-нибудь другому[112], — сказал Алхаст.

— В моем крае нет другого человека, которому ты мог бы рассказать, зачем явился. Здесь нет другого властелина, кроме меня. Только я могу ответить на твои вопросы, — сказал отец Малх-Азни.

Тогда Алхаст рассказал, зачем он прибыл.

— Если так, следуй за мной, — сказал отец Малх-Азни и повел его к себе.

Вокруг села была высокая изгородь — на кольях торчали головы людей. Отец Малх-Азни сказал:

— Смотри туда. Видишь на кольях торчат головы? Это головы тех, кто, как и ты, на разных состязаниях хотел добиться руки моей дочери Малх-Азни. Мне жаль твоей красоты и жаль лишить тебя головы. Лучше возвращайся к себе тем же путем, каким явился сюда.

— За свою голову, старец, я отвечу сам. Разреши и мне состязаться. Если я проиграю, отрубишь и мне голову.

— Ладно, не сумеешь выполнить мое поручение, твоя голова, очутится вон на том колу. Иди за мной, — и отец Малх-Азни повел Алхаста к амбару и открыл двери. Амбар до потолка был завален пшеницей, ячменем и просом.

Отец Малх-Азни сказал Алхасту:

— Видишь перемешанное зерно? Если до зари ты наполнишь пшеницей один мешки, ячменем — другие, просом — третьи, моя дочь Малх-Азни будет твоей. Если не сумеешь до зари разобрать зерно, хоть одно зернышко пшеницы, ячменя или проса окажется не в своем мешке, — твоя круглая голова будет на колу.

Он закрыл Алхаста на засов и ушел.

«Непосильная задача — разобрать столько зерна. Но если я не сумею этого сделать, то моя круглая голова окажется на колу», — думал Алхаст.

Раскладывая зерна пшеницы, ячменя и проса в отдельные кучки, Алхаст просидел до полуночи. Вдруг он вспомнил про волос белой крысы.

«Может быть, из этого что-нибудь получится», — подумал он и сжег волос.

Не успел волос полностью догореть, как амбар наводнила целая армия крыс во главе с белой крысой.

— Какую службу мы сможем тебе сослужить? — спросили крысы у Алхаста.

Алхаст рассказал о случавшемся:

— До зари я должен разобрать это зерно, пшеницу собрать в одну кучу, ячмень — в другую, просо — в третью. За это я получу красавицу Малх-Азни. Если не сумею этого сделать, моя голова будет посажена на кол.

— Это нетрудное дело по сравнению с тем, что ты сделал для нас. Проделав долгий путь, мы проголодались. Сначала мы поедим из этой кучи, а потом возьмемся за работу, — сказали крысы.

Они досыта наелись зерна и по команде белой крысы отобрали пшеницу в одну кучу, ячмень — в другую, просо — в третью.

Алхаст поблагодарил крыс, отпустил их домой и принялся наполнять мешки. Закончив работу, Алхаст, радуясь, сел на мешки.

На заре отец послал в амбар свою младшую дочь:

— Иди разбуди этого канта и приведи его ко мне. Наверно, он, пытаясь разобрать зерно, устал и уснул.

Дочь открыла дверь амбара и заглянула внутрь. Она увидела, что Алхаст сидит на мешках и распевает песни. Дочь так и ахнула от удивления. Не сказав Алхасту ничего, она быстро выскочила из амбара, захлопнула дверь и закрыла снаружи засов. Прибежав к отцу, она сказала:

— Дада, кант, которого ты оставил в амбаре, разобрал зерно, наполнил мешки и сидит на них, распевая песни.

— Так легко выдать за него нашу Малх-Азни мы не можем. Иди, незаметно возьми пшеницы и перемешай с ячменем и просом.

Дочь снова открыла двери амбара и вошла. Когда она явилась второй раз, Алхаст заподозрил недоброе и стал за ней наблюдать:

— Чисто ли ты разобрал зерно? — сказала дочь. — Дай-ка я проверю.

Она развязала мешки, потихоньку от Алхаста взяла зерна пшеницы и смешала с зернами ячменя и проса. Увидев, что она сделала, он вскочил на ноги, подбежал к ней и сильно ударил ее по лицу. Лицо девушки искривилось от удара. Она вскрикнула. Со слезами побежала она к отцу, рассказала, что кант ударил ее и искривил ей лицо.

Отец Малх-Азни побежал в амбар. Он развязал мешки, высыпал зерно на пол и увидел, что зерно разобрано, как он требовал. Только в двух мешках, куда дочь бросила пшеницу, зерно было перемешано. Отец Малх-Азни сказал:

— Алхаст, ты победил в состязании и выиграл мою дочь Малх-Азни. Я прошу тебя только об одном: вылечи лицо моей младшей дочери.

— Я бы не искривил ей лицо, если бы она поступила со мной честно, — сказал Алхаст, ударил девушку по другой щеке, и лицо ее стало прежним.

Отец подарил Малх-Азни много подарков и проводил Алхаста и свою дочь.

Когда они вышли из села, Малх-Азни сказала ему:

— Алхаст, нас так легко не отпустят мои родителя и братья. Мои семеро братьев где-то здесь охотятся на зверей. В дороге они заметят нас и помешают вам уехать. Ты должен стать голубем, а я — коршуном.

Сказав это, Малх-Азни достала из своих вещей белое и черное кресала и потерла их друг с друга. Тотчас Алхаст превратился а голубя, а Малх-Азни в коршуна. Они полетели.

Как раз в это время возвращалась с охоты ее семеро братьев. Они кроме человеческого языка знали еще языки всех живых существ. Один из братьев сказал тому, кто знал язык птиц:

— Посмотри, брат, как красиво летят вон тот коршун и голубь! Давай подстрелим их!

Брат, владевший языком птиц, посмотрел на летящих и сказал:

— Нужно пропустить их: летящий впереди голубь — наш зять, а коршун, летящий за ним, — наша сестра. Они летят и радуются друг на друга.

Братья не тронули их и пошли своим путем. Малх-Азни и Алхаст полетели дальше. Так они долетели до дома одноглазого. Заметив их, одноглазый вышел им навстречу.

— Алхаст, я давно слышал о тебе как о смелом и красивом канте. Мне хоть и жаль было посылать тебя за Малх-Азни, но очень хотелось, чтобы ты и на ней женился. Веди теперь обеих невест к себе домой. Счастливого пути! — сказал одноглазый.

Алхаст ровно через год вернулся домой. Братья после его возвращения сыграли семь свадеб.

27. Охотник

Опубл.: ЧФ, т. III, с. 84.
Записана на чеченском языке от З. Хамхоевой, г. Грозный.

Один охотник встретил в лесу медведя. Только он прицелился в него, как тот заговорил на человеческом языке:

— Не убивай меня, я пригожусь тебе.

Охотник не стал убивать медведя.

— Возьми мой волос. В нужный момент сожги его, и я окажусь возле тебя, — сказал медведь.

Охотник взял волос и отправился дальше. В пути он очень проголодался: «Пристрелю первого встречного зверя, зажарю и съем».

Шел он, шел и наткнулся на раненого коршуна. Он хотел пристрелить его, но коршун сказал охотнику на человеческом языке:

— Не убивай меня, охотник. Я пригожусь тебе.

Охотник не стал убивать коршуна.

— Возьми мое перышко. В нужный момент сожги его, и я окажусь возле тебя, — сказал коршун.

Охотник шел дальше и клялся: «Теперь-то я пристрелю любого встречного зверя, зажарю и съем».

И он наткнулся на лису. Охотник хотел ее убить, но она попросила его:

— Не убивай меня, охотник, я пригожусь тебе.

Охотник не стал убивать и лису.

— Возьми мой волос. В нужный момент сожги его, и я окажусь возле тебя, — сказала лиса.

Походил, походил охотник и дошел до какого-то села. Вокруг села стояла высокая изгородь. За ней играли большую свадьбу. На каждый кол изгороди была насажена человеческая голова. Пустовал только один кол. Охотник подошел ко двору, где играли свадьбу, и спросил:

— Какую страшную картину я вижу здесь: на кольях изгороди человеческие головы, а здесь играют свадьбу. Скажите, что это за свадьба, кто женится?

Тогда ему ответили:

— Падчах выдает свою дочь за того юношу, который сумеет спрятаться лучше всех. Ему сначала разрешают три дня и три ночи веселится с черкешенками[113]. Он вдоволь пьет и ест. После этого соревнующиеся прячутся три раза. Если дочь падчаха находит его в третий раз, то его голову сажают на кол. Вон один кол пустует. Если хочешь, спрячься и ты. Если тебя найдут, то твоя голова очутится на том колу.

Тогда охотник сказал:

— Разрешите и мне участвовать в этих соревнованиях.

Ему разрешили. Он три дня и три ночи веселился с черкешенками, вдоволь ел и пил. По истечении трех дней ему сказали:

— Теперь прячься.

Охотник достал волос медведя и сжег его. Не успел волос догореть, как перед охотником появился медведь:

— Что случилось? — спросил медведь.

— Ты должен спрятать меня. Если они меня не найдут, я выиграю дочь падчаха.

— Залезай на мою спину, — сказал медведь и понес его к морю.

Там медведь спрятал охотника в берлоге у моря, а сам, закрыв берлогу, лег у входа.

На второй день дочь падчаха встала на свою лестницу, постояла немного и сказала:

— Выходи из берлоги медведя у самого моря.

Охотника второй раз накормили, напоили и усадили веселиться с черкешенками, а затем приказали спрятаться. Охотник сжег перо коршуна. Прилетел коршун, усадил его на спину и поднял в небеса выше облаков. Потом он расправил крылья и начал парить.

Дочь падчаха залезла на лестницу искать охотника, постояла там и сказала:

— Ветер всколыхнул полу твоей черкески. Я нашла тебя. Спускайся.

И в третий раз было так, как в первые два дня. В этот раз охотник сжег волос лисы. Не успел волос догореть, как перед охотником появилась лиса.

— Какая помощь тебе понадобилась? — спросила она охотника.

Охотник рассказал лисе обо всем и сказал:

— Ты должна спрятать меня, лиса.

Лиса повела его с собой. Они прошли расстояние в одно поле[114], взобрались на вершину какого-то холма и сели там. Охотник удивился:

— Ты что, лиса, посадила меня на самом видном месте — на вершине холма. Так меня найдут без особого труда. Меня спрятал медведь в берлоге у моря, коршун на спине в небеса поднял выше облаков — и то нашли! А ты посадила меня на вершине холма!

Лиса ответила:

— Не бойся, охотник. Я сейчас попрошу бога, чтобы он превратил меня в гармониста, а тебя — в комара! Только ты говори со мной: «Аминь!» Превратившись в комара, ты залезешь в рукав моей черкески, а я, превратившись в гармониста, пойду на свадьбу. Там меня будут заставлять плясать лезгинку. Я не соглашусь, пока не станцует со мной дочь падчаха. Когда мы начнем плясать лезгинку, я махну рукой возле груди дочери падчаха. Ты вылети из рукава, залети под ее платье и сиди. Завтра дочь падчаха начнет искать тебя и, не найдя нигде, объявит, что не нашла. А ты после ее слов превратись в человека, опустись на землю и обними ее.

Лиса начала просить бога:

— Преврати меня в гармониста, а охотника — в комара.

Бог превратил лису в гармониста, а охотника — в комара. Комар залетел в рукав черкески гармониста. Гармонист отправился на свадьбу. Когда он несколько раз сыграл лезгинку, его попросили сплясать. Он отказался плясать без дочери падчаха. И дочь падчаха стала танцевать с ним лезгинку. В середине танца гармонист махнул рукой возле груди дочери падчаха. Комар перелетел под ее платье и спрятался. После того как комар перелетел к дочери падчаха, гармонист закончил пляску; отошел в сторону, превратился в лису и убежал.

Дочь падчаха на следующий день начала искать охотника. Она поднялись на свою лестницу. С третьей ступеньки она видела все, что находилось под семью небесами и под семью подземельями, но охотника не увидела. Дочь падчаха спустилась на землю и объявила:

— Нет его на всех семи небесах, нет его под семью подземельями. Не рожала его ни одна мать, нет его ни мертвого, ни живого.

Как только дочь падчаха объявила это, комар превратился в охотника, опустился на землю и обнял ее.

28. Как сын старика переспорил дочь падчаха

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от З. Дурова, с. Джайрах ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жил старик-бедняк со своим сыном.

— Ва, дада, засватай мне дочь падчаха, — просит сын.

— Брось, дурак, о чем говоришь? Разве за тебя выдадут дочь падчаха? — сказал отец.

Но сын настоял, и отправился старик сватать дочь падчаха за своего сына. Падчах сказал, что посоветуется со своими хакимами, и велел ему прийти в следующую пятницу.

Собрал падчах своих хакимов и стал с ними советоваться — что сделать, чтобы отказать старику. Один из хакимов сказал, что нужно потребовать много золота, другой — много овец.

— Все это можно выполнить, — сказал падчах.

Тогда один из приближенных падчаха посоветовал:

— В нашем крае девяносто девять лисиц одного цвета и величины. Пусть он выловит их всех за день и приведет к нам. Это будет ему не под силу.

Падчаху понравился такой совет. В назначенную пятницу пришел старик. Говорит ему падчах:

— Если твой сын за день поймает и приведет ко мне девяносто девять лисиц одной масти и величины, я выдам за него свою дочь.

Отец все рассказал сыну. Он был уверен, что сын этого выполнить не сможет и на их голову падет позор.

Не сказав ни слова, сын оседлал коня и выехал в далекий край. До обеда он изловил девяносто восемь лисиц одной масти и одной величины. Последнюю же лисицу нигде найти не мог. Солнце уже клонилось к закату, А он не мог найти лисицу потому, что ее поймала дочь падчаха. Сделала она это, чтобы унизить сына старика, показать ему, что он человек незнатного происхождения и потому не может выполнить задание падчаха.

Прибыла она со своей свитой и лисицей к молодому человеку, а он не знал, что она — дочь падчаха. Сын старика обо всем ей рассказал и попросил, чтобы она продала ему лисицу. Но дочь падчаха не соглашалась уступить лисицу ни за какие деньги.

— За что бы ты отдала ее? — спросил сын старика.

— Если позволишь на своей спине поставить отпечаток моего мизинца, тогда я отдам тебе лисицу[115].

— На такой позор я не согласен, — сказал сын старика.

«Если я не получу эту лисицу, то за меня не выдадут дочь падчаха. Владелица лисицы не знает, кто я такой, и о моем позоре никто не узнает», — так подумал сын старика и согласился.

Юноша подошел к девушке, она поставила на его спине отпечаток мизинца, отдала лисицу и уехала.

На второй день сын старика привел к падчаху девяносто девять лисиц одной масти и одной величины. И здесь он увидел дочь падчаха. И признал в ней ту, которая дала ему последнюю лисицу. Спросила у него дочь падчаха:

— Ты зачем явился сюда, ты, с отметиной моего мизинца на спине?

Пристыженный, сын старика убежал.

Уехал он в далекие края и там проводил время. В тех краях он наткнулся на дом, в котором жили три девушки. Они очень удивились его появлению в этих безлюдных местах. У девушек

была серебряная курица с двенадцатью цыплятами. Сын старика проводил с девушками время и веселился. Стали девушки просить его, чтобы он увел их из безлюдного края и поселил среди людей. Одна из них согласилась выйти за него замуж — ее приданым была серебряная курица с двенадцатью цыплятами.

Он поселил девушек среди людей, а одну из них оставил себе. Потом взял у нищего изорванную одежду и с серебряной курицей и цыплятами отправился ко двору падчаха. И там он стал забавляться цыплятами. Служанка дочери падчаха долго смотрела на это чудо-веселье. Когда служанка вошла в покои, дочь падчаха отругала ее. Служанка рассказала дочери падчаха, почему она задержалась.

— Пойди, — сказала дочь падчаха, — и заплати нищему за курицу с цыплятами столько золота и серебра, сколько он захочет.

Однако сын старика не соглашался продать курицу с цыплятами ни за какие деньги. Удивленная этим, дочь падчаха вышла сама, чтобы сговориться с нищим о цене.

— За что уступишь курицу с цыплятами? — спросила она у нищего.

— Если позволишь оставить отпечаток моего большого пальца на твоем бедре, тогда отдам, — ответил сын старика.

Ввела она его в комнату и разрешила сделать отметину на своем бедре.

Сын старика отдал курицу с цыплятами и ушел.

На второй день он надел свои лучшие одежды и явился во двор падчаха. Вышла дочь падчаха и спрашивает сына старика с издевкой:

— Ты зачем сюда опять явился, ты, купивший лисицу за отпечаток моего мизинца на своей спине?

— А ты что хочешь сказать, позволившая сделать отпечаток моего большого пальца на своем бедре за курицу с цыплятами?

Поняла дочь падчаха, с кем имеет дело, и тут же сказала отцу, чтобы он выдал ее замуж за сына старика. Так сын старика женился на дочери падчаха.

29. Как победили черного ногайца

Записал И. А. Дахкильгов в 1986 г. на ингушском языке от Ж. Шовхалова, с. Бейни ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Седло приросло к коню, сам прирос к седлу, изо рта пламя бьет — так ездил черный ногаец.

Однажды напал он на одно село, сжег его, шашкой изрубил всех людей, осталась лишь одна беременная женщина, которая собирала в лесу груши. Она родила мальчика и умерла. У мальчика под мышкой было солнце, из одного пальца текла вода, из другого — молоко, из третьего — масло, из четвертого — мед.

В лесу он сосал свои пальцы и так кормился. Подошел к нему волк и решил съесть мальчика. Только волк кинулся на него, мальчик просунул волку в пасть руку и сломал ему все клыки. Нечего было делать волку. А мальчик вспрыгнул на спину волка и схватил его за уши.

— Я твой всадник, а ты — мой конь, — сказал мальчик.

— Я привезу тебя к моему хозяину, — сказал волк и пустился рысью.

Мальчик верхом на волке подъехал в лесу к шалашу, у которого сидел старик и поджаривал оленя.

— Волчий щенок, откуда ты везешь этого сучьего щенка? — спросил старик волка.

— Один черный ногаец разгромил село, изрубил людей, осталась лишь одна женщина в лесу. Она родила этого мальчика, а он сломал мне клыки, оседлал и приехал сюда верхом на мне, — рассказал волк.

Старик стал воспитывать мальчика. Поил его барсучьим молоком, кормил оленьим мясом и лесными орехами.

Этот старик был вещим и мог принять облик любого зверя.

Однажды старик принял облик медведя и стал бороться с мальчиком. Мальчик схватил медведя, притянул его к себе, сломал ему два ребра и с размаху ударил оземь.

— Ну, теперь у тебя достаточно сил, — сказал старик, — чтобы освободить свой край, на который нападает черный ногаец. Тебе нужно оружие, которое снесет ему голову, и конь, который одолеет его коня. Вон там живет мой старший брат. Для него зарежешь этого белого оленя. Он большой мастер. Никто, кроме него, не сможет сделать шашку, которая одолеет черного ногайца. Тебе я даю имя Берза Дог[116].

Берза Дог взял белого оленя и отправился туда, куда указал старик.

Из одной пещеры курился дым и раздавались звуки — занг-занг-занг. Подошел Берза Дог к пещере и говорит:

— Пусть хозяину будет впрок мясо этого белого оленя!

Выбежал из пещеры железных дел мастер с намерением драться. Увидел, что для него зарезали оленя, и драться не стал. Он был дороден, его борода и усы были опалены, на голове и плечах — сажа.

— Пусть будет твой приход добрым, если у тебя добрые намерения, — сказал он.

— У меня добрые намерения, а прислал меня к тебе твой младший брат. — И рассказал Берза Дог, что ему нужен меч который мог бы разрубить черного ногайца.

— Хорошо, — сказал кузнец. — Только сдвинь-ка с места эту наковальню. — И он показал на большой камень, лежавший посреди кузни.

Напряг Берза Дог все силы, но не смог сдвинуть наковальню с места. Она сидела глубоко в земле.

— Дай-ка я попробую, — сказал кузнец и без труда вырвал камень из земли, а затем вновь всадил его в землю.

— Будешь помогать мне в работе год, — сказал кузнец.

Целый год проработал Берза Дог у кузнеца и каждый день пытался вырвать наковальню, проверить, сколько сил у него прибавилось.

Через год он, как, и кузнец, легко вырывал наковальню из земли, а затем обратно ее всаживал. И теперь он вместе с кузнецом начал делать шашку. Семь дней и семь ночей они готовили уголь, мяли сталь, словно тесто, руками. Семь дней и семь ночей ковали шашку, а потом стали бить ею по валунам и скалам.

Шашка рассекала валуны и скалы, словно тыквы. При ударе шашка удлинялась, а когда ее отводили, укорачивалась.

С шашкой Берза Дог вернулся к старику, который его воспитывал, а тот говорит:

— Теперь ты должен пойти к моему самому старшему брату. Приведешь от него сорок буйволиц. — И старик дал ему белого оленя.

Берза Дог приходит к самому старшему брату старика и говорит:

— Пусть хозяину будет впрок мясо этого белого оленя! — И прирезал оленя.

Самый старший брат, пасший овец, выбежал навстречу Берза Догу. Увидел он прирезанного для него оленя и успокоился, поел мясо оленя, и они стали говорить о делах. Пастух швырнул со своей ноги чувяк и попросил Берза Дога принести его. С трудом приволок Берза Дог тот чувяк.

— Ты должен проработать со мной ровно год, — сказал пастух.

Берза Дог ходил за овцами, коровами, буйволицами. Через год он взбегал на гору с одним быком на шее и двумя под мышками. Старик, воспитатель юноши, прирезал сорок буйволиц и выделал сорок шкур.

— Теперь мы пойдем драться против черного ногайца. Я превращусь в коня. Когда ты будешь драться с ногайцем, я буду драться с его конем. Чтобы удар копыта или укус коня мне не повредил, обернешь меня этими буйволиными шкурами.

И старик превратился в доброго коня.

Сорока буйволиными шкурами обернул его Берза Дог. С ветром споря, поднимались они в поднебесье, приникали к земле, словно проливной дождь. Так прибыли они в село, где жил Берза Дог.

Черный ногаец положил тело отца Берза Дога к изголовью, а тела его братьев — под себя и крепко спал.

Конь черного ногайца, как увидел Берза Дога, заржал.

Черный ногаец проснулся и встал. Изо рта его ударило пламя, из ушей повалил дым. Вскочил он на своего коня и пустил его на Берза Дога.

Стали они драться. Дерутся и их кони. Огнем и мечом бился ногаец. Берза Дог уклонялся от ударов, а каждый его удар попадал в цель. Каждый укус коня ногайца срывал с коня Берза Дога по одной буйволиной шкуре. А каждый укус коня Берза Дога вырывал у коня ногайца по одной жиле. От грохота этой битвы птицы с небес попадали, звери к земле приникли. Берза Дог направил солнце из-под мышки на черного ногайца, и тот ослеп от его сияния. Шашкой искромсал Берза Дог ногайца и его коня. Бой, начатый утром, продолжался до вечера. Как только ногаец испустил дух, все покойники аула ожили. Трех братьев — старика-воспитателя, кузнеца и пастуха — пригласили в аул и устроила большое веселье.

Они стали вместе жить. Пусть им и нам во всем будет удача!

30. Два друга

Опубл.: ЧФ, т. III, с: 104.
Записал К. Чокаев в 1958 г. на чеченском языке от С. Ахмадова, г. Грозный.

В давние времена жили два друга — Байбур и Гамбур. Между их жильем было расстояние, которое можно было одолеть лишь за три месяца. На старости лет, чтобы узнать о здоровье друг друга, они пускали стрелы в стену[117].

Однажды Байбур затосковал по своему другу и пустил в стену две стрелы.

«Если Гамбур жив и здоров, на стене выступит капля молока. Если же он занемог, на стене выступят три капли крови», — подумал он.

На стене выступили три капли крови. Желая помочь своему другу, Байбур с железной кровати перешел на деревянную[118]. В дом вошел старший сын Байбура и спросил отца:

— Деда, ведь неудобно перед людьми, если ты будешь лежать на деревянной кровати. Что случилось? Расскажи о своем горе.

— Мой друг Гамбур занемог. Разделяя его горе, я перешел на деревянную кровать, — сказал отец.

— По своему желанию перейдешь на железную, — сказал старший сын и вышел.

Вошел средний сын и спросил о том же, о чем старший.

— Пошел вон! — закричал отец.

Но средний сын настаивал:

— Расскажи о своем горе. Нехорошо, что ты лежишь на деревянной кровати.

Отец рассказал ему о своем горе, и средний сын ответил так же, как и старший:

— По своему желанию перейдешь на железную кровать.

Вошел младший сын и задал тот же вопрос, что и старшие братья.

— Ты не лучше своих братьев, — закричал отец на младшего сына и прогнал его.

Но младший сын настаивал, и отец рассказал ему о своем горе. Тогда младший сын спросил у отца:

— Есть ли у тебя конь, есть ли у тебя оружие, чтобы опоясаться, дада?

Отец достал из сундука оружие, передал сыну и сказал:

— Вон под тем холмом стоит конь. Имей в виду: он бросится на тебя, чтобы убить. Не успеет он выскочить из-под холма, стать на дыбы, как ты должен его взнуздать, оседлать и сесть на него.

Как отец и говорил, из-под холма выскочил конь и бросился на младшего сына. Но тот накинул на него уздечку, оседлал и вскочил в седло. Тогда младший сын спросил отца:

— Дада, что ты делал, когда отправлялся в путь?

— Когда я отправлялся в путь, я делал три круга вокруг дома и перескакивал на коне через ограду, — сказал отец.

Отец дал младшему сыну печатку с пальца, чтобы по ней его узнал Гамбур.

Взял младший сын печатку, надел ее на палец, сделал вокруг дома три круга, перескочил на коне через ограду и отправился в путь.

Дорогу, которую Гамбур и Байбур одолевали за три месяца, младший сын Байбура одолел за месяц. Подъехал он к селу, пришел на пхохане[119] и спросил, где живет Гамбур. И поехал сын Байбура к башням, на которые указали ему люди. Гамбур выглянул в окно и сказал:

— Если ты прибыл за плохим, достанется оно тебе. Если прибыл за хорошим, да не лишишься ты его![120]

— Я прибыл с хорошим намерением, я сын твоего друга Байбура — Баймурза. — И юноша протянул в окно руку с печаткой на пальце.

Увидя на пальце печатку Байбура, Гамбур вспомнил с любовью своего друга, прижал руку Баймурзы к сердцу. Затем он поспешил к Баймурзе, ввел в дом сына своего друга, обо всем его расспросил. Зарезал барана усадил гостя за стол. И Баймурза за столом спросил Гамбура:

— У тебя нет дочери или сына?

Гамбур ответил, что у него нет ни дочери, ни сына. После обеда Баймурза решил прогуляться по селу и попросил дать провожатого. Гамбур пригласил своего соседа. Когда Баймурза и сосед вышли, тот рассказал, что у Гамбура были семь сыновей и одна дочь и эту дочь похитил нарт-орстохоец Асран, а братья поехали за сестрой и погибли.

— Мы не будем больше ходить по селу. Прошу тебя, никому не говори о том, что ты мне рассказал, — сказал Баймурза.

И они разошлись.

Приходит Баймурза к Тамбуру и говорит:

— Я за всю жизнь ни разу не спал в комнате, постели мне во дворе.

Постелили ему во дворе. А посреди ночи Баймурза встал, оседлал коня и тайно от Гамбура поехал в горы к нарт-орстхойцу Асрану.

Через семь дней и семь ночей он прибыл в горы, где стоял желтый дым от цигарки одноглазого нарт-орстхойца, пасшего отары овец.

— Ассалам-алейкум! Да не будет приплода твоим овцам, злодей! — обратился Баймурза к нарт-орстхойцу Асрану.

— Ва алейкум-салам! Люди желают приплода моим овцам, а ты почему не желаешь? — спросил Асран.

— Я говорю это потому, что не желаю приплода твоим овцам. Скажи мне, где ты держишь своих овец? Где твое жилище?

— Я держу своих овец в таком-то месте. Там и мое жилище. Но сейчас я не могу вернуться с овцами. А ты пойди, но тебя могут не впустить мои собаки. Вот этой шапкой отпугнешь их.

Асран бросил Баймурзе свою шапку.

— Я не ребенок, чтобы таскаться с твоей шапкой! — И Баймурза пинком отбросил шапку Асрана.

Когда Баймурза направился к его жилищу, нарт-орстхоец сказал:

— Сорви со дворе с яблони яблоко и съешь его. Возьми топор и наруби дров. Выпусти из загона десять баранов. Наполни котел водой. Приготовь кукурузной муки. Пойди в лес и наруби сухих дров для растопки.

Ни один из семерых братьев — сыновей Гамбура — эти поручения не смог выполнить.

Только Баймурза пришел во двор нарт-орстхойца, как на него бросились семь собак, которых он убил ударами шашки. Баймурза потряс яблоню, вырвал ее с корнями из земли, нарубил дров. Принес в котле воды и поставил его на очаг. Взял со стены дечиг-пандар [121] и долго играл на нем, а затем расколол его на щепки и разжег ими огонь. Потом отодвинул от входа в загоны огромную скалу, вывел баранов, зарезал их и мясо бросил в котел.

В это время возвратился нарт-орстхоец и злобно спросил у Баймурзы:

— Ты почему убил моих собак?

— А что ж, я дал бы им разорвать себя? — спросил Баймурза.

— Ты играл на дечиг-пандаре, но почему сломал его? — спросил Асран.

— А что ж, я должен был, как женщина, собирать щепки для растопки? — спросил Баймурза.

— Воды ты принес?

— Да, принес.

— Куда дел десять баранов?

— Я их зарезал, и мясо варится в котле, — ответил Баймурза.

Нарт-орстхоец не осмелился драться с Баймурзой и вышел. Баймурза съел мясо десяти баранов и лег отдыхать. Когда он уснул, вошел нарт-орстхоец и стал варить себе кашу. Когда каша сварилась, Баймурза проснулся, выгнал нарт-орстхойца и съел всю кашу.

— Лучше умереть сейчас, чем умереть от голода и жить в страхе. Мы должны драться, — сказал Асран Баймурзе.

— Хорошо, будем драться, — сказал Баймурза, схватил нарт-орстхойца и всадил его по колена в землю.

Затем нарт-орстхоец схватил Баймурзу и всадил его в землю.

— Я только теперь вошел во вкус драки, — сказал Баймурза и всадил его в землю по самые уши.

Тогда нарт-орстхоец сказал:

— Что бы ты ни делал, смерть меня не возьмет. Расколи мой череп и вытащи коробку, в которой находятся три ножа. Этими ножами убей меня, я не в силах переносить такие страдания.

Ударом шашки Баймурза расколол черен нарт-орстхойца, вытащил коробку, а из нее три ножа и сказал:

— Я тебя не буду убивать, и ты будешь вечно мучиться, если не скажешь, где семеро братьев и дочь Гамбура.

— Дочь Гамбура на верхнем этаже башни, а семь братьев в подвале башни, зажатые в тисках.

Спустился Баймурза в подвал, освободил из тисков семерых братьев и поднялся к дочери Гамбура на верхний этаж башни. Увидев его, дочь Гамбура вскрикнула:

— Если нас увидит Асран, он убьет нас! Уходи скорее!

— Асран теперь ничего не сделает — я убил его. Я сын друга твоего отца, Баймурза, прибыл сюда, чтобы освободить тебя, — сказал Баймурза девушке.

Баймурза убил Асрана, забрал его отары овец и с семью сыновьями и дочерью Гамбура отправился в обратный путь. Семь дней и семь ночей царило веселье в доме Гамбура. После этого решил Баймурза возвратиться к своему отцу Байбуру.

Ехал он, ехал и очутился на развилке дорог. Стоял Баймурза в раздумье, не зная, какую дорогу выбрать, а затем вспомнил слова Гамбура: «Дорога к восходу солнца опасна, дорога к заходу солнца безопасна».

Но все-таки он поехал в сторону восхода солнца. По дороге он увидел башню чернее угля. Из этой башни вышла девушка чернее угля и сказала Баймурзе:

— По этой дороге пройдет Черный хожа. Мне жаль твою круглую голову. Не ходил бы ты по этой дороге!

— Черный хожа пусть делает что хочет, а ты зайди обратно в башню.

И Баймурза поехал дальше и встретился с Черным хожей.

— Птица, пролетающая над моим краем, боится перышко бросить, звери на моей земле боятся след оставить. Так почему же ты без разрешения ступил в мой край? — закричал Черный хожа.

Баймурза ответил:

— Не вини меня. Я три месяца плутаю, но больше не появлюсь в твоем крае.

— Нет, я не могу простить тебя. Всех, чья нога сюда ступает, я лишаю головы! — сказал Черный хожа.

— Я извинился за то, что очутился в твоем краю. Но если ты так говоришь, то и твою голову должна постигнуть участь других! — сказал Баймурза и шашкой снес Черному хоже голову.

Едет он дальше, и встречается ему в пути красная башня.

Выходит из башни девушка краснее огня и говорит:

— Не ходил бы ты по этой дороге. Сюда идет Красный хожа. Мне жаль твоей круглой головы, которой он тебя лишит.

— Красный хожа пусть делает что хочет, а ты зайди обратно. — И Баймурза поехал дальше.

Встретился он с Красным хожей. Красный хожа повторил слова Черного хожи. Баймурза и Красному хоже снес голову.

Едет Баймурза дальше, и попадается ему в пути белая башня, из которой вышла девушка белее молока и сказала те же слова, что и прежние.

Он ее отправил в башню, а Белого хожу, как Черного и Красного, лишил головы.

Едет дальше Баймурза. Устал и прилег отдохнуть. Во сне он увидел Малх-Азни, дочь падчаха. Проснувшись, он поклялся, что не возвратится домой, пока не найдет ее. Поехал он дальше и встретился с одним человеком.

— Ассалам-алейкум! Кто ты и что здесь делаешь? — спросил Баймурза.

— Я женщина. Зовут меня Тани Гук. Я не могу ответить на твой салам[122]. А очутилась я здесь по одной причине. Ты чем занимаешься? Куда путь держишь? — спросила Тани Гук.

— Я видел во сне Малх-Азни и решил на ней жениться, — сказал Баймурза.

— Ты иди не этим путем, а другим. Если пойдешь этим путем, не добьешься Малх-Азни, так как ее охраняет войско падчаха. Я помогу тебе. Вон видишь холм. Это не холм, а моя мать Жера-Баба. Подкрадись к ней незаметно и скажи: «Баба, я твои кант!» — и бросайся в ее объятия. Тогда она посоветует тебе, как добиться Малх-Азни, — сказала Тани Гук.

По совету Тани Гук Баймурза подкрался к Жера-Бабе и со словами: «Баба, я твой кант!» — бросился в ее объятия.

— Да, ты мой сын! Поведай мне о причине своего прихода, — сказала Жера-Баба.

Выслушала она Баймурзу и говорит:

— Нет, нет, так Малх-Азни не добиться, ведь ее охраняет большое войско падчаха. Но я помогу тебе. Малх-Азни играет с золотой уткой, а я превращу тебя в золотого голубя. Между войском, охраняющим Малх-Азни, и башнями стоит золотой столб. Ты сядь на верх столба. Воины будут в замешательстве, стрелять в тебя или нет. Затем решат поймать, чтобы Малх-Азни тобой забавлялась, и принесут тебя к ней. Только так ты сможешь добиться Малх-Азни.

Жера-Баба превратила Баймурзу в голубя. Он взмахнул крыльями, полетел и уселся на верх столба. Некоторые воины говорили, что надо убить голубя, другие отговаривали. Наконец решили его поймать. Поймали и бросили в комнату Малх-Азни. Голубь примостился в углу комнаты и поглядывал на Малх-Азни. Взглянула на голубя Малх-Аани и сказала:

— Удивительно, если ты действительно голубь. Твои глаза очень похожи на глаза Баймурзы, о котором мне так много рассказывали.

— Я и есть Баймурза, — сказал он, и из голубя превратился в юношу.

Тогда Малх-Азни вышла и сказала воинам.

— Расходитесь, я выхожу замуж.

На рассвете они запрягли коней и собрались ехать домой. Переночевали у Жера-Бабы и поехали.

— Я бы хотел немного отдохнуть, — сказал Баймурза и задремал.

Через некоторое время он проснулся и увидел плачущую Малх-Азни.

— Ты плачешь? Ведь я неволить тебя не стану и снова отведу к твоей башне, — сказал Баймурза.

— Я плачу из-за надвигающихся черных туч. Когда я вышла из башни, меня хотел украсть сармак. Мне кажется, что эти тучи и есть сармак. Вот почему я плачу, — сказала Малх-Азни.

— С малолетства не было человека сильнее меня, кроме моего отца. Можешь смело погонять лошадей, — сказал Баймурза.

Не успели они закончить разговор, как перед ними опустился сармак. На человеческом языке он сказал:

— Давай драться!

Приготовился Баймурза драться. Сармак сказал:

— Оскорби меня![123]

— Я не буду тебя оскорблять. Я увожу твою любимую Малх-Азни. Ты оскорби меня!

Сармак плюнул в Баймурзу ядом. Тогда Баймурза выхватил шашку и снес сармаку голову.

Без всяких происшествий вместе с Малх-Азни он прибыл домой и рассказал отцу Байбуру, как он освободил семь сыновей Гамбура и дочь и о дальнейших своих приключениях.

Байбур пустил в стену две стрелы — молочную и кровяную: со стены упали три капли молока.

Теперь Байбур взобрался на свою железную кровать.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу и от всего сердце веселились на ней.

31. Джантельг

Опубл.: ИФ, т. II, с. 115.

Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

Жили Джантельг и два его друга. Они прославились мужеством и храбростью. Ходили они по свету, предводительствуемые Джантельгом.

Однажды друзья очутились в диком краю и не знали, где переночевать. Увидели они отверстие в земле, заглянули в него — одна темнота.

— Давайте спустимся в отверстие, переночуем там, — сказал Джантельг.

— Опасно туда спускаться, мы ведь не знаем., что там, — сказали друзья.

— Что мне опасность, я спущусь, — сказал Джантельг и стал спускаться в отверстие, а за ним и его друзья.

Шли они, шли и видят сияние. Подходят — это лежит ешап. Поднялся ешап, сверкнул глазами, заскрежетал зубами:

— Что вам надо, зачем пришли?

— Старый ешап, мы пришли пролить твою кровь, — смело выступил Джантельг.

— У вас не хватит сил пролить мою кровь. Я сам пью кровь людей, подобных вам, — сказал ешап и открыл позади себя двери. И видят друзья шестьдесят три головы.

— Это головы тех, чью кровь я выпил. Среди них были мужчины и посильнее тебя и твоих друзей, — сказал ешап.

— Да мы пошутили с тобой, где нам пролить твою кровь. Лучше приготовь нам поесть и место переночевать.

Зарезал ешап корову, сварил мясо в котле и угостил друзей ужином, а затем уложил спать.

Легли друзья. Джантельг притворился спящим, а сам чутко ко всему прислушивался. Мало ли времени прошло, много ли, слышит он какой-то шум. Приоткрыл Джантельг дверь и видит: ешап точит нож о свой зуб.

Тихонько разбудил Джантельг друзей. Увидели они, что делает ешап, и от ужаса замерли. Смотрит в их сторону ешап и спрашивает:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я, Джантельг, не сплю.

— Почему ты не спишь?

— Не спится что-то. Перед сном моя мать резала мне на ужин трехгодовалого быка и варила его в большом котле на чистом молоке, — сказал Джантельг.

Привел ешап трехгодовалого быка, зарезал его, сварил на чистом молоке и накормил Джантельга. А Джантельг любил поесть Поел он мяса и снова лег. Ешап опять стал точить большой нож о свои зубы и спрашивает:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я, Джантельг, не сплю.

— Почему не спишь, уснул бы себе!

— Не спится что-то. Перед сном моя мать после трехгодовалого быка варила в таком же большом котле на чистом молоке кашу из муки, — сказал Джантельг.

Варит ешап в огромном котле кашу на молоке и лопатой мешает ее. Каша сильно нагрелась и стала булькать. Ешап стоял нагнувшись над котлом. А Джантельг потихоньку подошел сзади и толкнул его в кипящий котел.

Ослеп ешап от сильных ожогов, носится по комнате со страшными воплями. Выхватил Джантельг шашку и изрубил ешапа на мелкие куски.

Кровью ешапа он обрызгал шестьдесят трех человек, находившихся за дверьми. Все они ожили.

Джантельг прогнал своих трусливых друзей, а этих шестьдесят трех возглавил и продолжал борьбу с врагами.

32. Прославленный лекарь

Опубл.: ИФ, т. II, с. 111.
Записал И. А. Дахкильгов 1964 г. на ингушском языке от Ф. Ханиевой, г. Грозный.

Жил один падчах. У него была единственная дочь. Она заболела и слегла. Всех лекарей своего края призвал падчах, но никто из них не мог ее вылечить, и падчах по одному убивал их.

В живых оставил падчах лишь двух человек и приказал им:

— Найдите лекарство для моей дочери.

Делали они различные снадобья, но никакой пользы от этого не было. И спросили они у одной гам:

— Есть ли на свете человек, который мог бы вылечить дочь падчаха?

— Такой человек есть. Хоть и не лекарь он, но дочь падчаха сможет вылечить, — ответила гам.

Два лекаря стали просить ее, чтобы она убила этого человека, ибо, если этот человек вылечит дочь падчаха, тот убьет их обоих.

Взяла гам у лекарей деньги и стала наговаривать падчаху на того человека, что он обманщик, может принести царству большой вред и его нужно убить.

— Как его убить? — спросил падчах.

— Я знаю отверстие в земле, которое ведет в нижний мир. Нужно бросить его в это отверстие.

И его бросили в нижний мир. Там он увидел много садов, фруктовых деревьев и разбросанное на земле золото и серебро. На этом серебре и золоте лежали змеи, сармаки и всякие другие гады. Все сармаки и змеи говорили, что нужно съесть этого человека. У падчаха сармаков было лицо человека, а тело огромных размеров. Голову его украшала шапка, усыпанная жемчугом. Подозвал он этого человека и спрашивает.

— Как ты попал сюда и что тебе нужно?

Ничего на свете не боялся этот человек и смело ответил:

— Я не хотел попадать к вам. Меня бросили сюда по наговору. Мне нужно, лишь одно — попасть в верхний мир.

— Ты храбрый человек. Я подниму тебя в верхний мир с условием, что на твоей спине мы сделаем изображение змеи, — сказал падчах сармаков и змей.

Падчах сармаков дал человеку волшебное кольцо, изобразил между лопаток змею, поднял его в верхний мир и сказал:

— Никому не показывай изображение змеи на своей спине.

Поднялся человек в верхний мир и с помощью кольца делал для себя все необходимое.

Двое лекарей так и не смогли придумать для дочери падчаха целебное лекарство. Падчах понял, что они не в силах помочь его дочери и сказал:

— Даю вам неделю срока. Если за это время вы не найдете лекарство, я снесу вам головы.

Отправились лекари со своим горем к гам. Дали ей много денег. Она сказала им, что дочь падчаха можно вылечить двумя способами: напоить ее бульоном, в котором варилось мясо падчаха сармаков или человека, который видел падчаха сармаков, но бульон из падчаха сармаков гораздо лучше.

— Где же мы найдем падчаха сармаков или человека, который его видел? — забеспокоились лекари.

— У человека, который видел падчаха сармаков, на спине между лопаток — изображение

змеи. Пусть падчах повелит найти этого человека, — дала совет гам.

Приходят лекари к падчаху и говорят:

— Лекарство для излечения твоей дочери есть. Но мы не в силах его достать. Ей необходимо выпить бульон, в котором варилось мясо падчаха сармаков или человека, видевшего падчаха сармаков. На спине между лопаток у этого человека — изображение змея. Дай приказ найти этого человека.

Поручил падчах своим людям отыскать человека с изображением змеи между лопаток.

Повсюду искали люди падчаха этого человека, а он купался где-то на краю света. Увидели люди падчаха на его спине между лопаток изображение змеи и привели к падчаху.

— Ты должен привести падчаха сармаков или будешь убит. Выбирай одно из двух.

«Пусть меня лучше убьет падчах сармаков, чем они», — подумал человек и сказал:

— Хорошо, я пойду. Пусть гам сбросит меня в то же самое отверстие.

И сбросила гам его в отверстие, которое вело в тот мир. Подходит падчах сармаков и спрашивает.

— Как и по какой причине ты очутился здесь?

— Чем позволить им убить себя, решил я, лучше умереть от твоей руки, и поэтому очутился здесь, — сказал человек и рассказал обо всем.

— Плохо все обернулось. Я же говорил тебе, чтобы ты никому не показывал изображение змеи на спине. Я сам отправлюсь к тому падчаху.

Падчах сармаков должен был умереть от руки того падчаха. Так было суждено.

И стал он давать советы сармакам, а затем сказал человеку:

— Меня убьют, затем сварят. Из меня получится две-три чаши бульона. Если взять бульон сверху, напоить им человека, он тут же выздоровеет, но если человек выпьет остальной бульон — тут же умрет. Эти два лекаря знают об этом. Они поставят полные чаши бульона и захотят напоить тебя нижним бульоном, а бульоном сверху — дочь падчаха и себя. Нужно заменить эти чаши. Пусть они выпьют бульон, от которого люди умирают, а сам с падчахом и его дочерью выпей бульон, который вылечивает людей. Два лекаря погибнут, а дочь падчаха выздоровеет. Дела твои изменятся, и ты хорошо заживешь. А теперь открой рот.

Человек с изображением змей на спине открыл рот. Падчах сармаков вдохнул в него свое дыхание и сказал:

— С этого времени ты будешь знать язык всех зверей, птиц, трав и листьев. Все звери, птицы, травы и листья будут говорить тебе о пользе, которую могут принести. Они будут называть свои целебные свойства, которыми можно оживить покойника. Ты их все запиши[124]. Так проживешь шесть лет. Перед смертью приготовь лекарство, которое оживляет, и передай его доверенному человеку. Скажи ему, чтобы после твоей смерти замесили тесто, а потом пусть тесто смешают с вареным мясом и создадут подобие человека. Пусть польют этим оживляющим лекарством. Если поступишь так — снова оживешь. После этого записывай все лекарства, о которых будут говорить звери, птицы, травы.

Такие слова сказал падчах сармаков человеку с изображением змеи между лопаток.

Затем они прибыли к больной дочери падчаха.

Два лекаря сварили падчаха сармаков и наполнили две чаши бульоном. Верхний, целебный бульон они поставили себе, а нижний, убивающий людей, — перед человеком с изображением змеи между лопаток.

— Давай, сделаем по одному глотку, — сказали лекари.

Человек с изображением змеи между лопаток серьезно смотрел в потолок.

— Что это ты смотришь в потолок? — спросили лекари.

— Я удивлен одним. Откуда нашлась сила, которая подняла столь тяжелые балки?

Удивленные лекари взглянули вверх, а человек с изображением змеи между лопаток заменил в это время чаши с бульоном.

— Все подвластно силе на этом свете, давайте попробуем бульон, посмотрим его лечебное свойство, — сказали лекари.

После одного глотка они умерли, а человек с изображением змеи между лопаток сделал глоток из другой чаши и стал еще здоровее.

Тогда напоили этим бульоном дочь падчаха, и она выздоровела. По этому поводу падчах устроил той, одарил человека с изображением змеи между лопаток золотом и серебром, и тот стал хорошо жить.

Но этот человек не забывал наставлении падчаха сармаков, На каждом шагу листва, травы, звери сообщали ему о целебных своих свойствах. А он записывал и записывал.

Узнал он и о лекарстве, оживляющем покойника. Прошло шесть лет, и наступил срок его смерти. Он подготовил оживляющее лекарство и передал его своему племяннику:

— Завтра я умру. После моей смерти свари меня, замеси тесто, смешай его с бульоном и мясом и сделай мое подобие, затем полей этим лекарством.

Сказал он это и умер. Племянник исполнил наставление, сделал все так, как просил его дядя.

Вдруг поднялся ветер, замела метель, полил дождь, все смещалось. Водой унесло все записи покойного и его тело. Из подобия его тела стали расползаться лягушки. С тех пор, говорят, лягушек убивать грех[125].

От всех записей этого человека осталось лишь девять листов. Если кто-нибудь сумел бы их прочесть, то знал бы все на свете. По людской молве, эти девять листов разбросаны между книжками всего мира. Поэтому чем больше человек читает, тем больше знает.

Напоследок надо сказать о падчахе сармаков. Когда он поднимался в верхний мир, то всем сармакам сказал, что вернется. На свете много зверей, удавов, но под землей их еще больше. Все подземные сармаки и змеи говорят, что их тамада[126] находится в верхнем мире, а сармаки и змеи верхнего мира говорят, что их тамада живет в нижнем мире.

33. Дочь князя Айзан и Муса

Опубл.: ЧФ, т. 17, с. 61.
Записал Н. Бушуев от своего дяди Амисолты на чеченском языке.

В одном горном ауле сотни лет назад жил известный в округе князь. У этого князя была красивая дочь. Она не видела небо, кроме как через окно, и не ступала на землю, кроме как на пол в комнате. Ее кормили вкусной пищей, спать укладывали на мягкую постель.

Однажды зимой дети из ее аула катались на санях с горы. Дочь князя Айзан следила в окно за этими детьми и любовалась ими.

Один из мальчишек скатился с горы, упал и сильно ушибся. Увидев, что мальчик упал, Айзан залилась смехом. Разозлился мальчик на смеющуюся Айзан и сказал:

— Чем смеяться над моей бедой, ты бы лучше узнала, где живет красивый юноша по имени Муса, и вышла бы за него замуж.

Когда мальчик сказал о Мусе, девушка представила себе юношу, которого никогда не видела и слышать о нем не слышала.

Айзан отошла от окна и задумалась. И стала она думать о юноше Мусе день и ночь, похудела, потеряла цвет лица, перестала есть, пить, спать. Как-то мать спросила у дочери:

— Что с тобой случилось? Какое горе тебя удручает? Как ты похудела, моя дорогая дочь.

Дочь не хотела рассказывать матери о своей тайне. И с каждым днем худела, блекла, но в один прекрасный день она рассказала матери о случившемся:

— Как-то раз я сидела у нашего окна и следила за детьми, катавшимися на санях. У одного из мальчиков сани перевернулись, я он упал в снег. Я рассмеялась. Рассерженный, мальчик сказал: «Чем смеяться над моей бедой, ты бы лучше узнала, где живет красивый юноша по имени Муса, и вышла бы за него замуж». С тех пор я влюблена в этого юношу, хотя ничего о нем не знаю и никогда не видела. Его образ во сне и наяву неотступно преследует меня.

Мать пошла к отцу и сказала, что их дочь тяжело заболела.

Князь разослал во все концы гонцов, чтобы те привезли самых лучших лекарей. Когда они явились, князь сказал им:

— Тому, кто вылечит мою дочь, я дам пуд золота.

Лекари принялись лечить дочь князя, но не могли излечить ее от неизвестной для них болезни.

— Что у тебя болит? Где ты чувствуешь боль? — спрашивали они ее.

Девушка отвечала:

— Вы не сможете мне помочь ничем. Пусть аллах отведет мой стыд перед вами. Я влюбилась в юношу, которого никогда не видела и о котором ничего не слышала. Кроме любви Мусы, ничто на свете не вылечит меня.

Лекари пошли к князю и сказали:

— Вылечить твою дочь мы не можем. Она влюблена в юношу по имени Муса. Тебе придется найти того юношу, и только его любовь сможет ее вылечить.

Князь заплатил лекарям за их труд и отправил по домам. А дочь свою Айзан посадил в сундук, накрепко заколотил его и бросил в реку.

Айзан целую неделю плыла по реке в сундуке. А наутро волны выбросили ее на небольшой островок.

Незамужняя сестра Мусы, жившая вместе с ним, каждое утро вставала рано и шла за водой к этой реке. Так пошла она за водой и в это утро. Зачерпнув кувшином из речки воды, сестра Мусы

посмотрела на островок и увидела там сундук. Она побежала домой, запрягла волов в арбу и, вернувшись назад, с трудом взвалила сундук на арбу. Она вернулась на арбе домой и привезла сундук. Когда она открыла крышку, то увидела в сундуке очень красивую девушку. Сестра Мусы вскрикнула от радости и сказала:

— Вот это счастье! Я нашла для своего брата невесту, а для себя — сноху!

Сестра Мусы помогла Айзан снять промокшую одежду, переодела ее во все свое, накормила и отвела в кунацкую[127]. На второй день из путешествия вернулся Муса. Сестра встретила брата, помогла ему спешиться и сказала:

— Мой дорогой брат Муса! Если ты выходишь из дому и говоришь: «Возвращусь через неделю», то возвращаешься через месяц. Если выходишь из дому и говоришь: «Возвращусь через месяц», то возвращаешься через год. Я боюсь одна оставаться дома так долго. Женись на какой-нибудь девушке, чтобы тебе она была хорошей женой, а мне подругой и снохой.

Брату не понравились слова сестры, и он сказал:

— На всем свете нет у меня никого, кроме тебя и самого дорогого друга Гара. И вас мне достаточно! Не уговаривай меня жениться!

После этого разговора Муса вошел в одну из комнат, наспех перекусил и снова куда-то уехал.

Тогда сестра Мусы заплатила одному всаднику деньги и послала его за Терек к другу Мусы Гару. Всаднику она сказала:

— Скажи, что с Мусой приключилась большая беда и он просит, чтобы ты, не задерживаясь, приехал к нему.

Друг Мусы приехал вместе с гонцом и, въезжая во двор, приветствовал сестру Мусы. Сестра Мусы сказала:

— Ты меня извини, Гар, что я, как мужчина, отвечаю на твой салам. Мусы нет дома. Но с ним ничего не случилось. Он уехал. Я приму тебя, как родная сестра. У меня к тебе важное дело.

Гар спешился и зашел в дом.

Сестра Мусы показала Гару Айзан и попросила его, чтобы он уговорил Мусу жениться.

В это время вернулся Муса. Он очень обрадовался своему другу Гару.

Прошло немного времени после приезда Мусы домой, и Гар стал уговаривать друга, чтобы тот женился. Муса рассердился и ответил, что ни за что на свете не женится.

Но Гар сказал, что он не уедет от Мусы до тех пор, пока тот не женится.

Тогда Муса рассказал, почему он не хочет жениться: «Ни у одного канта не было жен красивей, чем две мои жены. В это время не было еще на свете моей сестры и мы с тобой еще не дружили. В то время я часто выезжал странствовать. У меня было три коня, двух из них я оставлял дома, а на третьем выезжал. Когда я возвращался домой, обоих коней я находил изъезженными, исхудалыми. Никак я не мог понять, в чем дело. И дал себе клятву узнать причину этого. Двух своих жен я ни в чем не подозревал.

Однажды я лег спать на неделю и еще не успел уснуть, как из смежной комнаты услышал такой разговор моих двух жен;

— Если Муса ложится спать, ты знаешь, он не просыпается неделю. Пока Муса будет спать, давай съездим к Черному хоже, погуляем и вернемся. А то если мы приедем с опозданием, Черный хожа рассердится на нас.

Жены вышли во двор, оседлали двух коней и ускакали. Я соскочил с кровати, быстро оседлал оставшегося дома коня и поскакал за ними. Впереди две мои жены, тайком за ними я — так мы скакали довольно долго. Проехали несколько речушек и въехали в какие-то горы. Слышу — говорят мои жены:

— Мы любовницы Черного хожи, живущего за вами. Мы жены красивого Мусы. Пока Муса не проснется, мы должны побывать у хожи, погулять с ним и вернуться обратно. Расступитесь и

пропустите нас, горы!

Горы тотчас расступились, и жены проскакали через них. Я тоже проскочил через эти горы и поехал вслед за ними. И вот подъехали они к дому Черного хожи, слезли с коней и зашли к нему. Я спрятался за дверью и стал подслушивать их разговор.

— Почему вы так задержались? — закричал Черный хожа и, отобрав у моих жен кнуты, стал бить их.

Избив до полусмерти, он вышвырнул их за дверь. Жены мои с плачем и воем отправились домой.

Я не вынес увиденного, вбежал к Черному хоже, и мы начали драться. Долго мы с ним дрались, наконец Черный хожа оказался подо мной. Я отрубил ему шашкой голову, положил ее в переметную суму и поехал домой. Поехал я домой другим путем и оказался дома раньше своих жен, лег на свое место, а голову Черного хожи положил под кровать.

Через несколько часов вернулись мои жены. Они опять начали шептаться.

— Муса спит. Он даже не перевернулся на другой бок.

Одна из них взяла веник и стала подметать комнаты, а другая — мыть полы. Я наблюдал за ними. Одна из жен, подметая под кроватью, наткнулась на голову Черного хожи. Голова выкатилась. Та увидела ее и закричала. Увидела и вторая жена. Она тоже закричала, и они обе выскочили из комнаты.

В тот же день я поклялся себе, что больше не женюсь никогда. И я вас прошу, оставьте меня в покое».

Тогда разговор с Мусой начал Гар:

— Муса, и среди мужчин бывают иногда изменники. Разные бывают и мужчины и женщины. Послушай-ка внимательно меня, я расскажу тебе нечто другое. Я считал, что нет на свете канта, равного мне, и что нет на свете ни у одного мужчины коня, равного моему.

Однажды я ехал на своем коне там, где проходит граница Чечни, Грузии и Осетии [128]. Вдруг вдалеке я услышал страшный грохот, увидел смерч, надвигавшийся на меня. Грохот все усиливался, и вдруг из-за скалы появился на коне молодой человек, у которого еще не выросли усы. Он бросил на скаку салам и проехал мимо. Я крикнул ему вдогонку:

— Слушай, юноша, не оставляй меня здесь одного! Я не знаю дороги, возьми меня с собой!

Юноша резко осадил коня, остановился и подъехал ко мне. Он стал привязывать повод уздечки моего коня к седлу своего. Я опять попросил его:

— До сих пор я считал себя самым смелым на свете я не находил коня, равного своему. Прошу тебя, не позорь меня и не привязывай моего коня к седлу твоего [129]. Я бы поехал за тобой, только поезжай чуть помедленней.

Юноша согласился.

Мой конь скакал в полную силу, а конь этого юноши шел рысью. Так мы въехали в какие-то горы. Юноша остановился и сказал:

— Держи моего коня и оставайся тут. Я войду в эту башню. Когда услышишь сильный грохот, не пугайся. Если я не вернусь из этой башни, отпусти моего коня и следуй за ним. Моим родственникам расскажешь, что со мной стало.

Сказав мне это, он пошел к башне.

Вдруг из башни донесся страшный грохот, и вскоре юноша вернулся с головой нарта. Он положил голову нарта в переметную суму и пошел к другой башне. Прошло немного времени, и опять раздался грохот, страшнее, чем в первый раз. Юноша опять вернулся с отрубленной головой нарта, положил и эту голову в переметную суму. Отправляясь в третий раз, юноша опять попросил меня, если с ним что-нибудь случится, следовать за его конем и рассказать обо всем его родственникам.

Из этой башни юноша не вернулся. Не слышно было даже шороха. Что бы со мной ни случилось, подумал я, войду в эту башню и посмотрю, что стало со смелым юношей. Я вошел и увидел двух молодых людей, лежащих на полу: юноша был сверху, а нарт лежал под ним. Нарт насквозь прокусил скулы юноши. Я изо всех сил старался вырвать из его зубов юношу. Но так и не смог. Тогда я отпустил его коня и последовал за ним. Не знаю, долго ли, коротко ли ехал, но приехал в одно село. В этом селе конь завернул во двор какого-то старика. Я спешился, взял своего коня под уздцы и последовал за конем юноши. Навстречу мне вышел старик, произнес салам и, прежде чем я заговорил с ним, начал сам:

— Гость, расскажи мне все по порядку, как случилось все это с моей дочерью. А то, что она погибла, я знаю.

Я удивился, что старик назвал юношу дочерью, и рассказал ему обо всем.

Тогда старик сказал:

— Дорогой кант, тот, с кем ты встречался в пути, был не юноша. Это была моя единственная двенадцатилетняя дочь. Я ей всегда говорил: «Хотя ты и чувствуешь в себе богатырскую силу, ты еще мала, дочка. Воздержись до пятнадцатилетнего возраста от кровной мести. А когда тебе исполнится пятнадцать, тогда ты и отомстишь за своих братьев». Три нарта, которых она одолела, как-то убили в горах моих трех сыновей. Когда моя дочь узнала о случившемся, она поклялась отомстить нартам[130].

Сказав это, старик подарил мне трехлетнего коня и поехал в горы за телом дочери.

— Женщины тоже бывают разные — и плохие и хорошие, — закончил Гар. — Ты должен жениться — исполнить мою просьбу и просьбу сестры.

И Муса дал согласие жениться.

Сестра Мусы обрадовалась решению брата. Она привела из кунацкой девушку Айзан и показала ему. Мусе девушка очень понравилась, и они поженились.

34. Волшебный сноп, котел и шапка-невидимка

Записала студентка ЧИГУ в 1976 г. на чеченском языке от П. Януркаевой, с. Старые Атаги ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Сюжет сказки фрагментарен.

Однажды дрались между собой два черта. Увидел их один кант и спрашивает:

— О чем вы спорите?

— Мы спорим из-за котла, снопа и шапки-невидимки, — ответили черти.

— Стоит ли из-за этого спорить? — удивился кант.

— Если этому котлу приказать: «А ну, котел!» — он наполняется жижиг-галнашами; на этом снопе можно доехать до любого места, а если надеть шапку, то тебя никто не увидит, — ответили черти.

— Хорошо, я разрешу ваш спор, — говорит кант. — Идите за ту гору. Кто из вас прибежит первым, тот и получит все три вещи.

Два черта пошли за гору, а кант крикнул: «А ну, котел!», досыта наелся жижиг-галнашами, затем уселся на сноп и очутился во дворе какого-то князя.

Обрадованный его приходом, князь говорит:

— Как хорошо, что ты пришел: у меня на кольях семьдесят голов, теперь на последний кол я посажу твою. Но ты можешь остаться в живых. Слушай меня. Есть у меня дочь. Если ты узнаешь, что она делает, то я оставлю тебя в живых. До вечера она ткет полотно, а вечером уничтожает его. Мне же не хватает полотна.

Кант согласился. Вечером он надел шапку-невидимку и отправился следом за дочерью князя.

Дочь князя направилась к золотых дел мастеру и говорит:

— Дай-ка мне три пары ножниц.

Один ножницы кант незаметно взял себе. Потом пошла дочь князя к серебряных дел мастеру и взяла у него три шапки. Одну шапку кант незаметно взял себе. Потом дочь пошла к одноглазому человеку и передала ему все вещи. Одноглазый зарезал и съел барана. Ребро барана кант положил себе в карман.

Спустя некоторое время дочь князя возвратилась домой. Вместе с ней вернулся кант. Снял он с себя шапку и рассказал князю о поступках дочери.

И князь согласился выдать свою дочь за канта.

35. Ахкепиг[131]

Записала А. Чахкиева в 1977 г. на ингушском языке от отца М. З. Чахкиева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

В давние времена жил один человек по имени Ахкепиг. Он воровал людей, убивал их и съедал. Однажды он убил отца, мать и двух братьев. Задумал он убить и оставшихся в живых брата и сестру, но они убежали в лес. В лесу они повстречали быка, который не боялся ничего на свете. Даже Ахкепиг побаивался этого быка.

Бык спросил детей человеческим голосом:

— Что вы за люди?

— Человек по имени Ахкепиг убил наших родителей и двух братьев, а теперь хочет лишить жизни и нас. Вот мы и убежали в лес, — сказал мальчик.

Спустя некоторое время бык повстречался им снова и опять спросил:

— Что вы за люди?

Девочка снова рассказала, почему они оказались в лесу. Тогда бык сказал:

— Дети, садитесь на мою длинную спину — я спасу вас.

Дети уселись на спину быка.

Далеко за лесом было большое море. Бык с детьми шел по поверхности моря так, что они не только не намочили ног, но даже капля воды на них не попала.

Ахкепиг увидел в свою подзорную трубу, что бык спасает детей. Стал он втягивать в себя море и остановил быка на его середине.

Тогда бык сказал:

— Я обессилел, теперь всю оставшуюся в теле силу я передам ногам. Тогда у меня хватят сил перейти море.

Ахкепиг не смог ничего поделать — они перешли море, а он перейти море не мог и сидел на противоположном берегу.

— Теперь я умру, — сказал бык мальчику. — Меня надо прирезать. Есть ли у тебя нож?

— В сумке у нас есть нож, — сказала сестра.

Бык сказал:

— Тогда быстрее прирежьте меня. Шкуру мою положите в том месте, где выберете себе жилье. Положите шкуру внутренней стороной на землю, а волосяным покровом кверху. И будет у вас огромное хозяйство. Кишки мои раскидайте вокруг этой шкуры, и появятся высокие ворота с двумя дверями — для выхода и входа. Поставьте мои ноги копытами вниз в четырех углах — на них вырастут четыре башни. Мои уши бросьте в море — появятся люди и все необходимое для них. Бросьте мои глаза и скажите: «Пусть появятся две храбрые и драчливые гончие. Пусть все, кто увидит гончих, полюбят нас». Бросьте мои печень и сердце в море и будете иметь нужные вам оружие и порох. Все оружие будет в золоте и серебре. Если вам понадобится золото, бросьте в море мою печень и скажите: «Пусть будет золото». Киньте между двумя гончими мою желчь и скажите: «Пусть ненависть к врагам будет такой же горькой».

В одной башне живет девушка, о которой люди ничего не ведают, а если бы знали, то не оставили бы ее в покое. Мальчик, если ты пожелаешь приблизить эту башню, она приблизится к тебе. Девушка заметит тебя, когда ты выйдешь с гончими. Она полюбит тебя и пришлет к тебе свою служанку с приглашением, что, мол, в такой-то день я ожидаю тебя. А ты ответь, что согласен прийти в этот день.

Собравшись к ней в гости, брось оземь мои почки — появится конь, который угонится за

утренней зарей. Он будет скакать и останавливаться по твоему желанию, а седло на нем будет из чистого золота и серебра.

Пусть мое слово будет вещим, и дважды его повторять не надо — достаточно произнести лишь раз. Все сказанное мной сбудется. А когда будешь садиться на славного коня, скажешь: «Пусть всегда я узнаю врага. Пусть хватит у меня ума и смелости, чтобы наказать его».

Юноша достал из сумки нож, прирезал быка и исполнил все, что сказал ему бык.

Он основал большое хозяйство — взглядом не окинешь. Оседлал справного скакуна и отправился к девушке.

Приехал он к ней, и девушка в него влюбилась. Юноша с двумя гончими поднялся к ней в башню. И девушка, взяв в свидетели гончих, сказала:

— Даю слово, что под этим небом я выйду замуж только за тебя. Если ты возьмешь меня, я согласна быть твоей женой.

— Даю и я слово, что, пока мы оба живы, женюсь только на тебе, — ответил юноша.

И с девушкой он вернулся домой.

Как только юноша возвратился домой, он бросил в море печень быка, и море выбросило ему несметное количество золота. Наполнил он талсы золотом, взял много других вещей и пришел к девушке.

Сестра юноши между тем каталась на лодке по морю и веселилась. А у берега моря стоял Ахкепиг.

— Девушка, подгони свою лодку ближе к берегу, — крикнул Ахкепиг.

— О чем ты хочешь со мной поговорить? — спросила девушка.

— Будем жить вместе, и я стану твоим отцом, — оказал Ахкепиг.

— Был у меня отец, да ты убил его.

— Я заменил бы тебе мать!

— Была у меня и мать, да ты убил ее.

— Стал бы я тебе братом!

— Были у меня и братья, только ты убил их.

— Если бы ты согласилась, я стал бы твоим мужем, — сказал Ахкепиг.

Девушка сразу же приплыла на лодке к берегу. Тогда Ахкепиг сказал ей:

— Спрячь меня, пока не пришел твой брат.

Спрятала она Ахкепига в своей большой башне.

Приехал брат и пошел к сестре с двумя гончими. Учуяв запах постороннего, гончие стали разгребать землю.

Говорит сестра брату:

— Зачем ты водишь этих гончих, они только землю разгребают, гони их отсюда.

Брат выгнал гончих, но они не успокоились.

Послал брат гончих к невесте за подарками для сестры.

А сестра сказала Ахкепигу.

— Гончих нет дома, если ты убьешь брата, то мы счастливо заживем.

Брат, отправив гончих, снова вошел к сестре.

В это время на него из засады набросился с большим кинжалом в руке Ахкепиг, а сестра натравляла его.

Взмолился брат:

— Не сносите моей головы, не увечьте мое тело. Убейте меня другим способом!

У Ахкепига был медвежий коготь. Если этот коготь вонзался в сердце — человек умирал.

Ахкепиг повалил юношу, сдавил ему горло, вонзил коготь и сердце и убил его.

— Мы должны его быстро похоронить, — сказала сестра.

Невеста ничего не звала о смерти жениха.

Боясь, что гончие возвратятся, сестра и Ахкепиг вырыли яму и закопали юношу. Гончие вернулись, и сестра стала им плакаться:

— Заболел мой братик и божьей волей покинул этот солнечный мир.

Говорит гончим невеста:

— Ничем он не болел и, когда выходил из дому, был здоров.

Гончие раскопали яму и вынесли из него своего хозяина. Увидели они коготь в его сердце. Одна из гончих вырвала этот коготь и тут же сдохла, а юноша ожил. Бросилась вторая гончая и вырвала коготь у первой. Первая гончая ожила, а вторая тут же сдохла.

Гончая вспомнила, как она первый раз вырвала этот коготь, и поняла, что он вонзается в тело того, кто его вытащит. Гончая пошла на хитрость. Она палкой вытащила коготь, и вторая гончая ожила. Одна гончая побежала за вещами юноши и сообщила радостную весть невесте. Невеста принесла одежду, юноша оделся и с двумя гончими пошел к сестре.

— Ва, сестра, — сказал брат, — если бы я знал, что ты выйдешь за убийцу наших родителей и братьев, я выдал бы тебя замуж. Я не в силах убить тебя: мы с тобой единоутробные брат и сестра. Превратись же в колючку, которой можно занозить руки не в чистом поле, а только в заброшенных местах.

Гончие разорвали Ахкепига, а брат с женой стали жить счастливо.

36. Наказание тому, кто не расскажет сказку

Опубл.: ИФ, т. II, с. 163.

Записал А. О. Мальсагов в 1960 г, на ингушском языке от Ф. Чергизовой с. Верхние Ачалуки ЧИАССР.

Жили-были брат и сестра. Брат женился. У него родился мальчик. Брат созвал прядильщиц и наказал сестре чесать с ними шерсть[132]. Прядильщицы и сестра попросили брата рассказать сказку.

— Нездоров я, да и не умею рассказывать сказки, — сказал он, ушел в другую комнату и лег.

— Вы подождите, а я посмотрю, где мой брат, — сказала прядильщицам обеспокоенная сестра.

Заглянув в комнату, где лежал брат, она увидела, что у его изголовья, в ногах и у пояса стоят три духа. В испуге она остановилась. Стоявший в ногах дух сказал:

— Почему вы стоите и не вынесете осуждения человеку, который не рассказал сказку?

Дух, стоявший у изголовья, сказал:

— Мое решение такое. Завтра я отправлю его за шубой к тетке. Когда он тронется в путь, я превращусь в красивую гончую, укушу его и убью.

Дух, стоявший у пояса, сказал:

— Если ты не сможешь его убить и пропустишь, то я измучаю его жаждой и превращусь на его пути в родник, в который брошу яд. Он напьется воды и умрет.

Дух, стоявший в ногах, сказал:

— Если он минует и тебя, то я превращусь в змею и пролезу в левый рукав шубы. Когда он станет ее надевать, я ужалю его, и он умрет.

Стоявшая в дверях сестра еще расслышала:

— Пусть тот, кто перескажет то, что здесь слышал и видел, превратится в камень.

И духи исчезли.

Сестра с плачем вошла в комнату к прядильщицам.

— Я нездорова, сегодня больше не будем чесать шерсть, — сказала она и отпустила прядильщиц, а сама легла спать.

На рассвете брат собрался в дорогу.

— Оседлай скорее моего коня, — сказал он сестре, — я поеду к тетке за своей шубой.

Сестра быстро оседлала коня. Брат тронулся, а сестра взяла ножницы и пешком отправилась следом за ним.

Только они вышли из лесу, им встретилась красивая гончая. Брат соскочил с коня и поймал ее. Сестра мгновенно перерезала ей ножницами горло. Боясь, что сестра обидится, брат не сказал ей ни слова.

Отправились они дальше. На пути им попался родник. Брат спешился, хотел напиться, а сестра плюнула в родник. И тут брат ничем не высказал своего недовольства.

Прибыли они к тетке.

— Ай, умри у вас матерью рожденная![133] Почему ты приехал верхом, а сестра твоя пешком?

— Нам так больше нравилось, — ответили брат и сестра.

Вошли они в комнату, а тетка говорит:

— Примерь свою шубу, впору ли она тебе?

Брат сунул реку в правый рукав и только хотел продеть левый, как сестра тут же перерезала ножницами левый рукав. И тогда брат ничего не сказал сестре. Немного погостили они и

отправились домой. По дороге брат вынул кинжал и сказал:

— Если не скажешь о причине своих поступков, то я сам себя заколю.

— Если я расскажу, то ты в этом горько раскаешься, мой брат, — ответила сестра.

— Ты должна рассказать. Если не расскажешь, я покончу с собой.

И сестра рассказала обо всем слышанном. Только она кончила свой рассказ, как превратилась в холодный камень.

— Пока я жив, не буду смотреть на этот свет, — сказал брат и лег у камня. Во сне кто-то сказал ему: «Убей своего единственного сына и его кровью полей камень, тогда сестра оживет».

Брат вскочил на коня и поскакал домой. Жена спрашивает мужа:

— Почему нет с тобой девочки?[134]

Муж рассказал обо всем случившемся и о сне, который ему приснился.

— Не теряй времени, разве ты не мужчина?! — сказала жена, взяла мальчика, и они тронулись в путь.

Дошли они до того места, где лежал камень. Жена держала руки и ноги мальчика над камнем золовки, а мужа заставила резать ребенка.

— Ох, как долго я спала! — сказала сестра и проснулась.

Убитый же мальчик бесследно исчез.

Тогда сестра, брат и жена направились домой. Когда они дошли до ворот, то им показалось, что в комнате горит яркий свет. Заглянув в окно, они увидели мальчика, играющего шариками.

Вот какое наказание ждет человека, который не расскажет сказку.

37. Мовсур и Магомед

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 54.
Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от Х. Магомадова, с. Шали ЧИАССР.

Много времени прошло с тех пор, как подружились Мовсур и Магомед. А когда они подросли, еще больше стали любить друг друга и еще крепче стала их дружба.

Однажды Мовсур вернулся с пастбища и сразу же лег спать. Он увидел сон, будто дочь князя Мусы Жовар, которая жила от села Мовсура на расстоянии трехмесячного пути, назначила ему день свадьбы. В то время, когда предрассветные звездочки разбегаются в небе в разные стороны и наступает третья часть ночи[135], Мовсур, словно олень, которого подстрелили на бегу, соскочил с постели.

«И что это за сон был? В этом сне есть, конечно, какая-то доля правды. Или я умру, или возьму в жены дочь князя Мусы Жовар», — решил Мовсур.

Видя, что сын ее проснулся и сидит в полночь на кровати, мать сказала ему:

— Мовсур, ты сегодня отдыхай, а я пойду за тебя пасти скот.

Не проходило и дня, чтобы Мовсур и Магомед не встречались.

Наутро Магомед оседлал своего коня и поехал проведать друга. В селе, где жил Мовсур, вслед за Магомедом бежали дети и кричали: «Магомед едет к Мовсуру!»

Дети побежали впереди Магомеда к окну Мовсура и крикнули: «Магомед едет к тебе!»

Мовсур задумался и поэтому даже не повернул головы. Магомед въехал во двор:

— Ассалам-алейкум, мой дорогой Мовсур! Почему ты не заехал ко мне вчера? Что-нибудь случилось с тобой за это время?

— Ва алейкум-салам, — ответил Мовсур на приветствие.

Он помог другу спешиться и повел его к себе. Друзья перекусили, и Мовсур сказал:

— Теперь оседлай коня и поедем!

Магомед не спросил Мовсура зачем, и Мовсур не сказал Магомеду, куда они поедут.

Ехали они по лесу, и в пути застала их ночь. В густом лесу друзья заметили тропинку и решили продолжить путь по ней. Недолго им пришлось ехать по тропинке. Они наткнулись на дым, подошли к тому месту, откуда валил дым, и увидели дорогу — она вела в подземелье. Когда они спустились, то обнаружили в подземелье комнату — в ней никого не было, но стол был уставлен яствами.

Ни Мовсур не спросил Магомеда, что это значит, ни Магомед не заикнулся ни о чем Мовсуру. Они сели за стол, плотно поели и легли спать. Прошло немного времени, и в печную трубу кто-то крикнул.

— Что такое? — услышал Магомед человеческий голос, звучавший около них.

Около друзей никого не было. Мовсур в это время спал крепким сном. А Магомед, занятый мыслями о том, куда они едут, еще бодрствовал. Он опять услышал голос.

— Нет у меня времени, чтобы пойти с тобой туда. У меня ночуют чужеземные гости. Отправлю сначала их в путь, потом, может быть, пойду с тобой! — И голос дал знак другому, что он может идти один.

После этого Магомед вовсе не мог уснуть. Опять тот же голос крикнул:

— Гости, что у тебя ночуют, проделали путь в три месяца. Одному из них дочь князя Мусы Жовар, что живет за морем, назначила во сне срок, когда она выйдет за него замуж. Завтра они подъедут к этому морю. Если они срежут ветку дуба, что стоит на самом берегу, и бросят ее в море, то через него будет перекинут мост. По этому мосту они должны пройти на другой берег.

Там они увидят дом, в котором живет старуха, и она сделает все, что им необходимо. Но тот, кто услышит этот разговор и расскажет о нем, пусть превратится в кусок льда.

Рано утром друзья пошли смотреть своих коней. Они увидели, что их коней кто-то расседлал и они всю ночь паслись. Друзья удивились и, не говоря ни слова, взглянули друг на друга. Потом они опять спустились в подземелье, чтобы попрощаться с хозяином, и увидели накрытый стол. Но в комнате, как и вчера, никого не было. Позавтракав, как обычно завтракают гости, друзья, поднялись наверх, сели на коней и пустились в путь.

Доехали они до моря, о котором кто-то вчера ночью предупреждал. Ни один из друзей не сказал: «Да ведь море это не переплывешь».

Только Мовсур на коне вступил в воду, как Магомед срезал ветку дуба и бросил в море. Тотчас перед ним возник мост.

Друзья переправились на другой берег и пошли к старухе.

— К тебе едут гости, старуха, — сказали друзья.

— Ой, как хорошо, что вы пришли именно сегодня, ведь завтра исполняется ровно три месяца, как во сне Жовар назначила срок, когда она собирается замуж за Мовсура. Если бы вы не приехали сегодня, вы могли бы вернуться ни с чем. Слушайте юноши, — продолжала старуха, — видите вон те дворцы? Хозяин их — князь Муса. У него много золотых дел мастеров. У одного из них мы закажем для Мовсура кольцо. Магомед, когда ты пойдешь с нами, не оглядывайся. А ты, Мовсур, должен украдкой следить за всем. О твоем прибытии уже знает Жовар. Когда мы будем проходить возле ее дворца, она бросит тебе яблоко. Ты возьми яблоко и положи его в карман. Но смотри не оглядывайся.

Старуха заказала кольцо для Мовсура.

— Мовсур, смотри старайся не заснуть при девушке. Яблоко, которое бросит тебе девушка, — означает, что место свидания в саду. Когда она явится, блеск ее красоты озарит сад, ночь превратится в сияние, и тебя невыносимо потянет спать, но ты не смыкай глаз.

Мовсур переоделся, пошел в сад князя Мусы и стал там дожидаться Жовар. Когда она явилась, от блеска ее красоты Мовсур заснул. Жовар подошла к Мовсуру, посмотрела на него, села возле него, потом сказала:

— Мовсур, ты заснул, наверно, потому, что долго ехал! — Жовар расстегнула пуговицы его черкески, чтобы дать знать, что она приходила к нему, и ушла.

Мовсур проснулся и, сильно огорченный тем, что проспал свидание, направился в дом старухи. Старуха сразу поняла, что на свидании Мовсур заснул. Но чтобы больше не огорчать его, она сказала:

— Не огорчайся, все уладится. Но только должна тебе сказать, что Жовар хотят насильно выдать замуж за княжеского сына. Мы не можем находиться около Жовар. Если ее отец узнает о нашей затее, он предаст нас всех смерти. А сейчас мы сходим за золотым кольцом. Ты, Мовсур, по дороге украдкой наблюдай за Жовар.

Когда они получили свое кольцо и пошли мимо дворца князя, Жовар бросила из окна гроздь винограда. Мовсур положил ее в карман и поклялся, что не заснет в винограднике.

В эту ночь Жовар выдали замуж за княжеского сына и устроили большой той в честь этого. И в эту ночь на свидании с Жовар Мовсур заснул и проснулся только утром.

После этого старуха, Мовсур и Магомед решили украсть девушку из дворца княжеского сына.

На свадьбу, которую сейчас устраивал княжеский сын, обычно звали и старуху. А у нее были те же одежды, что и у Жовар.

Старуха, отправляясь на свадьбу, научила друзей, как вести себя, когда невесту повезут через шахар.

Старуха села в карету, а в назначенном месте друзья ждали дальнейшего хода событий.

Опьяневшие на свадьбе друзья князя стали танцевать лезгинку и петь. Через некоторое время старуха сказала им, что выведет невесту на свежий воздух. Она вывела Жовар на улицу и отдала ее в руки Магомеду. Он тотчас вместе с Жовар покинул село. А Мовсур, дав старухе большой урду, догнал свою невесту и Магомеда.

Не успел Мовсур перекинуться с Магомедом и словом как за ними началась погоня. Магомед сразу отрезал ветку дуба и бросил ее в море. Через море тут же перекинулся мост. Как только друзья с невестой очутились на другом берегу, мост исчез.

Жовар спросила, как Магомед сумел перекинуть через такое море мост. Он не мог об этом рассказать и промолчал.

Друзья и Жовар снова очутились в том самом лесу, вошли в подземелье, как и в первый раз, в комнате нашли накрытый для гостей стол. Они поужинали, легли спать. Но Магомед и в эту ночь не мог заснуть: он разгадал смысл слов, сказанных в прошлый раз кем-то.

Во второй половине ночи, как и в первый раз, кто-то крикнул через трубу:

— Слышишь, твои гости вернулись с невестой. Когда они приедут к себе домой, они три дня и три ночи будут играть свадьбу. После этого в ночь, когда невеста войдет в их комнату, из-под пола выползет змея и задушит их. Но тот, кто расскажет о разговоре, который я сейчас вел, превратится в кусок льда.

После этого друзья вернулись домой и сыграли свадьбу. Магомед не уходил и после того, как сыграли свадьбу. Решив побыть здесь эту ночь, Магомед не дал знать Мовсуру, что он находится в их комнате, и ждал появления змеи.

В полночь, когда Мовсур и его невеста уснули, прямо посередине комнаты из-под пола показалась голова змеи. Магомед разрубил змею на мелкие части и стоял по колена в крови, ожидая, когда проснется его друг Мовсур. Перевернувшись на другой бок, Мовсур увидел Магомеда, который по колена был в крови, а вокруг валялись куски змеи.

Мовсур попросил, чтобы Магомед рассказал обо всем, что с ним случилось, и о том, как тот узнал, что ночью к ним заберется змея. Магомед не хотел рассказывать об этом, но, уступив просьбе друга, все рассказал ему.

Не успел Магомед рассказать до конца о том, что он слышал, как превратился в кусок льда и покатился по полу.

— Мой дорогой друг Магомед, без тебя и я не буду жить на этом свете! — сказал Мовсур.

Он вытащил из ножен кинжал и, наставив его рукоять на кусок льда, хотел проткнуть себе сердце. Но от прикосновения рукоятки кинжала Магомед ожил.

И они стали жить счастливо.

38. Гомбот и его жена

Опубл.: ИФ, т. II, с. 106.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

В одно время жили два человека — их звали Бибот и Гомбот Хотя они и жили вдали друг от друга, но были знакомы. Красивый человек был Гомбот. Бибот жил со своей женой и дочерью. Как-то заболела его жена и умерла. А он с дочкой остался Овдовевший Бибот часто говорил дочке, которая плакала о матери:

— Не плачь, не плачь, когда подрастешь, я выдам тебя за Гомбота.

И дочка переставала плакать. Она стала очень красивой девушкой.

В это время Гомбот сообщил Биботу о своем приезде и прибыл со своими друзьями.

Бибот собрал людей, зарезал скот и устроил пир. Долго сидели они: ели, пили, веселились. Увидев девушку в доме Бибота, Гомбот влюбился в нее, но не решался признаться в этом. И девушке сразу понравился Гомбот. После пира Гомбот с друзьями ушел. После их ухода дочь спросила отца:

— Это не тот ли Гомбот, за которого ты обещал меня выдать, когда я подрасту?

Бибот ответил:

— Да, это тот самый Гомбот, о котором я говорил тебе в детстве. Если он посватается, я выдам тебя за него.

Гомбот встретил девушку еще раз у других людей и еще сильнее ее полюбил. Не выдержал он и послал сватов к Биботу, и тот дал согласие. Вечером девушку засватали, а утром сыграли свадьбу.

Гомбот стал мужем дочери Бибота.

У Гомбота в доме была служанка, которая ухаживала за его женой. Она решила выгнать жену, а сама стать женой Гомбота. После месяца совместной жизни Гомбот отправился странствовать. Жена со служанкой остались дома.

Однажды служанка сказала:

— На синем море есть чугунная плита, на которой Гомбот купает своего коня. Если ты согласна, пойдем туда купаться.

— Это стыдно, я не пойду, — ответила жена.

— Пойдем, ради бога, — стала умолять служанка, и молодая жена после ее настойчивых просьб согласилась.

Стали они купаться на чугунной плите у синего мори, где Гомбот купал коня. Говорит служанка:

— Сядь на край чугунной плиты и повернись ко мне спиной, я помою тебя.

Жена Гомбота села, как просила ее служанка, а та столкнула ее в море, сама оделась в ее одежды и вернулась домой.

Через месяц возвратился Гомбот. Он не обратил внимания, кто хозяйничает в доме: служанка или жена — служанка была в одеждах его жены, подделала ее походку и голос. Думая, что это его жена, Гомбот спросил ее о служанке.

— Она больше не вернется, — ответила та.

Гомбот не обнаружил обмана и сказал, что можно найти другую служанку.

Через месяц он снова отправился на синее море купать своего коня и увидел у чугунной плиты небольшой зеленый росток. Гомбот удивился. Через месяц этот росток стал деревцем.

— Что это такое? Откуда это деревце? — еще больше удивился Гомбот.

Еще через месяц деревце уже стало в рост человека и распустило крону.

— Какая крона! Из нее получится хорошая балалайка! — решил Гомбот.

Он отрезал ветвь дерева и принес домой. Сделав из нее балалайку, Гомбот заиграл на ней. Когда бы он ни играл, балалайка всегда говорила одно и то же:

— Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова! Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова!

Гомбот удивлялся этому чуду. Когда он отправился на поиски служанки, испугавшаяся жена-служанка бросила балалайку в огонь очага. Все угольки от балалайки стали говорить:

— Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова! Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова!

По соседству, рядом с домом Гомбота, находился двор вдовой старухи. Остатки золы от балалайки служанка бросила в ее двор. Там, где лежала зола, выросла конопля. Вдовая старуха нарвала коноплю и сделала из нее лепешку. До прихода сына она положила эту лепешку в сундук.

В одном месте пряли шерсть и устроили белхи. Оповестили об этом многих людей. Сообщили и Гомботу, и сыну вдовой старухи.

— Как я пойду голодный? Дай мне что-нибудь поесть, — попросил он свою мать.

— В сундуке я спрятала лепешку, съешь ее, — сказала она сыну.

Заглянул он в сундук, а в нем оказалась девушка. Это была брошенная в воду жена Гомбота.

— Вот чудеса, нана! — сказал сын. — Лепешки в сундуке нет, а есть девушка, вся из золота и серебра.

— Никому не говори о том, что видел, — сказала мать и закрыла сундук.

— Хорошо, — сказал сын и ушел.

Когда пряли шерсть, он услышал, как люди спорили о том, кто самая красивая девушка. Не выдержал сын вдовой старухи и сказал:

— Нет никого красивей девушки из золота и серебра, которая в сундуке у нас дома.

Люди послали к вдовой старухе двух человек за этой девушкой.

— Пусть отсохнет язык у того, кто сказал вам об этом! О какой девушке вы ведете речь? Это пояс из золота и серебра, — ответила вдовая старуха и отправила их обратно.

Они вернулись и рассказали о том, что ответила им старуха.

— Нет, в этом сундуке была девушка из золота и серебра, — заупрямился сын старухи.

Все решили, что надо на этот раз послать к старухе Гомбота.

Пришел Гомбот к вдовой старухе и поведал ей о причине своего прихода.

— Это моя дочь, а я ее заперла в сундуке, — сказала старуха, решив женить на ней своего сына.

— Дай хоть взглянуть на нее, — стал просить Гомбот.

Старуха уважила его просьбу.

«Как она похожа на мою жену», — подумал Гомбот, а женщина узнала своего мужа.

Гомбот взял ее и повел туда, где пряли шерсть.

Все были изумлены красотой и сиянием женщины. Служанка сразу же признала ее и не находила себе места. Гомбот смотрел на нее, она — на Гомбота.

— Кто ты, откуда, рассказала бы нам! — стали ее просить.

— Я не знаю, о чем вам рассказать. Я выросла в темном сундуке и ничего не знаю. И что я могу знать? Я бы лучше послушала ваш разговор.

— Ради бога, расскажи, нам придется по душе твой рассказ, — снова стали просить ее люди.

— Хорошо, тогда я расскажу вам одну сказку. Жил в одно время…

И все, что мы до сих пор знали, девушка рассказала.

— Эта девушка — я, а тот, о ком я рассказала, — Гомбот, а вон та женщина, которая не находит себе места, — служанка, которая столкнула меня в море.

Подлую служанку Гомбот привел к чугунной плите и сбросил в море.

Счастливо и долго жили Гомбот с женой. У них родилось семеро сыновей.

39. Золотое перо и плетка

Записала студентка ЧИГУ Ф. Исламова в 1976 г. от С. Дашаева, с. Рашни-Чу ЧИАССР. Личный архив А. О. Мальсагова.

Жили в старину муж и жена с дочерью. У жены были золотые чувяки. Через некоторое время жена умерла, а перед смертью завещала:

— Женись только на той женщине, которой будут впору мои чувяки.

Жену похоронили, и муж отправился на поиски женщины, которой были бы впору золотые чувяки жены. В странствиях он провел пятнадцать лет и вернулся в родное село. К этому времени его дочь стала взрослой и очень красивой.

Однажды отец увидел ее в то время, когда она возвращалась с родника, и влюбился. Дочь не узнала отца, и отец не узнал дочь.

Он примерил ей золотые чувяки — они оказались впору дочери, но она заподозрила в этом человеке отца. О своем подозрении она никому не сказала. Отец стал свататься к дочери. Тогда дочь сказала:

— Если ты построишь башни из золота, я выйду за тебя.

Отец пригласил искусных каменщиков и принялся за возведение золотых башен.

Тайно дочь сказала строителям, чтобы они поставили полый столб в башне. Строители построили башни, а в стене башни установили полый столб из золота.

Отец женился на дочери. Свадьба кончилась. В первую брачную ночь невеста спряталась в этом столбе, и муж не нашел ее. От злости он сбросил башни в реку. Полый столб не затонул и плавал на поверхности. Река далеко унесла столб.

Эта река протекала через село, и один молодой человек увидел золотой столб. Он не смог его вытащить, пришел домой и рассказал об этом отцу. Отец с сыном вытащили столб и поставили в комнате сына.

Ночью юноша лег спать, а девушка вышла из полого столба, поела и снова спряталась. Наутро юноша удивился: никого в доме не было и дверной засов на месте, а еды уменьшилось. Во вторую ночь все повторилось снова. На третью ночь юноша стал караулить вора. Только девушка вышла из золотого столба, он ее поймал. Девушка рассказала ему обо всем, и молодой человек посватался к ней. Девушка согласилась и стала его женой. С тех пор прошло два года, у них родился сын. Жили они в дружбе и согласии.

Однажды под видом нищего к ним пришел отец девушки. Дочь дала ему милостыню, а когда тот попросился на ночлег, ответила, что мужа нет дома, поэтому пусть придет попозже. Он снова пришел. Ночью они легли спать. Попрошайка убил мальчика, а нож положил в карман дочери.

Мать удивлялась долгому молчанию мальчика. Встала она и посмотрела в люльку. Мальчик ее был зарезан. Она вскрикнула, и муж ее проснулся. Тогда попрошайка говорит:

— Не волнуйтесь, нож, которым зарезан мальчик, будет в кармане убийцы.

Нож нашли в кармане матери.

Муж выколол жене глаза, отрубил руки, привязал мертвого сына к спине матери и пустил ее по миру.

Сидела она у реки и горько плакала. Бог послал ангела узнать о причине ее слез. Ангел возвратился и обо всем рассказал.

Бот снова послал ангела и наказал:

— Это золотое перо дай матери, а золотую плетку — сыну. Стоит подбросить золотое перо и

попросить о чем-либо — все исполнится.

Подбросила мать перо и попросила оживить сына, вернуть ей зрение и восстановить руки.

Через некоторое время мать и сын возвратились в свое село и остановились у одной старушки. Прослышав о красивой женщине, в доме старушки собрались люди. Среди этих людей был и муж женщины.

Когда все веселились, сын засунул золотую плетку под потник седла коня своего отца. Все стали прощаться, и отец мальчика тронулся на коне.

Мальчик закричал ему вслед:

— Эй, ты украл мою золотую плетку!

— Я не воровал, — разгневался отец.

— Нет, ты украл, — сказал мальчик и достал из-под потника золотую плетку.

Растерянный отец не знал, что и подумать, а сын ему говорит:

— И моя мать была столь же невинна, когда ты выколол ей глаза, отрубил руки и меня, убитого попрошайкой, привязал к ее спине и прогнал.

Отец был очень удивлен, но поверил, что это его жена и сын. Вернулись они домой и стали жить счастливо.

Таков этот белый свет: много в нем чудесного, загадочного, наталкивающего на размышления.

40. Как братья лишились волшебных зеркала и ковра

Опубл.: ИФ, с. 49.
Записал Х. Осмиев в 1939 г. на ингушском языке от О. Гойгова, с. Кантышево ЧИАССР.

Жил-был один богатый человек с двумя сыновьями. После смерти отца братья долго жили в добром согласии. У них были несметные богатства, которые предстояло разделить. Все они поровну разделили, только в двух вещах не сошлись. Об этих двух вещах они долго спорили, потому что это были волшебные зеркало и ковер: стоило взглянуть в зеркало и пожелать чего-либо, как оно тут же исполнялось; стоило стать на ковер и приказать: «Доставь меня туда-то», и в один миг ковер доставлял в назначенное место.

Братья не желали брать какую-то одну вещь, и поэтому между ними разгорелся спор. Во время очередного спора по улице шел бедный человек. Услышав шум, он подошел к братьям и спросил:

— О чем вы спорите?

Братья объяснили бедняку, из-за чего они ссорятся. Каждый утверждал, что обе вещи принадлежат лишь одному ему, и ни на что другое не соглашались.

— Бесполезен ваш спор, — сказал бедняк, когда узнал, что это за зеркало и ковер. — Вы должны прийти к согласию и взять себе по одной вещи. Кому какая вещь достанется, я спрошу у этих вещей, а вы отойдите чуть-чуть в сторону, чтобы не слышать наш разговор.

Братья согласились и отошли в сторону. А бедняк делал вид, что разговаривает с вещами, и стал что-то шептать, а затем взял зеркало, стал на ковер, назвал место, куда ему надо было добраться, и крикнул:

— А ну-ка, ковер, доставь меня туда-то!

В одно мгновение ковер полетел. И кричит братьям сверху бедняк:

— Всего хорошего, да будет между вами добро в согласие! Чтобы не нарушать этого согласия, я забрал у вас ковер и зеркало. А все остальное вы уже поделили.

Так бедняк лишил несговорчивых братьев волшебных зеркала и ковра.

41. Младший зять падчаха

Опубл.; ИФ, т. II, с. 167.
Записал А. О. Мальсагов на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

Жили-были отец, мать и сын. Мать тяжело заболела и слегла. Перед смертью она сказала мужу:

— Не бери замуж женщину синеглазую и с русыми волосами. Она будет плохо относиться к нашему мальчику.

Отец стал искать себе жену. Однажды в дороге он встретил синеглазую женщину с русыми волосами.

— Куда путь держишь? — спросила женщина.

— Я иду искать жену. А ты?

— Я ищу себе мужа. Вот мы и можем с тобой пожениться.

— Перед смертью мне жена завещала, чтобы я не женился на синеглазой женщине с русыми волосами: она будет плохо относиться к мальчику. Я не возьму тебя в жены.

Тогда женщина перекрасила свои русые волосы в черный цвет и снова повстречалась с ним. Мужчина согласился жениться на ней. Хоть глаза у нее были синие, но зато волосы черные.

Стали они жить вместе. А мачеха не давала покоя мужу просьбами, чтобы он выгнал из дома мальчика. Отец согласился и сказал:

— Завтра утром мы должны отправиться в дорогу, приготовь нам еду.

Обрадованная мачеха с вечера приготовила еду, и отец с сыном засветло выехали из дому. Поднялись они на высокую гору, и отец сказал:

— Проголодались, устали мы, мальчик, отдохнем здесь.

Когда мальчик стал вынимать из талса чурек, он выскользнул из рук, упал в пропасть.

— Иди принеси его, — сердито сказал отец сыну.

Спустился мальчик в пропасть, взял чурек, но обратно выбраться не смог. Отец поставил палку, на которой укрепил бурку, чтобы сын подумал, что он отдыхает, а сам отправился домой.

В пропасти мальчик встретил гарбаш. На одном плече у нее была чинара, а на другом убитый олень.

— Ах ты, вша вшивая, вшивый муравей, ты зачем пришел сюда? — набросилась гарбаш на мальчика.

— Я твой и бога, я твой и бога![136] — заплакал мальчик и бросился в ноги гарбаш.

— Пусть у того, кто тебя этому научил, язык отсохнет! И гарбаш забрала мальчика к себе.

Пришли они домой, и гарбаш дала ему девять ключей.

— Разрешаю открыть только одну дверь, если откроешь восемь других я съем тебя.

Мальчик открыл первую дверь и увидел двух коней: одного с кольцом на морде, другого без кольца. Конь с кольцом сказал:

— Ассалам-алейкум! Как ты здесь очутился? Тот, кто сюда пришел, не уходил, а тот, кто не приходил, никогда прийти не сможет.

Мальчик рассказал, как он здесь очутился.

— Если ты сможешь кормить меня три дня и три ночи, как коня без кольца на морде, я доставлю тебя в край, где жил твой отец.

Мальчик согласился. А гарбаш была такой, что если съест оленя и уснет сегодня в полдень, то проснется только в полдень на третьи сутки.

Три дня и три ночи кормил мальчик коня, понимающего человеческую речь, и исполнил свое

обещание. Тогда конь сказал:

— Открой замки оставшихся восьми дверей.

Открыл мальчик одну дверь комната полна крови, открыл вторую комната полна трупов, третью полна серебра, четвертую полна одежды, пятую седел, шестую оружия, седьмую бурок, наконец, открыл восьмую комната полна папах и кнутов.

Рассказал он обо всем коню: Конь сказал:

— Надень на себя одежду, расшитую золотом а серебром, а на меня расшитую серебром, потри свою голову о золото. А свои старые одежды положи в талс и приторочь к моему седлу.

Мальчик все исполнил.

— А теперь сядь на меня и хлестни так, будто хлестнули девятеро, крикни так, будто крикнули девятеро, пришпорь так, будто пришпорили девятеро, и осади меня так, будто осадили девятеро. Я переброшу тебя за семь морей.

Перебросил конь мальчика за семь морей и сказал:

— Мне не ужиться в этом краю, а тебе не ужиться в моем. Я буду здесь отдыхать. Следом за тобой придет гарбаш. «Умри твоя мать, голодная, я по всему свету искала тебя. Если бы ты оторвал от хвоста коня один волос и бросил мне, то я по нему, как по железному мосту, через реку перешла бы», плача станет она говорить. Не слушайся ее. Она и тебя и меня съест.

Как конь и предсказывал, через некоторое время появилась гарбаш, стала носиться вдоль реки. Мальчик вырвал из хвоста коня волос и бросил ей, думая, что это его мать.

— Ах ты, вша вшивая, вшивый муравей! Как ты пришел сюда? — крикнула гарбаш и бросилась через мост.

Испуганный мальчик с криком бросился бежать. Конь вскочил и ударом копыта сбросил гарбаш в море.

— Ты не послушал моего совета, — сказал конь, — может, и в дальнейшем не будешь слушаться. Всю одежду, которая на тебе, положи в талсы, а свою старую надень и положи в карман три моих волоса. В случае чего выйди за село и сожги один волос — я сразу приду к тебе на помощь. Пойдешь по селу и будешь кричать: «Кому нужен даровой работник, кому нужен даровой работник?»

Есть один падчах, который не может найти себе не только дарового работника, но и платного. Он возьмет тебя и спросит: «За овцами ухаживать будешь или останешься охранять сады?» Скажи, что согласен охранять сады.

Мальчик подрос и охранял сады.

Однажды пришли в сад три дочери падчаха. Младшая заметила в волосах юноши маленький шарик золота. Она долго смотрела на юношу. Старшие сестры стали ее бранить:

— Разве не стыдно тебе смотреть на него?

В следующую пятницу опять пришли дочери падчаха любоваться садами. Сады благоухали, фрукты наливались соком. Старшая дочь сорвала яблоко и послала своему отцу. Яблоко было гнилым и испорченным. Вторая дочь послали наполовину гнилое, наполовину хорошее яблоко. Третья послала румяное, спелое красное яблоко.

Рассерженный падчах воскликнул:

— Они испортили мой стол, я отказываюсь от дочерей.

Тогда жена сказала:

— Удивительно, что народ избрал падчахом такого никчемного человека. Не знаешь даже, что хотят этим сказать твои дочери.

— Я не знаю, что они хотят сказать, скажи-ка ты, обратился падчах к жене.

Самая старшая говорит: «Пора моего замужества прошла, я постарела и замуж не собираюсь». Вторая говорит: «Мне безразлично, быть замужем или остаться в девицах». Третья

говорит: «Пришла пора моего замужества».

— Сегодня же я соберу всех подвластных мне людей и выдам дочерей замуж, сказал падчах.

Собрал падчах всех подвластных ему людей и сказал дочерям:

— Выбирайте себе мужей.

Две старшие нашли себе богатых мужей, а младшая спросила:

— Созваны ли здесь все подвластные тебе люди?

— Все, кроме сторожа садов, ответили ей.

— Позовите его, сказала дочь падчаха, я выйду замуж только за него, так как мне нравится только он.

— Уберите обоих с глаз моих, они унизили мое царское достоинство, они опозорили меня. За жалкого сторожа хочет выйти моя дочь! Если хотите дать им комнату получше, посадите их в телятник, если дадите худшую комнату посадите в курятник! — воскликнул падчах.

Тогда юноша сказал дочери падчаха:

— Не выходи за меня замуж, если будешь каяться. Я человек бедный, а ты дочь падчаха.

— Нет, я выхожу за тебя по любви, я своему слову верна, — сказала дочь падчаха.

Они поженились и стали жить вместе.

Однажды младшая дочь падчаха принялась молить бога сделать так, чтобы падчах заболел от желания съесть львиное легкое.

Тяжело заболел падчах. Он жаждал съесть львиное легкое. Два старших зятя обещали достать для него легкое льва. Младшая дочь падчаха сказала своему мужу, чтобы и он из уважения к людям пошел искать легкое льва.

— Как я пойду, если у меня нет ни коня, ни оружия? — сказал юноша.

Тогда дочь сказала своей матери:

— Мой муж тоже хочет пойти. Сказала бы ты, мать, падчаху, чтобы он дал оружие и коня.

Улыбнулся падчах:

— Дайте ему чесоточную лошадь и оружие без затвора.

Оседлал юноша чесоточную лошадь и выехал за село. Отпустил лошадь и сжег один конский волос.

— Чего тебе надобно, мой хозяин? — появился конь.

— Мне нужно легкое льва, сказал юноша.

— Садись на меня и крикни, будто крикнули девятеро, ударь кнутом, будто ударили девятеро, пришпорь, будто пришпорили девятеро, и я доставлю тебя за девять гор.

Юноша все исполнил. Не успел он и моргнуть, как очутился за девятью горами.

Юноша накинул на палку бурку, на бурку положил папаху, это чучело установил на поляне и из-за ствола дерева выстрелил в льва.

Лев принял чучело за человека и кинулся на него. Юноша распорол льва, достал легкое и печень.

Конь говорит:

— Скажи: «О боже, пусть легкое льва будет вкусным, как мед, а печень будет горькой, как желчь».

Юноша все исполнил и отправился домой. По дороге он встретил двух свояков они не знали друг друга в лицо. Спрашивают они:

— Откуда ты едешь?

— Я убил льва, везу своим родственникам его легкое и печень, — ответил юноша.

— Продал бы их нам, они нужны падчаху для выздоровления, — сказали ему свояки.

— Делать нечего, но я продам вам только печень, а легкое не продам, — ответил юноша.

Зятья поговорили между собой и купили у него печень.

Прибыли они домой и говорят, что убили льва и достали его печень. Падчах съел эту печень и занемог еще сильнее.

Как только юноша прибыл в село, он отпустил своего коня, сел на чесоточного коня и приехал домой. Вместе с женой они сварили легкое и подали в окно падчаха:

— Попробуй легкое, которое тебе привез младший зять.

Рассерженный падчах махнул рукой, чтобы ему не подносили это легкое, но один кусочек попал ему в рот.

— Подайте все сюда! — крикнул падчах, съел все легкое и поправился.

Но и тогда падчах не простил своей дочери того, что она вышла замуж за неровню.

Второй раз взмолилась дочь падчаха: «О боже, пусть падчах заболеет от желания выпить молоко косули».

Падчах захотел молока косули и занемог.

Как и раньше, пришли два старших зятя. И младшая дочь падчаха стала просить мужа, чтобы он поехал и привез молоко косули.

— На чем я поеду? — спросил юноша. — Я же сказал тебе, если будешь раскаиваться, не выходи за меня замуж.

Тогда дочь вновь попросила свою мать, чтобы и ее мужу дали лошадь и оружие.

Падчах опять сказал:

— Дайте ему чесоточную лошадь и оружие без затвора.

Как и раньше, выехал он за село и сжег конский волос.

— Что тебе надобно, мой хозяин? — предстал перед ним конь.

— Мне нужно молоко косули, — сказал юноша коню.

— Садись на меня, — сказал конь, и они ускакали.

Привез конь юношу в один далекий край и говорит:

— Вон пасутся косули. Скажи: «О боже, пусть мясо косули будет горьким, как желчь, а молоко сладким, как мед» и выстрели.

Выстрелом из ружья юноша ранил косулю, подоил ее, зарезал и с мясом и молоком возвращался домой. По дороге его встретили два свояка.

— Ты откуда едешь?

— Я везу для своей семьи молоко и мясо косули, — ответил юноша.

— Продал бы ты нам молоко косули, — стали просить они.

— Нет, молоко я не продам, вот мясо могу, если вы разрешите сделать отметины на своих спинах.

Зятья поговорили между собой и решили, что спины их никто не станет проверять. «Скажем, что косулю убили, и деньги останутся целыми».

И они позволили себе сделать отметины на спинах.

Взяли свояки мясо косули и прибыли домой.

Съев мясо косули, падчах еще больше занемог.

Младшая дочь вскипятила молоко косули и отнесла его отцу.

— Мой муж принес это молоко, сказала она и подала его в окно.

Рассерженный падчах махнул рукой, нечаянно разбрызгал молоко косули, и одна капля попала ему в рот. Понравилось ему молоко, он выпил все и излечился от болезни.

Но и тогда он не простил свою младшую дочь и зятя.

Третий рая взмолилась дочь: «О боже, пусть он захочет молока белой буйволицы и от этого сляжет в постель».

Как и раньше, старшие зятья обещали тестю найти молоко белой буйволицы.

И тогда младшая дочь падчаха попросила своего мужа тоже поехать за этим молоком.

Юноша, не сказав никому ни слова, пошел на край села, сжег третий волос. Прибыл его конь:

— Что тебе нужно, мой хозяин?

— Мне нужно молоко белой буйволицы, ответил юноша.

— Белая буйволица находится на седьмом морском дне. Ударь меня кнутом так, будто ударили девятеро, крикни, будто крикнули девятеро, пришпорь, будто пришпорили девятеро, и брось меня в море. Между четырех ног я вытащу со дна морского на поляну белую буйволицу, сказал копь.

Исполнил юноша наказ коня и бросил его в море.

Через несколько минут конь вытащил белую буйволицу. Подоили они на синей лужайке буйволицу, прирезали ее, содрали с нее шкуру.

Тут подошли к нему свояки.

— Продал бы ты молоко белой буйволицы! — попросили они.

— Молоко не продам, а тушу могу, ответил юноша.

За большие деньга продал юноша тушу белой буйволицы, а сам привез ее молоко.

Увидев юношу на прекрасном коне, все удивились:

— Кто этот человек?

Когда падчах излечился от болезни, пришел к нему его младший зять.

— Падчах, я не был настолько известным, чтоб жениться на твоей дочери. Но она по своему желанию вышла за меня. Я ищу свою пропажу. У меня просьба к тебе: собери всех подвластных тебе людей и возврати мою пропажу.

Падчах ничего не ответил. Тогда жена падчаха сказала:

— Ну и дурак же ты; удивительно, что люди избрали тебя падчахом, он же трижды спас тебя от неминуемой смерти, почему ты не исполнишь его просьбу?

— Хорошо, — сказал падчах, — соберите всех подвластных мне людей.

У собравшихся людей юноша стал снимать рубашки.

— Разве нет у тебя больше подвластных? — спросил он, когда осмотрел многих.

— Никого, кроме двух зятьев, ответил падчах.

— Приведите их, сказал юноша.

Когда с них сняли рубашки и увидели отметины, юноша сказал:

— Видишь, падчах, твои зятья живут за счет других. Те лекарства, которые они тебе давали, я им продавал за твои деньги. Мне не нужны деньги, возьми их обратно. Больше мне нечего тебе сказать.

Падчах прогнал старших зятьев, отобрал у них дочерей и полцарства отдал юноше.

И стали они жить да поживать.

42. Гезама Али и Толам-Аго

Опубл.: газ. «Ленинский путь», Грозный, 24.V.1967 (на чечен, яз.); У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 317.

Записал А. О. Мальсагов в 1960 г. на чеченском языке от И. Ибрагимова, г. Грозный.

Гезама и его сын Али происходили из чеченцев. Однажды сын задумал отправиться с овцами в горы, где они давали хороший приплод.

Толам-Аго был среди нартов именитый нарт. Он узнал, что Гезама Али с овцами находится в его крае. Имени Толам-Аго не смел называть ни один житель шахара, в котором горело девять тысяч огней. Он был величиной с половину горы, ездил на коне величиной с гору. Направился он к Гезама Али.

«Придет по доброй воле приведу, не придет силой приведу и овец пригоню», — решил Толам-Аго.

К полудню дошел до Гезама Али его конь, а после полудня показался и сам Толам-Аго. Не ожидая приветствия Толам-Аго, Гезама Али первым приветствовал его. После этого робость закралась в сердце Толам-Аго. Гезама Али помог спешиться своему гостю. Окинул его взглядом и подумал: «Сколько баранов стоит зарезать такому гостю? Да он не съест больше одного, а если и съест, так этого будет для него достаточно».

Рассуждая так, Гезама Али зарезал ему и себе по барану и стал смотреть, как ест гость, а ел он медленно. Не успел Толам-Аго съесть и половину барана, как Гезама Али съел целого барана, не успел Толам-Аго выпить и одной чаша бульона, как Гезама Али опорожнил весь котел. Утром Гезама Али отогнал своих овец подальше и спрашивает у Толам-Аго:

— Что у тебя за дела? Без причины ты не явился бы. Теперь я к твоим услугам.

— Нет у меня особых дел. Услышал, что ты появился в малообитаемом крае и пришел породниться с тобой, — ответил Толам-Аго и возвратился домой.

Прошло четыре года.

Однажды говорит Толам-Аго своим трусливым нартам:

— У Гезама Али овцы уже расплодились. Я был у него четыре года назад. Пойдите пригоните овец, по доброй воле приведите и его самого.

Прибыли шестьдесят три нарта к Гезама Али и говорят:

— Мы заберем твоих овец, по своей воле можешь пойти и сам.

— Сам я не пойду, а овец забирайте, — сказал Гезама Али.

Нарты взяли овец и ушли.

Когда они скрылись, Гезама Али вскочил на коня и приехал домой. Он сказал отцу, сидевшему на пхохане:

— Дада, у меня к тебе дело.

Отец не обратил на его слова никакого внимания. Тогда он обратился к матери:

— У меня нарты забрали овец, и поэтому я приехал домой. Приготовь мне шестьдесят три стрелы.

Сам Гезама Али поспешно принялся за изготовление лука. Мать посоветовала ему:

— Иди поешь. Один раз поешь хватит на двадцать дней пути, два раза на сорок дней пути, три раза на шестьдесят дней пути.

Трижды он отведал пищу и собрался в погоню за нартами. Мать ему говорит:

— Если будешь быстро ехать по селу и, догнав нартов, возвратишься ни с чем, тебя посчитают трусом. Проедешь по селу медленно, люди скажут: «Он не догнал их потому, что и за

селом не спешил».

Гезама Али по селу ехал медленно, а за селом пустил коня вскачь.

Один из самых хилых нартов, оглянувшись, увидел разлетающиеся искры. Он спросил главного среди нартов:

— Что это за огни?

— Это пламя от копыт коня Гезама Али, бьющих о гору.

— А что это за туман стелется?

— Это пар из ноздрей коня Гезама Али, — ответил главный из нартов.

— Оставим овец и убежим?

— Нет нужды бежать, ведь тогда нас убьет Толам-Аго, останемся здесь убьет Гезама Али, — ответил главный среди нартов.

Догнал их Гезама Али, шестьюдесятью тремя стрелами убил шестьдесят трех нартов и направился со своими овцами на кутан. Там забрал он свои вещи и возвратился домой. Дома он говорит отцу:

— В малообитаемом крае у меня есть друг Толам-Аго. Позволь мне съездить к нему.

Отец разрешил и снарядил в дорогу.

Прибыл Гезама Али к Толам-Аго, у которого жена была красавицей. С первого взгляда жене Толам-Аго понравился Гезама Али. Она рассказала ему, что его овец заставил пригнать ее муж. Утром говорит хозяину Гезама Али:

— Я знаю, что ты заставил нартов угнать моих овец, и теперь мы должны драться!

— Как же я буду с тобой драться, когда я величиной с полгоры и тебе меня не достать? — спросил Толам-Аго.

— Это ты увидишь, когда мы начнем драться, — ответил Гезама Али.

И они начали драться. Гезама Али приподнял Толам-Аго и по голени вогнал в землю. Толам-Аго приподнял Гезама Али и тоже по голени вогнал в землю. Схватил Гезама Али Толам-Аго и по самую грудь вогнал в землю. Только собрался он снести ему голову, как тот взмолился:

— Не убивай меня, любое твое желание исполню!

— Хорошо, принеси землю и сделай три кургана для меня, а три готовых кургана распаши, — сказал Гезама Али, взял пленников и возвратился к отцу.

И эти курганы были распаханы еще тогда[137].

43. Отец, мачеха, брат и сестра

Опубл.: ИФ, т. II, с. 198.
Записал Б. Костоев в 1963 г. на ингушском языке от Л. Чемурзиевой, г. Грозный.

В давние времена жили-были отец, мачеха, брат и сестра. Однажды мачеха притворилась больной и слегла. Приходит муж, а жена стонет пуще прежнего и говорит, что вылечилась бы, если бы съела легкие и печень мальчика.

Об этом услышала сестра мальчика. Мальчик в это время играл на улице.

Говорит отец девочке:

— Иди позови нашего мальчика, я хочу побрить ему голову.

Подбегает плачущая девочка к брату и говорит:

— Уходи отсюда, отец решил зарезать тебя, чтобы накормить нашу мачеху твоими легкими и печенью.

— Ничего не будет, сестренка, — сказал брат и пришел домой.

Поставил отец чурбак и говорит:

— Положи свою голову на чурбак, я хочу топором побрить твою голову.

Побрил он топором половину головы, а потом отрубил се. Поела мачеха его печень и легкие. Позвали они девочку и сказали, чтобы она выбросила кости. Но девочка не выбросила кости. Сшила она из белого полотна сумочку, сложила в нее кости брата и подвесила.

Через два года превратились эти кости в птичку из золота и серебра. Вспорхнула птичка и улетела. Летела она летела увидела людей, строящих из бревен забор. Села птичка на колышек и зачирикала песенку:

— Отец меня убил, мачеха меня съела, а сестренка подвесила мои кости, я птичка из золота и серебра.

— Спой эту песенку еще раз, попросили люди.

— Я спою вам еще раз, а вы дайте мне столб.

И птичка зачирикала:

— Отец меня убил, мачеха меня съела, а сестренка подвесила мои кости, я птичка из золота и серебра.

Люди дали ей столб, и птичка улетела. Летела она, летела и увидела еще людей они делали забор из камней. Подлетела она к ним и спела:

— Отец меня убил, мачеха меня съела, а сестренка подвесила кости, я птичка из золота и серебра.

— Спой-ка нам еще раз, попросили птичку.

— Если дадите мне камень, то спою, — сказала птичка.

Люди дали птичке камень, и она спела:

— Отец меня убил, мачеха меня съела, а сестренка подвесила мои кости, я птичка из золота и серебра.

Летела она, летела и увидела людей, строящих забор из меда.

Подлетает она к ним и поет:

— Отец меня убил, мачеха меня съела, а сестренка подвесила мои кости, я птичка из золота и серебра.

— Спой-ка нам еще раз, попросили люди.

— Если вы дадите мне чуточку меду, то спою.

Дали они ей мед, и птичка спела:

— Отец меня убил, мачеха меня съела, а сестренка подвесила кости, я птичка из золота в серебра.

Прилетела птичка с этими вещами к сестре. Вызвала она отца, ударила столбом по лбу и убила. Вызвала мачеху и сказала:

— Открой-ка рот, нани!

Птичка бросила камень в открытый рот мачехи и убила ее.

Затем вызвала птичка сестру:

— Открой-ка ротик, сестричка! — и в открытый рот сестры бросила чуточку меду.

Обернулась птичка братом, и стали они жить с сестрой счастливо.

44. Девочка и гам

Опубл.: ИФ, т. II, с. 187.
Записал А. О. Мальсагов в 1961 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

Пошли дети по ягоды. Нарвали ягод и возвращались домой. Дети очень устали. Одна девочка села у дерева отдохнуть и уснула. У нее были длинные косы. Дети привязали ее косами к дереву и ушли, забрав корзину с ягодами. Проснувшись, девочка посмотрела по сторонам, но никого вблизи не оказалось, не было и корзины с ягодами.

Вдруг к ней подлетел воробей.

— Пожалуйста, воробей, развяжи меня, — сказала девочка, — я дала бы тебе пшеницы.

Воробей вспорхнул а улетел.

Прилетела сова.

— Пожалуйста, сова, развяжи меня, — сказала девочка, — я дала бы тебе красной пшеницы и ячменя.

— Ты, наверно, хотела бы вырвать мои глаза и съесть меня, — сказала сова и улетела.

Прилетел голубь.

— Пожалуйста, голубь, развяжи меня, я дала бы тебе пшеницы, — сказала девочка.

Клевал, клевал голубь косы девочки, развязал их и улетел.

Шла она, шла и дошла до дома, где жила гам со своими дочерьми. Села она на крышу дома и горько заплакала. Слезы ее прошли сквозь потолок и упали на гам.

— Посмотри-ка, Мук-Мукли, на улице дождливо или солнечно. Капля дождя, кажется, на меня упала, — сказала гам одной из своих дочерей.

— Дождя-солнца нет, но есть плачущая девочка.

— Иди приведи ее, — сказала гам Мук-Мукли.

Мук-Мукли силой привела девочку.

Поели они и легли спать.

Гам, думая, что девочка уснула, сказала:

— Завтра зарежем девочку и понесем ее с собой на поле.

Услышав это, девочка уложила дочь гам на свое место, а сама легла на ее место.

В эту ночь гам убила свою дочь, думая, что она убивает чужую девочку.

Дочери ведьмы с девочкой ушли на поле полоть и сказали своей матери, чтобы она принесла им еду, лен, гребешок и масло.

В котле гам сварила свою дочь, взяла лен, гребешок, пришла на поле и стала открывать котел. Вытащила ногу:

— Ой, это же нога моей Мук-Мукли!

Вытащила руку:

— Ой, это же рука моей Мук-Мукли!

Вытащила голову:

— Ой, это же голова моей Мук-Мукли!

А девочка, взяв с собой лен, гребешок и масло, убежала. Бросилась тогда гам вдогонку за девочкой.

Стала гам ее догонять, девочка бросила лен и сказала:

— Пусть, боже, между нами вырастет густой лес!

Но гам прошла сквозь лес и вновь стала ее догонять. Тогда девочка бросила гребешок и сказала:

— Пусть между нами вырастут колючие акации!

Но гам опять стала догонять ее. Тогда девочка бросила масло и попросила:

— Пусть между нами появятся добрые люди!

Показались высокие башни, в которых жили люди. Гам опять стала ее догонять.

— Если вы не поднимете меня, гам настигнет и убьет меня, — сказала девочка.

Люди спустили веревку и подняли ее. Только они ее подняли, как примчалась гам:

— Я дам вам столько золота-серебра, сколько бы вы ни попросили, если вы меня поднимете.

Спустили люди веревку, подняли гам до середины и бросили вниз так, что она развалилась на девять частей.

Добрые люди отвели девочку к отцу-матери, и говорит девочка:

— Откройте дверь!

— Мы не знаем, кто ты такая, — не открывали дверей отец и мать.

— Я ваша дорогая девочка, — сказала она.

— Если ты наша, протяни один мизинец, сказали они.

Она протянула мизинец, и тогда они узнали свою девочку и вместе с добрыми людьми-гостями впустили ее в дом.

Девочка рассказала родителям про свои приключения. Родители отблагодарили добрых людей и сами стали жить счастливо.

Нож-меч между ними,
Козел-баран между нами!

45. Гам

Опубл.: ИФ, т. II, с. 122.

Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

В старину, говорят, жили отец, мать и сын. Жена ждала ребенка, когда муж ушел на войну. И там его убили.

Через некоторое время жена родила девочку с зубами во рту. Один раз накормила грудью девочка в рост пошла, другой раз накормила она встала, третий раз накормила она пошла. Увидит девочка во дворе курицу или барашка поймает их и живыми съедает. Удивилась мать и спросила о ней у аульчан. Люди сказали, что эта девочка превратится в гам:

— Если ты не уберешь ее из дому, она всех вас и нас съест или убьет.

— Сын мой, сказала мать, она из моей утробы, убить мне ее жалко. Уведи ее куда-нибудь и отпусти.

Брату тоже было жаль сестру, но, когда все говорят, делать нечего.

Запряг он арбу, усадил в нее сестру и поехал в лес. В дороге он увидел двух диких кошек. Брат оставил сестру с кошками (она стала с ними играть), а сам уехал домой.

У брата были две гончие. Одну звали Ок-лок Цхок-лок, а другую Бай-йок Бахи-йок. Кликнет он их по имени и отправляется на охоту.

Через несколько лет мать и сын вспомнили о девочке и решили узнать, что с ней случилось.

— Нани, ты сиди дома, а я пойду, — сказал сын. — Гончих я привяжу, ни в коем случае не развязывай их.

Юноша оседлал коня и поехал в лес.

Видит он свою сестру, а вокруг нее кошки. Она была в три раза выше его, глаза — кошачьи, да и обросла, словно кошка. Изо рта торчали огромные клыки — выглядела она настоящей гам.

— А-а, братик! Это ты? Заходи!

Зашел он, а сестра вышла и съела у его коня одну ногу. Затем вошла и говорит:

— Братик, ты что на трехногом коне приехал?

— Да, я приехал на трехногом коне, — ответил брат сестре-гам.

Снова выскочила сестра-гам и съела еще одну ногу у его коня:

— У твоего коня не три, а две ноги.

— Да, две ноги было.

Выскочила она, съела оставшиеся ноги:

— Да у него ни одной ноги не было! Что он, на брюхе полз?

— Да, ни одной ноги не было, на брюхе полз.

Затем она съела пол туловища коня:

— Ты что на половине коня приехал?

— Да, я приехал на половине коня, — сказал брат и подумал: «Съест коня и за меня возьмется. Что же делать?»

В это время в окно потихоньку вскочила кошка и сказала:

— Твоя сестра часто меня бьет, плохо ко мне относится. Если бы ты увел меня, я спасла бы тебя от ее клыков.

— Я спасу тебя, — сказал брат, и кошка дала ему гребешок, кувшин масла и три иголки.

— Побежим, — сказала кошка. — Когда она побежит вслед за нами, брось гребешок вырастут густые колючки. Когда ведьма пройдет через колючки, бросишь кувшин с маслом

появится море масла, а вокруг кремневые стены. Пройдет она и их. Тогда брось на землю три иголки поднимутся три чугунных столба. А теперь бежим.

Усадил брат кошку на плечи и бросился бежать. Вошла в комнату гам:

— Братик, ты, оказывается, без коня приехал? — сказала она и посмотрела по сторонам.

Не увидев брата, гам бросилась за ним в погоню.

— Братик, подожди, я пойду с тобой! — кричала она вдогонку.

При ее приближении брат бросил гребешок.

— Пусть между нами вырастут колючки!

Прошла она сквозь густые колючки и стала снова его догонять.

Брат бросил кувшин с маслом и сказал:

— Пусть между нами возникнет море масла с кремневыми стенами вокруг!

С трудом прошла гам по разлитому маслу, перегрызла кремневые стены и снова стала настигать брата. Он бросил три иголки и сказал:

— Пусть между нами возникнут три чугунных столба, упирающиеся в небо!

Взобрался брат на первый столб. Подбежала к нему гам и говорит:

— Братец, подними меня!

— Нет, не подниму, я тебе не брат и ты мне не сестра. Убирайся отсюда.

Тогда гам стала грызть клыками, словно пилить пилой, чугунный столб. А брат стал кликать своих гончих:

— Ок-лок Цхок-лок! Бай-йок Бахи-йок! На помощь!

Рвались с привязи гончие, лаяли. А гам только перегрызла первый столб, как он перескочил на второй. Стала ведьма грызть второй столб, снова стал кликать он гончих:

— Ок-лок Цхок-лок! Бай-йок Бахи-йок! На помощь!

Гам перегрызла второй столб. Брат перескочил на третий. Гам хорошо наточила свои клыки, стала грызть третий столб. В последний раз он крикнул:

— Ок-лок Цхок-лок! Бай-йок Бахи-йок! На помощь! Хозяина вашего убивают!

Лаяли, рвались с привязи гончие, стали кусать друг друга. Мать решила, что сына убила гам, и подумала:

«Он говорил мне не развязывать собак, но теперь, после его смерти, зачем мне нужны эти гончие?»

Отпустила она гончих, закрыла окна, двери и стала горько плакать.

Бросились гончие со всех ног. Увидела их вдали гам и говорит:

— Ой, братец, эти гончие меня съедят.

— Занимайся своими делами, это не гончие, а хвостатые зайцы.

Не успела гам перегрызть третий столб, как прибежали гончие. В испуге гам, словно змея, обвилась вокруг чугунного столба. Гончие разорвали ее на мелкие клочья.

Вместе с гончими пришел юноша домой.

— Открой дверь, нана! Живым и здоровым вернулся твой сын!

— Мой сын убит, убирайся, не разрывай сердце горемыки.

— Почему ты не веришь? Я же твой сын!

— Просунь палец в отверстие двери, и я узнаю, мой ли ты сын или нет.

По пальцу мать узнала своего сына.

От радости она так легко станцевала, что даже следа муравьиного на поверхности молочной каши не оставила.

46. Альтамар и ешап

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 137.
Записал М. Кибиев на чеченском языке от неизвестного лица, с. Ведено ЧИАССР.

Альтамар и ешап жили недалеко друг от друга. Ешап построила себе в лесу дом, а Альтамар жил на равнине.

У ешап было семь дочерей, у Альтамара семь сыновей. У ешап было два быка, восемь баранов и ворсовый ковер. А у Альтамара были лишь две черные овчины.

Задумал Альтамар засватать семерым сыновьям семь дочерей ешап. Приходит он с сыновьями ко двору ешап и кричит:

— Ва, ешап!

— Что такое? — откликнулась ешап.

— Я пришел к тебе по большому делу сватать твоих дочерей. Можно войти?

— Входите, — ответила ешап и приняла гостей.

— Твоих дочерей я хочу засватать своим семи сыновьям, — сказал Альтамар.

Накормила их ешап, напоила и после сватовства приготовила им постели. Своим дочерям она постелила мягкие постели, а Альтамару и его сыновьям жесткие. Она решила убить гостей.

Альтамар, заподозривший ешап в подлости, уложил своих сыновей на постели дочерей ешап, а их перенес на жесткие постели. Ешап в это время точила ножи о большой каменный брусок.

Альтамар потихоньку следил за ней. Через некоторое время ешап спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

— Спит Альтамар и не спит Альтамар, — сказал он.

Ешап пошла и отрезала головы своим дочерям. Она думала, что это сыновья Альтамара.

Поутру ешап поднялась раньше всех, прокралась в комнату дочерей и говорит, обращаясь к старшей:

— Старшая! К обеду осмоли голову и колени старшего сына Альтамара и принеси мне на поле, где я буду косить траву.

Ешап ушла на косьбу. Только она ушла, Альтамар быстро разбудил своих сыновей, и они ушли.

К полудню ешап проголодалась и рассерженная тем, что дочь ее задерживается, подумала: «Ой, неужели Альтамар убил моих дочерей в отместку за своих сыновей?»

И она побежала к своему дому. Вошла она в комнату и видит, что ее дочери лежат на постелях, предназначенных для сыновей Альтамара.

Увидев головы своих дочерей, она запричитала:

— Ой, это же голова моей старшей дочери, а это второй!

Альтамар в это время вернулся с длинной жердью с гвоздем на конце и стал колоть овец ешап. Надоело ешап блеяние овец и выгнала она их со двора. А Альтамар угнал ее овец.

«Не угнал ли Альтамар моих овец?» — подумала ешап и выскочила со двора, но догнать их не смогла.

От большого горя ешап слегла в постель.

А Альтамар опять вернулся и стал жердью колоть быков ешап; которые подняли страшный рев. Ешап, разозлившись, выгнала и быков. Как овец, угнал Альтамар и быков.

Еще больше разгневалась ешап на Альтамара. Набросила на себя ворсовый ковер и улеглась среди комнаты. А Альтамар вернулся и через крышу стал колоть ешап жердью с гвоздем на конце.

— Будьте вы прокляты, блохи! Покоя от вас нет! — заворчала ешап и вышвырнула ковер через окно.

Альтамар схватил ковер и убежал. Ешап не смогла его догнать.

Через неделю Альтамар залепил воском глаз, прихрамывая пришел к дому ешап и закричал:

— Прими меня, ешап!

Ешап выглянула в окно и сказала:

— Убирайся, уж слишком похож ты на Альтамара.

— Я не Альтамар, у него ведь оба глаза, и он не прихрамывает. Я слышал, что ты бедна, как и я, и хотел остаться у тебя, делать ларцы и продавать их. Но ты меня не впускаешь, я ухожу.

— Подожди, ты говоришь, что ты не Альтамар?

— Клянусь, я не Альтамар.

— Входи, — сказала ешап и приняла Альтамара.

Он стал делать ларцы.

Однажды Альтамар, сделав большой ларец, сказал ешап:

— Влезь-ка, ешап, в ларец и посмотри, нет ли там каких-нибудь щелей?

— Нет, нет, влезь-ка ты!

— Как мне влезть в ларец, хромому и одноглазому?

Тогда ешап влезла в ларец, Альтамар прихлопнул ларец крышкой, взвалил его на спину и ушел. Ешап из ларца кричала:

— Нет, нет, никаких щелей не видно! Ларец хороший, никакая мышка в него не пролезет. Выпусти скорей меня из него!

Ешап кричит, а Альтамар молча несет ее к обрыву. Подошел Альтамар к пропасти и, чуть приоткрыв крышку ларца, сказал:

— А ну-ка выгляни, ешап!

А сам снял с правого глаза воск и продолжал:

— Восемь твоих овец увел я, двух твоих быков увел я! И ворсовый ковер твой унес я, Альтамар! И теперь сброшу тебя в пропасть и уйду я, Альтамар, за то, что ты хотела убить моих семерых сыновей!

И он бросил ларец с ешап глубоко в пропасть, по дну которой протекала быстрая река. Кувыркаясь и подпрыгивая, ларец упал в речку и пошел ко дну.

47. Чончилг и ешап

Опубл.: ЧФ, т. II, с 93.
Записал Ш. Дацаев на чеченском языке от В. Абдудаева, с. Белгатой ЧИАССР.

В одном ауле жил кант по имени Чончилг.

Однажды он отправился охотиться в глухие места.

«Я дошел до середины леса. Чем приходить сюда вновь завтра, лучше найду место для ночлега и здесь переночую», — решил Чончилг.

Стал он искать жилье и увидел курящийся дым. Пришел он к этому жилью и, заглянув в окно, увидел ешап, которая лежала на кровати, подложив палас.

Ешап очень обрадовалась приходу Чончилга. Приготовила еду, накормила его досыта и уложила спать на мягкой постели.

Ешап задумала съесть Чончилга и, когда решила, что он уснул, спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я сплю и не сплю, — ответил Чончилг, табун твоих коней не дает мне уснуть.

Ешап выскочила, перебила всех своих коней и через некоторое время вновь спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я сплю и не сплю, ответил Чопчилг.

— Что же ты не заснешь, Чончилг?

— Твои овцы не дают мне уснуть.

Выскочила рассерженная ешап и перебила всех овец, только случайно один козел в живых остался.

«Теперь-то Чончилг наверняка уснет», — подумала ешап и опять спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

Испуганный Чончилг не мог уснуть и снова ответил:

— Я сплю и не сплю.

Раздосадованная ешап спросила:

— Почему же ты, Чончилг, никак не уснешь?

— В такое время моя мать уходила далеко в горы и приносила оттуда в решете воду. Замешав на ней тесто, жарила лепешки и, накормив меня ими, укладывала спать. Поэтому я не могу уснуть, — ответил Чончилг.

Ешап не знала, что принести воду в решете невозможно, и, желая усыпить Чончилга во что бы то ни стало, схватила решето и кинулась в горы за водой. Чончилг выскочил и бежать. Отбежав на некоторое расстояние, он вспомнил, что забыл у ешап свой ножик. Вернулся Чончилг и взял ножик. В это время возвратилась взбешенная ешап, которой, конечно, не удалось принести воду в решете. Бросилась она на Чончилга, чтобы съесть его, а тот стал убегать. Ешап бросилась за ним. Прибежали они к речке, через которую вместо моста было брошено бревно. Чончилг перебежал по бревну, а ешап побоялась. И спросила разозленная ешап:

— Придешь, Чончилг, когда нужно будет?

— Приду, — ответил Чончилг.

Вернулся Чончилг в свой аул. Но жители этого аула не любили Чончилга за его строптивый характер. Особенно возненавидели его старики. Они любыми путями хотели избавиться от Чончилга и решили сделать так, чтобы его убила ешап.

И говорят они ему:

— Мулла аула сильно заболел. Если бы он поел мясо козла ешап, он бы поправился. Ты,

Чончилг, должен принести это мясо.

Ничего не оставалось Чончилгу, как снова идти к ешап.

Прибыл он к ее жилью. Через щелку в заборе Чончилг увидел ешап с козлом. Зная, что только хитростью можно увести козла ешап, Чончилг насадил иголку на длинную жердь и незаметно стал колоть ею козла.

После каждого укола козел блеял: «Б-э-э-э!»

Рассердилась ешап, схватила козла и перекинула его через забор.

Обрадованный Чончилг взвалил козла на спину и бросился бежать.

Вдруг ешап осенило: «А не украл ли Чончилг моего козла?» Выскочила она и увидела бегущего Чончилга с козлом на спине. Но она не смогла его догнать Чончилг уже перебежал реку.

«Ничего, Чончилг вернется, когда ему приспичит», — успокаивала себя ешап.

Вернулся Чопчилг и отдал козла аульчанам. Удивляются аульчане: «Не убила его ешап, и козла он принес, вот чудо! Еще раз надо послать его к ешап, чтобы он принес палас, на котором она спит».

Чончилг согласился и опять отправился к ешап. Он взял жердь с острой иголкой на конце и стал незаметно колоть ею ешап.

После нескольких уколов она подумала, что это колются иголки паласа и, разозлившись, вышвырнула палас в окно. Чончилг только этого и ждал, схватил палас и бросился бежать.

Вдруг ешап осенило: «Не уносит ли Чончилг мой проклятый палас?»

Выскочила она и увидела бегущего Чончилга с паласом. Бросилась вдогонку ешап, но не смогла перейти речку, и Чончилг спасся.

А в это время аульчане веселились, думая, что посланного за паласом Чончилга убила ешап.

Вернулся Чончилг с паласом, и аульчане глазам своим не поверили. Они были очень удивлены тем, что ему так везет, и решили дать Чончилгу еще одно задание: послать его за дровами в лес, принадлежащий ешап. Чончилгу они сказали, что надо приготовить пищу на костре из этих дров, и тогда, мол, мулла излечится.

Чончилг замазал один глаз, сбрил один ус и, прихрамывая, отправился в лес за дровами. Ешап услышала стук топора и крикнула:

— Кто смеет рубить лес в моем лесу, где ни заяц не пробегает, ни птица перо не роняет?!

Видит ешап Чончилга. И сбоку, и сверху осмотрела она его и наконец сказала:

— Если бы ты не был хромым, одноглазым и без одного уса, как бы ты был похож на Чончилга!

— Все это сотворил со мной Чончилг, — пустился на хитрость Чончилг.

Ешап решила узнать, где живет Чончилг, и спросила:

— А где он живет?

— Он живет в нашем ауле, — ответил развеселившийся Чончилг.

Ешап стала просить отвести ее к Чончилгу.

— Кончу рубить дрова, тогда и отведу, — сказал Чончилг.

Ешап стала помогать ему рубить дрова и переносить их через реку. Чончилг решил привести ее в аул.

— Я отвезу дрова после, — сказал Чончилг.

Усадив ешап в дупло срубленного дерева и уложив дерево на арбу, повез он ее к своему аулу. Когда доехали до аула, Чончилг сошел с арбы, а ешап оставил в дупле. Сам он взобрался на многоярусную башню, принял прежний вид и крикнул:

— Ва, ешап, теперь выходи!

Взглянула ешап и узнала Чончилга.

— Как ты взобрался на башню?

— Если ты со всего разбега ударишься головой о стенку башни, то очутишься на ее верху, — дал совет Чончилг.

Поверила его совету ешап и изо всех сил ударилась головой о стенку башни. Голова ее раскололась, мозги разлетелись, и ешап сдохла. Так аульчане и не смогли избавиться от ненавистного им Чопчилга.

48. Бедняк и змея

Опубл.: ИФ, т. II с. 165.
Записал Л. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

Увидел падчах сон, что в сторону его владений с небес заблеяли козлы. Он созвал всех своих подвластных и потребовал, чтобы они разгадали его сон, — но никто не мог разгадать. Тогда он спросил:

— Нет ли в моем краю человека, который остался бы не опрошенным?

— Остался лишь один бедняк, — ответили падчаху.

— Позовите его, — приказал падчах.

По дороге бедняка окликнула змея человеческим голосом:

— Слушай, человек, куда ты путь держишь?

— Я иду разгадать сон падчаха.

— А знаешь ли ты отгадку?

— Нет, не знаю, — ответил бедняк.

— Ты скажи падчаху, что он начнет битву с соседним падчахом и победит его.

Обрадованный падчах дал бедняку пуд золота и отпустил его домой. Возвращался бедняк с пудом золота, подошел к норе змеи и крикнул:

— Выходи, змея, мы поделим пуд золота.

Стала змея выползать из поры, а бедняк подумал: «Для чего я буду делиться со змеей, лучше голову ей снесу».

Змея разгадала эти мысли и бросилась в нору, а бедняк ударом шашки успел отрубить ей кончик хвоста и со своим золотом отправился домой.

Второй раз увидел падчах сон, что в сторону его владений с небес кричали лисицы.

Послали снова за бедняком, чтобы тот разгадал сон. Когда он шел к падчаху, бедняка вновь окликнула змея человеческим голосом:

— Слушай, человек, куда ты идешь?

— Падчах видел сон, что в сторону его владений с небес лисицы кричали. Иду разгадать сон.

— А знаешь ли ты, что он означает?

— Нет, не знаю, ответил бедняк.

— Падчах и его подвластные стремятся лишь к наживе. Вот что означает этот сон, скажешь падчаху.

Падчах дал бедняку еще пуд золота. Бедняк не стал даже проходить мимо норы змеи, а возвратился домой окольным путем.

Увидел падчах во сне в третий раз, что в его стране с небес свисали бараньи курдюки. Вызвал он бедняка для объяснения сна. И вновь спросила змея у бедняка:

— Слушай, человек, куда ты идешь?

— Иду разгадать сон.

А знаешь, что он означает?

— Нет, не знаю.

— Скажи падчаху, что ты и твои подвластные разбогатели! — сказала змея.

Слова змеи бедняк точно передал падчаху. Тот дал ему еще пуд золота. Бедняк по пути подошел к норе змеи:

— Выходи, змея, бери половину своего золота.

Выползла змея. Бедняк высыпал ей весь пуд золота и сказал:

— Тот раз я встретил одного человека и потому не смог к тебе зайти. Другую половину золота я принесу после.

Тогда змея говорит бедняку:

— Ты ни в чем не виноват. В первый раз, когда ты отрубил мне кончик хвоста, падчах был настроен воинственно, и ты был также настроен. Во второй раз, когда ты окольным путем обошел мое жилье, падчах стремился к наживе, и ты стремился. Теперь же у падчаха изобилие, и ты расщедрился. Мне золота не нужно — я змея. Живи счастливо. Возьми свое золото и отправляйся домой.

49. Князь Бигалди

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 82.
Записана на чеченском языке от З. Хамхоевой, г. Грозный.
В этой сказке удачно сочетаются элементы волшебной сказки и сказки о животных.

Бигалди прокутил свое имущество, дом, одежду. Оставшись в чем мать родила, Бигалди отправился ночью в лес, построил шалаш и стал там жить, питаясь дикими грушами.

Под грушу, где построил Бигалди свой шалаш, ходила лиса ловить мышей. Каждый раз, натыкаясь на Бигалди, лиса уходила ни с чем. Лисе это надоело, и однажды она сказала Бигалди:

— Я ходила под грушу ловить мышей. Но в последнее время натыкаюсь на тебя и ухожу ни с чем, боясь, что ты убьешь меня. Теперь я пришла сказать тебе: давай будем жить вместе. Одному жить скучно, а вдвоем мы жили бы веселей; я ловила бы мышей, питалась ими, а ты питался бы грушами. Будем жить вместе? Я помогу тебе по хозяйству.

Князь Бигалди согласился, и они стали жить вместе.

Прошло немного времени, и лиса сказала Бигалди:

— Мы должны женить тебя на дочери князя.

— Брось ты, глупая лиса! Как же пойдет дочь князя за меня, бедняка, живущего в шалаше?

Но лиса не отставала, и Бигалди сказал ей:

— Ну что ж, делай что хочешь.

С этого дня лиса стала посещать князей, у которых были красивые дочери.

— Князь Бигалди хочет измерить свое серебро. Он собрал людей. Нужна деревянная мерка. Мне сказали, что она есть у тебя, сказала она одному богатому князю, у которого была красивая дочь.

Князь дал лисе мерку. Целый день ловила лиса меркой мышей, а под вечер отправилась к князю. По дороге лиса нашла двугривенный, просунула его в щель мерки и вернула ее князю. Из щели мерки выпал двугривенный, и князь крикнул вслед лисе:

— Ты деньга оставила, лиса!

— Дети князя Бигалди вместо камней бросают в птиц серебром. Оставьте двугривенный себе, — сказала лиса и побежала в лес.

Через некоторое время лиса опять побежала к тому же князю и сказала:

— Дайте мерку до вечера, Бигалди хочет измерить оставшееся серебро.

Как и в первый день, лиса целый день ловила деревянной меркой мышей, а под вечер отправилась к князю. По дороге лиса нашла рубль. Она просунула в щель мерки рубль и отдала ее князю. Рубль выпал из щели. Князь сказал, что в мерке остался рубль. Лиса ответила:

— Оставьте его себе. Дети князя Бигалди вместо бумаги рвут деньги и топят ими печку!

Однажды лиса опять отправилась к князю, чтобы намекнуть о сватовстве. Пришла и сказала:

— Князь Бигалди очень богатый человек. У него дворец из золота и серебра. У него бесчисленные табуны коней, отары овец и стада коров. Князь, зная, что и ты богат, хочет посватать твою дочь.

— Если моя дочь и князь Бигалди согласны пожениться, я выдам свою дочь за него, — сказал князь.

Лиса быстро вернулась в лес и сказала Бигалди:

— Собирайся в путь. Сейчас мы пойдем женить тебя на дочери князя.

— Ты с ума сошла! Как же я пойду к князю голый? Я дал согласие жениться только потому, что ты пристала ко мне, сказал Бигалди.

Но лиса не отставала. И вот они пошли к князю. Отправляясь к князю, Бигалди сзади и спереди обвязал себя стеблями кукурузы.

В пути лиса наставляла Бигалди:

— Вот что, Бигалди, по пути мы должны перейти речку. На самой ее середине я толкну тебя с моста в воду. Ты падай. Я буду звать: «На помощь! На помощь! Князь Бигалди, который хочет жениться на дочери князя, тонет в реке! Помогите!» Тогда прибегут люди и оденут тебя с ног до головы.

Как только они дошли до речки, на середине моста лиса столкнула Бигалди в воду, и тот сделал вид, что тонет. А лиса стала бегать вниз и верх по берегу река и звать на помощь. Прибежали из села люди, вытащили Бигалди, одели его с ног до головы, и они с лисой продолжали путь. Лиса по пути наставляла Бигалди:

— Дворец князя очень красивый и богатый. Не удивляйся красоте дворца и не разглядывай его. Можешь выдать нас и нашу бедность. Они подадут нам разные кушанья. Не лезь грязными руками в тарелку. Я скажу, что ты у родителей единственный сын и тебя избаловали в детстве, кормили из рук няньки. Я тебя и накормлю.

После этих поучений они прибыли к князю.

Бигалди, хоть и был предупрежден лисой, стал с удивлением и восхищением рассматривать внутреннюю отделку дворца. Лиса решила исправить ошибку Бигалди и сказала ему:

— Почему ты с такой иронией рассматриваешь их дворец? Ты, наверное, удивлен тем, что этот дворец построен не из золота и серебра? Не удивляйся у людей бывают и такие дворцы.

Бигалди ответил:

— Мне кажется, что этот дворец чуть ниже моего.

Потом их повели к столу, уставленному всякими яствами. Лиса стала кормить Бигалди из своих рук, приговаривая:

— Бигалди единственный сын у родителей. Он не умеет сам кушать.

Лиса завела с князем и его женой разговор об их дочери а Бигалди и дочь князя договорились между собой. Так они и сосватали дочь князя.

Князь сказал лисе:

— Теперь приходите со своими людьми и забирайте мою дочь.

Лиса сделала вид, что они с Бигалди отправились домой, вышла из дворца, потом вернулась и сказала князю:

— Вот что мне пришло на ум, князь. Если тебе нетрудно, сделай так, чтобы твои люди сопровождали нас. Это не заставило бы нас ходить туда-сюда.

— Ну что ж, я согласен и на это, ответил князь.

Собралось целое селение. Люди оделись в красивые одежды, сели на прекрасных коней, взяли с собой несколько гармошек и барабанов. Бигалди сел в одну карету с дочерью князя. А лиса бежала впереди и показывала дорогу. Сопровождающие били в барабаны, играли лезгинку, вели стрельбу и с гиканьем неслись за лисой.

Лиса, бежавшая впереди всех, увидела вдали чабана, пасшего овец. Она подбежала к нему и сказала:

— Как мне быть? Как тебе быть? Скачет Гур-Гур падчах, все сметая на своем пути. Того, кто окажется возле него, он убивает из винтовки, того, кто оказывается впереди, топчут его всадники. Если не веришь мне, послушай надвигающийся топот.

Чабан прислушался. Он услышал топот, выстрелы, гиканье приближающихся всадников.

Чабан сказал лисе:

— Ты-то, лиса, спрячешься в норе. А как быть мне?

Лиса ответила:

— Если ты попытаешься скрыться от него вместе с овцами, он увидит тебя и настигнет. Беги один и скройся вон в том лесу, а я присмотрю за овцами.

Чабан убежал. К лисе подъехал князь Бигалди и сопровождающие его люди. Лиса сказала им:

— Отправляясь к вашему князю, мы оставили без присмотра отары овец князя Бигалди. Пригоните, пожалуйста, домой этих овец.

И лиса опять побежала впереди, размахивая хвостом. Теперь она подбежала к пастуху, пасшему стадо коров. Ему лиса сказала то же самое, что и чабану. Пастух испугался и убежал в лес.

— Гоните и это стадо коров, сказала лиса, обращаясь к людям, сопровождающим князя, и побежала впереди.

На этот раз лиса подбежала к пастуху, пасшему стадо верблюдов[138]. Она сказала ему то же самое. Пастух убежал.

— Гоните и эти стада верблюдов, — сказала лиса и побежала вперед.

В четвертый раз лиса подбежала к пастуху, пасшему табуны коней, легла перед ним и сказала:

— Как быть тебе? Как быть мне? Скачет падчах Гур-Гур, все сметая на своем пути.

Пастух убежал. И коней пригнали всадники, скакавшие за лисой.

Всадники частенько спрашивали:

— Скоро ли доедем?

— Немного еще осталось, — бросила лиса на бегу и опять побежала впереди всех.

А Бигалди в это время думал: «Какой позор, если мы поедем к моему шалашу!»

Но они проехали мимо шалаша.

Далеко от шалаша, где-то в чужой краю сармак отбил у одного падчаха шахар с золотыми дворцами, лег вокруг него и никого к шахару не подпускал.

Лиса подбежала к сармаку, легла перед ним и начала:

— Как быть тебе? Как быть мне? Скачет падчах Гур-Гур, все сметая на своем пути. Того, кто окажется возле него, убивает он, того, кто оказывается впереди него, топчут кони всадников.

— Иди сюда, вонючая лиса, я проглочу тебя, сказал сармак.

— Я не такая счастливая, чтобы быть проглоченной тобой. Если не веришь мне, послушай сам, сказала лиса.

Сармак приподнял голову и посмотрел в ту сторону, куда показывала лиса. Услышал сармак надвигающийся топот и испугался. Издали надвигались целые тучи пыли. Слышалось гиканье всадников.

— Ты-то, лиса, спрячешься в пору, а как же мне быть? Я слишком огромный, чтобы где-нибудь прятаться.

— Ползком тебе отступать нельзя они могут настигнуть тебя в пути. Ты вот что сделай, сармак: прыгни с этого места вон на те горы. Там ты и скроешься от погони, ответила лиса.

Сармак по совету лисы прыгнул и оказался за горами. При падении он стукнулся о скалу и выбил себе глаз.

Тогда лиса вошла в шахар, набрала в рот воды, побрызгала полы дворца, подмела хвостом все комнаты, взяла барабан и начала бить в него.

Тут подъехали всадники с невестой. Кони их стали падать на мраморном полу.

— Разместите овец, коров, коней и верблюдов, — сказала лиса.

Три дня и три ночи играли свадьбу, потом люди князя, сопровождавшие невесту, вернулись к себе домой.

Сноха, согласно обычаю, называла лису «красной девушкой»[139]. Лиса прожила у Бигалди

довольно долго, и вот однажды она подумала: «Этого бедного, голого Бигалди я своими руками сделала богатым. Интересно, как бы он вел себя, если бы я умерла?»

Лиса притворилась мертвой и растянулась у входной двери. Жена Бигалди увидела утром на пороге мертвую лису, вбежала к Бигалди и сказала:

— Слышишь, князь, наша «красная девушка» умерла.

— Ну, если умерла, возьми эту вонючую лису за хвост и брось на навозную кучу, — крикнул Бигалди из комнаты.

Услышав такие слова Бигалди, лиса вскочила и, разозленная на него, сказала:

— Вот как ты стал бы горевать после моей смерти! Я женила тебя на самой красивой девушке. Я из побирушки сделала тебя самым богатым человеком на свете! Сейчас я приведу сюда сармака хозяина этого шахара. Он расправится с тобой.

И лиса побежала за горы, куда скрылся сармак, взяла его за ухо и привела к дворцу Бигалди.

— Слышишь, Бигалди! — несколько раз крикнула лиса.

Никто не ответил. А Бигалди в окно увидел сармака, которого лиса держала за ухо. Не отвечая на зов лисы, он думал: «Если я выйду, то сармак проглотит меня». Но лиса продолжала кричать. Тогда Бигалди вышел и сказал:

— Ну и ну! Так ты об этом сармаке мне говорила, лиса? Этим сармаком ты меня страшила? Да у него нет вдобавок и одного глаза! Подожди-ка, вот я сейчас приведу тебе своего сармака!

Бигалди сильно струсил и вошел во дворец, не зная, что делать дальше. Испугался и сармак:

— Так вот почему ты привела меня сюда! Ты хотела, вонючая лиса, чтобы меня убили?! — сказал он, поднял ее на воздух и ударил с размаху о стену дворца, а сам убежал.

50. Храбрее сармака

Опубл.: ИФ, т. II, с. 212.
Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от С. Озиева, г. Грозный.

У одного мужчины была жена вертлявая и бойкая на язык. То и дело начинала она ссору и не давала мужу покоя. Надоела она мужу, но он не знал, как от нее избавиться.

Однажды поехал он в лес за дровами. Там увидел он в большой яме сармака. Быстро повернул арбу и поспешил домой. Вернулся муж без дров, и принялась жена его ругать:

— Что ты делаешь? Почему возвратился без дров? Разве не знаешь, что у нас в доме нет даже щепки? Разве такие бывают мужья? Ты не стоишь подгоревшего чурека!

Чего только она не выговаривала мужу!

— На спеши, жена, я не привез дров потому, что не мог. Я приехал за длинной веревкой и мешком. Поторопись, принеси веревку и мешок! — сказал муж.

— Что еще за мешок? О какой веревке ты говоришь? Уж не зайцев ли думаешь ловить?

— Не говори громко, а то соседи услышат. В лесу в яме я нашел клад. Хочу достать его, поспеши!

— Кто? Ты? Разве ты не знаешь, как поступают в таких случаях? Туда должна пойти я. Я вытащу клад, — быстро стала собираться жена.

— Тебе не следовало бы туда идти. Женщинам не положено доставать клады, это мужское дело, лучше не ходи.

— Я в десять раз лучше тебя достану этот клад. О чем ты болтаешь, разве ты мужчина?!

Быстро взяла она мешок и веревку и отправилась с мужем в лес. Пришли они в лес, и муж говорит:

— Вот здесь клад. Иди подержи веревку, за кладом спущусь я.

— Ты оставь разговоры, лучше крепче держи веревку, за кладом спущусь я, — сказала жена и по веревке спустилась в глубокую яму.

Только она спустилась, как почувствовала, что под ногами у нее сармак, и она стала его душить. Испуганный сармак кинулся в сторону, но освободиться не смог женщина все сильнее стискивала его горло. Взглянув вверх, сармак увидел на краю ямы мужчину с веревкой и крикнул:

— Ва, мужчина, если ты спасешь меня от этого шайтана, я тебе три раза добро сделаю.

— Схвати веревку ртом, я вытащу тебя, ответил мужчина.

Бросился сармак, схватил веревку, и мужчина поднял его, а женщина сорвалась и снова упала в яму. Сказал сармак мужчине:

— Я пойду и лягу на краю села, там, где люди берут воду, и буду лежать до тех пор, пока ты не скажешь: «Убирайся отсюда!» После этих слов я уйду. Люди скажут тебе спасибо и дадут много всякого добра и денег.

Через некоторое время сармак исполнил свое обещание. Люди не знали, что и делать. Тогда мужчина сказал, что, если он прикажет, сармак уйдет. Люди пообещали ему много денег и всякого добра, только бы он прогнал от источника сармака.

Подошел он и говорит: «Убирайся!» и сармак ушел.

Так он прогнал сармака из двух сел, и люди дали ему много денег и всякого добра.

Когда сармак уходил из последнего села, он сказал мужчине:

— Я исполнил свои обещания, больше не обращайся ко мне с просьбами. Если придешь, я съем тебя.

Через некоторое время сармак залег еще у одного источника. Люди из этого села пришли просить мужчину прогнать сармака.

Мужчина ответил:

— Больше я не могу ему приказывать, а то он съест меня как любого из вас.

Но люди не отступали, и ему пришлось пойти. Мужчина решил схитрить. Запыхавшись, подбежал он к источнику, будто спешил с каким-то сообщением. Увидел его сармак и говорит:

— Я же сказал тебе, чтобы ты ко мне больше не обращался. Теперь я тебя съем.

И сармак хотел броситься на него, но мужчина быстро сказал:

— Я не пришел просить тебя уйти отсюда. Моя жена, эта бесовка, каким-то образом вылезла из ямы. Убегая из этого края, я хотел сказать тебе об этом.

— Жена?! — воскликнул сармак, бросился в сторону от источника и больше не возвращался.

Так избавились они: муж от плохой жены, люди от сармака.

Ниже приводится вариант забавной истории об упрямой жене. Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от Л. С. Мальсаговой, г. Грозный.

Спор

Поспорили как-то муж и жена о том, кто пробежал мимо волк или лиса. Жена стала утверждать, что волк и что, если муж не согласится с этим, она умрет. Отнесли ее на кладбище и стали спускать в могилу. А она шепчет: «Волк, волк». Растерянным родственникам муж сказал: «Засыпайте могилу. Все наши покойники умирали с именем волка на устах». Последние слова стали пословицей.

51. Помощник падчаха

Записала Х. Гайтукаева в 1976 г. на чеченском языке от Д. Ацаева, с. Итум-Кале ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Жил-был падчах. Он очень любил женщин и часто веселился с ними. Помощник падчаха хотел отвратить его от женщин и нередко говорил:

— Они нехорошие, они осрамят тебя!

Женщины узнали о наговоре помощника, собрались и спросили падчаха:

— Почему ты перестал быть любезным с нами? Почему изменил свое отношение к нам?

Падчах сослался на своего помощника.

Помощник был одиноким человеком, без жены и без семьи. Тогда женщины решили послать к нему красивую девушку. Входит к нему девушка, а помощник падчаха спрашивает ее:

— Зачем ты ко мне явилась?

— Я пришла, чтобы проводить с тобой время и никогда не разлучаться, — ответила девушка.

Помощник падчаха не только не прогнал девушку, но стал с ней заигрывать. Другие женщины вместе с падчахом подглядывали в это время в окно.

Девушка сказала помощнику падчаха, что он должен исполнить ее просьбу.

Что я должен сделать? — спросил он.

— Принеси седло, стань на четвереньки и дай мне тебя оседлать. Затем разреши мне сесть на тебя верхом и прокати меня три раза по комнате. После этого я удовлетворю твое желание.

Девушка оседлала помощника падчаха и стала на нем кататься по комнате. Подглядывавший у окна падчах крикнул:

— Да умри ты! Ты все время наговаривал на женщин, а сам позволяешь им ездить на себе!

Тогда помощник ответил:

— Пусть долгими будут твои годы, падчах, я боялся, что женщины могут и с тобой проделать то же самое, и поэтому хотел предостеречь тебя.

Падчах улыбнулся находчивости помощника и не стал его наказывать.

52. Нет ничего лучше хорошей жены

Опубл.: ИФ, с. 5.
Записана на ингушском языке от Х. Бахтиева в 1938 г., с. Гамай-Юрт ЧИАССР.

Давным-давно, в далекие времена чтобы вам сопутствовала удача, чтобы всем хорошим вас успокоить, чтобы сын князя из колыбели не встал, а волчий щенок не вышел из норы! — жил-был богатый человек с женой и сыном. Когда сыну пошел пятнадцатый год, отец умер. Этот юноша никогда никому ни в чем не отказывал. Он был очень щедрым. По всему краю о нем шла добрая молва. Бедные, голодные люди приходили просить у него чего-нибудь. Он все раздал, и у него остались лишь чехол от матраца да изодранная шубенка.

Он обмотал себя чехлом и отправился в дорогу с намерением не возвращаться домой, пока не найдет своего счастья.

Шел он, шел и встретил в пути человека. Путник попросил у него чехол.

— Подожди здесь, — сказал юноша и побежал.

Размотал чехол, надел изодранную шубенку, пришел обратно и отдал чехол путнику. Тогда путник сказал:

— Я могу исполнить любое твое желание. Что ты хочешь?

— Извини меня, я лучше посоветуюсь с матерью о том, что у тебя попросить, — сказал юноша.

Путник согласился.

Юноша побежал домой и рассказал обо всем матери. Та посоветовала попросить в жены хорошую девушку. Так он и поступил.

— На этом белом свете я преклонялся перед тремя женщинами: две из них вышли замуж, а через два дня засватают и третью. Если ты согласен, она выйдет за тебя, — сказал путник.

Юноша согласился, а путник продолжал:

— Вот тебе волшебная палочка. Послезавтра приди во двор, где будут сватать девушку, с этой палочкой в руках.

Он дал ему палочку, сказал, что надо делать, показал двор девушки и ушел.

На сватовство собрались люди со всего края, пришел и юноша в изодранной шубенке. Брату девушки его присутствие на сватовстве не понравилось.

— Из кичливости и гордости ты раздал людям все свое состояние, а сам превратился чуть ли не в попрошайку. Зачем ты явился ко мне на двор, когда остался без нечего? Что тебе дали твои оборванцы? — говорил брат девушки.

Все присутствующие засмеялись.

— Я не беден, мне кажется, я богаче всех людей, созданных богом, — сказал юноша. — У меня ведь есть вещь, которая удивит тебя и всех других.

— Что же это? — улыбались люди, нисколько ему не веря.

— Если я сотворю чудо, даешь ли ты слово перед этими людьми выполнить мою просьбу? — сказал юноша брату девушки.

— Даю, ответил брат.

— Если по моему желанию через минуту в этом дворе вырастет высокое плодовое дерево с раскидистой кроной, в тени которого могут укрыться все присутствующие на сватовстве люди, даешь ли ты слово выдать за меня свою сестру? — спросил юноша.

— Даю слово, что выдам, — ответил брат.

По совету путника юноша воткнул палочку в землю и прошептал, чтобы выросло такое

дерево. Во дворе выросло дерево с раскидистой кроной и сочными плодами. Люди не верили своим глазам.

Юноша взял девушку и отправился домой к матери.

Через некоторое время в базарный день жена увидела людей, спешащих на базар, и стала упрашивать мужа тоже сходить туда.

— У меня нечего продать и не на что купить, — ответил муж.

— Можешь продать вот это кольцо, — сказала она, сняла с пальца золотое кольцо стоимостью пять сотен червонцев и протянула мужу.

Муж взял золотое кольцо и отправился на базар в надежде продать его за хорошую цену. В это время на базаре был человек, который ранее сватался к его жене. Увидел он кольцо и узнал, что оно принадлежало девушке, к которой он сватался. Знал он и о том, что молодой человек добр и не отказывает никому в просьбе. Этот человек подослал к нему другого с просьбой обменять кольцо на коня.

Молодой муж обменял кольцо жены на коня. Когда он водил своего коня по базару, ему повстречался человек с козой, который попросил обменять козу на коня. Отдал он коня, взял козу и направился домой. Не успел он выйти с базара, как еще кто-то попросил его обменять козу на папаху.

Отдал он козу за папаху и возвращался домой. Неподалеку от базара протекала река, через нее было переброшено бревно. Переходя по бревну, в середине реки он закачался. И, чтобы сохранить равновесие, развел руками, а папаха упала в быструю реку.

Возвращался он без кольца, коня, козы и папахи. И здесь ему снова повстречался человек, который ранее сватался к его жене Он был на коне, а на пальце его блестело золотое кольцо.

— Горемыка ты несчастный, сказал ему всадник. По глупости своей ты остался без кольца, коня, козы и папахи. Ну и попадет тебе от жены. Она, пожалуй, и из дому тебя выгонит, — засмеялся он.

— Что я без нужды кольца лишился нехорошо, — сказал щедрый муж, взглянув на кольцо, красовавшееся на пальце всадника. Но из-за этого жена не упрекнет меня ни одним словом. Она не такая женщина.

— Рассказывай сказки! — говорит всадник, поигрывая кольцом. Кто поверит, что, лишившись такого кольца, жена не станет тебя ругать?

— Ни одним словом не попрекнет, — твердо сказал муж.

— Давай тогда, — сказал всадник, — поспорим. Если жена не станет тебя бранить, когда ты обо всем ей расскажешь, я дам тебе пятьсот золотых монет и это кольцо; если же она станет тебя бранить, ты отдашь ее мне.

— Согласен, — ответил муж.

И они вместе поехали, чтобы узнать, как будет вести себя жена. Приехали. Муж укрыл бывшего жениха в таком месте, где он мог услышать весь их разговор.

— Ну, как твои дела, удачно ли ты продал кольцо? — стала спрашивать жена.

— Я твое кольцо обменял на коня, сказал муж.

— И правильно поступил, сказала жена. Копь для мужчины необходим.

— А коня я обменял на козу, сказал муж.

— Еще правильнее поступил, коза будет нам давать молоко, — сказала жена.

— А козу я обменял на папаху, — продолжал муж.

— Папаха мужчины — его честь. И здесь ты правильно поступил, — сказала жена.

— Когда я переходил по бревну, переброшенному через реку, мою папаху унесла река.

— Слава богу, что ты сам живым вернулся, — бросилась обнимать жена мужа.

Всадник проспорил пятьсот золотых монет и кольцо, отдал их и уехал.

А муж и жена с большим богатством стали жить-поживать.

53. Поступок жены

Записал С Жамирзаев, 1972 г, на чеченском языке от неизвестного лица, с Ножай-Юрт ЧИАССР.

Личный архив М. О. Мальсагова.

Один бедняк ехал на кобыле с жеребенком. Этот жеребенок поплелся за всадником на мерине.

— Этот жеребенок мой, им ожеребился мой мерин, — сказал всадник.

Мы должны для разрешения спора обратиться к князю, — сказал бедняк.

Прибыли они к дому князя и спрашивают у его жены:

— Дома ли князь?

— Его нет дома. А по какому делу вы пришли?

— Мы пришли разрешить спор: кому принадлежит жеребенок? Бедняку на кобыле или всаднику на мерине?

— Моего хозяина нет дома. Он поехал тушить пожар на вершине Казбека, — ответила жена князя.

— Вот чудеса! Разве может на вершине Казбека вспыхнуть пожар? — удивился всадник на мерине.

— Ничего удивительного в том, что на вершине Казбека вспыхнул пожар, нет. Удивительно другое, как твой мерин мог ожеребиться, — ответила жена князя.

Через некоторое время приехал князь и спросил у жены, был ли у них кто-нибудь в его отсутствие. Жена ответила, что приходили два спорщика, и рассказала обо всем.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не встревала не в свои дела! — воскликнул князь. Забирай все, что тебе хочется, и убирайся из моего дома. Перед уходом напои меня и спать уложи.

Жена напоила мужа и, как только он уснул, уложила в сундук и отправилась с ним к своим родителям.

Через некоторое время князь проснулся и спрашивает жену, что все это означает.

— Разве ты не разрешил мне взять из дому все, что я хочу? Я и взяла то, что мне дорого.

— Тебя не переспоришь, — сказал князь. — Лучше вернемся обратно домой.

И они вернулись.

54. Нет ничего лучше хорошей жены, нет ничего хуже плохой жены

Записал И. А. Дахкильгов в 1967 г. на ингушском языке от А. Жанадагова, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

Личный архив И. Л. Дахкильгова.

Имя Бятара было известно многим. На скачках его конь опережал всех. И были у него две гончие, которые не давали убегать волку.

Однажды отправился Бятар в путь, чтобы познать мир. Долго шел и очутился в одном селе. И спросил он у жителей села:

— Кто в этом селе достойно принимает гостей?

— Вон там живет князь Темарко. Он достойно примет тебя, — сказали люди.

— Отведите меня к нему, — попросил Бятар.

— Нет, мы не осмелимся. Иди прямо, посреди села увидишь дом с новыми воротами. В нем живет князь Темарко.

Пошел Бятар. Издали увидел он новые ворота. Вдруг на них выскочил мужчина. С поленом, в руках следом на ним бежала жена. Это и был, оказывается, князь Темарко.

Увидев незнакомого человека, Темарко обернулся и сказал жене:

— Перестань, к нам пожаловал гость!

Жена остановилась.

Темарко достойно встретил гостя, угостил его на славу и обо всем расспросил.

— Я выехал из своего села, чтобы найти себе невесту, и хочу сразу же взять ее с собой, — сказал Бятар.

— Любую девушку из этого села я согласен выдать за тебя. Завтра с утра приходи к роднику. Туда по воду придут девушки, и ты выберешь себе одну из них.

Бятар пришел к роднику и стал присматриваться к девушкам. Прошли уже все девушки, но ни одна из них Бятару не понравилась. Последней по воду пришла дочь князя Темарко. Она ему понравилась. Следом за девушкой дошли они до дома князя, и Бятар сказал Темарко:

— Вот эту девушку выдай за меня!

— Это моя дочь. Возьми любую, только не ее, — сказал Темарко. Разве ты не видел ее мать? На нее похожей будет и дочь. Да и мать не выдаст ее за тебя.

— Мне нравится только твоя дочь и ни одна другая! — сказал Бятар.

Князь не мог не выполнить просьбу гостя. Позвал он своих узденей и сказал:

— Если завтра я кликну вас на помощь, не обращайте на это никакого внимания и занимайтесь своими делами.

Бятару же князь Темарко сказал:

— Завтра можешь забрать мою дочь.

Утром Бятар подготовил к дальней дороге своего коня и попросил у дочери князя напиться. Она поднесла ему воды, а Бятар схватил девушку, усадил ее на круп коня и не мешкая поскакал прочь.

Выбежала жена князя, ударила Темарко по спине и приказала кликнуть узденей. Стал князь звать своих узденей, но никто не явился на зов.

Стала сопротивляться и дочь князя.

— Чтобы я от тебя и звука не слышал! — сказал Бятар, усадил ее в талс и продолжал путь.

Едут они по полю и говорит Бятар своим гончим:

— Не дайте пролететь и птице в небесах.

Носятся гончие взад-вперед, прыгают, но никак не могут остановить птичий полет в небесах.

— Вы не исполнили моего приказания! — сказал Бятар и убил гончих.

Ехали они, ехали и приехали к огромной горе.

Говорит Бятар коню:

— Если, одолевая эту гору, ты споткнешься хоть раз и вспотеешь, я тебе этого не прощу!

У самой вершины горы уставший конь споткнулся, и пот выступил на нем.

— У вершины горы ты споткнулся и пот выступил на тебе, — сказал Бятар и убил коня.

Пешком пришел Бятар с невестой домой.

Прошло несколько лет. Трех детей родила Бятару дочь князя Темарко. И однажды отправился Бятар к родителям жены, чтобы помириться с ними. Князь помирился с зятем и с двумя другими князьями поехал проведать свою дочь.

Большой той устроили по случаю приезда Темарко. Ночью, когда князья улеглись спать, Бятар отправился в набег. Он пригнал три табуна коней, верблюдов и быков. И все три табуна отдал гостям.

Темарко был удивлен тем, как ведет себя дочь: она во врем повиновалась Бятару, была настоящей женой и хозяйкой дома. Стал отец ее расспрашивать:

— Как живешь? Что делает Бятар? В согласии ли вы живете?

Дочь рассказала, как Бятар убил гончих и коня. Поэтому она живет в таком согласии с мужем.

Приехал князь домой, обо всем рассказал жене и говорит:

— Ты должна вести себя так, как дочь. В семье надо жить в согласии.

Жена принесла две хворостины одну сухую, другую сырую. И сказала князю:

— Согни сухую хворостину.

Сухая хворостина сразу сломалась.

— А теперь согни сырую.

Сколько ни гнул, сырая не сломалась.

— Сделанное не вовремя пользы не принесет, — сказала жена и стала бить мужа сырой хворостиной по спине.

Упаси боже от семьи, где нет согласия между мужем и женой!

55. Моллакар и Панчи

Записала А. Дарчиева в 1971 г. на ингушском языке от Х. Жалиевой, с. Бамут ЧИАССР. Личный архив А. О. Мальсагова.

Жил-был Моллакар со своей женой Панчи.

Говорит жена Моллакару:

— Сходил бы ты в лес за дровами!

Пошел Моллакар в лес, набрел на козу, изрубил ее на куски, и вернулся домой. Спрашивает Панчи Моллакара:

— Принес ли ты дров?

— Я встретил козу; изрубил ее на куски и вернулся, — ответил Моллакар.

— Дурак ты, надо было сказать: «биц, биц, биц» и привести ее, — стала ругать жена мужа.

Опять пошел в лес Моллакар и нашел топор. Положил он топор посреди дороги и стал говорить: «биц, биц, биц», но топор не откликался.

Вернулся Моллакар из лесу и обо всем рассказал жене, а она стала всячески ругать его:

— Болван, топором же бьют по деревьям, а нарубленный лес для топки приносят домой.

Опять пошел Моллакар в лес и наткнулся на мед. Стал он этим медом, словно топором, бить по деревьям и вернулся домой с пустыми руками.

Окончательно выведенная из себя, Панчи сложила в сундук вещи и собралась к своим родителям. Проведал об этом Моллакар и залез в сундук. Жена взвалила сундук на спину и отправилась домой, приговаривая:

— Ну и тяжелый же этот сундук!

На одном из горных перевалов она присела отдохнуть и с облегчением произнесла:

— Слава богу, хоть от Моллакара избавилась!

Выскочил из сундука Моллакар и говорит:

— От меня не так-то легко избавиться!

Здесь жена от разрыва сердца и умерла.

56. Умная девушка

Опубл.: ИФ, с. 43.
Записана на ингушском языке в 1938 г. от А. Гатиева, с. Ангушт ЧИАССР.

В давние-давние времена жил князь с тремя сыновьями. Однажды он заболел и слег в постель. Когда настал час его смерти, он призвал сыновей и сказал:

— Я зарыл в землю жемчуг, после моей смерти пойдите и раскопайте землю, возьмите жемчуг и разделите его между собой.

Он указал им место, где зарыт жемчуг.

Отец умер, сыновья его похоронили. Только люди разошлись с похорон, младший брат тайком от старших раскопал клад и спрятал жемчуг в другом месте.

Через некоторое время решили они втроем вырыть клад. Пришли, а клада не оказалось. Земля была кем-то уже раскопана.

— Отец перед смертью рассказал о кладе только нам. И только один из нас похитил его. Никто другой не мог этого сделать, — сказал старший брат.

Но никто из братьев не признавался, и тогда старший брат сказал:

— Мы поступим так: в соседнем селе есть один мудрый князь. Отец довольно часто обращался к нему с вопросами. С нашим делом мы тоже пойдем к нему.

Братья согласились и пошли к князю.

Старший брат сказал:

— По этой дороге прошла лошадь, слепая на один глаз.

— С одной стороны у нее стекал мед, а с другой масло, сказал средний брат.

— Это была жеребая кобыла, сказал младший брат.

Шли они, шли и пришли в селение князя. Село было большое девять тысяч домов. Князь их встретил, поздоровался и ввел в дом. Сели они и, объяснив причину своего прихода, сказали:

— В твое село пришла слепая на одни глаз лошадь; с одной стороны у нее стекал мед, а с другой масло. Это была кобыла, и она должна принести жеребенка.

Удивился князь этим словам! Когда он спросил своих людей, то ему сказали, что, действительно, такая лошадь есть в их селе. Князь купил эту лошадь. Она была слепа на один глаз, с одной стороны у нее стекал мед, с другой масло. Это была кобыла, и она была жеребой.

Когда князь убедился во всем этом, он подумал: «Как могли такие мудрые братья прийти ко мне с каким-то спорным вопросом! Если я не сумею рассудить их дело, слава моя будет поколеблена».

Все домочадцы князя заметили, что он расстроен. Князь велел привести для гостей барана из отары. Быстро зарезали барана, приготовили и подали гостям на стол. Когда гости поели, в комнате никого не было. Люди князя стояли за дверью и прислушивались. Перед едой старший брат сказал двум младшим:

— Наш князь хороший хозяин, только рожден он от раба.

— Галушки припахивают человеческой кровью, сказал средний.

— А мясо отдает псиной, сказал самый младший.

После этого разговора они принялись за еду. Подслушанный разговор сразу же передали князю. Он принудил мать признаться во всем.

— Наши гости говорят, что я рожден от раба, правда ли это? — спросил он ее.

— Если хочешь знать правду, сказала мать, мой муж не имел детей, поэтому он позволил мне сблизиться с рабом, который нам прислуживал. Ты рожден от этого раба.

Убедившись в правдивости слов старшего брата, князь отправился к жене и спросил ее:

— Наши гости говорят, что галушки припахивают человеческой кровью. Ты знаешь об этом что-нибудь?

— Они говорят правду, — сказала жена. Когда я замешивала тесто, то порезала палец и несколько капель крови попало в тесто.

Князь убедился, что слова второго брата оказались правдивыми. Он вызвал пастуха и спросил:

— Наши гости говорят, что зарезанный баран отдает псиной. Что ты знаешь об этом?

— Правду они говорят, сказал пастух. Когда мать этого барана должна была окотиться, я видел ее случку с кобелем. Наверно, поэтому баран отдает псиной.

Князь еще больше растерялся, не зная, как он сможет помочь таким мудрым людям разрешить спорный вопрос.

У князя была красивая дочь. Она была настолько красива, что сияние ее красоты затмевало сияние солнца. Ей никогда не позволяли встречать и провожать гостей.

Заметив растерянность отца, она сказала:

— Если бы ты позволил, я бы поприветствовала наших гостей.

— Разрешаю, приветствуй, сказал отец.

Зашла дочь к гостям и приветствовала их:

— Как поживаете, как оказались у нас?

— Мы пришли к князю рассказать о нашей пропаже и узнать правду, — ответили братья.

— Хоть я и не встречала вас, но слышала все, о чем вы говорили. Как вы узнали, что лошадь слепа на один глав, что с одной стороны у нее стекал мед, а с другой масло, что она кобыла и принесет жеребенка? — спросила дочь князя у братьев.

— На всем пути эта лошадь ела траву по одной стороне дорога, поэтому я догадался, что она слепа на один глаз, — сказал старший брат.

— Я узнал, что с одной стороны у нее тек мед, а с другой масло потому, что на протяжении всего пути на одну сторону дороги садились пчелы, а на другую черные мухи, — сказал средний брат.

— Когда поступь передних ног кобылы тяжелее задних, значит, она жеребая. Вот почему я узнал, что она принесет жеребенка, — сказал младший брат.

— Как вы узнали, что мой отец рожден от раба? — спросила девушка.

— Когда он приветствовал нас, то был без пояса и ворот рубашки был расстегнут[140]. Поэтому я догадался, что он рожден от раба, — сказал старший брат.

— Как вы узнали, что галушки припахивают человеческой кровью? — спросила девушка.

— У меня сильно развито обоняние, галушки пахли человеческой кровью, — сказал средний брат.

— Почему вы решили, что мясо отдает псиной? — спросила девушка..

— Только в собачьем бульоне жир бывает снизу, а бульон сверху. По этому признаку я узнал, что мясо отдает псиной, — ответил младший брат.

— И у меня есть кое-что вам рассказать и спросить, — сказала дочь князя, когда получила ответы на свои вопросы.

Убедившись, что гости готовы ее слушать, она начала свой рассказ: «На краю этого села, насчитывающего девять тысяч домов, жил один человек, из бедняков. Я и он любили друг друга.

„Я выйду только за тебя и ни за кого другого“, — говорила я.

„Если ты выйдешь за меня, то я ни на ком другом не женюсь“, — отвечал он.

Такие клятвы мы давали друг другу.

После этого к моему отцу приехал сватать меня за своего сына некий князь. Сватовство и

свадьба были совершены в один день, и отец выдал меня за сына того князя.

На третью ночь в мою комнату вошел сын князя. Увидя мое печальное лицо, он спросил меня:

— Что в душе твоей? Какое горе заставляет тебя плакать?

Трижды он спросил меня об этом, и я ему обо всем рассказала.

— Я плачу не потому, что мне не люб ты и твой дом, а потому, что я нарушила данную мной клятву, — сказала я.

— Даю тебе разрешение, — сказал мне тогда мой муж, сын князя, чтобы не нарушать твоей клятвы, сходи к этому бедняку и переночуй с ним, а чуть свет вернешься ко мне.

Темной ночью я одна отправилась на край села, в котором девять тысяч домов, к своему возлюбленному. Вошла к нему во двор и заглянула в приоткрытую дверь. Мой возлюбленный сидел при еле мерцающем свете керосиновой лампы, надвинув на глаза папаху и закинув ногу на ногу, и играл на балалайке грустные мелодии.

— Пусть вечер тебе будет добрым, — сказала я и вошла в комнату.

Удивленный стоял он передо мной, будто все происходило во сне.

— С добрым приходом, княжеская дочь! Это же твоя первая брачная ночь с сыном князя. Почему ты темной ночью оказалась здесь? — спросил он меня.

— Мой муж разрешил мне провести первую ночь с тобой, чтобы я не нарушила данную тебе клятву. Муж не коснулся меня и пальцем, — сказала я.

— Если у сына князя (хоть у него за селом табуны кобылиц и стада дойных коров) хватило мужества в эту темную ночь прислать тебя ко мне, то разве не хватит мужества и благородства у меня, не дотронувшись до тебя, отпустить обратно? — сказал мне молодой человек. Если бы ты задержалась еще на полчаса, ваша сегодняшняя счастливая ночь оказалась бы самой мрачной. Благодарю тебя за приход и беру назад твои клятвы. Пусть твоя новая жизнь будет счастливой!

Вот что мне сказал тот, которого я любила и который меня больше всего на свете любил. Так поступил этот молодой человек.

Возвращалась я по селу, и мне повстречались веселившиеся воры.

— Что это за женщина, которая в такую темную ночь шелестит шелками и позванивает золотом? — подступили они ко мне.

— Подождите, подождите, — сказал их главарь. Посмотрим, что за дела беспокоят ее. Кто ты такая? Почему вышла в эту темную ночь?

Тогда я рассказала ворам о клятве, которую дала бедному человеку, о том, как мой муж, не тронув меня пальцем, отправил к моему возлюбленному, и как поступил тот со мною. Они удивились всему этому и стали говорить между собой.

— Друзья, сказал тогда главарь шайки. Дело, совершенное без раздумья, кончается всегда плачевно. Разве мы, голодные волки, можем уступить в мужестве и благородстве княжескому сыну, имеющему многочисленные стада кобылиц и коров, или жалкому бедняку, съедающему миску каши и выпивающему кувшин сыворотки!

И по распоряжению главаря воры доставили меня во двор княжеского сына.

Через некоторое время мой муж умер, и я возвратилась к своему отцу вдовой».

— Скажите, гости, кто вам кажется мужественнее и благороднее: сын князя, бедняк или воры? — спросила в конце своего рассказа дочь князя.

Старший из братьев сказал:

— Самым мужественным и благородным мне кажется сын князя. В чем он виноват перед бедняком?!

— А мне кажется мужественнее и благороднее бедняк. Ему ничто не мешало сблизиться с девушкой, — сказал средний брат.

— Я не знаю о чем вы говорите, но если бы я оказался на месте воров, то так просто не отпустил бы тебя, девушка. Разве они мужчины! — сказал младший брат.

— В вашей пропаже виноват он, — сказала девушка и указала на младшего брата.

Братья благодаря уму девушки обнаружили пропажу и вернулись домой.

Слава князя отца умной дочери не померкла.

57. Находчивый кант

Записала Х. Гайтукаева в 1976 г. от Д. Ацаева, с. Итум-Кало ЧИАССР.
Личный архив А. О. Мальсагова.

Падчах с женой вышли на прогулку. К ним подошел кант и подарил падчаху рыбу. Падчах взял у него рыбу и дал ему сто золотых монет.

— За что ты ему столько дал? Если у тебя много денег, то, думаешь, их нужно разбрасывать? — стала бранить падчаха жена.

— Сделанного не воротишь, но как возвратить деньги? — спросил жену падчах.

— Я знаю, как возвратить деньги, если ты послушаешь меня, — сказала жена. Позови его и спроси: «Самка была рыба или самец?» Если он скажет самка, то скажи, что хочешь самца, если скажет самец, то скажи, что хочешь самку.

Позвал падчах канта и спросил его:

— Эта рыба была самкой или самцом?

Кант ответил:

— Рыбка была не самкой и не самцом, а гермафродитом.

Довольный ответом, падчах подарил ему еще сто золотых монет.

По дороге кант обронил золотую монету и, не успела она коснуться земли, он ловко, словно обезьяна, подхватил ее.

— Можешь отдать ему все свое состояние, но он жадный человек, — сказала жена падчаха.

— В чем его жадность? — спросил падчах.

— Он с жадностью бросился поднимать оброненную монету, хотя имел двести золотых монет, — сказала жена.

Вновь призвал падчах канта:

— Я подарил тебе двести монет. Ты обронил одну и с жадностью бросился за ней.

— Будь любим богом, падчах; на этой монете с одной стороны твое изображение, а с другой твое имя., Я так быстро бросился за монетой не из жадности, а чтобы твой облик и твое имя не коснулись земли.

Падчах подарил канту еще сто золотых монет и напутствовал его добрыми словами. После этого падчах объявил в своих владениях:

— Тот, кто будет слушать жену, понесет тройной убыток.

58. Умная невестка

Опубл.: газ. «Сердало», 17.X.1964; перепеч.: ИФ, т. II, с. 55.

Записал А. У. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР.

Отец и сын были искусными строителями боевых и жилых башен. Они жили очень бедно. Однажды отец сказал сыну:

— Я постарел, приближается смерть. Я хочу, чтобы ты женился до моей смерти.

Сын согласился, и ему засватали девушку. После свадьбы старик сказал ему:

— Нам нужно на что-то жить. Мы бедные люди. Наймемся к богачу для строительства башни.

Взяли они с собой необходимые инструменты и отправились в дорогу. В пути отец сказал сыну:

— Кант, нам предстоит длинная дорога. Ты должен ее сократить.

Удивленный сын не понял отца и спросил:

— Как я могу это сделать? У меня не хватит сил.

— Тогда приведи мне коня, — сказал отец.

— Где же я возьму его? Ты же знаешь, что у нас нет коня, — ответил сын отцу.

— Тогда вернемся назад, сказал отец сыну и добавил: — Как придем, сразу разводись с женой.

Удивленный таким решением отца, сын подумал: «Наверное, мой отец сошел с ума, но я не пойду против его воли». И он развелся со своей женой.

Женился он вторично. После свадьбы отец сказал сыну:

— Пойдем наниматься на работу.

Ничего не говоря, сын собрал все необходимые инструменты, и они с отцом отправились. Как и прежде, отец сказал сыну, чтобы тот сократил дорогу или привел коня. И снова сын ответил, что не сможет этого сделать. Отец, наказал сыну, чтобы он дал развод и второй жене.

Так повторялось несколько раз.

«Окончательно, видно, сошел с ума мой отец», — с горечью раздумывал сын.

О просьбе отца он рассказал своей последней жене.

— Я объясню тебе просьбу отца. И она сказала: Когда отец попросит тебя сократить дорогу, ты займи его приятным разговором, тогда дорога покажется ему короткой. Когда он попросит тебя привести коня, ты подай ему посох он будет конем для старика.

После свадьбы отец и сын на второй день вновь отправились в путь. Как и раньше, отец попросил сына сократить дорогу. Сын стал занимать его приятными разговорами.

— А теперь приведи мне коня, — сказал отец.

Сын срубил ветку, сделал палку и подал ее отцу. Отец взял палку и сказал:

— Теперь, когда у тебя в доме умная жена, можно смело идти в любой край. Она настоящая жена.

Шли они, шли и пришли в край терлойцев[141]. Обратились она к князю с просьбой нанять их строить башню.

— Я заплачу вам положенную сумму, если вы построите мне пятиярусную башню.

Они условились о цене и приступили к работе. Во время постройкой башни отец сказал сыну:

— Пусть из волчьей норы щенок не выйдет, пусть из княжеской колыбели дитя не встанет,

есть такая пословица[142]. Я хорошо знаю этих князей. Только мы закончим кладку башни, князь задумает убить нас, чтобы не выплатить положенной суммы. Чтобы узнать намерения князя, ты должен познакомиться с его дочерью.

Сын старика был хорошо сложен и красив. При случае он заигрывал с дочерью князя, и очень ей понравился. Девушка дала ему понять, что готова выйти за него замуж.

Князь каждое утро и вечер приходил смотреть, как идет кладка башни.

Строительство продвигалось очень быстро. Башня поднималась все выше и выше. Для строительства башни камень возили на мулах с низины. Мулы настолько привыкли, что и без погонщиков привозили камни на вершину горы и после разгрузки сама возвращалась в низину.

Уже заканчивалась укладка башни, и дочь князя сказала сыну старика, что князь задумал их убить.

— Благодарю тебя за предупреждение. Ты не беспокойся. Окончим работу и сбежим, только ты об этом никому не говори, — сказал сын старика.

Как только дочь князя ушла, сын рассказал обо всем отцу. Тогда отец сказал:

— Со следующего дня мы должны верх башни укладывать вкось.

Вечером, как всегда, князь пришел посмотреть на строительство и, увидев, что вершина башни кладется криво, сказал об этом отцу и сыну.

Спустился старик с башни, обошел вокруг нее, взглянул вверх и сказал:

— Смотри, действительно, башня оказалась кривой. Чтобы выпрямить ее, необходимо принести из нашего дома рычаг.

Терлоевский князь послал своего сына и слугу в дом старика за рычагом. Старик сказал им:

— Вас встретит жена моего сына. Вы скажите ей, что мы живы и здоровы, и пусть она не беспокоится о нас. Верх башни, которую мы строим, искривился. Пусть она пришлет рычаг, которым выпрямляют башня. Пусть ворону отпустит из дому, а сокола до нашего возвращения держит взаперти, хорошо ухаживая за ним. Окончив работу, мы вернемся домой.

Приехал сын князя к невестке старика и передал ей поручение свекра. Невестка хорошо приняла обоих: зарезала трехлетнего барана, напоила, накормила и обещала завтра же отдать им рычаг. Затем она стала раздумывать над вестью, которую ей сообщала прибывшие.

«Нет такого рычага, который выпрямил бы кривые башни, да и в доме нет у меня ни ворона, ни сокола. Наверное, их постигло какое-нибудь горе», — думала она.

Собрала она родственников, обо всем им рассказала и передала смысл послания старика. Связали они спящего сына князя, а слугу отправили к князю, наказав ему: «Если ты не отдашь моему свекру и моему мужу положенную сумму и не отпустишь их живыми и невредимыми, не видать тебе своего сына. Если же все исполнишь, сын твой возвратится к тебе».

Слуга все рассказал князю. Разгневанный князь не находил себе места, но делать было нечего.

Сын с отцом выпрямили верх башни, получили с князя все сполна и вернулись домой. Когда они возвратились, то отпустили полоненного сына князя.

Отец и сын с умной женой стали жить в довольстве и согласии.

В сокращенном виде аналогичный вариант опубликован в записи чеченского писателя Х. Ошаева на чеченском языке под одноименным названием (ЧФ, т. И, с. 121).

«В старину жили отец и сын строители башен. Сын женился. Как-то они отправились в дорогу, и отец говорит сыну:

— Если ты не дашь мне копя и не укоротишь дорогу, то я не смогу пойти дальше.

— У меня нет коня, и я не в силах укоротить дорогу, — отвечал сын.

Они много раз возвращались домой.

Об этом узнала невестка, жена сына. Она подумала и дала совет своему мужу:

— Когда вы будете находиться в пути и отец твой устанет, положишь ему в чувяки солому это будет конем для твоего отца; в руки дашь ему посох и будешь вести хорошие разговоры они укоротят дорогу.

Муж так и поступил.

И очутились они в далеком краю и нанялись к одному богатому человеку построить башню за шестьдесят коров. Когда они заканчивали строительство башни, отец прослышал, что их хотят погубить. Тогда отец с сыном стали строить башню вкривь. Князь разгневался на строителей.

— У нас дома есть рычаг, которым можно выпрямить кривую башню. Надо послать за этим рычагом пять человек и сорок волов, сказал отец.

Эту просьбу князь выполнил. Когда эти пятеро прибыли на сорока волах за рычагом, невестка поняла, что муж и свекор попали в беду.

Она с односельчанами задержала четверых, а пятого отправила назад и сказала:

— Вот тебе, князь, рычаг, которым выпрямляют плохих людей».

59. Знаток языков[143]

Записала Х. Гайтукаева в 1976 г. на чеченском языке от Д. Ацаева. с. Итум-Кале ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Жил один человек со своей женой. Этот человек знал языка всех существ. Однажды его жена сушила на солнце пшеницу. На пшеницу уселись две птички. Одна из них быстро клевала верно, а другая сгребала. Сгребавшая птичка сказала клевавшей:

— Давай сгребай и ты. Сейчас пойдет дождь и пшеницу унесут, а собранная достанется нам.

Муж, знаток всех языков, улыбнулся.

Жена спрашивает:

— Почему ты смеешься, не надо мной ли?

Тогда муж говорит:

— Если я расскажу тебе об этом, меня постигнет смерть.

— Умри, но скажи, — ответила жена.

Муж согласился, но попросил пригласить родственников, чтобы сделать завещание, рассказать, почему он улыбнулся, и умереть.

У мужа были собака и петух. Петух захлопал крыльями и громко закукарекал. Тогда собака сказала петуху:

— Да умри ты! Чему радуешься? Видишь, наш хозяин собирается умирать.

Петух ответил собаке:

— Да ну его, разве это хозяин, разве он человек? Я нисколько его не жалею, раз он не может заставить слушаться свою жену. У меня пятьдесят жен, и я делаю с ними все, что желаю, одну гоняю, другую клюю… Если он не может управлять единственной женой, пусть умирает, мне его нисколько не жаль.

— Как же он должен поступить? Как же ему быть? Как справиться с ней? — спросила собака.

— Взял бы палку, да хорошенечко ее поколотил, тогда она не приставала бы к нему с расспросами.

Хозяин услышал этот разговор и начал палкой лупить жену.

— Все поняла, не рассказывай больше, не надо, — взмолилась жена и пулей вылетела со двора.

60. Сын отважной женщины

Записал А. О. Мальсагов в 1966 г. на чеченском языке от И. Ибрагимова, г. Грозный. Личный, архив А. О. Мальсагова.

К одному чеченцу прибыли в гости друзья, собиравшиеся в набег. Чеченец отправил с ними своего сына и наказал ему, чтобы он по возвращении предстал перед ним без единой царапины.

В дороге на сына чеченца набросился лев и ударом лапы сорвал с его ворота три веты[144]. Сын чеченца убил льва и без трех вет явился к отцу. Чеченец, несмотря на все просьбы гостей-друзей, решил предать единственного сына смерти. Недоумевавшим друзьям он рассказал следующее:

«Мной была засватана девушка. Но успел я на ней жениться, как убили моего брата. Я отложил свадьбу и отправился на поиски кровника, чтобы принести долг крови в свой дом. У аула кровинка я устроил засаду.

В это время ко мне подъехал какой-то всадник и, узнав, что меня заботит, предложил мне дружбу. Он предлагал свои услуги для убийства кровника, но я не давал согласия.

Он уехал в через некоторое время вернулся с головой кровника. Он открылся мне и снял с себя папаху. Это, оказывается, была засватанная мною девушка.

Как же сын, носящий мое имя и рожденный такой женщиной, мог допустить, чтобы лев сорвал с его ворота три веты?!»

61. Листья тополя

Записал А. О. Мальсагов в 1976 г. на чеченском языке от Д. Хубатва, с Урус-Мартан ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

В другой публикации речь идет не о листьях тополя, а о перекати-поле (см.: Ю. Бутягин. Легенды Чечни. В кн.: Товарищ Киров. М, 1955).

Два друга любили одну и ту же девушку. Девушка не могла сделать выбора между ними: и в силе, и в ловкости, и в отваге они были равны. Решили друзья, что девушку получит в жены тот, кто на всем скаку остановит коня ближе к краю пропасти.

Друг, копыта коня которого отпечатались на самом краю пропасти, получил девушку в жены.

Как-то возвращались друзья из набега. Холостой убил своего друга, у которого родился сын.

Умирая, тот сказал:

— Пусть листья серебристого тополя расскажут о моем убийце.

Прошло много лет. Сын его подрос и стал абреком[145].

Однажды сын и убийца отца повстречались где-то в далеком краю. Убийца не знал, что с ним едет сын его бывшего друга. Едут они и видят тополь. Когда они подъехали к нему, листья зашелестели, убийца засмеялся, а сын спросил, почему. И бывший друг отца рассказал:

— Некогда я убил человека, который, умирая, сказал: пусть листья серебристого тополя своим шелестом известят о его убийце. Я вспомнил об этом и засмеялся.

— Как долго я тебя искал, ты же убийца моего отца! — сказал сын и отомстил за кровь своего отца.

С тех пор листья серебристого тополя колышутся на ветру.

62. Выбор девушки

Записал М. Мальсагов в 1978 г. на ингушском языке от А. Гудиева, с. Алхасты ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

К одной девушке сватались два молодых человека. Один из них был богатый, другой бедный. Девушка не знала, кому из них отдать предпочтение. Переоделась она в мужскую одежду, оседлала коня и приехала во двор богатого жениха.

— Я прибыл из дальнего села и собираюсь в набег. Мне нужен товарищ, — сказала переодетая девушка богачу.

— Я не могу о тобой ехать, — ответил богач.

Тогда она поехала с этой же просьбой ко двору бедняка. Тот сразу согласился. Он оделся в чистую одежду и приготовился в дорогу. В пути переодетая девушка спросила бедняка:

— Почему ты перед дорогой надел чистую одежду?

— Неизвестно, останемся ли мы живыми, вернемся ли обратно. Поэтому я надел чистую одежду, чтобы достойно принять смерть.

Тогда девушка открыла свой секрет и сказала ему:

— Я хотела проверить, кто из вас мужественнее. Я выхожу за тебя замуж.

— Если девушка выходит за меня замуж, лишь проверив, насколько я мужествен, то я настолько горд, что не женюсь на ней, — ответил бедняк.

63. Умное решение девушки

Опубл.: ИФ, с. 76.
Записана на ингушском языке в 1931 г. от М. Гатиева, с, Ангушит ЧИАССР.

— Отец, обратилась дочь к отцу, как мне поступить: сделать то, что рано или поздно придется сделать, или то, что не будет иметь никакого значения?

— Конечно то, что рано или поздно придется сделать, — ответил отец. Зачем же делать то, что не имеет никакого значения?

В ту же ночь после этого разговора девушка убежала из дома и вышла замуж. Собрались утром родственники и решили ее вернуть. Отец остановил их:

— Не стоит ее возвращать. Она вышла замуж с моего согласия, спросив, как лучше поступить: сделать то, что необходимо, или то, что не будет иметь никакого значения. Как я ей сказал, так она и поступила.

64. Три похитителя

Записал С. Патиев в 1974 г. на ингушском языке от Е. Беркинхаевой, г. Назрань. Личный архив А. О. Мальсагова.

Одна вдова растила трех сыновей. Это были времена, когда полонили людей. Одинокого, беззащитного человека похищали, а зачем заставляли работать на себя или продавали.

На рассвете, когда все еще спали, вдова ходила за водой для своих сыновей.

Раз поутру несла она в глиняном кувшине воду, и ее схватили три похитителя. Говорит им вдова:

— Не уводите меня одну. Если вы меня уведете, то три моих сына Крепыш, Тепло и Умница умрут. Мне будет легче, если позволите мне взять сыновей.

Обрадовались похитители: вдова с тремя мальчиками большая удача для них. И отпустили они ее за сыновьями.

Зашла вдова в башню, быстро закрыла двери на засов и легла меж своих сыновей. Ждали ее похитители, ждали, и, вспомнив имена мальчиков, стали кричать:

— Ва, Крепыш, почему не выходишь?

Вдова отвечает:

— Крепко в башне на засове!

Второй раз кричат похитители:

— Ва, Тепло, почему не выходишь?

Вдова отвечает:

— Тепло мне среди своих сыновей.

В третий раз кричат грабители:

— Ва, Умница, почему не выходишь?

Вдова отвечает:

— Поумнела настолько, что только в полдень буду по воду ходить.

Время шло, соседи могли проснуться, и поэтому похитители ушли ни с чем.

Ср. аналогичный вариант, записанный А. О. Мальсаговым от Люли Мальсаговой.

Три имени

Возвращалась однажды вдова с водой, и повстречался ей на дороге мужчина.

— Пришел бы я к тебе на вечер, — сказал он вдове.

— Приходи вечером, — ответила вдова.

— Как же я кликну тебя?

— Три имени у меня: Теплышко, Холодишко и Умнишко.

Пришел он вечером и крикнул:

— Ва, Теплышко!

— Тепло мне меж своих детей.

— Ва, Холодишко!

— Холодно было бы, если осталась с тобой.

— Ва, Умнишко!

— Очень умно поступила, оставшись с сыновьями!

65. Бедняк

Опубл.: ИФ, т. II, с. 174.
Записал А. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

Жили-были муж и жена. Муж сеял лен, продавал его и этим кормил семью.

Однажды муж тайком от жены на вырученные деньги решил купить на базаре кое-что для хозяйства. Ничего путного он не нашел. Купил мясо, а оставшиеся деньги положил в шапку (в те времена карманов не было) и отправился домой. Орел увидел человека, на плече которого было мясо, бросился на него и вместе с мясом унес его шапку. Расстроенный вернулся бедняк домой.

На второй год бедняк решил не быть таким дураком и часть денег спрятал в кувшин с овсом, а с собой взял лишь несколько рублей и отправился на базар. Купил на базаре кое-что детишкам и возвратился домой.

— Смотри, мужчина[146], я продала кувшин овса (в нем были все его сбережения) за шарик серебра, — стала хвалиться жена.

Этот шарик попросил у них сосед для ловли рыбы. Они дали его соседу. Сосед наловил много рыбы, возвратил им шарик и дал две огромные рыбы.

Вечером жена бедняка разрезала рыбу и из нее выпал жемчуг, осветивший всю комнату.

— Вот будет хорошая свеча, — воскликнула она и повесила посреди комнаты.

Купцы, отправлявшиеся на базар, зашли к ним напиться воды, увидели жемчуг и спрашивают:

— Не продадите ли вы этот камень?

— Хозяина нет дома, а сама я ничего не могу решить, — сказала жена.

— Мы еще раз зайдем, поговорим с мужем, — сказали купцы.

Она все рассказала мужу.

— Что же нам дадут за этот камень, стоит ли его продавать? Цена ему стоимость нескольких свечей, ответил муж, не зная, что это жемчуг.

Жена сказала, что купцы очень просили продать им этот камень.

— Тогда запроси с них, шутя, тысячу червонцев, — сказал муж.

Пришли купцы, после долгих переговоров выложили тысячу червонцев и ушли.

— Смотри, смотри, сколько нам денег дали за этот камень, — радовалась жена.

— Это купцы хотят нас просто проверить. Не будем трогать эти деньги, — сказал муж.

Но купцы не возвращались.

Однажды муж отправился на охоту (он приобрел все необходимое для охоты). Когда он ходил по лесу в поисках дичи, то нашел свою шапку с деньгами, унесенную орлом. Взяв шапку, он решил возвратиться домой и увидел у одного лесника кувшин с овсом, который жена продала за маленький шарик серебра. Цена серебру была три копейки. Тогда он сказал леснику:

— Моя лошадь проголодалась, не продашь ли ты этот кувшин овса?

— Можешь взять и бесплатно, — сказал лесник, — не стоит торговаться из-за трех копеек.

— Нет, вот тебе стоимость кувшина, — сказал муж и, дав ему шарик серебра, взял кувшин с овсом, где были деньги.

Муж и жена стали жить счастливо.

66. Сын бедняка

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 20.
Записал И. Арсаханов на чеченском языке от В. Сулейманова, с. Хасав-Юрт ЧИАССР.

У одного бедняка был единственный сын. Перед смертью отец завещал:

— Смотри, сынок, никогда не нанимайся к безбородому. Все безбородые скряги и подлые люди.

После смерти отца сын отправился в одно село наниматься на работу.

Встречается ему безбородый и говорит:

— Что ты хочешь, юноша?

— Я пришел наниматься на работу, — ответил юноша.

— Я как раз ищу работника, поступай ко мне, — сказал безбородый.

— Нет, отец перед смертью показал мне не наниматься на работу к безбородому, — отказался юноша и отправился дальше.

Тогда безбородый переоделся и окольной дорогой встретил юношу.

— Что ты хочешь, юноша?

— Я пришел наниматься на работу, — ответил юноша.

— Я как раз ищу работника, поступай ко мне, — сказал безбородый.

— Нет, отец перед смертью завещал мне не наниматься на работу к безбородому, — отказался юноша и отправился дальше.

Безбородый снова переоделся и окольной дорогой встретил юношу.

— Что ты хочешь, юноша?

— Я пришел наниматься на работу, — ответил юноша.

— Я как раз ищу работника, поступай ко мне, — сказал безбородый.

— Неужели все жители этого села безбородые? — спросил удивленный юноша.

— Конечно, все безбородые, — ответил встречный.

— Ну тогда я нанимаюсь к тебе на работу. Как будешь оплачивать? — спросил юноша.

— Платить будет тот, кто первым обидится. Я же буду кормить тебя до тех пор, пока не затокует удод. Договорились? — спросил безбородый.

Юноша согласился и нанялся на работу. Как только они пришли, безбородый сказал юноше:

— Запряги волов в арбу, возьми с собой эту гончую и поезжай в лес за дровами. Ты должен ехать там, где пройдет эта гончая, — сказал безбородый.

— Хорошо, — согласился юноша.

Запряг сын бедняка волов, поехал в лес, нарубил дров, нагрузил ими арбу и поехал за гончей.

Приехал юноша домой. Гончая пролезла во двор через дыру под воротами.

— Вот проклятый кобель, — сказал юноша.

Распряг сын бедняка волов, изрубил их и арбу на мелкие куски и через дыру под воротами побросал во двор.

В это время вернулся безбородый, увидел это и закричал:

— Ты что делаешь? Ты что, с ума сошел?

— Проклятый кобель пролез через дыру под воротами, а я иду за ним, как ты наказал, — ответил юноша. Ты случайно не обиделся?

— Да ты ничего такого не сделал, чтобы я обижался на тебя, — ответил безбородый. Иди лучше огороди наш сад.

Прошло некоторое время, и безбородый пошел проверить работу юноши. А юноша насыпал

вокруг сада мякину.

— Что ты делаешь? Разве так огораживают сад? Я же сказал тебе сделать изгородь от скотины, — стал сердиться безбородый.

— Через эту изгородь не пройдет не только скотина, но и человек! Проверь, если не веришь! — сказал юноша.

Только безбородый стал проходить через мякину, юноша размахнулся и колом ударил его по ноге. Упал безбородый со сломанной ногой, а юноша спрашивает:

— Ну что, прошел?

После этого безбородый сказал матери:

— Этот юноша не даст нам покоя, нужно немедленно с ним рассчитаться. Ты залезь ночью на яблоню и затокуй удодом. Тогда мы скажем, что окончился срок его работы и рассчитаемся с ним.

Мать влезла на яблоню и в полночь затоковала удодом.

— Будь ты проклят, что ты раньше времени токуешь?! — крикнул спавший во дворе юноша, выстрелил в мать безбородого и убил ее наповал, думая, что это удод.

Тогда безбородый и его жена решили сбежать от юноши.

— Если мы не сбежим, он расправится с нами, — рассуждали они.

Приготовили они еду в дорогу, уложили в сундук свои вещи. Как только безбородый и его жена вышли из комнаты, юноша спрятался под вещами в сундук. Ночью безбородый и его жена взвалили сундук на осла и поехали.

Прошел день, наступила ночь. Остановились они на берегу реки, открыли сундук.

— Далеко ли мы от дома? — выглянул из сундука юноша.

— Откуда он взялся?! — удивились муж и жена.

Поужинали они вместе и легли спать на самом краю берега реки. Безбородый решил, что юноша уснул, и сказал жене:

— В середине ночи я ущипну тебя, а ты пихни его с берега в реку.

Юноша услышал этот разговор, подождал, пока они крепко уснут, перетащил мужа на свое место, а сам, перебравшись на сторону мужа, ущипнул его жену. Жена толкнула ногами мужа и тот полетел с высокого берега в реку.

Так сын бедняка переспорил безбородого, наказал его за подлость, полностью получил за свой труд и вернулся домой.

67. Гусь-падчах

Опубл.: ЧФ, т. II. с. 97.
Записал М. Кибиев на чеченском языке от неизвестного лица, с. Ведено ЧИАССР.

На ишаке в гости к своему другу в аул приехал один человек. Увидев его, муж сказал жене:

— Иди, жена, спрячь быстро гуся, что варится в котле, к нам едет гость.

Вбежала жена в дом, схватила котел с гусем и спрятала его под кроватью.

— Ассалам-алейкум! Гостем принимаете? — вошел гость.

— Ва алейкум-салам! Гостей примем, сколько бы их ни было! — встретил гостя хозяин.

Гость сразу приметил под кроватью котел, из которого валил аппетитный пар.

— Торопись, жена, брось в золу очага кукурузные лепешки, — сказал хозяин.

Жена пошла и через некоторое время принесла недопеченные лепешки из кукурузной муки.

Гость был недоволен таким приемом и думал: «К чему мне ваши лепешки? Вот гусь под кроватью прекрасная еда».

После скудного ужина все улеглись спать. Как только хозяева уснули, гость вытащил из-под кровати гуся, потихоньку вынес из комнаты и спрятал в свой кожаный мешок. Затем вернулся и лег спать как ни в чем не бывало. Утром хозяин сказал гостю:

— Давай расскажем друг другу о днях нашего рождения.

Хозяин рассказал о дне своего рождения и его жена рассказала.

— А теперь, гость, и ты расскажи о дне своего рождения.

— Я был очень маленьким, когда в одном шахаре восседал гусь-падчах. Тогда я еще ходил, держась за стенку.

Когда гость уехал, хозяин сказал жене:

— Пойди, жена, принеси нашего гуся из-под кровати. Съедим, пока никого постороннего нет.

Хозяйка не нашла под кроватью гуся, и тогда муж и жена поняли, на что намекал своим рассказом гость он унес гуся из-под кровати.

68. Бедняк и мудрец

Опубл;: ИФ, с. 36.
Записал Х. Осмиев на ингушском языке от Б. Осмиева, с. Галгай-Юрт ЧИАССР.

Как-то бедняк пошел на базар продавать быка. Подходит к длинному ряду магазинов, в которых продают мясо, и спрашивает у первого торгаша:

— Купи быка. Мне очень нужны деньги.

— О каком быке ты говоришь? У тебя же коза!

— Ты что, спятил? О какой козе говоришь? Разве ты не видишь, что это бык!

Махнул рукой бедняк и подошел ко второму торгашу.

— Что просишь за козу? — спросил торгаш.

— Или я с ума сошел, или они сошли! — удивился бедняк.

Предлагает бедняк третьему торгашу:

— Купишь быка?

— Это не бык, а коза.

— Ничего не поделаешь, сказал бедняк. Вы трое утверждаете, что это коза, а не бык. Придется обратиться к мудрецу.

И спросил бедняк у мудреца:

— Мы пришли с одним спорным вопросом. Дело в том, что они говорят про моего быка, что это коза. Ведь это же бык! А бык не может стать козой!

— Ты сам видишь, что это коза, а коза не может стать быком! — дал ответ мудрец.

— Ну что же поделать, если мой бык стал козой?! Сколько же стоит эта коза? — спросил бедняк у мудреца.

— Три рубля.

Бедняк продал торгашу за три рубля своего быка и попросил:

— Дай мне хвост этой козы.

Взял он три рубля, бычий хвост и отправился домой.

Через некоторое время мудрец заболел. Прослышал про это бедняк, сбрил усы и бороду, оделся в женское платье и отправился в село, в котором жил мудрец. Остановился он у соседа мудреца. И спрашивает его сосед:

— Что ты за женщина и чем занимаешься?

— Я занимаюсь врачеванием.

«Она может вылечить мудреца», — подумал сосед и отвел переодетого бедняка к мудрецу.

Осмотрел бедняк мудреца и говорит:

— Я вылечу тебя. Три для и три ночи буду лечить, но мое лекарство сильное. Три дня и три ночи ты должен терпеть. Если в эти три дня и три ночи ты вскрикнешь, будешь шуметь или кто-нибудь к нам войдет, мои лекарства тебе не помогут.

— Хорошо, я согласен, сказал мудрец, — измученный болезнью.

Ночью вошел бедняк к мудрецу и стал ласково говорить ему:

— Как ты себя чувствуешь, что у тебя болит?

— Злой недуг вселился в меня, боли меня мучают, — жаловался мудрец.

Тогда бедняк достал из кармана бычий хвост, показал его мудрецу и начал «лечение».

Хлыстнет его поперек спины бычьим хвостом и спрашивает:

— Разве это козлиный хвост? Разве это козлиный хвост?

Хлыстнет его поперек спины и спрашивает:

— Разве это не бычий хвост? Разве это не бычий хвост?
Три дня и три ночи проводил бедняк «лечение», а затем отправился восвояси.
Так он отомстил мудрецу за обман.

69. [Судья]

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 179.
Текст издан без паспортных данных и без заглавия.

В прежние времена жил в одном горлом ауле судья. Однажды к нему пришли два человека и попросили разобрать их дело.

Судья спросил их:

— Скажи-ка, истец, чего ты добиваешься?

Истец рассказал в чем дело.

— Честное слово, ты прав, истец, — сказал ему судья.

Тогда ответчик сказал ему, чего хочет он.

— Честное слово, и ты прав, ответчик, сказал ему судья.

В это время жена судьи, стоявшая позади него, сказала:

— Если ты оправдал их обоих, как же они разберутся в том, кто из них прав, кто виноват?

Судья сказал жене;

— Честное слово, жена, ты более права, чем они оба.

70. Вдовий сын

Записал И. А. Дахкильгов в 1972 г. на ингушском языке от М. Кулбужева, г. Грозный. Архив ЧИНИИИСФ.

По ту сторону Терека жил большой падчах, а по эту сторону малый падчах. Заржали подобные барсу прекрасные жеребцы малого падчаха на этом берегу, а на том берегу кобылицы большого падчаха ожеребились раньше срока. Не понравилось это большому падчаху и послал он малому падчаху железный лемех. А чтобы затеять ссору, он приказал передать:

— Из этого железного лемеха к следующей пятнице пусть сделают для моей шубы каракулевый воротник и пришлют его мне.

Малый падчах не хотел войны с большим падчахом. Он собрал всех людей своего края.

— Кто может сделать каракулевый воротник из железного лемеха? — спросил падчах.

— Мы не в силах этого сделать, ответили люди.

— Остался ли в моем краю кто-либо еще неопрошенным? — спросил падчах у своих приближенных.

— Остался вдовий сын, убивающий пальцем вшей, — ответили приближенные падчаха.

— Позовите его, — приказал падчах.

Пришли посланные к сыну вдовы и передали, что падчах велел явиться к нему.

— Мне не во что одеться. Не могу же я в таком виде предстать перед падчахом!

Одели его и привели к малому падчаху.

— Сможешь ли ты из железного лемеха сделать каракулевый воротник и передать его большому падчаху?

— Я сделаю из железного лемеха каракулевый воротник и передам его большому падчаху. Дайте мне этот лемех, семипудовый молот и мраморный камень, — сказал вдовий сын.

Дали ему все, что он просил, и отправили к большому падчаху. Вдовий сын перешел Терек и прибыл к большому падчаху, во дворе которого было семь волкодавов. Семипудовым молотом он убил всех собак. Тогда большой падчах поставил перед входом полную чашу воды.

Вдовий сын положил на воду соломинку и перешагнул через чашу. Поговорили они о том о сем, и спрашивает большой падчах:

— Почему ты убил моих волкодавов, ведь они тебе ничего плохого не сделали?

— Будь они прокляты! — сказал вдовий сын. Где они были, когда по ту сторону Терека волки растерзали мою отару овец?

— Откуда мои волкодавы могли знать, что творится на той стороне Терека? И растерзали ли волки твою отару овец?

Почему бы и не знать?! — сказал вдовий сын. Откуда могли знать жеребцы малого падчаха, что твои кобылицы ожеребятся раньше времени?

Нечего было возразить большому падчаху, и он спросил:

— Привес ли ты мне каракулевый воротник, сделанный из железного лемеха?

— Воротник я сделал, — сказал вдовий сын. Но чтобы его обшить по краям, у нас не оказалось белой нитки. Из этого мраморного камня сделай белую нитку, если хочешь получить каракулевый воротник.

— О чем ты говоришь? Разве из мраморного камня можно сделать нитки? — удивился падчах.

— Почему бы и нет? Если из железного лемеха можно сделать каракулевый воротник, то почему нельзя из мраморного камня сделать белые нитки?

И снова падчаху нечего было возразить.

— Почему при входе ты положил соломинку и перешагнул через нее? Что это означало?

— Ты хотел сказать, что у тебя так много ума, как воды в этой чаше. Я бросил соломинку и перешел. Это означало, что через таких падчахов, как ты, я перебрасываю мосты.

И снова побежденным оказался большой падчах.

Вдовий сын возвратился на свой берег. За свою находчивость он получил от малого падчаха много подарков и стал жить счастливо.

71. Курдюк[147]

Опубл.: ИФ, т. II, с. 258.
Записал Х. Гайтукиев на ингушском языке от неизвестного лица, г. Назрань ЧИАССР.

Давно, очень давно в одном ауле жили в дружбе и согласии три друга-вора Шахсайт, Шамран и Шахран. Единственным их занятием было воровство.

Долго ли, коротко ли это продолжалось, но вздумал самый старший из них, Шахсайт, жениться. И говорит он своим друзьям:

— В возрасте я, хочу жениться, иметь детей, да и изрядно надоела мне воровская жизнь.

Прошло некоторое время. Соскучились Шахран и Шамран по Шахсайту и в один прекрасный день отправились к нему. В этот день Шахсайта не было дома. Во дворе их встретила его молодая хозяйка.

Поздоровалась с ними, справилась о здоровье, расседлала коней и пригласила Шахрана и Шамрана в дом.

— Как житье-бытье? Что нового у вас? — в свою очередь, поинтересовались Шамран и Шахран у жены Шахсайта.

Женщина ответила им, накрыла для гостей стол, поставив, перед ними чурек и прокисшую простоквашу. Слишком скудной показалась гостям еда, особенно когда они увидели бараний курдюк, который висел на потолке у печки. Они ели кислятину и все чаще поглядывали на курдюк. Поблагодарив хозяйку за угощение, Шамран и Шахран покинули двор Шахсайта. Они остались недовольны приемом, и в отместку за жадность молодой женщины решили похитить лакомый курдюк.

Вечером, после заката солнца, возвратился из лесу Шахсайт. Он распряг арбу, накормил-напоил коня и зашел в дом. Его взгляд упал на лежащие посреди избы окурки цигарок. Спросил он жену:

— У нас был кто-нибудь в гостях?

— Приходили двое, ответила жена, представились твоими друзьями, Шахраном и Шамраном.

— И чем ты накормила их?

— Горячим чуреком и прокисшей простоквашей.

— А они ничего не говорили?

— Один сказал: «Видишь?», а другой ответил: «Сегодня ночью».

— Тогда постарайся спрятать как можно подальше этот курдюк, иначе они непременно украдут его. А прийти за ним они обязательно придут. Не смогут они устоять перед таким соблазном.

— Ладно, человек, — сказала жена и положила курдюк в сундук, ключи от которого спрятала в свои шаровары.

В полночь, когда Шахсайт с женой уже спали, пришли воры за курдюком. Кинжалом сорвали крючок, открыли дверь, на цыпочках подошли к печке, но, сколько они ни шарили, курдюка не обнаружили. Словно кошка, подкрался Шахран к постели и голосом Шахсайта проговорил:

— Ты надежно спрятала наш курдюк?

— Боже мой, дай же мне выспаться как следует. Я спрятала курдюк в сундук, а ключи привязала к учкуру[148] шаровар, — ответила жена спросонок.

Шахран взял ключи, открыл сундук, вытащил курдюк, и воры быстро покинули дом бывшего друга.

Проснулся вскоре Шахсайт и спросил жену:

— Ты в надежном месте спрятала курдюк?

— Послушай, что ты все переспрашиваешь меня? Я же сказала тебе, что спрятала в сундук, а ключ привязала к учкуру шаровар, — ответила недовольная жена.

«Что-то тут неладное, я ведь ее ни разу не спрашивал», — подумал Шахсайт и сказал об этом жене.

Тогда они быстро вскочили, подбежали к сундуку, но курдюка в нем не оказалось.

Наспех одевшись, Шахсайт бросился в погоню за ворами-друзьями. Он догнал друзей и стал прислушиваться к их разговору. Шахран, державший в руке курдюк, попросил Шамрана:

— Подержи курдюк, пока я отойду в сторону.

Ночь была темная, ничего вокруг не видно.

И как только Шахран ушел, Шахсайт подошел к Шамрану и промолвил:

— Давай теперь.

Как только курдюк оказался в руках Шахсайта, он поспешил домой. А Шахран, догнав Шамрана, скааал:

— Давай теперь курдюк!

— Э-э, разве я тебе его не отдал? — спросил в недоумении Шамран. Выходит, курдюк я отдал Шахсайту. Он перехитрил нас.

И они решили перехитрить Шахсайта и вновь завладеть курдюком. Обвязав голову нижней рубашкой, чтобы Шахсайт принял его за свою жену, Шамран обогнал Шахсайта и стал дожидаться его во дворе. Ждать пришлось недолго. Во двор вошел радостный Шахсайт и отдал курдюк Шамрану, думая, что отдает жене:

— Теперь надежно спрячь его.

Заходит Шахсайт в дом, а жена его сидит озабоченная.

— Разве не ты была сейчас во дворе? Клянусь аллахом, снова они его утащили, — сказал он и отправился вдогонку за курдюком.

Снова догнал Шахсайт своих друзей-воров и подслушал, что добычу друзья решили делить в солнечном могильнике[149].

Прибежав к могильнику раньше Шамрана и Шахрана, Шахсайт разделся догола, лег и стал ждать. Следом прибежали воры, чтобы разделить свою добычу. У окна могильника стояла свеча, которую воры не знали, где поставить.

— Давай поставим свечу на лоб покойника, — предложил Шахран.

— Неужели вы не дадите отдохнуть мне и после смерти? — воскликнул Шахсайт.

Испуганные Шамран и Шахран бросились наутек. А Шахсайт взял курдюк и пришел домой. На этот раз он разрезал курдюк на куски и закинул в котел, который был подвешен на цепи очага[150].

Жене он наказал, сидя у кипящего котла:

— Послушай, быстро сделай галушки и закинь их в котел!

А сам пошел делать намаз.

Шамран и Шахран пришли к Шахсайту и стали подслушивать. Они поняли, что курдюк вновь у Шахсайта.

Друзья-воры взобрались на крышу и через дымовое отверстие с помощью длинной палки вытащили из котла все куски курдюка. Жена тем временем закончила месить тесто и покидала галушки в котел. Когда она стала вытаскивать галушки, то курдюка в нем не оказалось, и жена спросила мужа:

— Эй, человек, послушай, а курдюка в котле нет, хотя бульон оказался жирным.

Муж не поверил жене и сам заглянул в котел. Убедившись, что курдюка в котле нет, он сказал:

— Пусть впрок вы будет этот курдюк! Надо было их угостить еще в первый приход!

Услышав это, сидевшие на крыше воры спустились в комнату Шахсайта, и все вместе с удовольствием поели злополучный курдюк.

72. Вор Малсаг и храбрец Малсаг

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от З. Цурова, с. Джайрах ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Отважней всех на свете был храбрец Малсаг. Очень искусно обкрадывал богачей вор Малсаг. Стали они друзьями.

В то время жил один богатый князь. Башня его была полна золота и серебра. Повадились друзья в башню князя. Ночью подкатывали они к ней цара-цуру[151], поднимали крышу, вор Малсаг спускался за золотом, а храбрец Малсаг стоял в дозоре. Так им удалось несколько раз поживиться княжеским золотом и серебром.

Видит князь, что его богатство с каждым днем уменьшается. Решил он узнать, кто и как ворует его, и обратился к мудрецу:

— Окна и двери моей башни целы, а золото и серебро из башни исчезают. Как изловить этих воров?

— Поставь в башне котел с растопленным клеем, и вор попадется в него, — дал совет мудрец.

Князь так и поступил.

Только вор Малсаг спустился в башню, как попал в котел с клеем и завяз в нем. Долго ожидал его храбрец Малсаг, затем вошел в башню и спросил:

— Что ты так долго по выходишь?

— Нет мне теперь спасения, — сказал вор Малсаг. — Я увяз в клее. Придется расстаться с этим миром.

Ничем не мог помочь Малсаг своему другу.

— Жить на этом свете мне осталось лишь до утра, — сказал вор Малсаг. Перед рассветом снесут мне голову, а тебя, моего друга, убьют. Пусть моя кровь будет тебе впрок. Чем позволять это людям князя, лучше сам снеси мне голову.

Не мог храбрец Малсаг снести голову своему другу. Всячески стал упрашивать своего друга вор Малсаг. Пришлось храбрецу Малсагу снести ему голову. С большими почестями похоронил он голову своего друга.

Осмотрел князь башню и увидел в котле с клеем туловище человека без головы.

Опять обратился князь к мудрецу, а тот посоветовал:

— Привяжи тело вора к крупу его белого коня и отпусти вместе со своими людьми. Конь остановится у ворот его друга.

Князь так и поступил.

Конь с телом вора Малсага остановился у ворот храбреца Малсага. Храбрец Малсаг выскочил, догнал сопровождавших коня людей и посадил их в яму. Затем прирезал белого скакуна, а мясо спрятал в доме.

С большими почестями похоронил храбрец Малсаг тело друга в том месте, где похоронил его голову.

Опять обратился князь к мудрецу:

— Снова, мудрец, из твоей затеи ничего не вышло. Нет теперь ни тела покойного, ни его коня, нет и моих верных людей. Исчезли они, будто в небо взлетели или в землю ушли.

— Ничего, — сказал мудрец, видно, это хитрые воры. Распусти слух, что твой сын умрет, если не поест мясо того белого скакуна. На поиски этого мяса отправь хитроумную гам, она

приведет тебя к дому вора.

Исполнил князь совет мудреца. Отправилась гам со двора во двор и, оказавшись во дворе Малсага, рассказала его жене, зачем она пришла.

Жена храбреца Малсага ничего не знала про дела мужа. Из жалости к сыну князя она дала гам мясо белого коня. Входит к себе во двор храбрец Малсаг и видит уходящую с его двора женщину. От своей жены он узнал, что она уносит мясо белого коня. Он понял, в чем дело, догнал гам и ее тоже посадил в яму.

Опять замысел мудреца на удался.

Снова обратился князь к мудрецу:

— Мы все равно их перехитрим, — сказал мудрец. — Собери людей своего края и хорошенько угости их. Пусть твоя дочь выйдет к гостям. Этот вор отчаянный человек. Твоя дочь должна угостить его чашей вина и соблазнить.

Князь устроил пир, созвал мужчин в женщин своего края, выпустил к ним свою дочь. Трижды прошла меж столами дочь князя и наконец подала чашу с вином храбрецу Малсагу. К этому времени многие гости уже захмелели. Эту ночь, пользуясь замешательством, храбрец Малсаг провел с дочерью князя. Когда он заснул, дочь князя, по наущению отца, отрезала у него ус.

Храбрец Малсаг имел привычку просыпаться на рассвете. Видит он, что один ус у него отрезан. Поднял оброненные дочерью князя ножницы и отрезал у спящих гостей по одному усу. Князь установил у выхода чурбак и поставил человека с топором в руках. Все мужчины оказались без одного уса не мог же князь казнить их всех.

Снова обратился князь к мудрецу:

— Мне надоело все это! Когда же мы наконец изловим этого вора?! Он еще и ночь провел с моем дочерью.

— Не спеши, матерый волк бывает хитер. Видно этот вор из таких людей. Будем ждать, когда у твоей дочери родится сын. Как только сын подрастет, созовешь всех людей края, в пусть сын с чашей в руках обойдет их. Он узнает своего отца. Вором будет тот, кому твой внук протянет чашу с вином.

Дочь князя родила мальчика. Он был отчаянным мальчиком. Хоть глаз ему выколи не отступит от своего. Князь, по совету мудреца, собрал людей своего края. С чашей вина стал ходить мальчик между гостями, среди которых выделялся Малсаг. Наконец мальчик подошел к нему и поднес чашу с вином. Люди князя схватили храбреца Малсага. Стали судить-рядить, какую смерть ему выбрать. Некоторые советовали сжечь его на костре, другие утопить, третьи что-то худшее. Сын сказал:

— Пока я жив, не убьете моего отца!

— И его вместе с отцом надо отправить на тот свет! — советовали люди.

— Тогда я тоже умру там, где умрет мой сын! — воскликнула дочь князя.

Полное замешательство было в доме князя. И тогда он сказал:

— Долго я искал жениха своей дочери. Отважнее этого вора я никого не встречал, поэтому благословляю свою дочь.

И началась большая свадьба.

Храбрец Малсаг выпустил из ямы схваченных им людей, на могиле своего друга-вора Малсага установил памятник и стал счастливо жить с дочерью князя и со своим сыном.

73. Как Уми стал «шейхом»

Опубл.: ИФ. с. 18.
Записал Х. Осмиев на ингушском языке от В. Олигова, с. Каттышево ЧИАССР.

В старину, много лет тому назад, жили три друга-вора: Уми, Хампус и Ажи. Не везло им в воровстве всякий раз они попадались и несли двойной убыток. Пришлось им убраться из села.

Вырыли они за селом землянку и со своими горестями и радостями стали в ней жить. У них не было дохода и хозяйства, и часто они задумывались, как бы им устроить жизнь полегче.

— Мне пришла в голову одна хорошая мысль, — сказал как-то Хампус.

— Что за мысль? Расскажи нам, — пристали к нему товарищи.

— Размышляя о нашем житье-бытье, я решил, что самый лучший выход для нас, если ты, Уми, станешь шейхом, — сообщил Хампус.

— Да разве я могу быть шейхом? Что ты говоришь? — растерялся Уми.

Ажи глубокомысленно молчал.

— Сможешь, — стал убеждать Хампус Уми. — Что ты должен делать, я тебе подробно объясню. Завтра ты должен пойти в аул на пхегату и объяснить, что ты все знаешь, ибо недавно стал шейхом.

Уми послушался товарища.

На вторую ночь Хампус и Ажи украли у одного человека корову. Поставили ее в лесу и возвратились в свою землянку.

Утрем потерявшие корову люди встретили Уми. Он шел, опустив голову.

— Вот случай, — обратились они к Уми, — проверить, что ты за шейх. Вчера у нас увели корову. Если ты назовешь виновника или скажешь, где находится корова, мы поверим, что ты настоящий шейх.

— Хорошо, — казал Уми, не отрывая взгляда от земли. — Что вы дадите мне, если я скажу вам, где корова?

— А сколько ты запросишь? — спросили потерпевшие.

— Тридцать рублей.

Потерпевшие согласились.

— Тогда вечером приходите с тридцатью рублями, — сказал Уми.

Вечером, когда они пришли, Уми взял деньги и назвал место, где стоит корова (об этом Уми узнал у своих друзей). Потерпевшие пошли туда и действительно нашли там корову. «Шейхство» Уми утвердилось.

На следующий день Хампус и Ажи увели лошадь, поставили ее в лощине и на рассвете прибыли домой. Они назвали «шейху» место, где спрятана лошадь.

Утром чуть свет «шейх» стал прохаживаться по улице, опустив глаза в землю. К нему обратились хозяева лошади:

— Ты нашел корову, — сказали они, — ибо тебе это предопределено богом. Вчера пропала наша лошадь. Поведал бы ты нам о ее судьбе.

— Приходите вечером, — сказал Уми, — с тридцатью рублями, а пока я должен почитать Коран. Если она под этим небом, то я ее обязательно найду. Не сомневайтесь.

— Наверняка, мы получим вечером тридцать рублей, — шутил со своими друзьями Уми-«шейх».

Вечером прибыли хозяева с тридцатью рублями. Уми вначале взял деньги и лишь потом сказал, где находится украденная лошадь.

Потерпевшие нашли лошадь на указанном месте, в лощине.

На третью ночь Хампус и Ажи украли буйвола. Поставили его в овраге и рассказала об этом своему другу.

Утром Уми стал прохаживаться по аулу. После того как он узнал судьбу пропавшей лошади и коровы, молва о нем быстро распространилась. И вот хозяева буйвола прибыли к «шейху» с просьбой найти его.

— Ты знаешь многое, тебе сам бог предопределил такую судьбу, — сказали хозяева буйвола. — У нас вчера исчез буйвол. Направил бы ты нас на правильный путь. Мы слышали, какую пользу получает от тебя народ.

— Мне придется много потрудиться, чтобы докопаться до истины, — сказал Уми, — но ради самого бога я приму этот труд на себя. Мы узнаем, где находится буйвол. Приходите вечером с тридцатью рублями.

Довольные обхождением «шейха», хозяева буйвола отправились домой, чтобы прийти вечером с деньгами, а Уми с друзьями, радуясь, что теперь им стало чаще перепадать, просидели до вечера в ожидании хозяев буйвола.

Вечером те пришла к «шейху», чтобы он указал им, где искать буйвола.

— Деньги с вами? — спросил Уми.

— Да, да, — сказал хозяин буйвола и выложил деньги. Взяв деньги, Уми указал им местонахождение буйвола (о чем заранее узнал от своих друзей).

Пошли хозяева буйвола в овраг и нашли там буйвола. Они, довольные, отправились домой с буйволом, а Уми с деньгами остался дома.

К имени Уми теперь стали добавлять «шейх». Деньги полились рекой, чему друзья были несказанно рады.

Так они поступали множество раз, добиваясь через своего «шейха» больших подачек.

И вот у одного падчаха нежданно-негаданно украли деньги. Падчах собрал всех своих людей и объявил:

— Люди, у меня украли деньги. Если вы не поможете мне найти вора, я наложу на вас подать на длительное время.

Тогда люди попросили падчаха:

— Не облагай нас такой податью, есть в нашем крае шейх по имени Уми, который находит подобные пропажи. Пусть он укажет тебе вора.

Немного подумав, падчах приказал позвать Уми.

— Или ты погибнешь, или найдешь мне человека, который украл мои деньги. Выбирай одно из двух, приказал он Уми.

— Трудную задачу возложил ты на меня, над этим надо долго думать, — ответил Уми. — Ты должен на распутье трех дорог выстроить три башни, а затем разрешить мне переночевать в каждой из них, тогда я дам ответ.

Падчах согласился и дал указание на распутье трех дорог быстро построить три башни. Чуть живым возвратился Уми домой и стал ругать своих товарищей, причитать и горько плакать.

— Что мне делать? Как мне поступить? Обманным путем вы навязали мне это незнакомое дело. И теперь я погибаю!

Вскоре падчах призвал Уми. Горьким было расставание с товарищами. И вот посадили его в одну башню, принесли много еды и питья. Не притронувшись к еде и питью, не сомкнув глав, провел беспокойную ночь Уми.

Утром посланники падчаха спросили его:

— Узнал ли ты что-либо?

— Ничего пока не узнал, — жалостливо ответил Уми.

Ничего не поев, провел и второй день Уми, и ночью его перевели в другую башню, в которой также было много еды и питья.

Вторую ночь он провел так же, как и первую, ничего не ел, не пил, и сердце его сжималось от страха. Утром посланники падчаха спросили его:

— Узнал ли ты что-нибудь?

— Ничего я пока не узнал, — дрожащим голосом ответил Уми.

Потеряв интерес к жизни, провел этот день Уми. На третью ночь его перевели в третью башню, где также еды и питья было в изобилии.

— Завтра меня так или иначе убьют, — раздумывал Уми и никак не мог уснуть.

В полночь он услышал стук и слова: «Можно войти?» Уми разрешил, и в башню вошел солдат с ружьем через плечо. Уми был удивлен таким визитом. А солдат быстро подошел к нему.

— Извини, пожалуйста, шейх, — произнес он и бросился в ноги Уми. — Эти деньги украл я. Двадцать лет я служу этому падчаху и собирался отправиться домой. Чтобы не прийти домой с пустыми руками, украл я эти деньги. Через две недели я уезжаю. Я их подложил под амбар, чтобы через две недели взять. Пожалуйста, прошу, не выдавай меня… не говори об этом падчаху, — стал молить солдат.

— Я надеялся, что ты придешь, и поэтому не выдавал тебя. Хорошо, что ты пришел, утром я должен был бы рассказать о тебе. Теперь ты не сомневайся падчах не узнает, что деньги украл ты.

Став на колени, солдат поблагодарил «шейха» и ушел. Как человек в знойный день глотнувший воды, свободно вздохнул Уми. Он плотно-плотно поел, выпил и крепко заснул. Утром прибыли посланники падчаха и постучали в дверь.

— Убирайтесь! Что за шум вы подняли? Я еще не выспался, — накричал на них Уми.

Стуки стихли.

«Шейх» не спеша встал и вышел. Подходят к нему посланники падчаха и спрашивают:

— Узнал ли ты что-нибудь?

— Пойдемте к падчаху, — сказал он посланникам, не ответив на их вопрос.

И вот пришли они к падчаху.

— Ну как твои дела? Узнал ли ты что-нибудь? — спросил падчах.

— Узнал, ответил «шейх», — но если ты не удовлетворишь три мои просьбы, я тебе ничего не скажу.

— Проси, сказал падчах.

— Моя первая просьба: если с тобой еще раз случится подобное, никогда ко мне не обращайся. Моя вторая просьба: если я тебе укажу, где деньги, не выпытывай у меня имени вора. Моя третья просьба: из украденных денег ровно половину отдай мне.

— Даю тебе слово исполнить твои просьбы.

Падчах собрал всех своих людей и сказал:

— Если кто-нибудь из вас задумает что-либо затеять против меня, знайте, что эта затея выйдет наружу. Как открылось все сегодня, так откроется и позже. Иди, мой Уми, принеси мне деньги.

Тогда Уми, а за ним весь народ направились к амбару. Взяли из-под него мешочек с деньгами и пошли к падчаху. Падчах сказал:

— Я все эти деньги отдаю шейху. Я не дорожу деньгами.

И он протянул мешочек с деньгами Уми.

Уми взял от падчаха деньги, поблагодарил его и направился домой.

Входит он в дом, а его товарищи горько плачут по нем, причитают:

— Так, так, — сказал Уми. — Если эти деньги даже медные, то и тогда мы не бедняки, но, если, к нашему счастью, они золотые, тогда нам за всю жизнь не придется палец о палец ударить. Пожалуйте, — сказал он и бросил мешочек на стол перед друзьями.

— Э-э-э! Не сон ли это? — в изумлении воскликнули они. — В мешочке все деньги оказались золотыми.

— Так, так, — сказал тогда Уми. — Теперь мы богачи и вы должны снять с меня сан «шейха», ибо это очень опасно.

Уми был дородный мужчина средних лет. Ажи говорил мало и был недалекого ума, но в воровстве всегда опережал всех, а Хампус был гораздо умнее и искусен на всякие выдумки, и разные хитрости.

— Хорошо, — говорит Хампус своему другу Уми, — я знаю, как с тебя снять сан шейха. В пятницу мы пойдем в мечеть и я скажу мулле: «Как это ты позволяешь себе во время молитвы стоять спиной к шейху?» Тогда мулла уступит тебе свое месте. Ты сразу же придвинься вперед…

Большой хитрец был Хампус.

— Ты станешь перед людьми и произнесешь молитву, сказал далее Хампус. Когда будешь опускать поднятые руки, громко произнеси «Аллаху акбар»[152]. Затем, наклонившись, опять громко прочтешь бисмилах[153] и немного выждешь. Затем громко произнесешь два-три раза «Аллаху акбар». Как колосья пшеницы, поваленные ветром, все люди наклонятся. Тогда ты подними голову и крикни: «Ой-ой-ой! Выбегайте скорее! Крыша мечети обваливается на нас!» И сам беги. Все люди, нарушив молитву, бросятся вон из мечети следом за тобой. А крыша мечети, конечно, не обвалится. И люди поймут, что ты за шейх. Тогда сан шейха будет с тебя снят.

Подумали они и приняли предложение Хампуса. До пятницы следом за Хампусом выучил Уми слова и ритуал молитвы. Настала пятница, они отправились в мечеть.

Уми поступил так, как ему советовал Хампус.

После крика: «Ой-ой-ой! Выбегайте скорее! Крыша мечети обваливается на нас!» все бросились к выходу. Каждый хотел остаться в живых, поэтому лезли на стены, в окна и двери. В большой мечети творился содом. Только люди успели выскочить, как старая крыша мечети с треском обвалилась.

— Если все наши слова сбываются, то мне кажется, Уми, что тебе стоит оставаться шейхом, — сказал Хампус, когда они возвратились в землянку.

Так Уми и остался «шейхом».

74. Как обманули сармака

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 133.
Записал И Арсаханов на чеченском языке от неизвестного лица, о. Хасав-Юрт ЧИАССР.

Отец не пожелает плохого сыну.

У одного отца было трое сыновей. Отец перед смертью дал сыновьям совет:

— Из нашего края ведут три дороги. Никогда не ходите по старой дороге.

Отец умер.

Прошло время, и однажды на этой дороге оказался старший из сыновей. «Посмотрю я, куда ведет эта дорога», решил он. Повстречался ему сармак и спрашивает:

— Ты что делаешь, кант? Куда путь держишь?

— Я брожу просто так. Наш отец перед смертью завещал нам не ходить по этой дороге. Я решил проверить, почему он так сказал, — ответил сын.

— Ты не поверил отцу, нарушил его завещание! Так я скажу тебе, что здесь есть: если ты не споешь лучше меня песню, не жди от меня пощады! Можешь спеть песню? — спросил сармак.

Когда кант сказал, что не умеет петь, сармак съел его.

Однажды решил пойти по старой дороге и второй брат. И у него сармак спросил:

— Можешь ли ты спеть песню?

Когда юноша ответил, что не может, сармак съел и его.

Искать пропавших братьев отправился третий, самый младший брат. Пошел и он по запретной дороге и повстречал сармака, который поставил условие:

— Если ты не превзойдешь меня в исполнении песен или в рассказывании сказок, то не жди от меня пощады.

— Хорошо, я расскажу тебе сказку, — сказал младший брат, — но при условии, чтобы мы не перебивали друг друга, пока сказка не завершится. Но если кто из нас двоих вмешается, тот и проиграл. Если я одержу победу, ты вернешь мне братьев.

Сармак согласился, и младший брат начал рассказывать:

«В прошлом году на обледенелом море я пас табун коней. Когда они насытились зеленой травой, их надо было напоить. Я стал рубить топором девятиаршинный толстый лед, но из этого ничего не получалось. Тогда я поджег топорище, чтобы лед растаял. Загоревшееся топорище проделало отверстие во льду, топор упал в море, а топорище осталось. Посмотрел я по сторонам, чтобы найти во что бы набрать воды, но ничего подходящего вокруг не оказалось. Я сорвал свою черепную коробку, набрал в нее воды и напоил коней.

Вечером, когда похолодало, я погнал коней на небо, чтобы переночевать на тучах. Через некоторое время чувствую на голове нет черепной коробки.

„Ой, что это такое?“ — подумал я.

Бегом прибежал обратно к обледенелому морю и вижу в моей черепной коробке свила себе гнездо перепелка и сидит в нем.

Схватил я перепелку, надел черепную коробку, уселся на перепелку и прилетел к табуну своих коней на тучи. Убил я перепелку, развел костер, сделал семьсот вертелов, и, когда на вертелах поджаривалось мясо перепелки, с одного вертела, словно из ручья, полилось масло.

Этот запах масла учуял ты, сармак, и подставил морду под струю масла».

— Где я был? Когда я был? — вскочил сармак, забыв об их уговоре.

— Вах-вах-вах! — покатился с хохоту младший брат. Ты проиграл, ты проиграл! Ты нарушил наше условие, отдавай моих братьев!

Мудрый младший брат вернул своих двух старших и часто попрекал их:
— Так случается с теми, кто идет против воли отца!
Братья больше не ходили по старой дороге.

75. Три брата и сармак

Записала К. Осканова в 1978 г. на ингушском языке от А. Евлоева, с. Яндырка ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Давным-давно жили три брата. В наследство от отца им достались седельце, уздечка и шубенка. На этом седельце старший брат отправился на поиски счастья. А в дороге он встретил сармака.

— Ты умеешь петь песни? — спросил сармак.

— Нет, не умею, — ответил старший брат.

— Умеешь танцевать?

— Нет, не умею.

— Тогда ты не годишься для жизни!

И сармак съел его.

Отправился на поиски своего счастья второй брат. И его постигла участь старшего.

Вышел младший брат в шубенке на поиски своего счастья. Встретил он сармака, спел ему песню, станцевал. А затем стал рассказывать сказку, предупредив, чтобы во время рассказа сармак не перебивал его, иначе он проиграет.

«Давным-давно, еще до рождения моего отца, я пас табун черкесских коней. Стоял жаркий день. Я погнал копей на речку, а она замерзла. „Что же мне делать?“ — стал думать я.

Ударил я топором о лед. Топор мой провалился, а топорище осталось в руках. Тогда я зажег спичку. Сгорел и лед и топор, только топорище осталось. „Что же мне теперь делать?“ — раздумывал я и решил сделать из топорища арбу.

Запряг я двух лошадей, а арба с места не трогается. Запряг еще двух ни с места. Припряг еще двух ни с места. Тогда я поймал двух муравьев одного вайнахского, другого русского с огромными гривами. Не успел я их запрячь, как они взбежали с арбой на гору и спустились с горы. И так через несколько гор перебросили меня, а там русский муравей приостановился. Я решил прикончить его ударом палки. После этого вокруг меня образовалась вода. Я очутился среди воды. Сижу я посреди воды и думаю: „Как мне отсюда выбраться?“

Гляжу и вижу: лежит скошенная трава. Спустился я с поверхности воды, подложил эту траву и думал на нее спрыгнуть».

— Зачем ты снова подымался, если один раз спустился? — спросил сармак.

— Больше мне не о чем с тобой говорить. Возвращай моих братьев, — прервал разговор младший брат.

Забрал он своих старших братьев и вернулся домой.

76. Небылица

Опубл.: ИФ, с. 60.
Записана на ингушском языке от Т. Кулбужева, с. Долаково ЧИАССР.

Жили-были три брата. У них был дом без окон и дверей, двор зарос бурьяном. И не было к нему ни тропы, ни дороги. Ничего у них не было, кроме кхизг[154] без дна, изъеденного молью. Дунет в окно ветер они трое станут вокруг кхизг и перенесут ее к дверям, дунет ветер в двери перенесут к окну.

— Мы затрачиваем много труда. Если подсчитать наши усилия, то за эту кхизг дадут большую сумму денег. Надо ее срочно продать, — предложил старший брат.

Младший брат согласился. И продавать кхизг отправил старшего брата.

Взял старший брат кхизг и отправился в дорогу. Шел он, шел и очутился в далеком краю. Около одного селения встретил он гарбаш.

— Умеешь ли ты танцевать? Умеешь ли петь песни? Умеешь ли рассказывать небылицы? — спросила она.

На все вопросы он ответил «нет». Тогда гарбаш решила: «От тебя живого пользы мало» и проглотила его.

С большой выручкой ждали его братья день, ждали второй, ждали неделю. И решили они отправить вслед второго брата. Отправился второй брат и повстречался с гарбаш. Она задала ему те же вопросы, и он так же ответил на них. Его постигла участь старшего брата.

Долгое время ждал их младший брат, которого они считали глупцом.

«Пожалуй, они хотят лишить меня доли от большой выручки и поэтому, быть может, стили жить где-нибудь в другом месте», — подумал младший брат.

Во дворе он нашел кусок косы, отточил ее, сделал из войлока ножны, вложил в них косу, подвесил на пояс и отправился вслед за братьями.

По дороге ему повстречалась гарбаш. Она задала младшему брату те же вопросы. На все ее вопросы он ответил: «Умею».

Станцевал младший брат, спел песню, а затем должен был рассказать небылицу.

— У меня одно условие, — сказал он гарбаш, — если во время моего рассказа ты перебьешь меня, я вырежу с твоей спины полосу шириной с эту косу. Если во время твоего рассказа я заикнусь о чем-либо, ты вырежешь ее у меня.

Гарбаш согласилась, и младший брат стал рассказывать небылицу:

«Еще до моего рождения, до рождения моего отца и матери и их предков до седьмого колена я пас в знойный летний день шестьдесят три кобылицы и одного жеребца. Солнце стояло в зените. Мои лошади изнывали от жажды, да и самого меня мучила жажда, и я отправился на поиски воды. Пересек я небольшое поле и увидел: над зеленой травкой висит на лучах солнца огромный кусок синей льдины. Пригнал я туда своих кобылиц. Вместе со всеми кобылицами взобрался на льдину, а она и не шелохнулась. Вытащил я из-за пояса топор и стал рубить льдину. Вырыл лунку, в которую топор провалился, а топорище осталось у меня в руках.

„Что пользы от топорища?“ — подумал я и со злостью швырнул его в лунку.

Не зная, что делать, я стоял в оцепенении. Тогда мне внезапно пришла в голову мысль, что будет, если я помою изнутри черепную коробку. До бровей снял я свою черепную коробку и стал ее мыть, появилась вода, которой хватило напиться шестидесяти трем кобылицам, жеребцу и мне. После того как мы напились, я со злости поджег эту льдину с краю. В этом огне сгорела льдина, сгорела вода, сгорел топор только топорище осталось. Взял я топорище, сунул его за

пояс и погнал своих кобылиц и жеребца. Проезжая по лесным чащам, я увидел, как один человек с двумя кобылами и с двумя лошадьми деревянной сохой на дереве землю пахал.

— Вот чудеса, сказал я ему, разве тебе не хватает земли, что ты пашешь на дереве?

— Если ты такой умный, — ответил он мне, — пойди и забери свою черепную коробку в том месте, где ты рубил лед.

Поскакал я туда, взял черепную коробку, очистил ее от паутины и насадил опять на прежнее место.

Через некоторое время в мою папаху влетела пчела.

— Что ты делаешь? Убирайся из моей папахи! — крикнул я ей.

— Оставь меня ради бога, я дам тебе меду. Я убегаю от медведя, который требует от меня мед, — сказала пчела.

— Ну сиди тогда, — сказал я, — отправился далее и повстречался с медведем.

— Не видел ли ты здесь пчелы? — спросил он меня.

— Не видел, ответил я, — выхватил из-за пояса топорище и переломал медведю лапы.

Иду я дальше и вижу сидят семь косуль. Выхватил я из-за пояса топорище и одним ударом переломал им всем ноги. Содрал я с семерых косуль шкуры, сделал из них семь мешков и заставил пчелу наполнить эти мешки медом. Запряг я в арбу двух волов, загрузил арбу семью кожаными мешками с медом и тронулся в сторону дома.

День был жарким, путь далеким, быки, устали, и возле одного села я остановился отдохнуть. У этого села, в зарослях, мне показалось, что дерутся два барана. Я помчался туда, думая, что бараны помогут мне дотянуть арбу до дому. Когда я подбежал, то оказалось, что дрались два муравья. Взял я одного за ухо, привел и запряг в арбу. Он потащил арбу и двух быков вместе. Я подумал: „Если бы привести и второго муравья, то мы доехали бы куда быстрее“.

Привел я второго муравья и запряг.

Умчали два муравья мою арбу, двух быков и семь мешков меду. А я оказался верхом на хворостине, которой погонял быков. Думал я, думал, как бы мне спрыгнуть с этой хворостины, и надумал: сойду, подложу на землю что-нибудь, снова взберусь на хворостину, а затем снова спрыгну».

— Ой, если ты слез, зачем тебе было вновь взбираться? — вмешалась, не удержавшись, гарбаш.

— Так-так, поди-ка сюда — сказал младший брат и вырезал во всю длину спины гарбаш три полосы кожи шириной с косу.

Вытащил он из нее двух братьев, а также кхизг и возвратился домой.

77. Спор о небылице

Опубл.: ЧФ, г. II, с. 107.
Записана от П. Мустапаева на чеченском языке, с. Гелдаган ЧИАССР.

Один мельник любил спорить о том, кто расскажет лучшую небылицу. Мельник ставил гирду[155] кукурузы, и бедняки всегда проигрывали.

Однажды на мельницу пришел бедный чеченец. Он принес гирду кукурузы, чтобы смолоть ее.

Говорит мельник чеченцу:

— Давай биться об заклад. Кто из нас расскажет лучшую небылицу, тот и получит гирду кукурузы.

— Давай побьемся, — согласился чеченец.

Первым начал небылицу мельник:

«Была у меня курица. Я ее хорошо кормил. Однажды запер я курицу в комнате и пошел по своим делам. На второй день открываю комнату и вижу: курица снесла столько яиц, что они заполнили всю комнату до потолка. Сама же курица вылезла через дымоход и уселась на верху трубы. Нанял я людей и вынес яйца во двор. Из этих яиц тотчас же вылупился полный двор кур и петухов. Я разозлился, схватил длинный шест и разогнал по двору всех кур и петухов. После этого все курицы и петухи превратились в одну курицу и в одного петуха».

Мельник закончил рассказ словами:

— Вот такова моя небылица.

— Хорошо, — сказал чеченец, — теперь я расскажу свою небылицу, а ты послушай.

«У меня было много ульев. На всех пчел была одна матка, которая следила за пчелами и их работой. Как-то раз матка исчезла.

Я поклялся во что бы то ни стало найти пчелиную матку и отправился на поиски. С тех пор прошло много времени, и я услышал, что матка находится далеко-далеко. Пошел я в то место. Ходил я, ходил и пришел туда, где находилась матка, и что же я вижу: вместе с шестью волами матка запряжена в плуг и пашет землю. Видно, на матке так много пахали, что дышлом перетерли ей всю шею. Распряг я матку, пришел домой и спросил у людей:

— Как мне залечить раны на шее пчелиной матки?

Умные люди посоветовали:

— Смешай сало с орехами и положи эту смесь на шею матки. Это самое хорошее лекарство.

Смешал я сало о орехами и смазал шею матки. Посла этого лег спать.

Проснувшись утром, пошел я осмотреть шею матки. Захожу в комнату и вижу: на ее шее выросло огромное ореховое дерево со спелыми орехами на ветвях.

Думал я сбить несколько орехов и бросил в дерево ком земля. Ком застрял на дереве. Из этого кома земли получился большой участок земли на три пахоты.

Шестью волами вспахал я этот участок за три дня. Потом засеял его арбузами и дынями. В страду осмотрел я участок. Там было много арбузов и одна огромная-преогромная дыня. Не смог я привезти дыню домой и шашкой рассек ее на две части.

Только я рассек шашкой дыню, как из нее выскочили заяц и охотники. Схватил я топор и бросился вдогонку зайцу. У испуганного зайца из-под хвоста выпал клочок бумаги. На нем было написано: „Гирду кукурузы выиграл бедняк“».

Так закончил свой рассказ чеченец. Мельник согласился с тем, что он победил его.

Бедняк-чеченец получил две гирды кукурузы.

78. Кто больше?

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 98.
Записал писатель Х Ошаев на чеченском языке от своего дяди Дуды.

Один бык протягивал голову за семь верст и щипал траву на лугу. Потом он протягивал голову за семь верст и пил воду из озера.

Вдруг из-за облаков налетел на быка огромный орел. Он схватил его когтями и скрылся в облаках. Долго летел орел, выискивая место, куда можно было бы опуститься с быком.

Наконец орел увидал большого козла, опустил быка на его рога и стал есть.

В тени бороды козла спал чабан. Орел съел быка, очистил свой клюв о лопатку быка и бросил ее. Она попала в глаз чабана, но он не проснулся.

Орел улетел.

Вечером, когда чабан гнал домой овец, он почувствовал, что в глазу щиплет. Потер глаз, но лопатка оставалась в глазу. Чабан пришел домой и рассказал матери:

— Нани, мне в глаз что-то попало. Вытащи.

Мать потянула за лопатку быка она не поддавалась.

— Так это бычья лопатка, — сказала мать и пошла звать соседа.

Потянули вместе с соседом лопатка не поддалась. Потом пришли еще люди и потянули вместе. Лопатка снова не поддалась.

В большом селении, где жил чабан, было девять тысяч домов. Собрали всех жителей, даже стариков и детей, привязали к лопатке цепи, потянули и вытащили лопатку из глаза чабана.

Жители села решили поставить на этой лопатка девять тысяч домов. Быстро построили на лопатке село и поселились в нем.

Жители села стали замечать, что по ночам их село вертится, словцо мельничный жернов.

Молодежь села решила узнать, что по ночам происходит с их селом. Они заметили лису, которая каждую ночь приходила к лопатке быка и глодала остатки мяса на ней.

На вторую ночь все, кто имел оружие, сто двадцать пять кантов подкараулили лису и застрелили ее. Утром жители села сняли шкуру с одного бока лисы. Из этой шкуры всем жителям сшили шубы.

Но перевернуть ее на другой бок, чтобы снять с нее остаток шкуры, они не смогли.

Утром за водой шла старая Жера-Баба.

— Так, значит, это и есть та самая лисичка, которую целое село не смогло перевернуть на другой бок? — сказала Жера-Баба и ковшом перевернула лису на другой бок.

— Из этой шкуры можно сшить моему трехлетнему внуку шубу, сказала Жера-Баба и сняла с лисы оставшуюся шкуру.

Жера-Баба сшила своему трехлетнему внуку шубу, но на рукава и воротник шкуры не хватило.

Узнайте, кто из них больше: бык, орел, козел, чабан, лиса, Жера-Баба или ее трехлетний внук?

79. Долг гостеприимства

Записал И. А. Дахкильгов в 1972 г. на ингушском языке от А. Хамхоева, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Как-то полонили братья своего заядлого врага, который причинил им много вреда. Поэтому братья решали предать его жестоком пыткам. Связали они врага веревками по рунам и ногам и стали думать, как с ним поступить.

В это время братьям пришлось спешно куда-то отправиться.

Говорят они матери:

— Мы будем отсутствовать три дня и три ночи, а вернемся, подвергнем врага пыткам, которые он заслужил. Когда нас не будет, не давай ему ни пить, ни есть, как бы не просил.

Уехали братья. Прошел день, второй, на третий говорит пленник:

— Не дай мне умереть с голоду. Подай мне щепотку соли с чуреком и водицы.

— Наши велели ничего тебе не давать, — ответила мать.

— Пусть бог отвернется от тебя, если ты меня там будешь мучить! Завтра твои сыновья убьют меня, и я готов принять смерть. Сегодня же дай мне глоток воды и разреши коснуться кончиком языка пищи, попросил пленник.

Мать разжалобилась и дала ему поесть и попить.

Приехали сыновья домой, посмотрели на пленника и спрашивают мать:

— Дала ли ты ему поесть и попить?

— Дала, ответила мать.

— Напрасно ты это сделала. Разве мы можем убить человека, вкусившего в нашем доме пищу! Придется его еще раз полонить, а сейчас отпустим.

И братья отпустили своего злейшего врага, так как он вкусил в их доме пищу.

80. Четыре мудреца

Записал А. О. Мальсагов в 1960 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

В давние времена сидели четыре мудреца-горца и вели между собой степенную беседу. Один мудрец сказал:

— Несмываемый позор для мужчины, если умыкнут засватанную им девушку.

Другой мудрец сказал:

— Большое горе для мужчины, когда угонят его любимого коня.

Еще один мудрец сказал:

— Случайно убить невинного человека, пожалуй, для мужчины тяжелее всего.

Наконец, последний мудрец изрек:

— Эти случаи воистину приносят горе, но все это возместимо. Пусть у мужчин не будет недостойных потомков! Ведь плохое потомство ничем не возместить.

81. Честь

Опубл.: газ. «Сердало», V.1962; перепеч.: ИФ, т. II, с. 18.

Не так давно это было. В одно прекрасное утро встретились Вода, Ветер, Огонь и Честь. Они договорились вместе отправиться по белому свету и снарядились в путь-дорогу.

Где появлялась Вода, там расцветали цветы и оживала зелень, появлялась роса и текли реки.

Где появлялся Огонь, там исчезала темнота, замерзшие озера и реки снова оживали.

Где появлялся Ветер, там, будто приветствуя друг друга, раскачивались камыши, а на полях и равнинах травы стояли, словно невесты, шелестя своей шелковой бахромой.

Огонь, Ветер и Вода там и сям вели оживленную игру, а Честь с высоко поднятой головой шла все вперед. Народные герои, охранявшие страну от иноземцев, завидя Честь, радовалась.

Наконец, эти друзья Огонь, Честь, Ветер и Вода дошли до одинокой дикой горы в Горной Ингушетии.

Ветер начал крутить вокруг этой горы, играя мелкими камушками. Вода соединилась с ручейками и реками, быстро текущими с горы. Огонь вступил в беседу с Огнем, находившимся под горой.

Честь же, уверенно став на гору, стала осматривать хозяйство людей, дорожащих ее советами.

— Товарищи, — сказал беспокойный Ветер, — посмотрите на простирающиеся перед нами бесконечные поля. Мне хочется по ним прогуляться.

Текущая Вода согласилась с этим. И Огонь не возражал. Честь же не промолвила ни слова.

— Мы должны условиться, чтобы не потерять из вида друг друга, — сказал Огонь.

Все с этим согласились.

— Если где-нибудь загорится дом или копна сена, знайте, что я там, — сказал Огонь.

— Если в поле или на равнине увидите камыш, знайте, что я там, — сказала Вода.

— Шелестящая листва и дорожная пыль напомнят вам обо мне, — сказал Ветер.

Честь молча слушала их.

— Честь, почему ты молчишь? — спросил Ветер. — По каким признакам мы узнаем тебя?

— Не обессудьте за правду, — промолвила Честь. — Если мы разойдемся, помните, что расстаться со мной даже на мгновение — значит больше никогда не встречаться.

82. Голод, Холод и Сон

Записал А. У. Мальсагов в 1970 т. на ингушском языке от неизвестного лица.
Личный архив А. У. Мальсагова.

Поспорили между собой Голод, Холод и Сон.

— Всех сильнее я, — сказал Голод.

— Нет, всех сильнее я, — сказал Холод.

— Оба вы не правы, — сказал Сон. — Сильнее меня никого нет!

— Давайте тогда проверим, кто из нас сильнее, — предложил Холод.

— Как мы это проверим? — спросил Голод.

— Видите мальчика, пасущего овец? — сказал Сон. — Мы трое проникнем в его тело и узнаем, кто кого превосходит.

— Хорошо, — сказал Холод и первый проник в тело мальчика.

От холода мальчик посинел, дрожал, но глаз с овец не спускал.

Тогда взялся за свое Голод. Свел он мальчику желудок, закружил голову, но мальчик зорко продолжал следить за овцами.

Тогда взялся за дело Сон. Мальчик выронил из рук палку и сразу же уснул.

Такова сила Сна.

83. Ветер и Солнца

Записал А. У. Мальсагов в 1970 г. на ингушском языке от неизвестного лица.
Личный архив А. У. Мальсагова.

Поспорили однажды северный Ветер и Солнце о том, кто из них сильнее. В это время они увидели путника в башлыке.

«Кто заставит путника снять с себя башлык, тот и сильнее», — решили Ветер и Солнце.

Изо всех сил подул северный Ветер. Чем сильнее он дул, тем сильнее укутывался путник в башлык. Ничего не мог поделать Ветер.

Тогда пустило свои длинные знойные лучи светлое Солнце.

Согрелся от этих лучей путник и снял с себя башлык. Тут и узнал Ветер, что Солнце сильнее его.

84. Счастье и Разум

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. от З. Цурова, с Джайрах ЧИАССР.
Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жил один богатый и честный человек. У него были Счастье и Разум.

«Посмотрим, что с ним случится, если мы покинем его», — решили Разум и Счастье.

Лишился этот человек и богатства и славы. Бедность его одолела, стал он пастухом: даже дети над ним смеялись. Счастье и Разум решили его испытать. Устроилось Счастье на его спине. Гнал он коров на пастбище и нашел полную чашу золота. Отдал он чашу золота людям, отправлявшимся в далекие края, и сказал:

— Отдайте эту чашу падчаху тех краев от меня в подарок.

Передали эти люди падчаху чашу с золотом.

— Чем отблагодарить его за этот подарок? — посоветовался падчах со своими приближенными.

Некоторые предложили дать золото, серебро; другие скот, коней.

— Нет, — сказал падчах, — он, наверно, богатый человек, лучше я выдам за него свою дочь.

Вместе с людьми, которые возвращались домой, падчах отправил в жены тому человеку свою дочь с богатым приданым.

Стали люди, что везли дочь падчаха, думать: «Мы везем ему дочь падчаха, а ведь он пастух и живет в шалаше».

И решили они отдать половину своего богатства этому человеку, послали часть людей вперед, чтобы они до приезда дочери падчаха выстроили башни и приготовили прием.

Люди быстро поехали вперед, а оставшиеся вместе с дочерью падчаха ехали медленно вслед за ними.

Посланные быстро выстроили башни, навели в них порядок, вызвали пастуха и приодели его. Приехали и те, что везли дочь падчаха. Растерянный пастух не знал, как себя вести, стеснялся дочери падчаха, и все его добро постепенно растаскали. Жена стала проявлять недовольство мужем.

— Все сделанное мною рушится, приди на помощь, Разум, — взмолилось Счастье.

И Разум уселся на голове этого человека. Тогда он опомнился, пришел в себя и начал управлять своим хозяйством, как подобает. Жена стала относиться к нему по-иному, и зажили они счастливо.

Пусть Счастье сопутствует человеку, но если у него нет Разума, то одно Счастье ничего не в силах сделать.

85. Богач и Счастье

Записал И. Оздоев в 1965 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Счастье покинуло богатого человека, и решил он найти его. В пути за Счастьем ему повстречался облезлый, чесоточный волк. Спросил он человека:

— Куда путь держишь?

— Счастье ушло от меня, иду его искать, — ответил богатый человек.

— Спроси у Счастья, что бы мне помогло от болезни, — попросил чесоточный волк.

Человек обещал спросить.

Затем богач встретил человека, который переносил огромные тяжести.

— Куда путь держишь? — спросил тот, кто переносил тяжести.

— Иду за сбежавшим Счастьем, — ответил богатый человек.

— У меня в саду две яблони. Одна плодоносит, а другая нет. Спроси у Счастья, что сделать, чтобы она плодоносила, — сказал встречный.

Богач обещал спросить.

Затем он встретил падчаха, который спросил:

— Что задумал? Куда путь держишь?

— Иду за сбежавшим Счастьем, — ответил богач.

— Я очень богат, всего у меня в достатке, Я очень сильный падчах и ни в чем не нуждаюсь, но нет покоя моей душе. Что мне делать, спроси у Счастья, — попросил падчах.

Шел богач, шел и сильно устал. Сел у обрыва и задумался: «Если ты, Счастье, само не придешь, то я брошусь вниз с этого обрыва».

Сразу же неведомо откуда появилось Счастье.

— Если ты не возвратишься ко мне, я не вернусь, — сказал богач.

— Ты возвращайся домой, а я приду следом, — сказало Счастье.

— По дороге я встретил падчаха, душе которого нет покоя. Он попросил узнать у тебя, чем ему помочь. Что я отвечу ему? — спросил богач у Счастья.

— Скажи: «Ты женщина. Если выйдешь замуж, то душа твоя успокоится», — сказало Счастье.

— Один садовник просил узнать, почему яблоня не плодоносит. Что сделать, чтобы она плодоносила?

Вырой из-под этой яблони клад золота и серебра, тогда яблоня будет плодоносить, — посоветовало Счастье.

— Мне повстречался облезлый, чесоточный волк. Он просил меня узнать, чем ему помочь от болезни? — спросил богач.

— Ответишь, что ему поможет мясо человека, который не умеет пользоваться своим добром, — сказало Счастье.

На обратном пути богач остановился у падчаха.

— Что сказало тебе Счастье? — спросил падчах.

— Счастье сказало, что ты женщина. Если выйдешь замуж, душа твоя успокоится, — ответил богатый человек.

— Хорошо. Я женщина, а ты мужчина. Давай поженимся и будем жить, как муж и жена, — сказала падчах-женщина.

— Нет, я дождусь возвращения Счастья и не останусь с тобой, — сказал богач и отправился

дальше.

Повстречал он садовника.

— Какой совет мне дало Счастье? — спросил садовник.

— Счастье сказало: «Вырой клад золота и серебра из-под яблони, и она станет плодоносить».

— Ты говоришь, что Счастье покинуло тебя. Вырой этот клад и забери себе половину, — сказал садовник.

— Нет, я дождусь Счастья и не стану здесь задерживаться, — ответил богач.

Повстречался ему облезлый, чесоточный воли.

— Что посоветовало Счастье мне? — спросил волк.

— Падчах-женщина предложила мне стать ее мужем, но я не согласился… Садовник предложил мне половину клада из золота и серебра, но я не стал задерживаться, так как Счастье должно прийти следом за мной. А тебе Счастье посоветовало съесть мясо человека, который не умеет пользоваться добром, которое шло ему в руки.

— Значит, Счастье сказало, чтобы я съел тебя!

Волк набросился на богача и съел его.

86. Чудовище

Записала П. Межиева в 1975 г. на чеченском языке от А. Устарханова, с. Махкеты ЧИАЄСР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жило некогда чудовище с девятью головами и одним телом. Когда на него напали люди, между головами чудовища возник разлад и люди его легко убили.

Затем людям попалось другое чудовище, у которого было девять тел и одна голова. Это чудовище сохранило все свои девять тел и ушло невредимым потому, что у него была одна голова и все девять тел подчинялись ей.

87. Горец и Асса

Записал А. О. Мальсагов в 1964 г. на ингушском языке от А. Ведзижева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Один горец переходил вброд Ассу. Вода в реке была до того холодная, что у него мозг в костях замерз. Перейдя Ассу, он сказал:

— Я-то тебя перешел, но неужели тебе самой не тяжко быть такой холодной?

88. Мужчина-лицемер

Опубл.: ИФ, т. II, с. 177.
Записал А. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

Один мужчина возвращался из дальнего селения домой. Путь ему преградила бушующая река. Он обратился к пей:

— Фарта![156] Ты известная всем река, знакома с достойными мужчинами, с почетом и уважением встречаешь и провожаешь гостей, ты должна меня пропустить, — и стал на коне переплывать реку.

В середине реки его сбила волна, конь остался на одной стороне реки, а сам он еле-еле выбрался на противоположную.

— Фарта! С самого верховья ты несешь мусор и навоз. Ты никому не известна, как издохший на краю села пес, ни один порядочный мужчина тебя не знает. Если бы можно было сразиться с тобой этим оружием, я поступил бы вот так! — сказал мужчина и выстрелил в реку.

89. Голова и язык

Опубл.: ИФ, т. II, с. 177.
Записал А. О. Мальсагов на ингушском языке в 1963 г. от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

Язык как-то обратился к голове.

— Ты держишь меня в тепле, не даешь мерзнуть. Как хорошо ты следишь за мной!

— Если бы я за тобой не следила, — ответила голова, много неприятностей выпало бы на мою долю.

90. И Чолдарг станцевал

Записала Х. Галаева в 1976 г. на ингушском языке от У. Келигова, с Кантышево ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жил молодой человек по имени Чолдарг. Угрозами он заставлял танцевать каждого, кто бы ему ни встретился.

Надоело его людям, и решили они проучить его.

Встретив Чолдарга, люди направили на него ружья и сказали:

— А ну-ка, покажи нам, как ты умеешь танцевать!

— Вот теперь-то и я станцую, — сказал Чолдарг и пустился в пляс.

С тех пор и пошла пословица: «Когда его заставили, и Чолдарг станцевал».

91. Дедушка зайца

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от А. Торшхоева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Это было в давние времена. Около большой реки на зеленой лужайке, откуда берут начало высокие горы, где заходит божье золотое солнце, жили потомки Гады[157]. В этой реке потомки Гады ловили рыбу и чурбаки. Из чурбаков разжигали костры. Без их ведома даже птица из гнезда не вылетала такими молодцами были потомки Гады.

Вытащили они однажды из реки осла. Стали думать, что же это за зверь. Собрали потомки Гады всех людей шахара и устроили совет: «Можно ли есть мясо этого зверя или нельзя?»

Глаза его похожи на лошадиные. Может быть, это жеребенок, — предположили младшие.

— Да ну вас! — сказали старшие. — О каком жеребенке вы говорите? Или вы не видите, какие уши у этого зверя?

— На кого похож этот зверь с ушами? — спросил молодой охотник.

— Если ты даже этого не знаешь, то почему тебя называют охотником? — сказал один из стариков. Он же похож на зайца.

— Если он похож на зайца, то этот зверь приходится зайцу дедушкой.

— Ну, а зайца можно есть! — сказал другой.

Все согласились между собой и решили, что это действительно и есть дедушка зайца. Освежевали осла и бросили вариться в котел.

Долго варилось мясо. Проголодавшиеся потомки Гады вытащили мясо из котла и стали его есть, хотя мясо было твердым как камень.

С тех пор, дедушку зайца, если он забредал на их территорию, потомки Гады никогда не отпускали.

92. Чинхо[158] и черт

Записал А. О. Мальсагов в 1960 г. на чеченском языке от М. Носаева, с. Гехи ЧИАССР. Личный архив А. О. Мальсагова.

Пошел Чинхо как-то косить сено и заметил вдали черта.

Задумал он обмануть черта. Прилег на землю, между ног и рук положил осоку.

Подходит черт и видит: лежит человек, рядом коса, на боку чурек, между рук и ног осока.

Не было бы рядом косы, сказали бы: кем-то убит; не было бы на боку чурека, сказали бы: от голода умер; не было бы между рук и ног свежей осоки, сказали бы: только умер. Если людьми не убит, и от голода не умер, и только что не умер, значит, жив. На такой мякина меня не проведешь, — сказал черт и удалился.

93. Орстхоец[159] и черт

Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Однажды собрались в путь-дорогу орстхоец и черт. Они уговорились, что будут везти один другого, пока не окончится песня, которую каждый будет петь. Пересекли они поле, и песенка черта окончилась. Тогда орстхоец оседлал черта и затянул:

— Лай-ла-яла-лай!

Прошли день и ночь. Изнемогающий от усталости черт спросил:

— Скоро ли кончится твоя песня?

— Как только я закончу первую половину, за ней пойдет вторая: «Ва-лайла-ялай-лай!», — ответил орстхоец.

Тут черт испустил дух.

94. Старик и черт

Записала Р. Мальсагова в 1978 г. на ингушском языке от Г. Мальсагова, с. Альтиево ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Раньше черти одурманивали людей. Они окружали одинокого человека и старались свести его с ума. Черти показывались среди людей.

Один старик косил траву. Пришел черт и стал справа и слева бить своей косой по косе старика, не давая ему косить.

«Как бы отвязаться от него?» — подумал старик.

Сорвал он мушкарт[160], свил веревки и стал перевязывать себе ноги. Черт делал то же, что и старик. Но старик делал вид, что крепко завязывает веревки, а на самом деле стягивал их слабо. Крепко перевязал черт свои ноги, а старик бросился и поймал его.

На второй день черт говорит старику:

— Принести ли тебе бревно-базу[161] или установить ветряные мельницы?

От радости старик забыл о том, что черт поступает всегда наоборот, и сказал:

— Мне не нужно бревно-база, установи мне ветряные мельницы.

Тогда черт взял двух его пестрых быков и отправился за бревном-базой. Два дня быки волокли это бревно и не смогли приволочь его, а черт, впрягшись сам, еле-еле притащил бревно и произнес такие слова:

— Пусть бревно-база не вырастет больше кнутовища, а слава пестрых быков всегда сохранится.

Тут черт испустил дух.

С тех пор, говорят, бревно-база не растет.

95. Как старик переспорил черта

Записала Р. Мальсагова в 1978 г. на ингушском языке от Х. Кодзоевойг с. Кантышево ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Раньше люди видели чертей, особенно вечером и на рассвете.

Как-то один старик косил траву. Узнал об этом черт, пришел и решил его обмануть. Спрашивает он старика:

— Один ли ты?

Сказать черту правду или согласиться с ним считалось опасным, и поэтому старик ответил:

— Что может быть для человека дороже единственной души?

— Так вас двое?

— Есть ли зорче двух глаз что-либо на свете?

— Трое вас?

— Трехногим и стул бывает.

— Четверо вас?

— Без четырех углов и башня не бывает.

— Пятеро вас?

— Хозяйка, имеющая пять коров, в благодати не нуждается.

— Шестеро вас?

— Отец, имеющий шестерых сыновей, не завидовал чужой добыче.

— Семеро вас?

— Женщина, семь раз выходившая замуж, пусть не окажется ни в твоем, ни в моем доме.

Не смог черт перехитрить старика, задумался и, узнав, что у старика нет детей, сказал:

— Тебе жена родила сына.

— Мужчина всегда имеет потомство, — ответил старик.

— Без тебя твоя жена по этому случаю той устроила, — сказал черт.

— Рождение сына всегда празднуют, — ответил старик.

— И тебе жена долю оставила.

— Потому что я ее муж.

— Твою долю кошка съела.

— Хозяйка за посудой не усмотрела.

Не смог черт переспорить старика и испустил дух.

96. Хитрый старик

Записала Р. Мальсагова в 1978 г. на ингушском языке от Х. Кодзоевой, с. Кантышево ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Давным-давно жили-были старик со старухой. Не было у них детей. Старик охотился в горах, а старуха управлялась по хозяйству.

Однажды на охоте в лесу старик увидел зайца, но убивать его не стал пожалел. В пещере он заметил медведицу с малыми медвежатами, но и ее не стал беспокоить: она заботливо ласкала своих медвежат.

Потом старику повстречались черти. Один из них говорил:

— Нужно проверить силу и мужество старика и изгнать его из этого края, чтобы он не охотился в наших местах.

Подходит к старику старший черт по имени Танк-Танк и говорит:

— Ты должен побороться со мной.

— Хорошо, — отвечает старик, но прежде ты поборись с моим младшим братом, а то боюсь, что я тебе все ребра переломаю.

Подвел старик черта к берлоге, разбудил медведицу, а сам спрятался.

Проснулась медведица, увидела перед собой черта и, став на задние лапы, бросилась на него. Изрядно помяла медведица черту бока, вываляла его в пыли и со всего размаху бросила в пропасть. Черт еле живой вернулся к своим и рассказал о непомерной силе «младшего брата» старика.

— Тогда нужно состязаться с ним в беге, — решили черти.

Приходит к старику средний черт по имени Панк-Панк и говорит:

— Давай теперь состязаться в беге!

— Хорошо, — соглашается старик, но вначале ты попробуй догнать моего сынка, что лежит вон в том лесу.

Привел старик среднего черта в лес и бросил камешек в куст, под которым лежал заяц.

Полдня бегал средний черт за зайцем, но догнать его не смог.

— Теперь мы должны состязаться в силе, — предлагают черти. Бросим эту золотую булаву в небо. Кто выше кинет, тот и сильнее.

Старик согласился, но при условии, что первым ее бросит один из чертей. Вышел младший, самый сильный черт по имени Манк-Манк и утром бросил булаву в небо так высоко, что она упала на землю только после полудня. Булава же была такая тяжелая, что старик и поднять ее бы не смог. Но старик не растерялся: стоит себе и внимательно смотрит вверх.

— Бросай же, что ты стоишь? — спрашивают черти старика.

— Да я не знаю что и делать, — отвечает старик. В прошлом году я забросил булаву в небо и пробил в нем дыру, прикрытую сейчас облаком. Подождем, пока это облако сойдет с того места, чтобы не пробивать новых дыр в небе.

Испугались черти, что лишатся золотой булавы, и ушли восвояси.

Так мудростью и смекалкой старик одурачил чертей и до конца своей жизни охотился в родных горах.

97. Проклятие черта

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от М. Цурова, с. Пхамат ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

В долине Харпхой[162] косил траву Мата, а черт его передразнивал: сделал косу из липы и подражал всем движениям Маты. Остановится Мата останавливается и черт. Чистит косу Мата чистит и черт.

Тогда Мата положил косу, сделал из травы жгут и крепко перевязал им себе ноги. То же самое сделал и черт. Мата быстро перерезал жгут косой, а черт липовой косой не мог перерезать жгут. Тут Мата поймал черта, снял с него шапку и сбрил ему голову.

После этого черт, говорят, стал послушным человеку, но поступает всегда наоборот.

— Принести ли мне с горы Алхарой[163] бревно-магаску[164] или с Красных гор камень для мельничного жернова? — спросил у Маты черт.

— Принеси камень для мельничного жернова, — сказал Мата.

Черт поступил наоборот и пошел за бревном-магаской.

Нес черт бревно-магаску, из которого можно сделать перекрытие в трех башнях, и сильно устал. Когда он окончательно выбился из сил, то обратился за помощью к кашатхойцам, духургиштхойцам и харпхехойцам[165]. Никто из них не пришел на помощь.

Тогда черт проклял их:

— Ва, кашатхойцы! Пусть у вас будут достойные мужчины, но род ваш пусть будет малочисленным!

— Ва, духургиштхойцы! Пусть вас минует мудрость слова, но пусть сопутствует вам в бою удача!

— Ва, харпхехойцы! Пусть род ваш будет малочисленным, а потомство недостойным!

Здесь черт испустил дух.

С этим мотивом связаны и другие проклятия, например, записанное А. О. Мальсаговым в 1973 г. на ингушском языке от М. Бириханова, г. Назрань ЧИАССР:

«У Эржа-Майры [166] был сильный бык. Впрягли быка и черта волочить огромное бревно-магаска.

— Положите на бревно вон тот огромный валун, — сказал Эржа-Майра.

Черт не мог тягаться с быком и проклял Майру:

— О боже! Пусть лошади и быки у них будут сильными, пусть мужчины у них будут славными, но потомство их пусть будет малочисленным!

Черт залез под валун и испустил дух».

98. Черт и зурна

Опубл.: ИФ, с. 3.
Записана на ингушском языке от М. Гатиева, с. Гуй ЧИАССР.

Однажды на дороге мужчине встретился старый черт с перекинутой через плечо зурной.

— Ва, черт, — сказал мужчина, — куда путь держишь? Сыграл бы немного на зурне, если не спешишь.

— На ней просто нельзя играть, — сказал черт, глядя на мужчину.

— Так зачем; ты ее носишь, если не играешь? — удивился мужчина.

— Мне можно играть на ней только тогда, когда мулла дает милостыню, — ответил черт, взглянув на мужчину.

— Ох и много, видно, тебе приходится играть! — сказал мужчина. — Играть каждый раз, как мулла даст милостыню! Хоть успеваешь ли ты?

— Любой клятвой клянусь, — сказал черт, удивленный глупостью мужчины. — За эти триста лет, что ношу ее за плечами мне не пришлось не только играть, но и выдавить из этой зурны ни единого звука. Не было еще случая, чтобы мулла дал милостыню!

99. Шайтаны

Записала М. Далиева в 1976 г. на ингушском языке от Г. Арсельговой, с. Мужичи ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Мой дед по матери как-то пошел на мельницу. Там озорничали шайтаны. Они отводили воду в сторону, и мельница не работала. Дед потерял терпение, разжег перед мельницей огонь и стал жарить курдюк, нанизывая его на вертела. С курдюка капал жир, и шайтаны набрасывались и с жадностью слизывали капающий жир.

Один шайтан подсел к деду и спросил:

— Кто ты такой? Как тебя зовут?

Дед ответил:

— Меня зовут «сам себя».

Только шайтан подошел, намереваясь лизнуть с курдюка каплю жира, как дед наотмашь ударил его горячим курдюком по рылу, а потом заскочил в мельницу и заперся там.

Обожженный шайтан бегал вокруг мельницы, плакал от боли и кричал:

— Сам себя обжег!

Сбежались шайтаны и стали спрашивать, что случилось. Шайтан только отвечал:

— Сам себя обжег!

Тогда шайтаны сказали, что они ничего не могут поделать, если он сам себя обжег, и ушли по своим делам.

100. Человек и шайтан

Записал А. Аюбов в 1974 г, на чеченском языке от А. Мамадиева, с. Гардали ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Шли по дороге два путника: человек и шайтан. Шайтан предложил:

— Давай попеременно будем возить один другого до тех пор, пока не кончится песня того, кто сидит на спине.

Человек согласился при условии, что первым поедет он. Сел он на шайтана и, перебирая четки, начал петь;

— Ла-ила-ха ила-лах.…

И это тянулось бесконечно. Шайтан спросил:

— Твоя песня когда-нибудь кончится?

А человек, не умолкая, тянул свое.

Шайтан стал умолять человека отпустить его, иначе он может околеть.

— Отпущу, — сказал человек, — если ты скажешь, как делать серп и часы.

Шайтан ответил:

— Э-хе, я научу тебя: серп надо делать подобным согнутому большому перу из хвоста петуха, а часы надо делать похожими на куриную гузку.

Так человек узнал, как надо делать серп и часы.

101. Как мулла молол кукурузу

Записал Ш. Окуев в 1963 г. на чеченском языке от неизвестного лица, с Советское ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Мулле приглянулась жена Чоры. Каждый раз, когда шла она мимо мечети, мулла ржал жеребцом. Надоело жене Чоры все это, и рассказала она обо всем мужу. Чора посоветовал на ржание жеребца ответить ржанием кобылы. Жена однажды так и поступила.

— Ой, пусть ты будешь богом любима! — встречает ее мулла. — Как долго я по тебе тосковал.

— Пусть мне места в могиле не будет, если я позволю тебе тосковать из-за меня. Поведай свою тоску, — говорит жена Чоры.

Мулла говорит, что хотел бы вечером навестить ее. Жена Чоры согласилась.

Приходит мулла и располагается, как у себя дома. Внезапно появляется Чора, на глазах у муллы загоняет патрон в ружье и спрашивает:

— Коран читал, мулла?

— Читал, — голос муллы дрожит.

— Клянусь тем Кораном, который ты читал, — угрожающе произносит Чора, придвигая к мулле два мешка кукурузы и ручную мельницу, — если ты до утра не перемелешь два мешка кукурузы, я застрелю тебя из этого ружья!

Испуганный до смерти мулла до рассвета молол кукурузу, а утром трусцой отправился домой. Через два дня пошла жена Чоры за водой и возле мечети первой стала ржать, как кобыла.

— Эй, чтобы ваши отцы свиней пасли! — в отчаянии воскликнул мулла. — Неужели за два дня весь ваш помол кончился?!

102. Два муллы

Опубл.; ИФ, т, II. с. 27.
Записал М. Льянов в 1964 г. на ингушском языке от неизвестного лица.

Жили в одном селе два муллы. Одного звали Ибрагим, а другого Увайс. Ибрагим-мулла был образован, но глуп, а Увайс был неграмотен, но умен.

Подаяний сельчан Ибрагим-мулле было мало.

Однажды он сказал Увайсу:

— Увайс, я слышал, что в одном селе нуждаются в мулле. Село большое, люди добросовестные и спокойные. А мулла, живущий там, мало в чем разбирается. Я хочу пойти в то село муллой.

— Не знаю, Ибрагим. Я не советовал бы тебе этого делать. Если люди того села не звали тебя к себе муллой, как ты придешь к ним? Мы неплохо устроились и здесь. Хоть село и маленькое, но для безбедного житья нам хватает. Членам наших семейств работать не приходится: еды, одежды всего в достатке, — проговорил Увайс-мулла.

— Ты думаешь, если есть одежда, еда, то все в порядке? Богатство никогда не помешает. Сегодня понедельник, а завтра, во вторник, я решил сходить в то село, — проговорил Ибрагим-мулла.

Поболтав о том, о сем, они разошлись.

На второй день Ибрагим-мулла отправился в дорогу в то село, о котором говорил.

На четвертый день, в пятницу, он поспел в мечеть на общественную молитву. Когда Ибрагим-мулла вошел в мечеть, люди еще не начали молитву.

После приветствия он сказал:

— Ваш мулла малограмотен, поэтому я и прибыл, чтобы быть у вас муллой. Я много читал Коран, я хорошо…

Тут присутствующие прервали его:

— Нужен нам мулла или нет, мы сами лучше знаем. Кто тебя звал? По чьей просьбе ты пришел?

Нечего было ответить Ибрагим-мулле, а люда стали смеяться над ним. «Задуманное не совершилось», — подумал он и, оскорбленный людьми этого села, вернулся в свое село.

Услышал Увайс-мулла, что Ибрагим возвратился, и пошел к нему.

— Как твои дела, Ибрагим-мулла? — спросил он.

— Пришел домой, ничего не сделал. Когда я им рассказал о своих намерениях, люди села и их мулла со смехом выдворили меня. Плохие, бессовестные люди в том селе. Такой же и их мулла, — ответил Ибрагим-мулла.

— Ты пошел туда, хоть я и отговаривал тебя. Мне досадно, что они тебя опозорили. Ты опиши мне внешность того муллы, я пойду к нему. Я им не прощу насмешек над тобой, — сказал неграмотный, но умный Увайс-мулла.

Решив пойти в то село, он отпустил бороду, оделся бедно, чтобы быть похожим на паломника. И в четверг под вечер прибыл Увайс-мулла в то селение. И он подошел к пхегате и спросил у людей:

— Кто у вас в селе считается достойным мужчиной?

Люди ответили:

— Самый достойный в нашем селе Алхаст.

Узнав у людей, где он живет, и поблагодарив их, Увайс-мулла пошел к его дому.

Он вызвал Алхаста и, притворившись убогим, спросил:

— Любите ли вы гостей? Мне негде переночевать, я впервые в этом селе.

— У нас можно легко переночевать, заходи, — и Алхаст ввел гостя в комнату.

Увайс-мулла несколько дней мало ел и поэтому был бледен. Так как гость был бледен и убог, Алхаст быстро приготовил ему еду.

Посла ужина Алхаст сказал:

— Гость, говори про свои дела, я готов тебя слушать. Я вижу, что вышел ты из своего дома не без дела.

— Ты прав, мой хозяин. Я расскажу тебе о себе. Я мулла. В дороге нахожусь уже год. Год назад я ходил совершить молитву на четвертое небо[167]. Из-за моих грехов бог лишил меня этой почести. Когда я ходил на четвертое небо совершить молитву, то из ваших краев туда приходил один мулла. Я ищу этого муллу, чтобы он замолвил за меня словечко богу и совершил за меня молитву. Пока я не найду этого муллу, я решил ходить по белому свету, — сказал Увайс-мулла.

— А знаешь ли ты, из какого села мулла, о котором ты спрашиваешь?

Знаю только, что он из вашего края. Из какого села и как его имя, мне неизвестно. Правда, увидев, я узнал бы его. Он чуточку выше меня, черноглазый, с большим носом, красноватый.

— Приметы, о которых ты говоришь, подходят к нашему мулле.

— Неужели правда? Вот было бы хорошо! От долгого пути я сильно устал, — сказал гость.

За разговорами и время прошло. В пятницу они решили: увидеть муллу. На второй день Алхаст пошел на общественную молитву и держался с левой стороны от гостя[168].

Люди увидели человека по правую сторону от Алхаста и поняли, что это важный гость.

Когда Алхаст и гость вошли в мечеть, люди поднялись и усадили их на самые почетные места возле самого муллы.

— Да будет ваш приход счастливым! — принял гостей местный мулла.

— Счастливыми живите, садитесь. Если вы разрешите, я с этого края сяду, — проговорил Увайс-мулла, а Алхаст добавил:

— Мулла, этот гость прибыл к нам из далеких краев. Он мулла и рассказывал удивительные вещи.

— Гость, пересаживайся сюда, — сказал местный мулла.

— Нет, я не могу сесть выше тебя, у меня нет такого права, сказал гость-мулла.

Не уговорив гостя сесть выше, все присели. Не успели они как следует поговорить, как пришлось им встать на молитву. Муллы, подталкивая друг друга, уступали друг другу первое место на молитве. Гость-мулла не соглашался стать впереди местного муллы, так как якобы не имел такою права.

Когда общественная молитва окончилась, муллу-гостя попросили дать толкование некоторым понятиям из Корана. Но он не согласился сделать его раньше местного муллы. Таким образом, авторитет местного муллы в глазах людей поднимался. После разрешения местного муллы и многочисленных просьб гость начал:

— Год назад я ходил на молитву на четвертое небо. Из-за моего греха бог лишил меня этой почести. И ваш мулла приходил туда на молитву. Я целый год искал его, чтобы он помолился за меня богу. Вы очень счастливые люди, так как он ваш мулла. Каждый, кто, умирая, будет иметь при себе его волос, может взять с собой в рай шестьдесят трех человек. Если мулла разрешит, я вырвал бы из его бороды один волос.

Обрадованный словами муллы-гостя, местным мулла подставил свою бороду, чтобы тот вырвал у него волос. Тогда гость, вытащив щипцы для волос, сказал «бисмилах» и вырвал у него один волос. Тогда каждый стал просить у муллы по одному волосу, а мулла разрешал, и у него вырвали всю бороду, а когда начали рвать волосы из усов, мулла упал без чувств.

— Он разговаривает с богом, не тревожьте его, — произнес мулла-гость.

Тогда Алхаст сказал людям, чтобы они дали милостыню гостю. Так как ему предстоял далекий обратный путь, он получил много денег. Все его отблагодарили. Он распрощался с ними и отправился домой.

103. Решение спора

Опубл.; ИФ, а 33.
Записана на ингушском языке от Х. Чапанова, с. Ачалуки ЧИАССР.

Однажды один горец приехал на жеребой кобыле к своему другу-мулле. Утром, когда хозяева и гость встали, обнаружилось, что кобыла горца ожеребилась. Жеребенок лежал под фургоном муллы. Горец обрадовался, что кобыла ожеребилась, а мулла стал утверждать, что этого жеребенка ему принес фургон. Судили-рядили, ничего не порешили.

Тогда послали гонца к одному умному человеку, который хорошо разбирал спорные дела. Когда этому человеку сообщили о сути дела, он сказал, что придет, а посланного отпустил.

Через некоторое время, громко вздыхая, этот человек пришел. Мулла спросил у него, почему он задержался, и умный человек ответил:

— Только ушел ваш гонец, как загорелась протекавшая мимо нас река. Я тушил эту реку и поэтому задержался.

— Что за вздор ты несешь? В своем ли ты уме? Разве может вода гореть?! — удивился мулла.

— Если фургон рожает жеребят, разве не может вода загореться? — сказал умный человек.

Тогда понял мулла, что не видать ему жеребенка. А горец взял своего жеребенка и уехал домой.

104. Хитрый мулла

Опубл.: ИФ, с. 33.
Записана на ингушском языке от Х. Чапанова, с. Ачалукии ЧИАССР.

В одном большом ауле жил мулла. Однажды собрал он всех аульчан и говорит им:

— Мне трудно творить молитвы по вашим покойникам, ведь на их могилах нет памятников. Без памятников невозможно определить, где какой покойник лежит. Вы должны установить памятники и дать мне по одному барану. Тогда я буду молиться за каждого покойника в отдельности.

Выслушали его горцы и все установили на могилах своих близких родственников памятники, а мулле дали по барану. Лишь на могиле матери муллы не было памятника.

Удивленные горцы спросили у муллы:

— Мулла, мы все установили памятники, почему ты не сделал этого на могиле своей матери?

— Зачем же мне воздвигать памятник? Теперь на всем кладбище нет могилы без памятника, кроме могилы моей матери, и мне будет легко ее найти, — ответил мулла.

105. Как старик обманул муллу

Опубл.: ИФ, с. 29.
Записана на ингушском языке в 1938 г. от Э. Баркинхоева, с. Кантышево ЧИАССР.

Жил старик со старухой. Не было у него больше никого ни детей, ни лошади, ни коровы. Очень бедно он жил и изредка ходил на охоту. Однажды он пробыл на охоте до позднего вечера, никого не убил и усталый возвращался домой. Ему встретился другой охотник, который дал старику двух живых зайцев.

— Теперь, старуха, нам немудрено и разбогатеть, — сказал он, придя домой. По дороге мне пришла в голову хорошая мысль.

— Что ты хочешь сказать? Что за мысль? — спросила старуха.

— Слушай меня внимательно. Ничего не забудь. Сейчас я возьму одного из этих зайцев и пойду к мулле, а ты в это время попроси в долг мяса и муки. Приготовь хороший обед и сделай лепешки. Когда я приду домой с муллой, он тебя спросит: «Для кого ты варила мясо и приготовила лепешка?» Ты ему ответь: «Прибежал заяц и сказал, что к нам идет в гости мулла. Поэтому я приготовила еду». Второго зайца посади на кровать.

Старуха так я поступила.

Старик положил зайца в талс и направился к мулле.

Мулла радушно встретил старика и начал толковать ему поучения из Корана. Долго они сидели так, и наконец старик пригласил муллу к себе отобедать.

— Ха-ха! Не пир ли ты задумал устроить? — удивился мулла, зная о бедности старика.

— Куда там, — произнес старик, — для пира кишка у меня тонка. Но из большого уважения к тебе, чтобы еще посидеть и побеседовать с тобой, приглашаю. Если ты согласен, я приказал бы жене приготовить побольше мяса, лепешек.

— Кого же мы пошлем с такой вестью к твоей жене? — спросил мулла. — Мой пастух ушел на пастбище, а с тобой нет человека…

— Да у меня есть заяц, — сказал старик.

— О каком зайце ты говоришь? Где он? — еще больше удивился мулла.

— В моем талсе, — ответил старик.

— Шутить изволишь? Что за зайца ты сюда принес? Или ты хочешь посмеяться надо мной? — рассердился мулла.

— Разве я позволю себе такое? — стал оправдываться старик. Ты, может, думаешь, что мой заяц не знает человеческого языка и не может выполнить моего поручения?

— Не мели вздор! — еще больше рассердился мулла.

— Я тебе докажу, что я прав, — сказал старик, — я сейчас пошлю зайца, чтобы жена приготовила мяса…

Старик достал из талса зайца, прошептал тому на ухо несколько слов, открыл дверь и отпустил его.

— Скажи, чтобы и лепешки приготовила, — крикнул вдогонку зайцу старик.

— Как своего затылка, не видать тебе зайца, — расхохотался мулла.

Через некоторое время, поболтав о том, о сем, отправились они к старику. Когда они вошли в дом старика, на столе дымилось мясо, жарились лепешки, а на кровати сидел заяц.

Удивленный мулла попросил:

— Продал бы ты этого зайца. Ты же бедный человек, а деньги за зайца тебе не помешают. Я бы тебе заплатил десять тума.

— Ни в коем случае, — запротестовал старик. Ни за какие деньги не продам этого зайца! Я много сил потратил на его обучение!

Сел мулла за стол, ел мясо, лепешки, а сам все время думал о зайце старика. Закончили трапезу. Старуха убрала со стола и вышла, а мулла говорит старику:

— С раннего детства любил я тебя больше всех. Продал бы ты мне зайца. Я заплатил бы тебе тридцать тума.

— Ни за какие деньги я не продам этого зайца, мулла! — заупрямился старик.

— Пятьдесят тума даю, — напирал мулла.

Но старик не соглашался.

Наконец мулла вскочил, протянул старику руку и сказал:

— Бог с тобой, даю семьдесят тума!

— Ну, только из-за большого уважения к тебе. Раз уж он так тебе понравился, забирай зайца! — сказал старик.

Мулла обрадовался и, чтобы убедиться в том, действительно ли заяц знает язык и дела людские, схватил зайца и сказал:

— Сейчас мы отправим его к моей жене, чтобы она приготовила нам обед. Чем тебя угощать? Чего ты хочешь?

Старик перепугался.

— Мы же сыты, хотел он отговорить муллу.

Но мулла настаивал на своем.

Достал мулла из кармана толстый кошелек, отдал старику семьдесят тума и сказал:

— Если ты сыт, мы накажем зайцу, чтобы жена готовила легкую пищу.

Мулла прошептал на ухо зайцу несколько слов и отпустил, а сам со стариком отправился к себе домой.

— Ну, жена, накрывай на стол, — сказал мулла, не успев приоткрыть дверь.

— Это что еще за еда?! Разве ты не был в гостях? — ворчливо ответила жена муллы.

— Что это значит? Разве заяц не сказал тебе, что я приказал приготовить легкую пищу?

— Ты что, спятил? О каком зайце ты говоришь?

— О том зайце, которого я послал к тебе.

— Я не видела никакого зайца и не знаю, о чем ты говоришь!

Мулла посмотрел на старика, а старик, хотя и испугался, но виду не подал.

— Что ты скажешь на это, старик? — закричал на него мулла. — Оказывается, твой заяц ничего не сказал. Где он? Давай мои деньги назад, старая собака!

Долго еще поносил старика мулла, а когда он немного утихомирился, старик сказал:

— Скажи, пожалуйста, мулла, что ты шептал зайцу на ухо, когда отпускал его?

— Пойди и скажи жене, чтобы приготовила легкую пищу.

— Больше ничего не сказал?

— Ничего.

Закинув голову назад, старик засмеялся:

— Бедный мой зайчонок! На меня и зайца обижаться нечего. Ты сам во всем виноват — заяц-то не знал, где твой дом, и бегает в поисках его, потому что ты не сказал, где ты живешь.

Так старик обманул муллу.

106. Мулла-обжора

Опубл.: ИФ, с. 23.

Записана Х. Осмиевым на ингушском языке в 1938 г. от В. Олигова, с. Кантышево ЧИАССР.

Во всех домах в дни уразы[169] столы ломились от обильных яств. Мулла по приглашению входил в каждый дом и обжирался. Он так наелся, что лопнул. Богатый хозяин, который последним принимал муллу, был этим весьма удручен.

Уложил он муллу на арбу и повез его домой.

Один встречный пригласил их к себе в дом отведать арбуза.

— От избытка пищи у муллы лопнул живот, — сказал богатый хозяин.

В это время лежавший в арбе мулла проговорил:

— Не мешало бы все-таки чуточку перекусить.

107. «Справедливость» муллы

Опубл.: ИФ. с 34.
Записана на ингушском языке в 1939 г. от И. Цицкиева, с Длинная долина ЧИАССР.

Жил-был в одном из затерявшихся селений мулла. И шла о нем молва как о человеке, на редкость справедливом.

Задумали однажды два молодых аульчанина убедиться в этом. Отправились они к мулле и спрашивают:

— Как избежать нам божьей кары за то, что увели мы у соседа корову, зарезали ее, шкуру продали, а мясо разделили и съели?

— Очень плохой поступок вы совершили, — помолчав, ответил мулла. Но грех всегда можно искупить. Слушайте меня: видите вон ту чинару? Найдите прямой шест такой длины, чтобы одним концом он упирался в землю, а другим достигал вершины этого дерева. Поставьте этот шест на ровном месте так; чтобы верхний конец был обращен к небу, которое вы прогневали, да простит вас аллах! И тогда откройте свои закрома и сыпьте вокруг шеста пшеницу, пока даже вершины дерева не будет видно. Пшеницу эту раздайте как милостыню (так сказано в Коране), и вы искупите свой грех.

Внимательно выслушав муллу, два аульчанина покинули двор муллы. Через некоторое время они вновь предстали перед муллой.

— Прости нас, мулла, — почтительно обратился старший, — чтобы совесть наша на том свете была чиста, мы решили признаться тебе во всем без утайки.

— Я готов вас слушать, — важно отвечал мулла, поглаживая бороду.

— Дело в том, что, отведя глаза в сторону, — тихо проговорил старший, 0 эту корову мы увели вместе с твоим сыном. Теперь скажи, справедливый мулла, как нам троим избежать божьей кары?

Растерялся мулла. Отошел в сторону и долго-долго смотрел на высокую чинару. Наконец ответил:

— После вашего ухода, перелистывая Коран, сопоставляя его мудрые поучения с расположением звезд, я понял, что шест следует ставить не вертикально, а положить его на хорошо, ровно утоптанную землю (одним концом в ту сторону, откуда вы увели корову), до половины засыпать его зерном и раздать это зерно как милостыню.

Так молва о справедливом мулле оказалась ложью.

108. Двери рая

Записал Ш. Окуев в 1963 г. на чеченском языке от неизвестного лица, с. Советское ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

На одной из вечеринок Чора устал играть на гармошке, зашел на баз и улегся на копну сена. В это время туда вошел мулла с молодой вдовушкой.

— Сегодня я хочу открыть тебе двери рай, — говорит мулла, поглаживая бороду и приближаясь к вдовушке.

Чора мгновенно вскочил и изо всей мочи стал играть на гармошке. Мулла и вдовушка убежали с база.

— Ва, Чора, ты что это задумал здесь играть на гармошке? — спросили заглянувшие на баз люди.

— Когда же играть, если не сегодня, в день, когда мулла решил открыть двери рая? — ответил Чора.

109. Наказание мулле

Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Вечерами у родника к одной женщине приставал мулла со своими шутками. Жена ничего не говорила мужу, думая, что мулла перестанет, а мулла все больше наглел. Жена поняла, что он не отстанет, и обо всем рассказала мужу. Муж сказал жене:

— Завтра я запрягу лошадей и уеду, а ты позови его в гости. Через некоторое время я вернусь и постучу в дверь, а ты посади муллу в деревянную бочку и закрой ее сверху.

Так и сделали. Муж уехал будто бы на базар, а жена пригласила муллу к себе в гости.

— Мулла, я давно желала встречи с тобой, но муж все время был дома, а сегодня он уехал на базар. Теперь мы с тобой всласть повеселимся, — сказала она мулле.

Только мулла расположился, как дома, вернулся муж и постучал в дверь. Мулла от испуга задрожал.

— Не бойся, мулла, если бы негде было спрятать, я не пригласила бы тебя. Залезай в эту бочку. Женщина посадила муллу в бочку и плотно закрыла ее.

Бочка наполовину была с водой и копотью из дымоходной трубы.

Муж стал ругать жену:

— Почему ты отпустила меня на базар без бочки? — и бросил бочку на арбу.

Гоняет муж по полю лошадей, а мулла в бочке только чертыхается.

Увидели это возвращавшиеся с базара торгаши и, удивленные, спросили:

— Что ты задумал делать?

Продолжая погонять лошадей, муж сказал:

— Прочь с дороги, я хочу поймать черта, одного я уже поймал.

Еще больше удивились торгаши и бросились следом за ним, уговаривая показать черта. Но тот ни в какую не соглашался.

— Отпустите вы черта, — говорит он им.

Торгаши дали слово, что если отпустят этого черта, то отдадут все свои товары. Муж согласился и отдал им бочку с муллой. Заглянули торгаши в бочку и увидели голого муллу, черного как уголь, со слипшейся бородой. Испугались они и бросились врассыпную. Не веря своему освобождению, мулла бросился домой.

С тех пор, говорят, мулла не ходил больше к роднику шутить с женщинами.

110. Почему на свете появился Цаген[170]

Записала Х. Галаева в 1976 г. на ингушском языке от У. Келигова, с. Кантышево ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Когда умерли пророки, вероучители, люди впали в отчаяние. Жизнь им опостылела. От горя и тяжких дум они стали умирать раньше времени.

И как-то бог послал людям Цагена развеселить их, облегчить их жизненные невзгоды, чтобы людской род не пресекся.

И вот, когда появился Цаген, поникшие головы людей поднялись. Слушая о его проделках, люди стали забывать свое горе, и им становилось легче жить.

111. Молитва в четверг

Опубл.: ИФ, т. II, с. 61.

Записал А. У. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР.

Цаген решил в четверг, что уже пятница, и стал созывать верующих в мечеть.

— Ва, Цаген, ты что в мечети делаешь, ведь сегодня же четверг, а молитва бывает лишь в пятницу? — спросили проезжавшие мимо люди.

— Когда в четверг я приглашаю на молитву, верующие соберутся к пятнице, — не растерялся Цаген.

112. Как мулла промок

Опубл.; ИФ, т. II, с. 64.

Записал А. У. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР.

Из окна своего дома Цаген увидел, как под проливным дождем бежит мулла.

— Ва, мулла, что ты бежишь, как ребенок? — спрашивает Цаген.

— Бегу, чтобы не промокнуть, — отвечает мулла.

— А разве ты забыл свои проповеди, что дождь божья благодать? Ведь от благодати, как и от кары всевышнего, не скроешься, мулла.

— Ты прав, — сказал мулла и потихоньку, весь промокший, пошел домой.

Через несколько дней лил такой же проливной дождь. Из окна своего дома мулла видит Цагена, летящего, как ветер.

— Ва, Цаген, что ты так быстро бежишь? — с ехидством кричит мулла.

— Да жалко топтать божью благодать, — на всем бегу отвечает Цаген.

113. Мулла и Цаген

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от М. Дахкильгова, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Цаген как-то ехал на арбе. Это был базарный день. В дороге догнал Цаген муллу и пригласил его сесть в свою арбу.

На дороге Цаген нашел топор.

— Как бы мне найти хозяина топора? — спросил он.

— На базаре я закричу: «Чей это топор?», и тогда мы найдем его, — сказал мулла.

Приехали они на базар. Едут среди торговцев, а мулла кричит что есть силы: «Ва, люди, этот топор…» и потихоньку добавляет: «Чей?»

«Этот топор, этот топор…» только и слышали люди и не обращали внимании на муллу. Так же он прокричал и второй и третий раз.

После этого мулла сказал Цагену:

— Я трижды извещал людей о топоре, но хозяин не объявился. За мои труды топор должен достаться мне.

Цаген понял хитрость муллы и решил отомстить ему.

Едут они обратно, Цаген закурил и стал обдавать муллу дымом. Мулла не выдержал дыма и повернулся спиной к Цагену. Цаген накурился, а горящий окурок бросил в каракулевую папаху муллы.

Дым повалил от папахи муллы. Цаген громко крикнул:

— Папаха!.. — и тихо добавил: «Горит!».

Второй раз громко крикнул:

— Папаха!.. — и тихо добавил: «Горит!».

Так поступил он и в третий раз.

При каждом выкрике Цаген поправлял папаху на своей голове.

Слышит мулла одни и те же слова: «Папаха, папаха» и видит, что Цаген хватается за свою папаху.

Мулла подумал:

«Видимо, Цаген сдуру гордится своей папахой, объеденной молью», и не обращал никакого внимания на свою папаху.

Огонь от папахи стал припекать череп муллы. Сорвал мулла с головы горящую папаху, понял, в чем дело, и закричал на Цагена:

— Что ты молчал? Что ты молчал, Цаген, видя, что моя папаха горит?

— Э, мулла, я поступил по-твоему: как ты извещал о топоре, так же точно я извещал о папахе. Нам не место на одной арбе. Слезай и топай пешком. Не позволю водить себя за нос!

И с обгоревшей папахой мулла остался стоять на дороге, а Цаген во всю мочь погнал арбу, обдав муллу пылью.

114. Шапка Цагена

Опубл.: ИФ, с. 69.
Записана на ингушском языке в 1963 г. от С Осмиева, с. Кантышево ЧИАССР.

«Никакой пользы от этого быка, кормлю только», — подумал Цаген и пошел на базар продавать его.

На базаре были три торговца, которые задумали обмануть Цагена. Цаген в это время торговался с покупателями о цене своего быка. Как только люди отошли, один из торговцев, договорившихся провести Цагена, подошел и спрашивает:

— Сколько просишь за козу?

Цаген улыбнулся, думал, что с ним шутят.

Когда тот спросил второй раз, Цаген не выдержал;

— О какой козе ты говоришь? Это же бык!

Торговец улыбнулся и отошел.

Подошел второй и спросил:

— Цаген, сколько просишь за козу?

Рассердился Цаген и громко крикнул:

— О какой козе ты болтаешь? У меня нет козы, если хочешь купить, вот тебе бык, — и он пальцем указал на быка.

Ни слова больше не сказав, второй торговец ушел. Цаген подумал:

— Неужто я привел козу? А если нет, то все не говорили бы, что это коза.

В это время, держа руки в карманах, подошел третий торговец и сказал:

— Козу продаешь, Цаген?

— Продаю, мрачно ответил Цаген.

— Сколько оросишь?

— Два с половиной тума.

Тут же торговец заплатил Цагену два с половиной тума цену козы, взял быка и ушел.

А Цаген с этими деньгами пришел к своей жене.

— Ва, жена, мы выходили с тобой, оказывается, не быка, а козу.

— Какую козу? У нас был бык. Почему ты так говоришь? — спросила обеспокоенная жена.

Цаген рассказал обо всем. Тогда жена сказала ему:

— Обманули они тебя.

— Я этого так на оставлю, — решил Цаген.

Он сшил себе шапку из белых, красных, черных, коричневых, желтых, синих лоскутов и хотел с ее помощью обмануть торговцев.

А сделал он это так. Пришел в харчевню. Дал служителю харчевни денег и сказал:

— Завтра за эти деньги приготовьте мне еду. Перед уходом я помашу этой шапкой, а вы мне ничего не говорите.

— Хорошо, мы ничего не скажем, — ответил хозяин харчевни.

Так же договорился Цаген и в двух других харчевнях. На следующий день повстречал Цаген торговцев, которые за цену козы купили у него быка, и пригласил их в харчевню.

— Сыты мы, только что пообедали, — отказались торговцы, но Цаген чуть ли не силой потащил их в харчевню.

Поели они, попили, а выходя, Цаген не стал платить за съеденное и выпитое, а лишь помахал своей пестрой шапкой.

— Что же ты не платишь, Цаген? — спросил один торговец.

— Разве у меня нет шапки? С такой шапкой в харчевне не платят, — серьезно ответил Цаген.

Во второй харчевне, как и в первой, Цаген лишь помахал шапкой, а платить не стал.

Тогда другой торговец спросил Цагена:

— Не продашь ли ты эту шапку?

— Не продам, — грубо ответил Цаген.

Стали торговцы упрашивать его.

Наконец Цаген сказал:

— Ладно уж, продам, если вы так сильно просите.

— Сколько просишь? — спрашивают.

— Сто тума, — ответил Цаген.

Они стали упрашивать его, чтобы он уступил шапку за восемьдесят тума, но Цаген не соглашался.

Уплатили они ему сто тума. Цаген забрал эти деньги и задаток из третьей харчевни и отправился домой. Предполагая, что обманутые торговцы придут отбирать деньги, Цаген вырыл во дворе дома глубокую яму.

В это время торговцы зашли в харчевню, поели-попили и, махая шапкой, стали выходить из харчевни.

— В чем дело? Почему денег не платите?

— У нас же шапка, — сказали, переглядываясь, растерянные торговцы.

— Вы что, с ума сошли? Большое дело шапка! Сейчас же платите!

Пришлось им за все заплатить сполна.

Возмущенные обманом Цагена, решили они забрать обратно свои деньги. Подходят к дому Цагена и кричат;

— Ц-а-г-е-н!

А Цаген не откликается, будто не слышит.

— Ва, Ц-а-г-е-н! — второй раз крикнули торговцы.

— Кто там кричит? Кому я нужен? Пусть ко мне входят! — крикнул из комнаты Цаген.

Первый вошел во двор самый старший из пришедших, упал в яму, вырытую Цагеном, и убился насмерть. Ждут двое других, а тот не выходит.

— Пойду-ка я посмотрю, что они делают. Наверное, Цаген не возвращает денег, — сказал второй своему другу и отправился во двор.

Как и первый, он упал в яму и убился насмерть.

Третий ждал-ждал их, подумал, что они хотят разделить эти деньги между собой, и быстро направился во двор Цагена.

Как и другие, он упал в яму, и его постигла та же судьба.

Цаген сидел довольный, закинув ногу на ногу, и думал про себя: «Ну, сукины дети, больше никого вы не сможете обмануть!»

В это время к их дому-подошел попрошайка:

— Дай мне милостыню!

— Милостыню я тебе дам, да вот похоронить одного покойника надо. Если ты его похоронишь, я заплачу тебе пять тума, — сказал Цаген попрошайке.

Цаген быстро подготовил одного из покойников и отдал нищему. Тот взял лопату, взвалил на спину покойника и отправился хоронить. До его возвращения Цаген подготовил второго покойника и, когда нищий вернулся, сказал:

— Нужно было могилу вырыть поглубже, видишь, покойник вернулся. Возьми его, да похорони поглубже.

До вечера нищий рыл могилу, похоронил покойника, и вернулся к Цагену.

— Я же говорил тебе, рой могилу поглубже, покойник опять вернулся, — сказал Цаген, указывая на третьего покойника.

— Клянусь богом, ты больше не вернешься, так я тебя глубоко закопаю, — сказал нищий.

День и ночь рыл он могилу и наконец на рассвете, похоронив покойника, шел обратно и встретил муллу в белой абе[171].

Приняв его за возвращавшегося покойника, нищий воскликнул:

— Будь ты проклят вместе со своим отцом и братьями, долго ли ты будешь возвращаться? — и ударом лопаты расколол череп мулле, похоронил его и вернулся к Цагену.

— Почему ты так долго не приходил? — спросил у нищего Цаген.

— Днем и ночью я рыл могилу и похоронил покойника, а на обратном пути вновь с ним повстречался. Ударом лопаты я расколол ему череп и опять похоронил. Вот почему я задержался, — ответил нищий.

— Напрасно ты убил чужого человека, — сказал ему Цаген, уплатил пять тума и отпустил нищего. Он засыпал во дворе яму и стал жить припеваючи.

115. Цаген и его глупая жена

Опубл.: ИФ, т. II, с. 222.

Записал А. У. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР.

У Цагена была глупая-преглупая жена, о чем знал весь аул.

Как-то в отсутствие Цагена мимо их сакли проходил один человек.

— Ва, мужчина, откуда ты идешь? — обратились к нему жена Цагена.

— Иду с того света, — ответил мужчина. — А почему ты спрашиваешь?

— Да у нас недавно умер отец. Не видел ли ты его на том свете?

— Так ты его дочь?

— Да! Не видел ли ты там нашего отца?

— Я сейчас иду с того света. Ваш отец просил меня сказать о своем бедственном положении и попросил прислать ему двадцать тума.

— Когда ты обратно возвратишься на тот свет?

— Да через несколько дней.

— Передашь ли ты ему деньги?

— Конечно, передам, — обещал незнакомец.

Жена Цагена продала за двадцать пять тума последнюю корову.

— За двадцать тума он замолит свои грехи, а пять тума ему пригодятся, — с такими словами жена Цагена отдала незнакомцу деньги.

Через некоторое время возвратился Цаген, и жена обо всем ему рассказала. Цаген быстро оседлал коня и пустился на поиски незнакомца. Увидев погоню, человек, взявший деньги у жены Цагена, забежал на мельницу и говорит мельнику:

— Спасайся, сюда приближается человек, который убивает всех мельников. Давай поменяемся одеждой, а ты спрячься в бункере под зерном.

Только мельник спрятался, как в мельницу влетел запыхавшийся Цаген:

— Куда делся вор, который только что сюда заскочил? — закричал Цаген.

Незнакомец, переодетый в мельника, ответил:

— В этот бункер он не спускался, — а сам так и тычет пальцем в бункер.

Вытащил Цаген из него дрожащего мельника и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

Мельник рассказал Цагену обо всем. Настоящий мельник и Цаген повздорили, а незнакомца и след простыл: он ускакал на коне Цагена. Понял Цаген, что его надули и, понурив голову, пешком возвратился домой. Увидела его жена и спрашивает:

— Куда ты так быстро исчез и почему возвратился без коня?

— Да я беспокоился, что отцу твоему на том свете придется ходить пешком, поэтому догнал незнакомца и отдал ему нашего коня, — ответил Цаген.

Жена была очень довольна, что Цаген с таким уважением относится к своему тестю.

116. Цаген и горец

Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный, Личный архив А. О. Мальсагова.

На пхегате собрались горцы. Один из них начал хвастаться:

— Самым богатым человеком в нашем крае был мой отец. Много табунов коней, стад коров, отар овец было у него. Он загонял их на ночь в огромный сарай, такой огромный, что не успеет молодой жеребенок пройти по нему из одного конца в другой, как становится настоящим конем.

— Разве это богатство? — вмешался в разговор Цаген. — Богатством счастлив не будешь. Вот мой отец, действительно, был счастливым человеком. Даже его жердь была счастливой. Этой жердью он доставал до небес. По своему желанию он разгонял тучи, и на землю падали благодатные лучи солнца.

— Ты врешь, — говорит горец, — где это видано, чтобы жердью можно было достать до небес?

— Откуда ты знаешь, что я вру?

— Если в твоих словах есть доля правды, то скажи, где же хранил твой отец эту жердь?

— Эх, разве ты не знаешь? Да ее хранили в сарае твоего отца!

Так Цаген вывел горца на чистую воду.

117. Долг Цагена

Опубл.: ИФ, т. II, с. 67.
Записал Ю. Мальсагов на ингушском языке от М. Инаркиева, с. Сурхохи ЧИАССР.

Цаген задолжал одному горцу гривенник. Горец ежедневно напоминал о долге. Надоело это Цагену, и сказал он жене:

— Распусти слух, что я умер.

Жена так и сделала. Среди пришедших выразить соболезнование по случаю смерти Цагена находился и горец. Не веря кончине Цагена, он сказал его жене, что, мол, Цаген завещал ему после смерти обмыть его труп.

Горец приготовил ведро холодной воды и два ведра кипятку.

— Думаешь ли ты вернуть мне гривенник или нет? Если не возвратишь, то вот тебе холодный душ, — приговаривал горец.

Цаген молчал.

— Теперь я тебе устрою горячий душ.

Цаген и тут промолчал.

Тогда горец сказал, что, по завещанию Цагена, он должен охранять его труп в течение недели.

Положил горец Цагена в солнечный могильник, а сам остался охранять его и заснул. В это время возле могильника остановились три разбойника с награбленной добычей. Оставили они одного товарища охранять коней, а сами стали делить добычу. И заспорили два разбойника: кому из них должен достаться кинжал с позолотой. Говорит один разбойник другому:

— Если одним ударом ты разрубишь этот труп пополам, то кинжал достанется тебе.

Услышав разговор разбойников, Цаген приоткрыл глаза и воскликнул:

— Боже, оставьте меня хоть мертвым в покое!

Испугались разбойники и пустились наутек. Проснувшийся горец влетел в могильник и стал требовать свой гривенник. В это время в могильник заглянул третий разбойник. Цаген сорвал с его головы папаху и протянул горцу:

— На, мы с тобой в расчете за одолженный мне когда-то гривенник.

Третий разбойник с перепугу оставил свою папаху и бежал без оглядки.

Цаген же с добычей разбойников спокойно вернулся домой.

118. Как Цаген воровал мясо у богача

Опубл.: ИФ, т. II, с, 63.

Записал А. У. Мальсагов о 1962 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР.

Цаген с двумя друзьями вознамерились украсть у одного богача мясо. Сломали они крышу амбара, и друзья посоветовали Цагену спуститься туда. Цаген спустился и на веревке подал им мешок мяса. Друзья договорились оставить Цагена в амбаре, как только получат второй мешок мяса. Услышал их разговор Цаген, сел в мешок и дал сигнал, чтобы поднимали. Схватили друзья два мешка и бросились бежать. За ними кинулись собаки богача. Рвут они мешки, достается и Цагену. Не выдержал он и крикнул:

— Держите мешки выше, ослы вы этакие!

Друзьям показалось, что это голос самого богача. Бросили они мешки и бежать, а собаки за ними.

Цаген же взял мясо и спокойно отправился к своей жене.

119. Цаген и сваты

Записала А. Чахкиева в 1978 г. на ингушском языке от своего отца М Чахкиева, г. Грозный.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Вышел Цаген из дому с двумя столбами и лопатой.

— Куда путь держишь? — спросил встречный.

— Хозяйство мое увеличилось в селе житья не стало. Хочу захватить для себя участок земли и жить за селом.

Шел он, шел, установил два столба и вернулся. Установил он эти столбы так далеко от села, что еле видны.

У Цагена была взрослая дочь. Пришли к нему как-то сваты.

— Как поживаете? По какому делу пришли? — после приветствий стал расспрашивать их Цаген.

— Прослышали мы, что дочь твоя на выданье, и некто послал нас к тебе сватами.

Цаген пошел в комнату к своей жене.

— Ты знаешь, по какому поводу у нас гости?

— Откуда мне знать? — ответила жена.

— Они пришли сватами просить руки нашей дочери, — сказал Цаген. — Хорошие люди, поэтому приготовь хороший обед.

Входит Цаген в комнату к гостям.

— Хорошо, что пришли, рад вашему приходу. Я захватил участок земли и установил два столба для будущих ворот. По какой дороге вы пришли? Если прямиком, то с такими людьми у меня разговора не будет. Мои гости должны приходить ко мне через мои будущие ворота.

— А где эти ворота? — спросили удивленные гости.

— Если пойдете по этой дорого, то увидите два столба. Это и есть мои будущие ворота.

Пошли гости-сваты искать эти ворота. По пути говорят меж собой гости:

— Всю землю захватил Цаген, селу ничего не оставил. Когда же мы до этих ворот доберемся?

Прибыли они чуть ли не на край света и стали возвращаться.

Цаген частенько заглядывал в комнату жены посмотреть, не готов ли обед, и понукал ее: поторапливайся, мол, гости уже вернулись.

Вернувшиеся гости говорят:

— Ну и участок земли ты захватил, Цаген! Жителям села здесь и делать нечего, им и скот пасти негде.

— По какой дороге вы шли? Нашли вы мои ворота?

— Нашли, отвечают гости.

— Теперь можно и о деле договорить, — радостно сказал Цаген.

— Некий молодой человек хочет жениться на твоей дочери, мы пришли к тебе сватами. Хотим узнать, что ты скажешь нам.

— Хорошо сделали, что пришли, — сказал Цаген. — Очень рад вашему приходу. Дочь моя брюхата. Если вам подходит, то я отдам ее вам. Ребенка отдадите, кому положено. Только ко мне не приносите. Она сама скажет, кому его следует передать.

Гости встали.

— Ай! — воскликнул Цаген. — Ради вас зарезаны куры, приготовлен обед! Сватовство

состоялось, а в таком случае необходимо отобедать. Но, если сватовству вы не рады, мне нечего вам сказать.

Проводил Цаген гостей и вошел в комнату жены, а она ему и говорит:

— Обед готов, пусть гости руки моют.

— Гости уже до моих ворот, наверно, дошли, — сказал Цаген.

— Как же они ушли, почему ты их отпустил? — удивилась жена.

— Клянусь, не знаю. Хорошо начали сватовство. Я сказал, что рад их приходу и этому сватовству и что моя дочь, брюхата, — обо всем поведал им, сказал Цаген.

— Да гори ты синим огнем! Людям за такую молву пулю в лоб всаживают. Опозорил ты себя и дочь, — запричитала жена.

— По-твоему, я поступил неправильно? — спросил Цаген. — Пошел я на базар продавать нашу корову, и, когда сказал, что она стельная, мне за нее дали двойную цену. Поэтому я и сказал, что дочь брюхата. Ставь обед, проголодался я!

120. Цаген и его дядя

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от А. Торшхоева, г. Грозный. Личный архив Л. О. Мальсагова.

Цаген купил на базаре белое полотно и, возвращаясь домой, встретился со своим дядей по материнской линий.

— Как поживает мой зять? Здоров ли он? — спрашивает дядя племянника Цагена.

— Плох твой зять, с утра до вечера мелет чепуху, а всю ночь молчит, будто в рот воды набрал.

Цаген говорил правду. Весь день его отец проводил за болтовней, а ночью крепко спал.

Дядя же, видя в руках Цагена белое полотно, выслушав его, подумал, что зять его при смерти, и сказал:

— Остопирлах![172] Какое несчастье! Мы сегодня же придем к вам!

И быстро распрощался.

Приехал Цаген домой и обо всем рассказал отцу.

— Это хорошо, — сказал отец. — Ты уходи со двора, а я как следует приму шурина.

Вскоре на двух арбах приехал шурин отца Цагена. На одной арбе были люди, а на другой он привез несколько баранов.

Увидел шурин живого и здорового зятя и хотел было повернуть назад.

— Нет, уж коли приехали, так не уедете!

Отец Цагена провел гостей в дом, прирезал баранов, пригласил соседей и устроил большой той.

— Этот ублюдок, принесенный ублюдком, попадись он мне когда-нибудь! — приговаривал дядя Цагена.

— Не говори так, не говори, — шептал зять, — о других моих детях можешь так говорить, а это мой законный сын.

121. Цаген на том свете

Записал И. А. Дахкильгов в 1967 г. на ингушском языке от Х. Хамхоевой, г. Назрань ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Сел Цаген на ветку большого дерева и стал ее пилить. Проходивший мимо путник сказал:

— Слушай, разве можно, сидя на ветке, ее пилить? Ты же свалишься с дерева!

— Иди своим путем, не мели чепуху! — ответил Цаген.

Путник ушел. Только Цаген кончил пилить, ветка сломалась, и он вниз головой слетел на землю.

— Правду говорил прохожий! Он, видимо, шейх, — воскликнул Цаген, оседлал осла и отправился за путником.

Догнал он его и спрашивает:

— Когда наступит мой смертный час? Пока не скажешь, я не отстану от тебя.

— Разве я похож на шейха? Отстань, ради бога, — ответил путник.

Но Цаген не отставал, и путник сказал ему:

— Ты умрешь после третьего рева своего осла!

Перевязал Цаген морду своего осла и поехал. Настала пора кормить осла. Только Цаген развязал морду осла, как тот заревел во всю глотку.

— Ай! Душа покидает меня! — побледнел Цаген.

Второй раз заревел осел.

— О боже, наступил мой смертный час! Душа моя уже в колени ушла. Не дай, боже, реветь моему ослу.

Засунул он в пасть осла шляпу из лопуха и повел осла на поводу.

Идут они, и вдруг шляпа с шумом: «То-х-х!» вылетела из пасти осла и ударилась о спину Цагена.

Осел ушел, а Цаген упал лицом в пыль, лежит и думает: «Все пропало, куда же я попаду: в рай или в ад?»

Лежал же Цаген на мосту. В это время по мосту проезжали люди с арбузами. Говорят они Цагену, чтобы он ушел с моста. А тот лежит, не шелохнется. Окружили люди Цагена и стали пинать.

— О боже! Что это за горе? Почему ты отдал меня на растерзание в ад чертям? Что плохого я тебе сделал?

— Э, мужчина! О каком аде, о каких чертях ты болтаешь? Встань и убирайся с дороги, ты не даешь проехать арбе.

— Нет, не пропущу, если вы не дадите мне арбузов, — ответил Цаген.

— Вот тебе три арбуза, только уходи с дороги.

Ваял Цаген арбузы, догнал своего осла и поехал домой.

На краю села проезжал он мимо одного дома. Игравшие на улице дети Цагена обрадованно говорят отцу:

— Дада, ты куда идешь? Наверно, эти арбузы везешь вам?

— Убирайтесь, — отвечает Цаген, — ваш дада скончался.

Но люди убедили Цагена, что он жив и находится в родном селе.

Приехал Цаген домой, сел в кругу своей семьи, поел арбузов, рассказал о своих приключениях и в конце добавил:

— Хорошие обычаи на том свете: давать арбузы покойникам, но плохо одно, и боже нас от этого сохрани: пинают там слишком сильно.

122. И я улыбнулся бы…

Записал П. А. Дахкильгов в 1967 г. на ингушском языке от Х. Хамхоевой, г. Назран ЧИАССР.

Цаген жил бедно. Как-то попросил он на время у одного богача золотой рубль. Тот одолжил.

Прошла неделя, прошел месяц, год, а Цаген и не думал отдавать долг. Надоело богачу ждать, и он напомнил Цагену о долге. Цаген ответил:

— Пройдет после этого два месяца и наступит осень. С гор начнут спускаться отары овец. Шерсть овец будет цепляться за мой колючий забор. Я соберу ее, выстираю, прочешу, спряду нитки, а моток ниток продам на базаре. Вырученные деньги, можешь быть спокоен, отдам тебе в погашение своего долга.

Убедился богач, что не получит обратно свой рубль, и кисло улыбнулся. Тогда Цаген сказал:

— Клянусь богом, если бы на моей ладони поблескивал золотой рубль, словно солнечный зайчик на зеркальной глади родника, и я улыбнулся бы.

123. Поле Цагена

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от А. Торшхоева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Много раз Цаген засеивал поле кукурузой, но она не всходила. Обратился тогда Цаген к богу:

— Милостивый боже! Дай взойти кукурузе! Если дашь, то урожай поделим пополам.

И кукуруза Цагена хорошо уродилась.

Увидел Цаген созревшую кукурузу и снова обратился к богу:

— Из нашего договора ничего не получится. Ты не пахал, не сеял, не полол со мной. Весь урожай заберу себе!

И отправился Цаген домой за арбой.

В это время прогремел гром и полил сильный дождь с градом.

Когда Цаген вернулся, поле было не узнать. Дождь, хоть и перестал, но гром продолжал греметь, сверкали молнии.

Посмотрел Цаген с разбитым сердцем на свой изуродованный участок и, все поняв, сказал:

— Теперь, боже, можешь гонять сколько угодно свои арбы по небу и зажигать спички. На этом поле ты сделал все, что было в твоих силах.

124. Цаген и старик

Записал М. Мальсагов в 1978 г. на ингушском языке от С. Плиева, г. Малгобек ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Однажды по дороге шел старик с полным мешком посуды на спине. Поднимаясь в гору, он встретил Цагена и стал просить его:

— Если ты поднимешь мой мешок на гору, я дам тебе три совета.

Цаген согласился. Взвалил мешок на спину и в начале пути попросил старика дать ему первый совет.

— Нет ничего хуже плохой жены. Вот мой первый совет, — сказал старик.

«Про это я и сам знал», — подумал Цаген и поднялся выше. На середине пути Цаген попросил старика дать ему второй совет.

— Нет ничего лучше хорошей жены, — ответил старик.

Поднявшись на вершину горы, Цаген попросил дать ему третий совет.

— Так или иначе, но без одной жены все равно не обойтись, — ответил старик.

Недовольный Цаген решил проучить старика.

— Некоторые встречные будут говорить тебе, что посуда разбилась, другие не разбилась. Но ты ни тем, ни другим не верь, пока сам не убедишься. И Цаген бросил мешок с посудой в пропасть.

125. Цаген и ангел

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от А. Торшхоева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

За душой Цагена прилетел ангел.

— Я же не звал, тебя, зачем ты прилетел? — спросил Цаген.

— Я прислан богом за твоей душой, — сказал ангел.

— Выполнит ли бог мою последнюю просьбу? — спросил Цаген, который и не думал умирать.

— Что это за просьба?

— Я хотел бы во имя бога сотворить пять молитв[173] перед смертью, — сказал Цаген.

Полетел ангел к богу и рассказал о просьбе Цагена.

— Пусть сотворит пять молитв, — согласился бог, — он успеет их сделать за одни день.

Цаген сотворил четыре молитвы.

— А пятую ждите сколько угодно, не дождетесь.

Так Цаген обманул ангела и бога.

126. Заяц и черепаха

Опубл.: ИФ, с. 75.
Записал Х. Осмиев в 1938 г. на ингушском языке от В. Олигова, с. Кантышево ЧИАССР.

Поспорили однажды заяц и черепаха, кто кого обгонит.

Выбрали они место вдали и пустились бежать. «Я-то в любое время догоню тебя», — думал заяц и не спешил, а черепаха ползла без отдыха.

Она и выиграла спор.

127. Ястреб и сова

Опубл.: ИЖС, с. 29.

Сидела сова на дереве. Прилетел ястреб и уселся рядом с ней.
— Какие мягкие у тебя перышки, — сказал он.
— А сердце у меня куда мягче, — стала хвастать сова.
— Что ж, если твое сердце такое мягкое, держись.
И ястреб бросился на сову и съел ее.

128. Ласточка и воробей

Записал А. О. Мальсагов в 1978 г. на ингушском языке от М. Вишогурова, г. Назрань ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Однажды в ауле вспыхнул пожар.
С каплей воды в клюве прилетела ласточка.
— Что значит капля воды для такого сильного пожара? — спросили у ласточки.
— Я и этим довольна, лишь бы совесть моя была чиста, — ответила ласточка.
На пожар прилетел и воробей с соломинкой в клюве.
— А ты что за думал? — спросили его.
— Вот несу соломинку, надеюсь еще сильнее разжечь пожар, — ответил воробей.

129. Сокол и ворона

Записала Р. Озисва в 1976 г. на ингушском языке от М. Гетагазовой.
Личный архив И. А. Дахкильгова.

Подружились сокол и ворона. Долетели они до места, где один князь поставил капкан около дохлого бычка и заманивал в него птиц.

— Я уморилась. Если ты не принесешь мне кусок мяса этого бычка, я не смогу лететь дальше, — сказала ворона соколу.

Подлетел сокол ближе к бычку и попал в капкан. А ворона даже не взглянула на сокола взмахнула крыльями и улетела.

Князь вынул сокола из капкана и посадил его в железную клетку. Каждый день прилетал другой сокол и с криком бился крыльями о клетку. Князь решил узнать, что это значит. Позвал он человека, который знал язык всех живых существ. Послушал тот человек крик сокола и сказал:

— Сокол, который бьется о железную клетку, говорят сидящему в ней: «Если бы ты дружил с соколом, тебя не поймали бы. Ты сам виноват».

И князь выпустил сокола из клетки.

130. Две вороны

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 106.

Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от С. Ахмадова, с. Ногай-Мирза-Юрт ЧИАССР.

Жили-были две вороны.

— Быстренько слетай и принеси воды для обеда, — сказала однажды старшая младшей.

Слетала ворона за водой, налила ее в котел и поставила на огонь.

— Полети-ка теперь и достань где-нибудь мяса, — приказала старшая младшей.

Полетела младшая искать мясо к обеду. Летит она, летит и видит пахаря, который пашет землю.

Села ворона на круп коня и стала рвать куски мяса. Увидев это, сметливый пахарь сказал:

— Ты не клюй мясо с крупа, а клюй между ребер.

Стала глупая ворона клевать мясо между ребер и, хотя и устала, ни единого кусочка не выклевала. И возвратилась ни с чем к старшей вороне.

Обозленная ворона грозно спросила младшую:

— Принесла мясо?

— Нет, не принесла, — ответила младшая.

— Тогда я обойдусь и твоим!

Старшая ворона ударила младшую и бросила ее прямо в кипящий котел.

Так старшая ворона съела младшую.

131. Кукушка

Записал Х. Арсемиков в 1977 г. на чеченском языке от неизвестного лица, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

В давние времена жила-была кукушка с тремя кукушатами. Однажды кукушка-мать заболела. Говорят, некому было приготовить ей пищу, принести воды, а кукушата о матери не заботились.

Сказала кукушка-мать старшему кукушонку:

— Пойди принеси мне воды, я очень хочу пить.

— На улице холодно, мне тяжело идти за водой, — отказался выполнить просьбу матери старший.

И два других не принесли матери ни глотка воды. Кукушка-мать собрала последние силы и улетела из гнезда. А кукушата вслед ей кричали:

— Вернись! Мы принесем тебе воды, накормим досыта и во всем будем помогать тебе.

С тех пор кукушки не знают своих родителей, а родители детей. И даже яйца кукушки откладывают в чужие гнезда.

132. Орел и лягушка

Записал А. О. Мальсагов в 1970 г. на ингушском языке от Й. Базоржина, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Высоко под облаками летел орел, в когтях его была лягушка.
«Он женится на мне», — думала лягушка и радостно кричала своим болотным подружкам:
— Выходите замуж только за благородных!

133. Мышки-подружки

Записала студентка ЧИГУ в 1976 г. на чеченском языке от М. Заурбековой, с Агишты ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

С давних пор дружили две мышки, одна жила в башне, а другая в горах. Но ни разу не были они в гостях друг у друга.

Мышка, что жила в горах, имела и муку, и мясо, и толокно, и курдюк, а другая еле-еле сводила концы с концами.

И вот жившая в горах пригласила мышку из башни к себе в гости. Хорошо ее приняла, накормила, одарила и домой проводила.

Вскоре мышка из башни пригласила мышку с гор в гости. Увидев на своем дворе подружку, мышка-хозяйка поздоровалась с ней и стала расспрашивать о житье-бытье. В это время по двору проходила кошка. Мышка-гостья спрашивает:

— Кто это? Почему у нее такие сверкающие глаза?

— Это моя свекровь, ты обязательно обними ее, — ответила мышка-хозяйка.

Бросилась мышка-гостья в объятия кошки, а та ее проглотила.

134. Мышка пришла к мышке

Опубл.: ИЖС, с. 31.

Однажды отправилась мышка искать для своего мышонка самое сильное, что есть на белом свете. Спросила она у людей, кто самый сильный. Ей сказали: самый сильный среди людей падчах — посватай, мол, своему мышонку его дочь.

Говорит мышка падчаху:

— Люди говорят, что ты, падчах, самый сильный на свете. Выдай свою дочь за моего сына.

— Сильнее меня огонь, — ответил падчах, — ведь я не могу выдержать боли от его искорки.

Пришла мышка к огню:

— Огонь, огонь, ты сильнее всех или падчах?

Огонь ответил:

— Если я самый сильный, то почему меня тушит вода? Вода сильнее меня.

Обратилась мышка к воде:

— Вода, вода, ты сильнее всех или огонь?

— Если и сильная, то как меня солнце иссушает?

Спрашивает мышка у солнца:

— Солнце, солнце, ты сильнее всех или вода?

— Если я сильнее, то почему меня тучи закрывают?

— Тучи, тучи, сильнее всех вы или солнце? — спрашивает мышка.

— Если мы сильнее, то потому нас ветер разгоняет?

Отправилась мышка к ветру и спрашивает:

— Ветер, ветер, ты сильнее всех или тучи?

— Если я сильный, то почему не могу вырвать куст с корнями?

— Куст, куст, обратилась она к нему, ты всех сильнее или мышка?

— Конечно, мышка, — сказал куст, — ведь она подрывает моя корни!

Так мышка убедилась, что она самая сильная и могущественная на белом свете и никто в мире не может с ней соперничать. Тогда она пришла к другой мышке и засватала своему мышонку ее дочь.

«Мышка пришла к мышке», говорят с тех пор.

135. Ласточка

Записала Л. Цечоева в 1971 г. на ингушском языке от неизвестного лица.
Личный архив Л. Цечоевой.

Давным-давно прилетела к нам из дальних краев ласточка. Устав от долгого перелета, присела она на дерево. Не успела ласточка вздремнуть, как свалилась с дерева и ушиблась. На крылышке ее выступила капелька крови. Обратилась ласточка к соломинке:

— Соломинка, родненькая! Прилетела я из дальних краев. Устала я от долгого перелета и присела на дерево. Не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Стерла бы ты ее, соломинка.

— Нет, не сотру, — сказала соломинка.

— Ну хорошо, — сказала ласточка, — тогда я приведу козленка, чтобы он съел тебя.

Отыскала ласточка на зеленой лужайке козленка и говорит:

— Козленок, миленький козленок! Прилетела я из дальних краев. Устала от долгого перелета и присела на дерево. Не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Попросила я соломинку стереть капельку крови, но она отказалась. Пойди со мной, козленок, съешь ту соломинку.

— Нет, не пойду я с тобой, мне и здесь на зеленой лужайке травки достаточно, — ответил козленок.

— Тогда я позову волка, чтобы он съел тебя, — сказала ласточка и полетела искать волка.

В дремучем лесу встретила она волка, который обгладывал оленя.

— Волк, волк! — сказала ласточка. Прилетела я из дальних краев. Устала я от долгого перелета, присела на дерево. Не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Попросила я соломинку стереть капельку крови, но она отказалась. Обратилась к козленку, чтобы он съел соломинку, но и козленок меня не послушал. Пошел бы ты со мной и съел бы козленка.

— Не мешай мне, я занят, — прорычал волк.

— Погоди же, волчище! Я приведу горца, чтобы он застрелил тебя, — сказала ласточка и полетела в ближайший аул.

Встретила ласточка одного горца и сказала ему:

— Добрый горец! Прилетела я из дальних краев. Устала от долгого перелета и присела на дерево. Но не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Попросила я соломинку стереть капельку крови, но она отказалась. Обратилась к козленку, чтобы он съел соломинку, но и козленок меня не послушал. Тогда я попросила волка, чтобы он съел козленка, но волк только грозно зарычал на меня. Сделай милость, добрый горец, убей волка.

— Занят я, некогда мне ерундой заниматься, — ответил горец.

— Запомни, горец, я позову мышку, и она перегрызет струны твоего пандара[174].

Полетела ласточка дальше и увидела на пшеничном поле мышку.

— Мышка, мышка! Прилетела я из дальних краев. Устала от долгого перелета и присела на дерево. Не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Попросила я соломинку стереть ее, но та отказалась. Обратилась к козленку, чтобы он съел соломинку, но и козленок меня не послушал. Тогда я попросила волка, чтобы он съел козленка, но волк только грозно зарычал на меня. Попросила я горца убить волка, но тот сказал, что занят своим делом. Мышка, миленькая, перегрызи струны на пандаре горца.

— Убирайся сейчас же! — ответила мышка. Если люди уберут свою пшеницу, то я останусь на зиму без еды.

— Не пойдешь, значит. Тогда я приведу кота, чтобы он съел тебя, — сказала ласточка и полетела искать кота.

Летит она, летит и видит у одного плетня на подстилке из перьев лежит, раскинув лапки, кот и греется на солнышке. Говорят ласточка коту:

— Кот, пушистый хот! Прилетела я из дальних краев. Устала от долгого перелета в присела на дерево. Не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Попросила я соломинку стереть ее, но та отказалась. Обратилась к козленку, чтобы он съел соломинку, но и он меня не послушал. Тогда я попросила волка, чтобы он съел козленка, но волк только грозно зарычал на меня. Попросила я горца убить волка, но и тот сказал, что занят своим делом. Стала я умолять мышку, чтобы она перегрызла струны пандара горца, но и мышка сослалась на свою занятость. Пушистый кот, съешь, пожалуйста, мышку.

— Не до тебя мне, ласточка, — повел усами кот. — Я сыт и греюсь сейчас на солнышке.

— Хорошо, усатый котище. Попрошу ветер, чтобы он развеял твою подстилку из перьев, — сказала ласточка и полетела на край света, откуда дул ветер.

Села ласточка на краю света и говорит:

— Ветер, ветер! Прилетела я из дальних краев. Устала от долгого перелета и присела на дерево. Не успела вздремнуть, как свалилась на землю и ушиблась. На крылышке моем выступила капелька крови. Попросила я соломинку стереть ее, но она отказалась. Обратилась к козленку, чтобы он съел соломинку, но и козленок меня не послушал. Тогда я попросила волка, чтобы он проглотил козленка, но волк, только грозно зарычал на меня. Попросила я горца убить волка, но и тот сказал, что занят своим делом. Стал я умолять мышку, чтобы она перегрызла струны пандара горца, но и мышка сослалась на свою занятость. Обратилась я к коту, чтобы он съел мышку, но кот лишь лениво пошевелил усами. Пожалуйста, ветер, подуй сильно и развей подстилку из перьев кота!

— Хорошо, — согласился ветер, — сейчас я дую на той стороне, а потом начну дуть на этой стороне земли.

Через некоторое время поднялся сильный ветер, готовый снести все на своем пути.

— Я иду съесть мышку, не развевай, ветер, мою подстилку из перьев, — попросил кот и бросился искать мышку.

— Я перегрызу струны пандара горца, — заспешила мышка, издали почуяв приближение кота.

— Я готов перестрелять всех волков, только не перегрызи струны пандара, — взмолился горец.

— Мне ничего не стоит проглотить козленка, — прорычал волк, испугавшись горца.

— Где тут соломинка?! — заблеял козленок.

Увидев козленка, испуганная соломинка вытерла запекшуюся кровь на крылышке ласточки.

Ниже приводится вариант сказок № 135 и 136. (скорее, № 135, со 136 просто совпадает по типу)

Записала Ж. Торшхоева в 1969 г. на ингушском языке от Б. Бекбузаровой, с. Мужичи ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Иголка

Вышла иголка играть и испачкала себе ногу. Почистить ее она попросила травинку.

— Лучше я от ветра буду качаться, чем чистить твою ногу, — ответила травинка.

— Тогда я позову козленка, чтобы он съел тебя, — сказала иголка.

— Ва, козленок, травинка не хочет почистить мою ногу, съешь ее.

— Лучше я буду питаться сочной зеленой травой, пить студеную родниковую воду, чем ходить за твоей травинкой, — ответил козленок.

— Тогда я приведу волка, чтобы он проглотил тебя.

— Ва, волк! Травинка не хочет почистить мою ногу, козленок не хочет съесть травинку. Съел бы ты козленка.

— Чем бегать за этим козленком, лучше я овец из отары буду таскать, — ответил волк.

— Я позову пастуха, чтобы он убил тебя, — сказала иголка.

— Ва, пастух, пастух!

— Что такое, что такое?

— Травинка не хочет почистить мою ногу, козленок не хочет съесть травинку, волк не хочет съесть козленка, убей волка!

— Чем убивать волка, лучше я буду играть на своем пандаре, — ответил пастух.

— Тогда я позову мышку, чтобы она перегрызла струны твоего пандара.

— Ва, мышка, мышка! Травинка не хочет почистить мою ногу, козленок не хочет съесть травинку, волк не хочет съесть козленка, пастух не хочет убить волка. Пойди, перегрызи струны его пандара, — стала просить иголка.

— Лучше я буду веселиться, бегая из норки в норку, чем грызть струны пандара, — сказала мышка.

— Я позову кошку, чтобы она тебя съела, — сказала иголка и отправилась к кошке.

— Ва, кошка, кошка! Травинка на хочет почистить мою ногу, козленок не хочет съесть травинку, волк не хочет съесть козленка, пастух не хочет убить волка, мышка не хочет перегрызть струны пандара. Приди, кошка, съешь ее.

— Чем бегать за мышкой, лучше я буду здесь лежать на мягкой пуховой подстилке, — сказала кошка.

— Я позову ветер, чтобы он развеял перья твоей подстилки, — сказала иголка.

— Ва, ветер, ветер!

— Что такое? Что такое?

— Травника не хочет почистить мою ногу, козленок не хочет съесть травинку, волк не хочет съесть козленка, пастух не хочет убить волка, мышка не идет перегрызть струны пандара пастуха, кошка ленится встать с пуховой подстилки. Приди, ветер, развей перья ее подстилки, — сказала иголка.

Примчался ветер и развеял перья подстилки. Кошка кинулась за мышкой. Мышка помчалась перегрызть струны пандара. Пастух бросился убивать водка. Волк рысцой пустился за козленком. Козленок побежал съесть травнику. Травинка стала чистить ногу иголке. Так иголка заставила почистить себе ногу.

136. Блошка и вошка

Опубл.: ИФ, с. 66.
Записана в 1939 г. на ингушском языке от Л. Манкиева, с. Долаково ЧИАССР.

Было это или нет, но как-то давным-давно отправились блошка и вошка в путь-дорогу на поиски счастья. На пути их оказалась лужица, такая маленькая, что ее мог выпить воробей.

— Перепрыгни-ка, блошка! — сказала вошка.

— Перепрыгни-ка, вошка! — сказала блошка.

— Перепрыгни-ка, блошка! — повторила вошка.

И блошка, прыгнув, перескочила лужицу. Прыгнула и вошка, да упала в воду.

— Ну, блошка, — сказала вошка, — пойди попроси у свиньи щетинку, вытащи меня.

Пришла блошка к свинье и говорит:

— Дай мне, пожалуйста, свинья, свою щетинку. Я вытащу из лужицы свою подругу и отправлюсь домой.

— Хорошо, — сказала свинья, — а ты притащи мне орешек чинары.

Пришла блошка к чинаре:

— Чинара, дай мне, пожалуйста, орешек. Я дам его свинье, а свинья даст мне щетинку. Я вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

— Хорошо, — сказала чинара, — а ты скажи ястребу, чтобы он не садился на меня.

Побежала блошка к ястребу.

— Ястреб, не садился бы ты на чинару, чинара дала бы мне орешек. Я его дам свинье, а свинья даст мне щетинку. Я вытащила бы из лужицы свою подругу и отправилась бы домой.

— Хорошо, — сказал ястреб, — а ты попроси мне цыпленка у курицы.

Бегом отправилась блошка к курице:

— Курочка, дай мне цыпленка. Цыпленка я дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, я его дам свинье, она даст мне щетинку, и вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

— Хорошо, сказала курица, я дам тебе цыпленка, а ты попроси для меня горсть кукурузы у сапетки[175].

Побежала блошка к сапетке:

— Сапетка, дай мне горсть кукурузы, и дам ее курице, курица даст мне цыпленка, цыпленка я дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, его я дам свинье, свинья даст мне щетинку, я вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

— Ладно, — сказала сапетка, — а ты скажи мышке, чтобы она не лазила ко мне.

Побежала блошка к мышке:

— Мышка, не залезай в сапетку, сапетка даст мне горсть кукурузы, кукурузу я дам курице, курица даст мне цыпленка, его и дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, его я дам свинье, свинья даст мне щетинку, я вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

— Хорошо, — сказала мышка, — а ты попроси кошку, чтобы она не ела меня.

Поскакала блошка к кошке:

— Милая кошечка, не трогай мышку! Мышка не будет лазить в сапетку, сапетка даст мне горсть кукурузы, я дам ее курице, курица даст мне цыпленка, его я дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, его я дам свинье, она даст мне щетинку, я вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

— Хорошо, — сказала кошка, — а ты попроси у коровы для меня мисочку молока.

Бросилась блошка к корове:

— Буренушка-коровушка, дай мне мисочку молока! Я дам его кошке, кошка не будет трогать мышку, а мышка не будет лазить в сапетку, сапетка даст мне горсть кукурузы, я дам ее курице. Курица даст мне цыпленка, его я дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, его я дам свинье, свинья даст мне щетинку, я вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

— Хорошо, — сказала корова, — а ты попроси для меня у косаря охапку сена.

Кинулась блошка к косарю:

— Косарь, дай мне охапку сена! Сено я дам корове, корова даст мне молока, его я дам кошке, кошка не будет трогать мышку, мышка перестанет лазить в сапетку, сапетка даст мне горсть кукурузы, я отдам ее курице, курица даст мне цыпленка, его я дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, его я отдам свинье, она даст мне щетинку, я вытащу свою подружку из лужицы и отправлюсь домой.

— Хорошо, — сказал косарь, — а ты для меня у жены попроси крынку масла.

Пустилась блоха что есть мочи к жене косаря.

— Женщина, дай мне крынку масла, его я дам косарю, он даст мне охапку сена, сено я дам корове, та даст мне миску молока, молоко я отнесу кошке, кошка перестанет трогать мышку, мышка не будет лазить в сапетку, сапетка даст мне горсть кукурузы, ее я дам курице, курица даст мне цыпленка, его я дам ястребу, тот не будет садиться на чинару, чинара даст мне орешек, его я отдам свинье, свинья даст мне щетинку, я вытащу свою подругу из лужицы и отправлюсь домой.

Жена косаря пожалела блошку и дала ей крынку масла. С крынкой масла блошка прибежала к косарю. Косарь дал ей охапку сена. С охапкой сена блошка пришла к корове. Корова дала ей миску молока, ее блошка отдала кошке. Кошка перестала преследовать мышку. Та не стала лазить в сапетку, сапетка дала горсть кукурузы. Ее блошка отдала курице. Курица дала ей цыпленка. Цыпленка она отдала ястребу. Ястреб обещал не садиться на чинару. Чинара дала орешек, его блоха отдала свинье. Свинья дала ей щетинку.

Прибежала блошка с этой щетинкой к лужице, чтобы выручить свою подругу-вошку, а та уже давным-давно подохла.

137. Муравей

Опубл.: ИЖС, с. 30.
Аналогичные сказки на этические темы широко представлены в фольклоре вайнахов.

Давным-давно один человек сказал муравью:
— Ва, муравей, какая у тебя большая голова, хоть сам ты и маленький!
— Голова бывает большая, если много ума.
— А почему у тебя такая тонкая талия?
— Талия бывает тонкой у благородного человека!
— А отчего твой зад такой толстый?
— Благородный человек не станет говорить о том, что ниже пояса, — ответил муравей.

138. Сулейман-пророк и муравей

Опубл.: ИЖС, с. 0.

Широко распространенный сюжет в фольклоре народов Северного Кавказа, совпадающий даже в деталях.

Говорят, Сулейман-пророк знал язык всех существ.

Однажды во главе большого войска он отправился в поход. По дороге им встретились муравьи. Говорят, и они проходят большие расстояния.

Войско Сулеймана стало топтать муравьев копытами коней.

Один рассерженный муравей крикнул:

— Что за глупец не разбирается в дороге, по которой едет!

Услышал это Сулейман-пророк и сказал:

— Поймайте этого муравья и принесите мне.

Когда ему принесли муравья, он взглянул на него и удивленно сказал:

— Такой маленький и такой сердитый!

— Лучше быть маленьким, да мужественным, чем большим, да никчемным, — ответил муравей.

— А какая большая у тебя голова!

— Значит, есть где поместиться уму.

— А почему у тебя такая тонкая талия?

— У благородного человека талия бывает тонкая. Я в последнюю очередь думаю о животе и ем столько, сколько нужно, чтобы не умереть.

— Сколько пищи хватает тебе на год?

— Одно зернышко пшеницы.

— Неужели ты удовлетворишься одним зерном? Не может этого быть! Давай тогда поспорим, хватит ли тебе, как ты утверждаешь, одного зерна на год, — сказал Сулейман-пророк.

Он приказал посадить муравья в коробку и бросить туда одно зерно.

Прошел год. Сулейман-пророк совсем забыл о муравье. Однажды он вспомнил о нем и посмотрел в коробку.

Муравей за год съел только половину зерна, а другая была цела.

— Почему ты съел только половину зерна? — спросил Сулейман-пророк.

— Я съел только половину зерна потому, что глупец, посадивший меня в эту темноту, мог не вспомнить обо мне еще целый год. Поэтому на всякий случай я и приберег другую половину, — ответил муравей.

139. Трехбрюхая коза

Опубл.: ИФ, т. II, с. 146.

Записал А. О. Мальсагов в 1960 г. на ингушском языке от Ф. Чергизовой, с. Верхние Ачалуки ЧИАССР.

Давным-давно жили три козы. У самой младшей было одно брюхо, у средней два, у старшей три брюха и около копыт ножи, на теле торчали сабли, а вместо бороды были иголки.

Однажды козы отправились пастись в лес. Узнал об этом волк и устроил засаду.

Наполнила свое брюхо первая коза и не спеша направилась домой.

Когда она приблизилась к засаде, волк спросил:

— Подеремся, козочка?

— Подеремся, дурень-волк, — ответила коза.

Набросился на нее волк и проглотил.

Вскоре двубрюхая коза наполнила свои два брюха и, переваливаясь с боку на бок, направилась домой.

Как и первую, спросил ее волк:

— Подеремся, козочка?

— Подеремся, дурень-волк, — ответила двубрюхая коза.

Набросился волк и проглотил ее.

К вечеру наполнила три своих брюха старшая коза и вперевалочку направилась домой.

Как только увидела она волка в засаде, сразу же спросила:

— Подеремся ли, дурень-волк?

— Подеремся, козочка, — ответил волк.

Стали они драться. Кольнет коза иголкой дырку проколет, ударит ножом ухо или ногу оторвет. А когда ударила саблей, вспорола брюхо волку. Вытащила из волчьего брюха обеих коз, и все три вместе прибыли они домой.

140. Самые большие…

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от А. Торшхоева, г. Грозный. Личный архив А. О. Мальсагова.

Прослышал осел, что раздают уши, и отправился в дальнюю дорогу. Он не знал точно, что такое уши, а только был наслышан о них.

Пришел осел на то место, где раздают уши, и кричит:

— Здесь ли делят уши?

— Здесь, — ответили ему.

— А какие они? — спросил осел.

— Какие пожелаешь! Есть и большие, и маленькие, и средние, — сказал тот, кто раздавал уши.

— А сколько просят за них? — спросил осел.

— Их дают бесплатно. Какие тебе нужны?

«Смотри, — подумал осел, — какой дурак: если бесплатные уши дают, то кто же станет брать маленькие?» И осел сказал:

— Дайте мне большие уши.

— Вот так и получили горцы длинноухого коня, — произнес тот, кто раздавал уши.

141. Осел и бык

Опубл.: ИЖС, с. 33.

На краю обрыва пасся бык. Проходил недалеко осел и сказал быку:

— Ушел бы ты, бык, с края обрыва: окажешься на моей спине.

— Что ты, о чем болтаешь? Как я могу оказаться на твоей спине?

И бык продолжал пастись.

Прошло немного времени, и бык сорвался в пропасть. Хозяин прирезал его, освежевал, а тушу и шкуру взвалил на осла и поехал домой.

Тащил, тащил осел тушу и шкуру быка, выбился из сил и говорит:

— Клянусь, бык, я ведь предупреждал тебя, чтобы ушел ты с края обрыва, ибо окажешься на моей спине. Но ты заупрямился и по своей глупости не внял доброму совету вот мне и приходится везти твою шкуру и тушу.

142. Дележ мира

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от А. Торшхоева, с. Галашки ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Давным-давно каждому выделяли его долю. Отправилась за своей долей и свинья. В дороге она подошла к речке напиться. Говорит ей рыба:

— Я не могу пойти сегодня за своей долей. На обратном пути расскажешь обо всем.

Через некоторое время свинья возвратилась. Спрашивает ее рыба:

— Что кому выделили там, где ты была?

— Тебе для жилья и веселья выделили воду. Мне и другим, зверям лес. Был там некто человек, ничего ему как будто и не дали, но говорили, что ему дали какой-то ум, — ответила свинья.

— Если ему дан ум, то порох и пули для тебя он всегда добудет, — сказала рыба.

— В таком случае и тебе крючка не миновать, — не осталась в долгу свинья.

Они расстались опечаленные.

Знаете, в чем причина этой печали?

143. Ахкотам[176]

Записал студент ЧИГУ в 1976 г, на ингушском языке от Л. Индиевой, с. Советское ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Была одна курица, которую прозвали Ахкотам. Ногами она вспахала землю, крыльями ее взбороновала и посеяла просо. Сидела она в курятнике, а один человек сообщил ей: «Лошади Ати потравили посевы твоего проса».

Ати был человек богатый. Утром отправилась Ахкотам с посохом в руке к Ати. Идет Ахкотам, постукивая палкой, и встречается ей лиса.

— Куда идешь, Ахкотам? — спросила лиса.

— Иду к Ати пусть вернет мое просо, которое потравили его лошади.

— Я тебя съем, — сказала лиса.

— Я не знаю, съешь ты меня или нет, но я тебя наверняка проглочу живьем, — сказала Ахкотам и проглотила лису.

Идет Ахкотам дальше, постукивая палкой, и встречается ей волк. Проглотила и волка. Идет дальше, и на пути ее речка. Ати жил по ту сторону речки. Ходит Ахкотам по берегу реки и кричит:

— Выходи, Ати. Я разорю твое хозяйство, если ты не вернешь мое просо, потравленное твоими лошадьми!

Ати приказал бросить Ахкотам в речку. Но курица тут же выпила всю речку.

— Верни мое просо или смешаю тебя с черной глиной, — сказала Ахкотам.

Ати приказал бросить ее в курятник: Тогда Ахкотам выпустила лису, и та передушила всех кур в курятнике.

— Ты останешься без хозяйства, верни мне просо! — сказала Ахкотам.

Ати приказал бросить ее в овчарню. Тогда Ахкотам выпустила волка, и он не оставил в живых ни одной овцы.

— Верни мое просо или я разорю все твое хозяйство! — сказала Ахкотам.

— Сожгите эту проклятую курицу! — сказал Ати.

Только бросили ее в костер Ахкотам выпустила всю воду. И все хозяйство Ати поплыло по реке.

Ати вернул просо, и Ахкотам возвратилась домой.

144. Разговор косули с кизилом

Записал И. А. Дахкильгов в 1069 г. на ингушском языке от Х. Ханиевой, г, Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Мчалась косуля, и на пути ее оказался кизил. Говорит ему косуля:

— Ассалам-алейкум, кизил, который подкладывают под сухие дрова!

Слова эти означали: «Хотя кизил и сырой, но горит — хорошо, и подкладывают его для растопки дров».

На эти лестные слова косули кизил ответил:

— Ва алейкум-салам, косуля, бульон из которой бывает вкуснее мяса!

— Э-э-э-х! — горестно воскликнула косуля, если таким вкусным будет из меня бульон, то мясо должно быть еще вкуснее, и люди не дадут мне покоя.

Косуля так расстроилась, что у нее разорвалось сердце.

145. Волк, лиса и еж

Опубл.: ИЖС, с. 23.

Заспорили как-то лиса, волк и еж о том, кто быстрее опьянеет.
— Стоит мне лишь языком лизнуть, и я уже пьян, — сказал волк.
— Я пьянею от одного запаха, — сказала лиса.
Не успели волк и лиса сказать об этом, как еж уже валялся на траве вверх ногами:
— А я пьянею от одного разговора о выпивке.

146. Волк, лиса и петух

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 172.
Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от Ш. Хасуева, с. Гелдаган ЧИАССР.

Высоко в горах, в необитаемых лесах собрались однажды волк, лиса, петух и по совету лисы решили выстроить шахар.

— Как же нам это сделать? — спросили волк и петух. — С чего начать?

Лиса ответила:

— Волк будет из лесу дрова приносить, я буду дым к небесам пускать, а петух по утрам кукарекать. Вот и станут люди говорить, что мы основали шахар.

На следующий день волк пошел в лес за дровами, а лиса бросилась на петуха и оторвала ему хвост.

Возвратился волк и видит, петух на дереве с оторванным хвостом.

— Что это с тобой? — удивился волк.

Когда петух рассказал о случившемся, волк кинулся на лису и оторвал ее пышный хвост. Отбежала лиса в сторону и кричит:

— Если мы будем отрывать друг у друга хвосты, шахар нам никогда не выстроить!

147. Следы не выходят

Записал И. А. Дахкильгов в 1973 г. на ингушском языке от М. Велиева.
Личный архив И. А. Дахкильгова.

Постарел лев и лежал голодный. Он не мог уже охотиться, поэтому звал зверей к себе в логово и съедал.

Позвал он однажды волка и лису будто имел к ним дело.

Волк пришел сразу, а лиса решила подождать.

Через два дня отправилась она ко льву. Подошла к логову и видит: волчьи следы ведут в логово льва, а обратно не выходят.

Не пойду я ко льву, — решила лиса и ушла.

148. Лиса и лев

Опубл.: ИФ. т. II, с. 180.

Записал А. О. Мальсагов в 1960 г. на ингушском языке от Ф. Чергизовой, с Верхние Ачалуки ЧИАССР.

В лесу жили разные звери. Владыкой над ними был лев. Собрались как-то звери и решили: «Каждый день в назначенное время будем приносить льву дань». Лев был доволен таким решением.

Наступила очередь нести дань лисе. Лиса пришла, а лев начал ее ругать:

— Ты почему так задержалась?

— Наш повелитель и владыка! Мне было поручено принести тебе лису. Вела я лису, но по дороге на меня набросился какой-то лев и отобрал ее.

— Куда девался этот лев?

— Я покажу, куда он скрылся, — сказала лиса и подвела льва к глубокому колодцу. — Сюда он спустился, но заглянуть в колодец я боюсь.

Взял лев лису в лапы и глянул в колодец. А в воде появилось отражение льва и лисы.

Разъяренный лев отбросил лису в сторону и прыгнул в колодец. Там он и сдох.

Звери освободились от льва и стали жить спокойно.

149. Перепелка и лиса

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушской языке от А. Торшхоева, с. Галашки ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Аналогичный вариант опубликован в кн.: «Чечено-ингушский фольклор» [40, 03].

Лежала лиса и плакала от голода. Увидела ее перепелка:

— Что с тобой, лиса? Может, рассмешить тебя, может, накормить досыта или напугать до смерти?

— Первым делом накорми меня досыта, — сказала лиса.

— Хорошо, — сказала перепелка. — Смотри вон идет женщине и несет жаренные на масле лепешки. Я заставлю ее оставить лепешки, а ты их съешь.

Полетела перепелка и села впереди женщины. «Поймаю птичку для своего сына», — решила женщина, поставила лепешки и стала ловить перепелку.

Когда женщина и перепелка отошли подальше, лиса быстро съела все лепешки. Перепелка тут же вспорхнула и улетела.

— Ну что, накормила я тебя досыта? — спросила перепелка.

— Накормила, — ответила лиса. — А теперь рассмеши!

Повела перепелка лису к пахарям. Устроила ее неподалеку, а сама взлетела на голову одного пахаря. Второй пахарь хотел ударить ее нухдувхиргом[177], перепелка тут же отлетела, и удар пришелся по голове пахаря. Тот свалился.

Катается лиса по земле и хохочет.

— Ну как, рассмешила я тебя? — спросила перепелка.

— Рассмешила, — ответила лиса. — А теперь напугай меня!

— Не проси, чтобы я напугала тебя, — стала отговаривать перепелка, но лиса настаивала на своем.

Спрятала перепелка лису в чаще леса и улетела. Встретила она охотников с гончими и села перед ними, а гончие бросились за ней. Так привела она гончих к лисе, ударилась о ее спину и улетела.

Не успела лиса юркнуть в нору, как гончие оторвали у нее хвост. Когда охотники с гончими ушли, вылезла лиса из норы, перепуганная до смерти, и сидит.

— Я говорила тебе, не заставляй себя пугать. Теперь раскаиваешься? — спросила перепелка.

— За то, что ты меня так сильно напугала, я съем тебя. И лиса схватила перепелку зубами.

— Лисичка, какой у нас сегодня день? Я бы хотела знать, в какой день я умираю, — спросила вдруг перепелка.

— Среда-а, — разинула пасть лиса.

И перепелка улетела.

— Чем говорить «среда-а», лучше бы я произнесла «ср-р-р», сказала лиса, заскрежетав от злости зубами.

150. Волк и лиса

Записал И. А. Дахкильгов в 1968 г. на ингушском языке от Л, Ханиевой, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

«Недостойным делом я занимаюсь, разве это добыча? Вот волк сразу уносит барана, корову, быка. Брошу своих кур и отправлюсь с волком», — сидела и раздумывала лиса.

В это время мимо нее пробегал волк.

— Куда путь держишь? — спросила лиса.

— Иду за рогами.

— Возьми меня с собой, — стала просить лиса.

— А каким воровством ты прежде занималась?

— Я промышляла курами, гусями, иногда индюками.

— Ты мне не пара, лисица, — ответил волк, — ты привыкла к перу, а я к рогам. И волк рысью бросился дальше.

«Посмотрю хоть, как волк охотится», — решила лиса и побежала вместе с ним.

Видят они: на краю села пасется бык.

— Смотри, лиса, как я охочусь, — сказал волк и кинулся на быка.

Бык мотнул мордой и поддел волка на рога. «Вот ты и получил рога. Нет, лучше я буду промышлять своими перьями», — подумала лиса и пустилась наутек.

151. Медведь, волк, лиса и свинья

Опубл.: ИЖС, с. 35.

В давние времена медведь, волк, лиса и свинья решила вместе перезимовать.

Свинья была жирной и напоминала мешок, до отказа набитый отрубями. Медведь, волк и лиса, глотая слюну, исподтишка поглядывали на свинью.

Как-то свинья отправилась по своим делам, а медведь, волк и лиса договорились меж собой…

Вернулась свинья. Волк и лиса поднялись со своих мест… Медведь же из лени даже не поднялся с места. Но и он улыбнулся. Лиса вертелась вокруг свиньи, будто соскучилась по ней. Волк направился к выходу.

— Вернись, волк. Садись и ты, лиса. Что ты вертишься, будто мы видимся впервые, — сказал медведь.

Волк и лиса уселись возле свиньи и устремили взгляд на медведя.

— Сегодня я много думал и решил вот что, — начал медведь.

— Расскажи, что же ты решил, — попросил волк.

— Расскажи, ради бога, если ты что-то решил, то это и будет самым правильным, — сказала лиса, облизываясь.

— Мы знаем, что зима долга и холодна… Не правда ли? С нашими запасами нам не дотянуть до весны. Убейте меня, всю зиму питайтесь моим мясом, а весной оживите меня, — сказал медведь.

— И не думай так… Кто сможет есть тебя, ведь в тебе нет ни куска мяса один лишь жир, — сказала лиса.

— Тогда убейте меня, а весной оживите, — предложил волк.

— Твое мясо пуля не берет, не то что наши зубы, в тебе лишь одни жилы, — сказал медведь.

— Тогда убейте меня, — предложила лиса.

— Брось ты, в тебе лишь пучки волос, — сказал волк.

— Тогда убейте меня, а весной оживите, — предложила свинья.

— Хорошо, весной мы тебя оживим, — обрадовались звери и разорвали свинью.

— Пойдите на речку и хорошенько промойте внутренности свиньи, — сказал медведь волку и лисе.

Полоскают волк и лиса на речке свиньи кишки, и лиса предлагает волку:

— Давай съедим прямую кишку!

— Тогда медведь убьет нас, испугался волк.

— Да он и не узнает об этом мяса так много! Медведь и не вспомнит о ней.

— А если вспомнит?

— Этого не бойся, я все устрою.

— Каким образом?

— Медведь спросит: «Куда делась прямая кишка?» — А ты посмотри на меня. За все остальное я отвечаю.

Съели волк и лиса прямую кишку и вернулись назад. Стал медведь раскладывать кишки, а потом зло посмотрел на волка и лису:

— Куда девалась прямая кишка?

Испуганный волк посмотрел на лису.

— Ишь ты! Сам съел, а смотрит на меня, — сказала лиса.

Кинулся медведь на волка, а тот бежать со всех ног. Медведь за ним. Долго бежал медведь за волком, устал и говорит:

— Эй, не убегай! Ничего не поделаешь. Мы вычтем из твоей доли съеденную кишку.

Бежит испуганный волк впереди, а озлобленный медведь за ним, а лиса тем временем быстро вырыла яму и спрятала в нее мясо свиньи.

Видит лиса, что медведь и волк возвращаются, трет лапой глаза и плачет. А волк и медведь видят, что мяса свиньи нет, а на том месте, где оно лежало, сидит плачущая лиса, и спрашивают:

— Куда подевалась свинья?

— Я еще не успела прийти в себя, как свинья ожила и сказала: «Такие недружные товарищи и весной меня не оживят. Пусть я буду и без прямой кишки» и бросилась вон, — сказала лиса.

152. Крестьянин, медведь, лиса и овод

Записала Ж. Торшхоева в. 1978 г. на ингушском языке от Б. Бекбузаровой, с. Мужичи ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Крестьянин впряг волов и пахал землю. Увидел медведь вспаханную землю и подивился силе волов.

— Какая сила у этих волов! Что ты сделал, чтобы они стали сильными? — спросил медведь.

— Я их выхолостил, — ответил крестьянин.

— Тогда выхолости и меня, чтобы такая сила была и у меня, — сказал медведь.

Выхолостил крестьянин медведя и сказал ему:

— Утром до восхода солнца будешь бегать по росе, а после восхода солнца ложись на спину на солнечной стороне горного склона.

Послушался медведь крестьянина, и стали его раны гноиться. Лежит медведь и жалобно стонет. Подходит к нему лиса и спрашивает:

— Что с тобой, медведушка?

Рассказал медведь и, застонав, произнес:

— Вряд ли я останусь жив.

— Я отомщу крестьянину: напугаю волов и испорчу всю пахоту, — сказала лиса.

Только лиса появилась на пахоте, крестьянин ударил ее нухдувхиргом и перебил лисе лапу. Прибежала лиса к медведю и легла рядом с ним.

— Что с тобой случилось, лисонька? — спросил медведь.

— Тебя он только выхолостил, а мне ноги перебил, — сказала лиса.

Лежат медведь с лисой на солнце, и подлетает к ним овод.

— Что с вами случилось? — спрашивает овод.

Медведь и лиса обо всем рассказали оводу.

«Я покусаю волов; и они разбегутся», — решил отомстить овод крестьянину.

Полетел овод и уселся на волов. Крестьянин войлочной шляпой поймал его, воткнул ему в зад соломинку и отпустил. Прилетел овод к медведю и лисе и жалуется:

— Мне досталось куда больше, чем вам.

— Что он тебе сделал? — спрашивает лиса.

Показал им овод, что с ним сделал крестьянин.

— Нам лучше убираться отсюда подальше, пока крестьянин нас не убил.

С тех дней, говорят, оводы, лисы и медведи живут высоко в горах.

153. Глупый волк, умные бараны, храбрый конь и умный осел

Записала Д. Дзаурова в 1972 г. на ингушском языке от неизвестного лица. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жил-был волк. До глубокой старости жил он в одиночестве. Перед смертью решил проведать своих братьев.

Отряхнул он свою шубу от пыли, укутал шею дырявым башлыком и отправился в дорогу.

Шел он, шел и пришел к селу вроде Долаково[178].

За этим селом он увидел на лужайке двух баранов и решил их съесть, но подумал: «Я так голоден, что баранов мне сейчас не одолеть».

Заметили умные бараны волка и говорят:

— Дорогой волк, прежде чем нас съесть, встань посреди нас и дай нам перед смертью взглянуть друг на друга.

— Ладно, я согласен, — сказал глупый волк.

Стал он между баранами, и они с разбегу ударили рогами и переломали ему все ребра.

Привел волк себя кое-как в порядок и поплелся дальше.

Шел он, шел и на краю села вроде Экажево повстречал коня. Решил волк съесть его. Но конь увидел волка и сказал ему:

— Прежде чем съесть меня, вырви гвоздь из копыта моей задней ноги.

— Хорошо, — согласился глупый волк.

Конь протянул ногу и, только волк приблизился, ударил его копытом и выбил клыки из волчьей пасти.

Визжа и плача, отправился волк дальше.

Шел волк, шел и пришел к селу вроде Плиево. Увидел он около холма осла. Подумал про себя осел: «Отсюда ты еле ноги унесешь».

И только волк подошел, осел говорит:

— Серый, разреши мне перед смертью раза два прокричать.

Глупый волк согласился: Услышали люди крик осла, поняли, в чем дело, и с вилами, кольями и собаками побежали к ослу.

Бросился волк со всех ног наутек и попал в яму. Люди побили его камнями; собаки вдоволь налаялись, и все разошлись по домам.

Стал волк вспоминать свои похождения:

«Будь я проклят! Разве я зять, чтобы стоять между свояченицами?! Хорошо ребра помяли и правильно сделали.

Врач я или кузнец, чтобы вытаскивать гвозди?! Выбили из пасти клыки и правильно!

Что я попал в кино или в театр, чтобы позволять ослу петь? Хорошо избили они меня, теперь вовек мне из ямы не выбраться. За это следовало меня схватить двум мужчинам за хвост и избить палками».

В это самое время в яме оказались двое мужчин. Они возвращались после разбоя, попади в яму и не могли выбраться из нее. Схватили они волка за хвост и стали бить его палками. Волк выскочил из ямы, а мужчины уцепились за его хвост и тоже оказались наверху. От радости они не стали убивать волка, и снова бросили несчастного в яму. Он и сейчас, говорят, сидит там.

154. Волчица и пастух

Записал С Патиев в 1974 г. на ингушском языке от Е. Беркинхаевой, г. Назрань ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Младший сын отца пас в горах овец. Его считали не очень умным, но относились к нему с уважением.

Возле пещеры, куда он загонял овец, была волчья нора. В ней жила волчица с четырьмя волчатами. Младший сын давал волчице внутренности зарезанного им барана. Поэтому волчица берегла его отару.

Как-то младший сын погнал отару пастись высоко в горы у пещеры остался один хилый барашек. Волчица ушла в лес, а в это время из норы вылезли волчата и съели занемогшего барашка.

Возвратился пастух и подумал: «Наши соседи одержали верх — волчата съели оставленного барашка. Я проиграл и должен покинуть это место».

В это время из лесу вернулась волчица и узнала, что произошло. Вскочила она в нору, вышвырнула оттуда волчат и стала изо всех сил трепать их.

Тогда пастух сказал волчице:

— Отпусти волчат, не бей! Я сам виноват, что оставил их голодными. Больше они не будут так делать.

Ночью юноша услышал выстрел. Выскочил он из пещеры и увидел, что волчица принесла большого барана.

Она унесла этого барана из чужой отары взамен барашка, которого съели ее волчата.

155. Волк, лиса и еж

Опубл.: ИФ, с. 64.
Записал Х. Осмиев в 1933 г. на ингушском языке от А. Гатиева, с. Ангушт ЧИАССР.

В давние времена отправились в путь волк, лисица и еж. По дороге они нашли кайсарилг[179]. Каждый из них хотел заполучить свою долю.

— Так, так, — сказал волк. Если мы разделим кайсарилг на три части, то нам достанется очень мало, а так, чтобы вся она принадлежала одному из нас, мы не сможем договориться. Ее съест тот, у кого отец был самый высокий.

Лисица и еж согласились с волком.

— Ну, как высок был твой отец, волк? — спросила лисица, виляя хвостом.

Волк, не теряя достоинства, отвечал:

— Когда мой отец стоял рядом с высокими горами, они были ему лишь по пояс.

— А как высок был твой отец, лиса?

Лиса, взглянув вверх, сказала:

— Видите на небе белые облака? Отец мой был такой высокий, что головой касался их.

Еж, не ожидая вопроса, быстро проговорил:

— А не говорил ли твой отец, лисичка, что его головы касалось что-то мягкое?

Лиса, обрадованная этими словами, подумала, что еж имеет в виду облака, и радостно произнесла:

— Да, да, говорил, конечно, что его головы касалось что-то мягкое.

— Так это была мотня штанов моего отца, — сказал еж.

Волк не мог вынести, что кайсарилг достанется не ему.

— Тогда давайте, — сказал он, — побежим наперегонки, и кто обгонит, тот и съест кайсарилг.

Лиса и еж согласились. Они поднялись на высокую гору, чтобы сбежать с нее вниз. Волк и лисица со всех ног кинулись бежать под гору, а еж свернулся в шарик и скатился с горы. Не успели волк и лисица месте добежать до середины пути, как еж уже был на месте.

ЛЕГЕНДЫ

156. Как возникли солнце, месяц и звезды

Опубл.: ИФ, т. II, с. 20.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от одаренной сказительницы Г. Бековой сестры известного ингушского поэта Т. Бекова, г. Грозный.

Все это неправда, но в старину рассказывали следующее. Жил молодой человек неописуемой красоты. Он был искусный кузнецом. От искр его кузни, казалось, молнии сверкали.

В это же время жила одна девушка. Она безвыходно сидела в высокой башне без окон и дверей. От ее красоты исходило сияние, которое было видно издали.

— Я женюсь на ней, — решил молодой человек и послал сватов.

Девушка была его сестрой; он не знал об этом, а девушка знала.

— От огня и золы его кузни исчезнет мое лучезарное сияние я не пойду за него замуж, — придумала причину девушка, чтобы отказать юноше.

Она не имела права признаться в том, что она его сестра.

Отказ девушки очень огорчил молодого человека. Темной ночью он взял золотую головешку, которая неделю калилась в его кузне, и отправился к девушке.

Увидев его, девушка бросилась бежать, он за ней. Долго-долго бежал он за ней, до тех пор, пока оба не погибли.

Искры от золотой головешки превратились в звезды. От девушки осталось лучезарное сияние, от молодого человека головешка. Они превратились в солнце и луну. До сего времени солнце не может догнать луну.

157. Спор о солнце и луне

Записал И. Л. Дахкильгов на ингушском языке от А. Ханиева, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жили два брата. Однажды они повздорили между собой.

— Солнце мое, а луна твоя, — говорил один.

— Нет, твоя луна, а солнце мое, — говорил другой.

Долго они спорили, но к согласию не пришли и пошли по свету разрешить этот спор.

Долго они шли и сильно устали. Сели отдохнуть в тени чинары. С чинары упала большая змея, обвилась вокруг старшего и стала сдавливать его горло.

Тогда младший брат взял змею за голову и потянул. Змея оставила старшего брата в обвила младшего. Старший ударом шашки убил ее и случайно перерезал горло младшему. Младший брат испустил дух. С горя старший брат размотал с тела младшего змею и бросил ее в трясину. Змея сразу ожила.

Старший брат понял, в чем дело. Отрубил он мизинец левой руки и ткнул палец в трясину. Палец тут же прирос обратно. Взял он из трясины воду и побрызгал ею брата. Тот сразу ожил. Поняли братья, что это за трясина.

— Мы можем из этой трясины добыть много золота, — сказал младший брат.

— Что нам надо делать? — спросил старший брат.

— Ты будешь врачевать. Я распущу слух, что ты оживляешь мертвых.

Младший брат приносил из трясины воду, а старший оживлял ею мертвых и врачевал больных.

Прошло пять лет. Сильно разбогатели братья. С каждым днем младшему брату становилось все труднее, так как вода в трясине стала кончаться.

Однажды, когда он пошел за водой, из трясины поднялся сармак и сказал:

— Ты хочешь лишить меня покоя? Что ты делаешь с водой? Как много ты ее уносишь!

Испугался младший брат и бросился бежать.

— Остановись! — крикнул сармак. — Если ты сделаешь еще шаг, я убью тебя. Подойди и отвечай на мои вопросы.

Подошел младший брат и все рассказал: как упала с чинары змея, как старший брат убил ее, как она ожила, как брат оживил его, как они излечивали людей…

— В этой трясине вода кончилась не потому, что ты ее уносил. Когда люди на земле не умирают вода в трясине уменьшается. Если вода в трясине кончится, весь мир погибнет. Поклянись своим отцом, что придешь сюда со своим старшим братом.

— Я не могу дать тебе такую клятву, потому что, поклявшись за него (а он может и не прийти), я могу стать клятвопреступником. Я передам ему твои слова. Сам же, клянусь отцом, завтра приду к тебе.

— Ты прав. Иди, а завтра придешь вместе с братом, — и сармак скрылся под водой.

Понурый пришел младший брат домой, передал старшему весь разговор с сармаком и добавил:

— Завтра мы должны пойти к нему.

— Я не такой глупец, как ты, чтобы встречаться с сармаком. Если хочешь, сам иди к нему.

На второй день младший брат пошел с сармаку.

— Ну, где твой брат? — спросил сармак.

— Он не захотел прийти, — ответил младший.

— Если бы он пришел, я бы отпустил вас невредимыми и освободил бы вас от врачевания. Вы вышли из дому со спором о луне и солнце. Этот спор разрешу я.

— Ты человек честный, и солнце тоже. Ты будешь славным соколом с зорким взглядом и будешь летать днем. Твой брат бесчестный человек — луна его. С этого дня он будет лупоглазой совой и будет летать только ночью.

Только сармак произнес молитву, как младший брат превратился в славного сокола, а старший в лупоглазую сову.

Увидит сокол днем сову и бросается на нее. Это младший брат недоволен старшим, а старший, вспоминая, как лишился солнца, прячется от дневного света.

158. Сын Месяца

Записала Ж. Торшхоева в 1967 г. на ингушском языке от Х. Торшхоева, с Чермен Северо-Осетинскои АССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Возможно, данный сюжет сказочный, за исключением концовки, которая относится, скорее, к легендам.

В далекие времена жили муж с женой. У них было семеро сыновей. Они молили бога, чтобы он даровал им девочку. Через некоторое время родилась девочка — все ее любили и лелеяли. Не исполнилось ей и нескольких месяцев, как у этих людей стали пропадать с яблонь яблоки. Стали они сторожить, и выстрелом из ружья ранили одного вора в палец. Но вор убежал. Тогда собрали всех жителей села, чтобы опознать вора. У всех пальцы были целы.

— Остался ли кто-нибудь в селе непроверенным? — спросили.

— Остался один ребенок в люльке, — ответили.

Осмотрели ребенка, и у него действительно не хватало мизинца. Это была недавно родившаяся девочка.

— Эта девочка станет ведьмой, — сказали люди и решили, что ее надо убить.

Но мать упросила людей не убивать девочку, и они оставили ее в живых. На ее смерти настаивал младший брат:

— Если вы ее не убьете, я покину дом.

И через некоторое время он уехал. После этого прошло много лет, и он решил проведать своих отца-мать и братьев. Возвратился он в село и не увидел ни одного живого человека. Подъехал к своему дому, спешился, но никого в доме не обнаружил.

Сидит он в комнате, а из-под пола выскочила мышка, из-за двери, вышла кошка, из-под подоконника выполз муравей.

— Кто ты и откуда? — спросили они.

Тогда младший брат рассказал им, почему он ушел из дому, и о своем решении повидать родителей и братьев.

— Хорошо, что ты ушел отсюда, потому что твоя сестра, как только начала ходить, сразу съела мать, отца, потом братьев, всех односельчан и все живое. Только мы трое от нее спаслись. Сейчас она придет. Она предложит тебе есть, но ты скажи, что сыт, и попроси ее, чтобы она принесла тебе в решете воды. Так ты сможешь от нее спастись. И мышка, кошка и муравей быстро спрятались.

В это время вернулась сестра-ведьма.

— С добрым приходом, гость из нашего края! Как долго ты не возвращался к своей сестре, — сказала она.

— Пусть долго ты не проживешь![180] — сказал брат.

Видит брат: выскочила его сестра-ведьма и съела одну ногу у коня. Вбежала она в дои и спросила:

— На скольких ногах ты прибыл? Да умрет твоей матерью рожденная![181]

— На трех ногах прибыл, чтобы моей матерью рожденная умерла! — ответы брат.

Опять выскочила ведьма во двор и съела вторую ногу коня. Зашла и спрашивает:

— На скольких ногах ты прибыл?

— На двух ногах прибыл.

Съела еще одну ногу и спрашивает:

— На скольких ногах ты прибыл?

— На одной ноге приехал, да умрет моей матерью рожденная! — ответил брат.

Съела сестра-ведьма последнюю ногу коня и спрашивает:

— На чем ты приехал, моей матерью рожденный?

— Ползком на животе приехал.

Съела сестра-ведьма всего коня, оставила одни кости и спрашивает:

— А теперь ты на чем приехал, мой братик?

— Пришел пешком, — ответил брат.

— А что бы ты поел, братик?

— Я сыт, — ответил младший брат, но хотел бы выпить водицы, принесенной в отцовском решете.

Схватила сестра-ведьма решето и бросилась за водой. В это время из-под пола появилась мышка, через дверь вошла кошка, из-под подоконника вылез муравей. Они сказали:

— Возьми с печки брусок и точило, потри ими кости своего коня и произнеси: «Стань прежним, мой конь», и конь твой оживет. Потом возьми гребенку матери, купорос и уголь из очага. Как только почувствуешь за собой погоню, бросишь они тебе помогут. И они попрятались по своим местам.

Младший брат исполнил их советы и бросился бежать. Только он стал скрываться из глаз, сестра-ведьма бросила решето и пустилась за ним. К полудню она стала догонять брата. Брат бросил гребенку и пожелал, чтобы между ними оказался лес. И вырос лес, густой, как зубья этого гребешка. Брат дал отдохнуть коню и поскакал дальше.

Через некоторое время он услышал за собой погоню. Тогда он бросил купорос, и между ним и сестрой-ведьмой раскинулось большое купоросное поле.

Ведьма преодолела купоросное поле и стала его догонять. Бросил брат уголь, и между ними возник туман, черный как уголь.

Уже наступил вечер, потом ночь, и брат подумал, что спасся, но в это время он вновь услышал шум погони. Во всю прыть пустил он своего коня.

— Не убегай, все равно не спасешься! — услышал он за собой крики сестры-ведьмы.

Младший брат уже не знал, что ему делать, как спастись. Посмотрел на небо. Увидел в небе Месяц и обратился к нему с просьбой:

— Ва, Месяц, возьми меня к себе!

И Месяц стал поднимать его к себе. Ведьма бросилась вслед и успела оторвать одну ногу коню.

Старики говорят, что месяц и брат будут находиться вместе до наступления абаде[182].

159. О возникновении благодати земной

Записал И. А. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке от Л. Магиева, с Алкум ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

На всей земле, на которой мы сейчас живем, когда-то была засуха. На всей земле не было ни капли воды, ни растений.

Прилетела огромная белая птица и опустилась на землю. Своим телом птица покрыла всю землю такой огромной она была. От помета этой птицы возникли вода и семена. От этих семян, говорят, выросли на земле лес, трава, сады, зерновые. А из воды разлились моря, озера, реки.

Вода уничтожила засуху, а семена удобрили землю. От воды и семян пошла благодать земная.

160. Возвращение благодати

Записала Р. Сайдулаева в 1976 г. на чеченском языке от С. Сайдулаева. с Алхан-Кала ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Некто проснулся утром, вышел во двор и увидел, что по свежему снегу следы ведут из его дома. Но во дворе следов не было. Стал он думать: «Что это могло значить, кто же ушел из дому?» Решив это разузнать, он отправился по следу, который привел его к пещере. Человек вошел в нее и крикнул:

— В мой дом следов нет, а только из дома. Что это означает? Кто ушел от меня?

Голос ему ответил:

— Я, благодать, которая рассердилась на тебя и покинула твой дом. Зря ты трудился и пришел за мной.

Тогда человек стал умолять благодать вернуться, говоря, что он без благодати пропадет.

Благодать ответила:

— За то, что ты потрудился и пришел ко мне, я дам тебе что-нибудь одно. Хочешь проси золото или большое хозяйство, хочешь проси здоровье или что-нибудь другое, но не проси меня вернуться к тебе.

Подумал человек и сказал:

— У меня ума мало. Если ты позволишь, я посоветуюсь дома.

Благодать согласилась. Он вернулся домой и обо всем рассказал своим. Ему стали советовать: кто попросить золото, кто зерно. Жена же сказала:

— Попроси для нашей семьи согласие. Там, где оно есть, ничего другого не надо.

Согласился он с ней, пошел в пещеру и попросил дать его семье согласие. И тогда благодать сказала:

— Перехитрили вы меня. Даю вам согласие. А там, где согласие, должна быть и я. Поэтому возвращаюсь к вам.

Благодати не бывает там, где нет согласия.

161. Птичка, несущая благодать, звезда ветров и змея

Опубл.: ИФ, т. II, с. 20.
Записал А. У. Мальсагов в 1965 г. на ингушском языке от М. Цицкиева, г. Грозный.

Птичка, несущая благодать, звезда ветров и змея не могли жить в разлуке. Птичка, несущая благодать, давала обильные урожаи, звезда ветров не позволяла дуть ветрам, а змея оберегала скот от зверей. Один горец держал у себя их в сакле. Как-то он поместил звезду ветров и птичку, несущую благодать, в одну комнату, а змею оставил присмотреть за детьми. Ударом ножика мальчик отсек змее кончик хвоста. Лишившись кончика хвоста, змея проползла сквозь тело мальчика, съела его и уползла.

Горец знал норку, в которой скрывается змея. Птичка, несущая благодать, и звезда ветров отправились туда, где находилась змея, так как они не могли жить в разлуке.

У торца было много овец. Он пошел присмотреть за овцами и увидел, что борода козла, стерегущего овец, колышется. Тогда он забеспокоился, предчувствуя беду: он понял, что ушла звезда ветров.

Дома дети рассказали ему о случившемся. Тогда он решил уговорить змею и отправился к норке, в которой скрывалась змея. Вместе со змеей возвратились бы и птичка, несущая благодать, и звезда ветров. Змея сказала ему:

— Ты будешь помнить о своем сыне, я о кончике хвоста, мира между нами не будет, поэтому я не возвращусь.

С тех пор и возникла ингушская пословица: «Отец помнит о сыне, змея о кончике хвоста».

162. О вершине Казбека

Записал И. А. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке от Г. Евкурова, с. Алкум ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

На вершине Казбека жила Дарза-Наналг[183]. У нее было восемь сыновей. По какой-то причине один из них ушел на небо. Оставшиеся семь братьев отправились на его поиски. Сели они, выпили расплавленную медь и с вершины Казбека поднялись на небо. Когда сыновья ушли, Дарза-Наналг бросила на эту вершину свои шаровары.

Если сейчас взглянуть на вершину Казбека, то заметно место, куда она бросила свои шаровары, там никогда не бывает снега и льда.

Семеро же братьев ходят по небу в поисках своего восьмого брата. Если они его найдут, во Вселенной произойдут большие перемены.

Аналогичный образ («Мать ветров») находим в предании, опубликованном Ч. Ахриевым в прошлом веке на русском языке.

Елта [184]

Давным-давно жили люди гораздо ближе к богу, чем теперь. В случае нужды каждый человек мог явиться к богу и попросить все, что ему нужно. У одной вдовы был маленький сын. Однажды он говорит матери:

— Нани, я пойду к богу и попрошу у него чего-нибудь, мы бедны, и у нас многого недостает.

— Сын мой, — говорит мать, — ты такой оборванный, приближенные бога не допустят тебя до него.

Сын снова говорит:

— Нет, нани, я надеюсь добраться до бога, пойду попытаю счастья.

Посла этих слов сын пошел к богу. Когда ангелы и приближенные бога увидели оборванную одежду мальчика, они не допустили его к богу. Мальчик печально возвращался домой. Ему повстречался сын бога Елта.

— Куда ты идешь? — спрашивает Елта мальчика. — И отчего ты печален?

Мальчик рассказал Елте о своей неудачной попытке проникнуть в жилище бога.

— Отец мой управляет целым миром, — воскликнул Елта, выслушав мальчика, — неужели я не могу управлять одним мальчиком?

— Я беру тебя под свое покровительство, — сказал Елта мальчику, — проси у меня чего хочешь!

Мальчик отвечал:

— Я хочу посеять пшеницу и прошу урожая.

— Пусть будет урожай пшеницы на твоей пашне, иди и сей! — сказал Елта и пошел домой.

Мальчик с матерью посеяли пшеницу. К великой радости, у них был такой урожай, какого ни у кого из соседей не было: на одном стебле выросло по два колоса. Когда хлеба стали созревать, бог послал своих ангелов посмотреть урожай. Ангелы, осмотрев все пашни, донесли богу, что на пашне мальчика, которого они не допустили к нему, урожай лучше, чем у других людей. Бог воскликнул:

— Как мог явиться у мальчика урожай без моей воли? Наведите над его пашней гром и грозу, пусть они погубят ее!

Ангелы передали приказание бога Матери грома (? А. О.) и грозы, чтобы она послала своих детей истребить урожай мальчика.

Узнав о приказании своего отца, Елта послал сказать мальчик чтобы они с матерью поспешили убрать урожай. Мальчик и мать дружно принялись за работу. Когда они убрали последний сноп, пошел сильный дождь с грозой и градом и истребил все хлеба на полях, кроме убранного хлеба мальчика. После дождя бог послал своих ангелов осмотреть хлеба. Ангелы донесли богу, что у всех жителей хлеба истреблены, а у мальчика целы. Бог сильно рассердился за невыполнение своей воли и приказал позвать Мать ветров. Когда она явилась, бог сказал ей:

— Подними бурю и разнеси хлеба мальчика.

Елта узнал об этом и послал сказать мальчику, чтобы тот перенес свой хлеб на гумно и прикрыл хорошенько. Лишь только мальчик с матерью окончили укладку хлеба, поднялась страшная буря и начала разносить по воздуху весь хлеб соседей, а хлеб мальчика, прикрытый камнями, не был разбросан.

Ангелы в третий раз донесли богу, что буря погубила все хлеба, а хлеб мальчика остался цел. Тогда бог приказал ангелам, чтобы жители с каждого тока собирали по одной мерке хлеба.

Елта, узнав об этом, предупредил мальчика, чтобы он стаптывал свой хлеб не массой, а по одному, снопу. Мальчик поступил по совету Елты и от каждого снопа получил меру пшеницы, между тем как у соседей почти ничего не было. У мальчика родилось столько хлеба, что он раздал очень много своим соседям, наиболее пострадавшим от неурожая.

Когда бог узнал, что и четвертое его приказание не выполнено, то страшно рассердился и приказал позвать Елту и мальчика. Когда они пришли, бог грозно обратился к мальчику:

— Почему у тебя хороший урожай, а у остальных жителей плохой? Кто помогал тебе в этом?

Мальчик подробно рассказал о своих делах, прибавив, что ему помогал Елта.

— Как ты смел идти против моих желаний? — грозно обратился бог к сыну. — Тебе следовало бы за твое ослушание выколоть глаз!

При последних словах бог так сильно ткнул пальцем в глаз сына, что тот выскочил, и с тех пор Елта остался одноглазым [185] *. Кроме Елты у бога были еще два сына: Этер и Воскресенье.*

Кривой Елта управляет зверями. Этер заведует делами мертвых, а Воскресенье господствует над временем.

163. У-Нана[186]

Записал И. А. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском я лыке от А. Балаева, с. Мужичи ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Недовольная всем на свете, носится У-Нана. Она ни разу в жизни не улыбнулась. У-Нана насылает заразу на всех, кто доставит ей хоть маленькую неприятность.

Как-то рассердилась она на ингушей и решила их всех уничтожить. Наслала она на них холеру и уничтожила всех, оставив только мальчика в одном доме и девочку в другом.

От них и ведут свое происхождение современные ингуши.

164. Мялхистинцы[187] и У-Нана

Записал И. А. Дахкильгов в 1975 г. на чеченском языке от Д. Махаури, с. Пхимат ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

До проникновения ислама мялхистинцы поклонялись Тушоли[188] и Цуву[189]. У Тушоли раз в год собиралась люди, от каждого двора резали барана и клали два абаза[190] (это были тогда большие деньги), веселились, молили о хорошем урожае.

Поклонялись Цуву, приносили дорогие вещи: пулю, порох, кольца, серьги, пояса.

На моей памяти эти вещи лежали в чаше перед Цувом; люди не дотрагивались до них. Эти вещи приносили, желая удачи при отправлении в дорогу. Укравший эти вещи сходил с ума, занимался самоистязанием. Села Сата дочь Дялы[191].

У-Нана распространяла болезни. Мялхистинцы молились в местечке Доге[192]. Там собирались для молитвы люди из пяти сел.

Однажды люди собрались, приготовили много еды-питья и молились о дожде. Когда они сидели за трапезой, к ним подошла одна высокая женщина с сумкой, перекинутой через плечо. Люди не знали, кто она такая. Поставили перед ней жирное мясо.

— Мясо слишком жирное, я не могу его есть, — сказала пришелица.

Поставили перед ней тощее мясо.

— Это мясо тощее и кажется испорченным, я не могу его есть.

Смешали жирное с тощим и поставили перед ней. Она начала с аппетитом есть и после еды произнесла три молитвы. Трижды пошел дождь. Затем она стала в середине Доге. Это была У-Нана. Опустила руку в сумку, взяла пригоршни болезней и бросила. Все люди в Доге, там, куда упали болезни, умерли. На моей памяти село Доге стало безлюдным, пустовало. У-Нана решила, что молящиеся не очень хорошо ее приняли, и потому наслала на них болезни.

165. Хи-Нана[193]

Записал И. А. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке от неизвестного лица. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Хи-Нана живет в воде. До пояса она женщина, а ниже пояса рыба. Днем и ночью она приводит в движение воды. За полчаса перед рассветом Хи-Нана на мгновение засыпает, а все остальное время занята делами. Когда Хи-Нана засыпает, вода перестает течь на это время и вода засыпает.

На такую застывшую воду и наткнулись два брата. Видят они уснувшую воду и удивляются.

— Я хочу искупаться в этой воде, — сказал старший брат.

— Не надо, может случиться беда, — просит младший.

Но старший брат начал купаться, а младший сидел у берега. Сидит он и видит, что вода всколыхнулась.

«Не случилось бы с ним чего», — подумал младший брат. Только он так подумал, как старшего брата выбросило на берег, и из воды вышла Хи-Нана.

— Я не оставляю в покое человека, который входит в застывшую воду, а желания других людей я исполняю. Если бы ты не попросил за своего брата, плохо ему пришлось бы, — сказала Хи-Нана и исчезла под водой.

Братья отправились домой.

166. Разговор вачбиев[194]

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от З. Цурова, с. Джайрах ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

В Олгетах[195] жили Итаровы: их предок был Итар. Со своими товарищами Итар пошел на охоту (он метко стрелял). Он убил двухгодовалого тура. Стали они разделывать тура, и слышит Итар разговор на человеческом языке.

С одного места кричат:

— Ва, вачбий! Возвратил ли ты посланного мною тура?

С другого места кричат:

— Клянусь, вачбий, я возвратил всех туров.

— Одного тура все-таки недостает.

— Здесь ходил Итар, это дело его рук.

Тогда первый вачбий произнес проклятие:

— Ты правду говоришь. Пусть у Итара вырастет плохое потомство!

Вачбии охраняют зверей и сообщают им об опасности. Вачбии невидимы.

Итар знал их язык.

167. Выбор девушки

Опубл.: в рукописном журнале «Красные ростки» (на рус. яз.), 1920 г.
Личный архив Х. С. Осмиева.

В давние времена в Ассинском ущелье жила-была девушка изумительной красоты. Много молодых людей сватались к ней, но она всем отказывала.

Однажды к ней приехали двое молодых людей. Девушка пригласила их в саклю, а сама вышла приготовить угощение. Они были ровесники, оба красивые, происходили из хороших семей и ни в чем не уступали друг другу: ни в силе, ни в ловкости, ни в храбрости. Оставшись наедине, поведали они друг другу о цели своего приезда, и тут обнаружилось, что оба приехали сватать девушку.

Поговорили они и решили предоставить ей выбор.

Когда девушка вошла в саклю, они сообщили ей, зачем приехали. Девушка была в нерешительности и не знала, на ком остановить выбор: оба были красивы, стройны и мужественны. Кроме того, она не хотела обидеть отказом ни того, ни другого.

Наконец, после некоторого раздумья, она предложила разрешить спор следующим образом: молодые люди должны были выкосить по полосе травы равной длины выкосивший полосу первым получит ее руку.

На другой день все трое собрались в условленном месте. Это была долина, простиравшаяся от речки Богурали[196] до селения Галашки[197] по левую сторону реки Ассы. Девушка пришла первой, затем подошли и молодые люди с наточенными косами. Поставив их рядом, она встала в отдалении (где ныне находятся памятники) и подала знак начать косьбу.

Молодые люди сильными взмахами кос начали косьбу. Было лето. Стоял ясный день. Солнце ярко светило. Жара усиливалась, а полосы были длинные, но молодые люди не чувствовали ни жары, ни усталости. Любовь к девушке вливала в них новые силы и бодрость.

Косы, сверкая на солнце, все чаще взлетали в воздух. Срезая сочную траву, молодые люди укладывали ее в ряд. К полудню, выбившись из сил, молодые люди, не отставая друг от друга, одновременно сделали косами последние взмахи и оба упали в изнеможении у ног девушки. Она протянула к обоим руки, и тут же все трое окаменели: девушка с распростертыми руками в виде креста, молодые люди в виде каменных плит ли ее сторонам[198].

168. Камень-крест

Записала Р. Сайдулаева в 1975 г. на чеченском языке от Б. Баташова, с. Курчалой ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Если идти из Нихалоя[199] в Итум-Кале[200], справа от дороги стоит каменный крест. Появился, говорят, он давно.

Одна девушка каждый день стирала у реки шерсть. Она любила одного молодого человека, который ухаживал за ней и любезничал, когда она стирала шерсть.

После проливных дождей река Аргун сильно вздувалась. Однажды в такое время молодой человек переходил реку, и она понесла его. Девушка сидела у реки и возилась с шерстью. Вдруг она услышала крик любимого, взывавшего о помощи. Девушка не вынесла этого крика и взмолилась:

— Да превращусь я в холодный камень!

Тут же девушка превратилась в камень. Она стояла с распростертыми руками и стала камнем, который похож на крест.

169. Как образовалась река Асса

Записала Х. Галаева в 1976 г. на ингушском языке от У. Келигова В. Кантышево ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Река Асса, говорят, появилась, чтобы разъединить людей, приготовившихся к смертельной схватке.

Произошло это так.

У одного молодого человека было много овец. Кроме-них, у него ничего не было. Пас он овец в горах. Как только наступал вечер, его овцы исчезали. Грабители задумали во что бы то ни стало узнать, где он прячет своих овец. Они подослали к нему девушку с едой, которой хватило на один раз. Ничего не говоря, молодой человек съел еду и ушел.

Так продолжалось неделю, вторую, третью. Грабителям это надоело. Поручили они девушке приласкать молодого человека и заставить его заговорить. Девушка так и поступила. Молодой человек заговорил и назвал ей место, где прячет овец.

Среди ночи молодой человек решил проверить овец. Увидел он, как грабители гнали овец, и вступил с ними в схватку.

В это время с гор хлынула вода черная, как туча, большая как страна, холодная, как родник.

Молодой человек, девушка и половила овец остались по эту сторону реки, а грабители со второй половиной овец по ту сторону. Когда схватка прекратилась, вода в реке стала чистой был виден каждый камень на дне ее.

170. О возникновении озера в Галан-Чоже[201]

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от А. Мурдаева, с. Бамут ЧИАССР.

Раньше в Ялхарое, в местечке Алка, было озеро. Сохранились его следы: большое, широкое углубление с берегами вокруг. Мать и дочь из Алки пошли на озеро стирать грязные пеленки. Они превратились в два камня. Люди говорили, что эти камни стояли до недавнего времени. Озеро превратилось в быка. Он спустился вниз по ущелью, взошел на гору и потер об нее рога. Отсек скалу, прошел Ахкабасе и прибыл в Алку.

Там, в низине, пахали землю отец и два сына. Увидели они быка, и отец говорит сыновьям:

— Вспашите на быке землю.

Один из сыновей сказал, что этого нельзя делать, бык, мол, чужой. Но отец и другой сын пропахали все-таки две борозды. Когда стали пахать третью борозду, хлынула вода. Сына и отца она унесла, а того, кто не согласился пахать на быке, выбросило на берег.

Так возникло это озеро.

171. Место падения Байтмара

Записал И. А. Дахкильгов в 1965 г. на ингушском языке от С. Патиева, с. Ляжг ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Вверху по ущелью, где протекает река Арамхи[202], за селением Олгеты лежит маленький аул домов в двадцать. Между этим селом и аулом Тарш[203] есть опасный обрыв. Голова кружится, если посмотреть с него вниз. Этот обрыв высотой триста-четыреста метров тянется вдоль реки Арамхи. Горцы считают этот обрыв «Местом падения Байтмара».

По рассказам, это случилось очень давно, когда люди жили бедно, когда потомки враждовали из-за каждого клочка земли отцов, а между отцами и между братьями не было согласия.

Давным-давно в Шанском ущелье[204], близ Арамхи, на горном склоне два брата пасли овец. Одного звали Байтмар, другого Гета. Они были из аула Шан. В полдень братья согнали овец на отдых, подоили их и решили вскипятить молоко.

Поблизости не было ничего, чем можно было разжечь костер. Братья бросили жребий, кому идти за дровами. Жребий пал на Байтмара, и он пошел на противоположный теневой склон, где рос лес. Набрал Байтмар большую охапку сухих дров и наподобие коромысла свесил их со своих плеч.

А тем временем Гета собрал кизяк, вскипятил молоко и все выпил.

Вернувшийся Байтмар увидел затухающий огонь и пустую посудину и понял в чем дело. Вместе с грузом он направился в сторону обрыва, чтобы сбросить ненужный груз. Он думал, что охапка дров легко упадет с его плеч, но от сильного взмаха вместе с дровами упал в пропасть и сам.

Погиб он, и ничего от него не осталось. Услышав крик брата, Гета от радости заплясал на месте и стал приговаривать: «С носка на пятку, с носка на пятку, все наследство мне досталось!»

Байтмар был единственным братом Геты, других братьев, у него не было. Отсюда пошла пословица: «Лучше сидеть на вороне, чем иметь брата на спине».

172. Склон Мажки

Опубл.: ЧФ, т. II, с. 134.
Записал М. Кибиев на чеченском языке от неизвестного лица, с. Ведено ЧИАССР.

Дудур из Гелдагана[205] пошел однажды в Бердыкель[206] повидать свою возлюбленную Мажку. Очутился он на вечеринке, где находилась Мажка. На этой вечеринке за Мажкой ухаживал ее аульчанин. Остановил он дробь барабана и сказал:

— Есть ли здесь кант, который отважится пойти со мной в лес убить сармака?

Никто не ответил ему.

Второй раз остановил аульчанин дробь барабана и снова крикнул:

— Неужели здесь нет канта, который отважится пойти со мной в лес убить сармака?

Никто не ответил ему.

Третий раз спросил об этом же аульчанин Мажки, и опять никто не ответил.

После вечеринки Дудур подошел к аульчанину Мажки и спросил:

— Ты и вправду отважился бы пойти убить сармака?

— Отважился бы, — ответил тот.

— Тогда никому не говори, приходи ко мне завтра, — сказал Дудур.

На второй день чуть свет аульчанин Мажки прошел по всему аулу, громко объявляя:

— Я и Дудур из Гелдагана идем убить сармака.

А Дудур из Гелдагана у своего друга готовил оружие для убийства сармака. Утром, когда Дудур и аульчанин Мажки шли по аулу, все жители села шли следом за ними, зная, что они идут убить сармака.

— Сармак, наверно, находится здесь, — сказал аульчанин через некоторое время. — Дудур, если нам не удастся одолеть сармака, лучше остаться с людьми.

— Я просил тебя, чтобы ты об этом никому не говорил, — сказал Дудур. — Теперь же мы оба должны или умереть, или убить сармака.

После этого Дудур сделал из липы рог и закричал в него, как сармак.

Из-за серебряного тополя, находившегося неподалеку, высоко подпрыгнул сармак и ответил криком. Увидел аульчанин Мажки сармака, подскочившего над тополем, и испуганно сказал Дудуру:

— Побежали с тобой к людям.

Но, не добежав до них, он умер от разрыва сердца.

Кинулся Дудур на сармака и ударом шашки отрубил ему хвост размером в человеческий рост. Сармак ударился о землю обрубленным концом и приготовился к прыжку на Дудура.

Дудур уклонился от прыжка сармака и отрубил ему еще кусок хвоста. Второй раз ударился сармак о землю и прыгнул на Дудура. Дудур опять отскочил в сторону и отрубил еще кусок. Сармак стал величиной с человека. В последний раз кинулся сармак на Дудура. Дудур воткнул ему в рот шашку и крепко сжал его голову. Жители Бердыкеля бросились на сармака и добили его.

После этого долго лежал Дудур у Мажки, лечился от тяжких ран молоком и сывороткой. Через год он выздоровел, и Мажка вышла за него замуж.

С тех пор жители Бердыкели называют это место «Склоном Мажки».

173. Птичка, несущая благодать

Опубл.: «Радость сердца». Литературный сборник ингушских писателей. Фрунзе, 1957, с. 239 (на ингуш. яз.).

Записал Д. Д. Мальсагов в 1920 г. на ингушском языке от Г. Ахриева, с. Фуртог ЧИАССР.

В Мецхальском шахаре[207] свила гнездо птичка, несущая благодать. Поэтому там никогда урожай не пропадал: земли по обе стороны Арамхи были плодородными, и на них пасли скот.

Однажды ничем плохим не брезгующие люди разрушили гнездо и изгнали птичку. Она улетела из того края. Улетая, птичка коснулась крылом земли лячхойцев[208] и башни в Балта[209]. Эти места до сих пор благодатны. Заночевала она в Ларсе[210], а гнездо свила в Грузии.

174. Проклятие Пиръону[211]

Записал А. Аюбов в 1977 г. на чеченском языке от Б. Датаева, с. Гардали ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

По рассказам, Пиръон создал медные своды небес. Он заставлял женщин подниматься на самодельные своды небес и оттуда лить воду. Пиръон утверждал, что на небе и земле только он один бог, и заставлял всех работать на себя.

Однажды некую женщину заставили подняться на своды небес и лить с них воду. Она в сердцах сказала:

— Да покарает тебя бог! Какой ты бесчестный!

Бог внял этим словам и тут же убил Пиръона.

175. Пиръон-падчах

Записал А. Аюбов в 1976 г. на чеченском языке от С. Мамадиева, с. Гардали ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Люди говорят, что Пиръон-падчах создал небеса и землю. Чтобы взобраться на это небо, нужно много времени. Настолько много, что если гнать на небеса осла, то понадобится столько времени, что трехгодовалый осел по возвращении сдохнет от старости.

176. Пиръон

Записал И. А. Дахкильгов в 1965 г. на ингушском языке от С. Гамурзиева, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Пиръон спорил с богом.

По краю Вселенной он сделал навесы из бронзы наподобие небес. По ним он с шумом катал бочки, лил из них воду[212].

— Разве я не громовержец?! Разве не по моему велению идут дожди?! Разве я не бог?! — похвалялся он.

Пиръон прожил пять сотен лет. Хотя он вступал в пререкания с богом, тот ему все прощал, так как Пиръон имел три добродетели: считался со старшими, ласкал детей и бережно относился к хлебу.

Пиръона решила убить гам. Пришла она к нему и говорит:

— Знаешь ли ты, Пиръон, что люди смеются над тобой?

— Почему они смеются надо мной? — спросил Пиръон.

— Потому что ты уважаешь древних, ни к чему не пригодных стариков, место которых на кладбище.

— Хорошо, я не стану их больше уважать, — ответил Пиръон.

— Еще над тобой люди смеются, — продолжала гам, — потому, что ты ласкаешь грязных, сопливых детей.

— Ладно, я не стану их больше ласкать, — ответил Пиръон.

— Еще люди смеются над тобой из-за твоей жадности, ты слишком бережно относишься к хлебу, даже собираешь крошки.

— Я этого больше не стану делать, — сказал Пиръон и тут же испустил дух.

177. [Строители башен]

Опубл.: ИФ, т. II, с. 54 (без названия).
Записала Л. Орцханова в 1964 г. на ингушском языке от Л. Аушевой, г. Грозный.

Тысячи лет назад в горах по ущелью Терека жил маленький народ, который пас овец и коров. Соседние племена часто беспокоили этот народ. Пришельцы с востока у водили людей в плен, продавали в неволю. Поэтому этот народ стал строить башни из камней. Каждый род жил в отдельной башне. Они называли себя жителями башен или галгаями[213].

Гордыми, смелыми, мужественными и искусными умельцами были жители башен. Они первыми начали строить башни из камней, поэтому их башни были выше и прочнее других.

Эти башни были двух типов: боевые и жилые. В боевых можно было надежно обороняться от врагов.

В период вражеских нашествий они отсиживались в башнях. Иногда они сами большими группами совершали набеги и привозили богатую добычу.

Эти набеги вызвали ярость врагов. Они решили наказать галгаев разрушить их башни, а их самих всех до одного утопить в Тереке. Днем враги прятались в лесах, а ночью продвигались вперед. На рассвете враги напали на башню, стоявшую на склоне горы. Другие башни стояли вдали, и никто не пришел на помощь. Жители башни мужчины и женщины оказали упорное сопротивление, но все-таки потерпели поражение слишком велики были силы врагов. Ручьем лилась кровь из башни. Враги хотели сбросить башню в пропасть. Но это им не удалось, так как они не могли поднять даже один камень. Поэтому они не стали продвигаться в глубь гор, зная, что галгаи не сдадутся живыми и готовы умереть в бою.

Через некоторое время соседи прослышали о нападении прибыли на помощь и увидели страшную картину.

Враги истребили всех. Прибывшие на помощь заметили недалеко от башни женщину. В крови, которая из нее текла, лежал грудной ребенок. На другом краю откоса лежала убитая, женщина, а рядом с ней тоже маленький мальчик. Галгаи очень обрадовались, что род, разгромленный в башне, не прервался. Сидевшего на склоне горы назвали Мялхи, а лежавшего в крови Цечо[214].

От этих двух мальчиков и ведут свою родословную мялхистинцы и Цечоевы.

178. Ханой Хинг[215]

Записал И. А. Дахкильгов в 1965 г. на ингушском языке от С. Патиева (125 лет), с. Ляжг ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Ханой был искусным строителем боевых башен, Хинг перенял это искусство от своего отца.

Однажды при укладке башни Хинг сказал отцу:

— Этот камень следовало положить не так, а иначе, и показал, как нужно положить.

— Ты начал и мне советовать? — сказал отец. — Неужели ты считаешь себя столь искусным?

И они поспорили.

— Хорошо, сказал отец. Жители аула Ляжг Хутиевы просят нас построить боевую башню. Они все приготовили и обещают уплатить за работу шестьдесят голов скота. Пойди возведи дли них боевую башню, а я здесь, в Хани, возведу другую. После строительства этих башен узнаем, кто из нас искуснее.

Хинг отправился в Ляжг. Он решил возвести самую лучшую башню из всех виденных им. Он хорошо готовил известь. На краю речки была мельница, на которой дробили щебень и превращали его в песок. В раствор он иногда добавлял молоко, яйца, ослиный волос.

После приготовления раствора он брал его на лопату и, качая, переворачивал. Если раствор с лопаты не падал, он считал его готовым. Камни подносили одни люди, а укладывали другие.

С двойным потолочным сводом выстроил башню Хинг.

Когда Хинг положил на верх башни последний камень, отец пришел взглянуть на его работу. Посмотрел отец башню внутри и снаружи, поскреб раствор и крикнул сыну:

— Ты победил меня, нет мастера искуснее тебя!

От радости Хинг станцевал на острие камня, установленного на вершине башни.

179. Ханой Хинг и бог

Записал И. А. Дахкильгов в 1968 г. на ингушском языке от С. Патиева, с. Ляжг ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Богу нравился характер Ханой Хинга. Опустил бог золотую цепь и говорит:

— Взбирайся ко мне.

Поднялся Хинг и уселся на небесных сводах.

— Посмотри вокруг, — сказал бог. — Отсюда видно все, что происходит в мире.

Удивленно озирался Ханой Хинг но сторонам.

Посмотрел он в Хани, хотел узнать, как поживает его семья, и видит, что жена его вместе с пастухом зашли в сарай.

— Дома может случиться плохое, отпусти меня, — стал просить бога Ханой Хинг.

— Иди, — сказал бог. — Как только опустишься на землю, ударом шашки отсеки для себя кусок золотой цепи от меня в подарок.

Опустился Ханой Хинг на землю и захотел отсечь от золотой цепи кусок побольше. Подпрыгнул Ханой Хинг и шашкой отсек большой кусок золотой цепи.

За жадность бог проклял его до седьмого колена:

— Пусть потомство твое будет малочисленным, и пусть оно будет тщедушным!

Проклятие, говорят, сбылось. Каждое последующее поколение становится все хуже.

180. Две башни, построенные Ханой Хингом

Записала А. Гандалоева в 1976 г, на ингушском языке от неизвестного лица, с Арамхи ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

В ауле жили некогда два брата. У старшего было три сына, а у младшего ни одного. Известно, что люди, не имеющие потомства, питают к другим черную зависть. Старший брат попросил мастера Ханой Хинга построить боевую башню. Тот согласился и начал строить.

Младший брат устроил для Ханой Хинга той и на нем попросил и себе построить боевую башню. Он предложил мастеру двойную плату и попросил построить башню старшего брата так, чтобы она рано или поздно рухнула.

Ханой Хинг взял плату и обо всем рассказал старшему брату. Тот предложил ему еще большую плату за то, чтобы при падении его башня упала на башню младшего брата.

Братья умерли. Прошло-много времени. Башня старшего брата рухнула и свалила башню младшего.

Так закончилось соперничество братьев.

181. Гий и Пховец

Записала А. Озиева в 1976 г. на ингушском языке от М. Гетагазовой, с. Назрань ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жили три брата: Гий, Циккам и Дудырг. Все трое были здоровые, сильные люди. Гий один мог съесть трехгодовалого быка.

Грузинский падчах созвал приближенных и сказал:

— Эти братья и их народ рослые, сильные люди. Уберечься от них будет нелегко.

Грузинский падчах предложил галгайцам пойти на спор: «Чей бегун первым добежит до Ассы и перейдет ее, тем и достанутся земли, на которых живут галгайцы».

Галгайцы выставили Гийя, а грузинский падчах Пховца. Окунули бегуны пальцы в Терек и побежали в горы, в сторону Ассы. Гий был очень силен; в этот день он съел трехгодовалого быка и выпил весь бульон, в котором варился бык. Обычно Гий спал после этого целую неделю. А тут ему пришлось бежать наперегонки. Поэтому Гий бежал только вровень с Пховцем.

Подбежали они к Ассе одновременно. И только Пховец хотел перейти Ассу, как Гий сказал ему:

— Не смей переходить реку в обуви воду — из этой речки пьют жители двенадцати сел!

У Пховца была сыромятная обувь с длинными тесемками. У Гийя же обувь была без тесемок. Пока Пховец разматывал тесемки, Гий сбросил обувь и первым перебежал Ассу. Пришлось грузинскому падчаху оставить землю галгайцам.

182. Арсамак и Гий

Записала А. Гандалоева в 1976 г. на ингушском языке от Д. Аушева, с Арамхи ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Арсамак был из рода Лолохоевых, а Гий из рода Тумгоевых. Поспорили они из-за земли. Тумгойцы не позволили прогонять через свои земли скот Лолохоевых. Арсамак разрешил, и Лолохоевы погнали свой скот на земли Тумгоевых.

Тут между Арсамаком и Гиием разгорелась борьба. Началась она на рассвете в местечке Беркарийте[216] и длилась до рассвета следующего дня. Победил в этой схватке Арсамак. Поверженный Гий умолял Арсамака не тащить его больше по земле и сказал:

— От этого места и далее вся земля твоя.

Арсамак дважды повернулся на пятке и сказал:

— Пусть здесь появится родник.

И появился родник, который стал границей между этими родами.

183. Солса

Записал А. О. Мальсагов в 1971 г. на чеченском языке от Х. Жалиевой, с. Бамут ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

В давние времена в ущелье реки Аргун жил князь Солса. Этот князь проводил первую ночь с невестой каждого подвластного ему человека. Только переночевав с ним, невеста могла пойти к своему мужу.

Однажды к князю пришел бедный человек и попросил князя не позорить его.

Солса обругал бедняка, прогнал его, а напоследок крикнул:

— Чем ты лучше других?

Тогда разгневанный бедняк пошел к сыну Солсы и попросил у него за золотой абаз шашку отца. Шашкой Солсы можно было обвить руку, словно нитку намотать на катушку. Стоило нажать ручку шашки, и она сразу же выпрямлялась.

За золотой абаз сын Солсы отдал бедняку шашку. Этой шашкой бедняк снес голову Солсы. Голова Солсы трижды перекатилась через Аргун и прокричала:

— Пусть власть князей перейдет к рабам, а власть рабов к князьям.

И волны Аргуна унесли голову Солсы. А бедняк пришел с невестой к себе в дом и стал жить счастливо.

С тех пор князей в том краю не бывало.

184. Два князя

Записал А. О. Мальсагов в 1971 г. на чеченском языке от Х. Жалиевой, с. Бамут ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Выше Датыха[217], в ущелье Эг[218], между двумя склонами протекала река Фарта. На этих склонах стояли две башни в них жили два князя. Они враждовали между собой.

Как-то один из князей отправился на охоту, а другой в это время захватил его жену, детей и заперся в своей башне.

Возвратился князь с охоты и, не обнаружив в башне жены и детей, узнал, что их украл князь его недруг.

Сидит он у окна башни и горюет. А князь-похититель с издевкой кричит:

— Ты, кажется, грустишь по своей семье? Нужна ли она тебе?

Так повторялось много раз.

Тогда князь взял шерстяную пряжу; сделал из нее нитку и ночью измерил этой ниткой расстояние от своей башни до башни князя-похитителя.

Отправился он в лес, отмерял по нитке точное расстояние, установил мишень и до тех пор стрелял в цель из кремневого ружья, пока не стал попадать точно.

Пришел он домой, сел у окна, рядом поставил ружье.

Вечером крикнул князь с противоположного склона:

— Ты, кажется, грустишь по своей семье? Нужна ли она тебе?

В этот момент князь выстрелил из ружья, попал князю-похитителю прямо в рот и убил его. Забрал он свою жену и детей, и стали они жить счастливо.

185. Оки-Аки[219]

Записал А. О. Мальсагов в 1971 г. на чеченском языке от Х. Жалиевой, с Бамут ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Из Итум-Кале шли майистинцы[220] и увидели у родника княжескую дочь. Она им понравилась, и майистинцы сказали девушке:

— Тебе бы в мужья Оки-Аки, у которого ночью во лбу светит солнце, а днем между лопаток луна.

Дочь князя поспешила домой.

Пришла она и сказала отцу:

— Пригласи к нам в дом прохожих путников.

Отец пригласил майистинцев к себе в дом.

Испугалась майистинцы и спросили:

— Почему ты нас остановил, что мы тебе сделали?

— Говорили ли вы о ком-нибудь кому-нибудь? — спросил князь.

Майистинцы рассказали, что видели у родника девушку и, пораженные ее красотой, пожелали ей стать женой Оки-Аки, у которого ночью во лбу светит солнце, а днем между лопаток луна.

Князь дал майистинцам слово, что отдаст им свою дочь, если они принесут ему три вещи: двух быков с санями, маслобойку и медный котел.

Майистинцы быстро исполнили желание князя, и он выдал дочь за Оки-Аки, у которого ночью во лбу светит солнце, а днем между лопаток луна.

Приехали майистинцы к себе, и невеста видит: дом без потолка и пола, а между голых стен сидит Оки-Аки. У него было несметное количество овец и больше ничего. Забеспокоилась княжеская дочь.

— Как мне здесь жить? Не останусь я, отправьте меня домой!

Тогда майистинцы, боясь, что она может убежать, связали девушку. Так, связанной, она стала матерью трех сыновей. Попросила она развязать ее и обещала спокойно жить с тремя сыновьями. Через некоторое время обратилась она к мужу с просьбой отпустить ее навестить родителей. Муж разрешил ей поехать с тремя сыновьями и наказал, чтобы у родителей она дала сыновьям неслыханные имена.

Пожив у отца, стала, она собираться домой. Отец спрашивает ее:

— Чем тебя одарить?

Дочь ответила, что муж наказал ей дать трем сыновьям имена, которых нет на свете.

— Пусть отсохнет язык у тебя и у того, кто тебя этому научил, сказал князь, дал дочери трех слуг и отправил ее к мужу.

Сыновей этого Оки-Аки прозвали: Жархо, Кхошатхо, Саханхо[221].

186. Обанхойцы[222]

Записал И. А. Дахкильгов в 1966 г. на ингушском языке от К. Доскиева, г. Грозный. Личный архив И. А. Дахкильгова.

Эги был княжеского происхождения и прибыл из Армении. В местечке Кякале[223] жили ингуши. У Эги было много овец и коров. Местным жителям он сказал:

— Я отдам вам половину своих овец, если вы дадите мне на три года землю пасти оставшуюся половину овец и коров.

Взяли с него ингуши плату и дали землю.

Прошло три года. Под разными предлогами и различными подачками Эги продлевал срок. За это время у Эги выросли сыновья. Одни из них осели в Эгикале, другие в Хамхи и Таргиме[224]. Они строили башни и жили в них.

Наконец ингуши сказали Эги:

— Хватит, уходи отсюда.

— Я свое слово сдержу и уйду, но сыновья моя выросли здесь и осели. Я постарел и не в состоянии увести их отсюда. Они меня не послушают.

Все споры с его сыновьями ни к чему не приводили, так как силой они превосходили ингушей.

Эги взял с собой младшего сына Обана и спустился вниз по ущелью Ассы. Разбили они шалаш в том месте, где сейчас находятся аул Эрш. Решили здесь обзавестись хозяйством, но земля там была непригодная, травы для покосов мало.

«Из этого ничего не получится», — решили они и хотели устроиться в местечке Алкум[225]. Но и там им не давали покоя Цечоевы.

Тогда отправился отец вместе с сыном Обаном[226] в местечко, где находятся Балта. Обан построил там землянку.

В те времена черкесы и осетины делали набеги и уводили овец, коров, происходили стычки. Надоело это Обану, и он отправился в Джайрах[227] и установил там родство с Льяновыми. Построил там землянку и стал в ней жить.

Обан дал слово не строить башни до тех пор, пока не вырастут его сыновья. Старший его сын пас овец между Обаном и Говзатом. Посмотрел сын вниз и увидел гостей, входящих в их дом. Взял он лучшего барана из отары, спустился вниз, зарезал его, освежевал, поставил котел с мясом посреди двора, а сам отправился снова пасти овец.

Вышел Обан и увидел кипящий котел с мясом и сына, поднимавшегося в гору. Зашел Обан к гостям и говорит:

— Я дал слово начать строительство башни, когда вырастут мои сыновья. Теперь я убедился, что мой сын возмужал, ибо он умеет принять гостей. Начну строить башни.

Три гостя положили в угол башне три больших камня, а четвертый положил Обан.

Все три сына Обана возмужали. Старший был мастером по железу, он мог ковать железо, делать из него ружья. Второй доставлял ему все необходимое для этого. А третий сын был силач. Он занимался борьбой и устраивал поединки.

Однажды шайка грабителей увела в плен красивую девушку из рода Льяновых. Сказали Льяновы Обану:

— Если отобьешь ее, мы отдадим ее вам и наделим вас землей.

Обан с тремя сыновьями настиг похитителей. Сказали похитители Обану:

— Уйди от нас, Обан, со своими сыновьями. Не то худо тебе будет.

— Я отстану от вас, если вы одолеете моего сына. Выставляйте одного вашего человека, — сказал Обан.

Выставили похитители одного, здорового, как бугай, детину.

Дрались они, дрались, и сын Обана свалил его, а братья разогнали оставшихся. Девушку привезли домой.

— Отбитую девушку оставьте себе, а земли для вас у вас нет, — сказали Льяновы.

Хотя открытой вражды между ними не было, но они всегда упрекали друг друга в разных неблаговидных поступках.

Башни, построенные Обаном и его сыновьями, и теперь стоят в ауле Обан.

187. Хромой Тимур[228]

Опубл.: ФВ, т. I, с. 15. Эта же легенда перепечатана в ИФ [31]. Варианты ее были опубликованы Ч. Ахриевым в переводах на русский язык [2], Б. Далгатом [22], У. Лаудаевым [146].

Записал А. В. Аушев на ингушском языке от А. Зурабова, с. Ачалуки ЧИАССР.

Когда Тимур был еще маленьким, у его отца было много овец. Однажды Тимур пас овец и увидел, что среди них бегает заяц. Как только заяц почувствовал, что его заметили, он убежал. Тимур поймал зайца и пустил его среди овец. А тот опять убежал. Тимур поймал его во второй раз. Тимур ловил его и каждый раз приносил обратно к овцам. Вечером вместе с овцами Тимур загнал и зайца. Придя домой, он сказал отцу:

— Среди наших овец бегает один барашек. Я не видел никого быстрее его. Я целый день гонялся за ним и сильно устал. Надо прирезать его.

Выпуская утром овец, отец Тимура сказал:

— Покажи-ка мне этого барашка.

— Вот он, — показал Тимур зайца и отпустил его.

— Лови тогда, — сказал отец.

Тимур поймал зайца за шею и подал отцу. Отец тотчас же зарезал зайца. После этого отец сломал Тимуру бедро.

— Если тебя оставить здоровым, ты разоришь всю страну, — сказал отец.

С тех пор Тимур стал хромым.

Отец умер. Тимур обеднел. Случилось несчастье: у Тимура как-то украли сына. Однажды Тимур зашел в кузницу. Зашел и сел. В это время кузнец вздремнул. Тимур увидел, как из носа кузнеца вышла муха[229]. Она пошла по краям лохани, прошла по клещам, перекинутым через корыто с водой, опустилась на землю и вошла в какую-то дырку. Тимур был вещим. Прошло немного времени, и муха снова вошла в нос кузнеца. Кузнец тотчас проснулся.

— Оказывается, я заснул в твоем присутствии, Тимур, — сказал кузнец. Видел я сон. А во сне я видел вот что: «Шел я по чистому полю и очутился у моря. По железному мосту я прошел через это море. На другом берегу я опустился через отверстие в подземелье. Там я наткнулся на клады золота и серебра».

Тимур догадался, что под кузницей зарыто золото и серебро. Но он не дал об этом знать кузнецу, а только сказал:

— Мало ли что можно увидеть во сне, — и ушел.

Три-четыре дня спустя после этого Тимур вернулся к кузнецу и предложил:

— Я продал бы свои башни.

— Кто купит твои башни? — ответил кузнец. Ведь они были построены, когда твой отец был еще богат. Кто в состоянии их купить?

— Если бы ты дал мне свою кузницу и немного денег в придачу, я поменялся бы с тобой, — сказал Тимур.

Тимур поменял свои башни на кузницу. Он и его жена построили на месте, где стояла кузницы новый дом и по ночам стали копать землю и отвозить ее на окраину. Тимур не ошибся они наткнулись на клады золота и серебра.

С тех пор на эти деньги и начал Тимур копать рвы вокруг своего края, надеясь, что его имя станет известным людям, сын услышит об этом и, если жив, вернется к нему.

Такие рвы Тимура находятся на Черном хребте, в Грузии, Коазашке[230], Истмале[231], на

Востоке[232] и в других местах. Эти рвы так и называются: «Рвы, выкопанные Тимуром в поисках сына»[233].

По всему свету прошла молва, что Тимур роет канавы в поисках сына.

Сын Тимура в то время пас телят у похитившего его князя. Он был еще маленьким. Он тоже слышал, что Тимур копает канавы и ищет сына. Мальчик узнал, что это и есть его отец.

Однажды этот мальчик увидел в поле череп коня. Он сказал детям.

— Это череп турпал-коня! Эх, имел бы я такого коня! — заплакал мальчик.

Он тоже был вещим.

Дети пришла к князю и сказали:

— Череп коня, который мы нашли в поле, мальчик назвал черепом турпал-коня.

Князь позвал к себе мальчика и спросил:

— Разве ты можешь узнать турпал-коня?

— Могу, — ответил сын Тимура.

Князь повел мальчика в табун своих коней и показал каждого из них. Мальчик сказал, что среди них нет турпал-коня.

И вдруг сын Тимура увидел человека, ехавшего на жеребенке. На поясе у всадника висела шашка с деревянной рукоятью. Мальчик сказал:

— Жеребенок, на котором едет вон тот всадник — турпал-конь, а его шашка сделана из стали, она может перерубить железо любой толщины.

Князь купил у этого всадника жеребенка и шашку и отправил жеребенка на пастбище вместе с тремя кобылицами.

Через год князь послал привести домой кобылицу, зарезал ее и посмотрел в большую берцовую кость[234]. В этой кости было много костного мозга величиной с шомпол ружья.

На второй год князь зарезал вторую кобылицу. Там костного мозга было ровно с иголку.

На третий год князь привел домой третью кобылицу и, зарезав ее, посмотрел в кость кость была сплошная.

Теперь жеребенок подрос, сказал мальчик и заставил привести жеребенка.

Когда его привели, никто не мог усидеть на нем, кроме этого мальчика. Князь сделал изгородь вокруг своего дома и отдал жеребенка мальчику, чтобы тот объездил его.

Как-то раз сын Тимура, уже юноша, сказал князю:

— Князь, я до сих пор делал для тебя много полезного, скажи мне спасибо за все!

— Не совершай этой подлости! — только и успел сказать князь, как юноша перемахнул на коне через изгородь и ускакал.

Князь пустил за ним погоню. Когда за юношей скакали на конях с длинными хвостами и гривами, юноша скакал против ветра. Когда, скакали за ним на белых конях, юноша пускал своего коня по гравию. Когда же скакали на конях с ласточками на лбу, юноша мчался навстречу солнцу.

— Видим, что не поймать тебя, юноша. Но скажи, почему ты скакал против ветра, когда в погоню за тобой пускались на конях с большими хвостами и гривами? По гравию когда за тобой гнались на белых конях? И навстречу солнцу когда за тобой гнались на конях с ласточками на лбу? — спросил его один из тех, кто преследовал его.

— Кони с большими хвостами и гривами не могут скакать быстро навстречу ветру, белые кони по гравию, потому что у них тонкие копыта, кони с ласточками на лбу не могут скакать против солнца, потому что у них тонкая кость головы и в мозг проникают солнечные лучи, — ответил юноша и ускакал от погони.

Был у князя смышленый человек. Когда люди князя не сумели поймать сына Тимура, этот

человек сказал, что он мог бы поймать его. Тогда князь отправил его в погоню. Этот человек настиг юношу в тот момент, когда тот только что въехал в реку. Он начал пускать в него стрелы. Хотя этот человек и догнал его, юноша понял, что тот ничего не смыслит в военном искусстве. Юноша сказал преследователю:

— Если бы ты, догнавший меня, окунул свой лук в воду и после этого стал пускать в меня стрелы, ты бы мог легко убить меня и моего коня.

Когда человек окунул свой лук в воду и стал натягивать тетиву, мокрый лук тотчас же сломался. Так юноша ускакал от него.

А Тимур в это время ехал навстречу юноше с войском. Все кони его войска заржали, когда увидели коня этого юноши.

В это утро Тимур дал своим воинам миску золота и стал спрашивать у них:

— Сколько человек можно накормить один раз на это золото? Спросите об этом у всех.

Воины вернулись к Тимуру с ответом:

— Одни говорят, что можно накормить шестьсот человек, другие шесть тысяч.

— Остался ли хоть один человек, которого бы вы не спросили? — задал вопрос Тимур.

— Мы встретили в лесу одного юношу. Он отдыхал, положив под голову седло. Только его мы не спросили, — ответили воины.

Тимур послал воина к этому юноше.

— На это золото нельзя накормить и одного проголодавшегося, — ответил юноша.

— Он говорит чушь, — сказали воины и передали слова юноша Тимуру.

— Пойдите приведите его, — сказал Тимур, поняв, что это и есть его сын.

С тех пор Тимур перестал рыть рвы.

188. Гази, сын Алдама[235]

Опубл.: ИФ, т. II, с. 209.

Записал А. У. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от А. Евкурова, с. Олгеты ЧИАССР.

Трех лет до пятнадцати недоставало сыну Алдама Гази.

Однажды в сумерки к нему подскакал всадник и сообщил:

— Сегодня в полночь по такому-то мосту будет проезжать убийца твоего отца.

Не прошло и нескольких минут, подскакал другой всадник:

— Сегодня ночью любимую тобой прекрасную Зазу насильно выдают за черкесского князя.

Не успел Гази хорошенько подумать, что ему вначале предпринять, как появился еще один всадник:

— Сегодня ночью к тебе прибывают друзья твоего отца.

Печальный направился Гази в саклю.

— Что ты приуныл, какие мысли беспокоят тебя, мой мальчик? Поведай их матери, родившей тебя, — сказала мать.

Рассказал Гази о причине своего горя.

Тогда мать сказала ему:

— Если врагу нашего народа и убийце твоего отца суждено погибнуть от твоей руки, это всегда успеется. Если прекрасная Заза, дочь Анзора, любит тебя, то ты всегда успеешь на ней жениться. Но если ты сегодня со всеми почестями не примешь друзей отца, то будешь опозорен на всю жизнь[236].

Гази достойно принял друзей отца. Тепло встретил их у порога сакли, накормил, напоил и спать уложил. Затем оседлал коня и устроил засаду у того места, по которому должен был проехать убийца его отца. В полночь к мосту на черном коне подъехал убийца его отца. На мосту конь злодея стал спотыкаться.

— Будь ты проклят, почему ты стал спотыкаться? Нам некого бояться! Ведь Гази, сыну Алдама, до пятнадцати лет недостает еще трех! — наносил удары плеткой черный всадник.

— До пятнадцати лет трех годов недостает Гази, сыну Алдама, но он перед тобой. Готовь свое оружие к бою! — крикнул Гази.

И в честном бою Гази, сын Алдама, одержал победу, и свидетельством тому были отрезанные у врага усы[237].

Затем Гази отправился к прекрасной Зазе, дочери Анзора. Входит он в дом и здоровается с черкесскими князьями:

— Пусть покой ваш ничто не нарушит, я забираю свою невесту!

— Перестань шутить! — говорят князья.

— Шутки начало ссоры, но не упрекайте меня в подлости, — сказал Гази, забрал свою невесту, до рассвета возвратился домой и сказал:

— Вот, мать, твоя сноха.

Затем вытащил из-за пояса усы:

— А это усы убийцы твоего мужа.

От радости мать Гази так легко станцевала вокруг очага, что на золе не осталось бы даже муравьиного следа.

Некоторое время спустя прибыли черкесские князья.

— Мы на вес дадим вам золото, не унижай нас перед другими князьями, возврати нам Зазу,

дочь Анзора, — просят они Гази, сына Алдама. — Если не отдашь ее волей, заберем силой.

Это услышали гости, друзья отца Гази. Вышли они и сказали:

— Золото и серебро украшение князей. Прекрасная Заза украшение дома Гази. Если вы с миром пришли, то встретим вас как гостей, если вы с боем пришли, то и мы к бою готовы.

Поняли князья, что им ничего не удастся, и убрались восвояси, а свадебный пир во дворе Гази, сына Алдама, сейчас только по-настоящему разгорается. Видимо, на вашем веку он не кончится.

Приводим вариант, записанный в Чечне в 1977 г. студентом ЧИГУ И. Мацаевым от А. Х. Дауева, с. Шали ЧИАССР (личный архив А. О. Мальсагова):

Жили-были старик и старуха. У них был один сын. Когда мальчику исполнилось шесть лет, отца его убили. Перед смертью отец завещал:

— Пусть сын женится после того, как отомстит моему убийце.

И он дал сыну имя Нохчи Кант.

Дни шли за днями. Сын возмужал и стал красивым. В восемнадцать лет он полюбил девушку, которую ввали Исанзаки. В двадцать лет решил жениться. Узнала об этом мать и говорит ему:

— Отец завещал, чтобы ты женился лишь после того, как отомстишь убийце отца.

Молодой человек пошел к своей возлюбленной и сказал ей:

— Мне отец завещал, чтобы я женился лишь после того, как отомщу убийце. Сегодня я пришел сказать тебе об этом. Хочешь выходи за другого, хочешь жди.

Исанзаки сказала, что выйдет только за него и дала ему со своего пальца золотое кольцо. Обрадовался юноша.

И вот как-то сидит на тахте Нохчи Кант, вдруг раздается стук в дверь. Вышел он на стук перед ним всадник.

— Что ты лежишь, гордый Нохчи Кант? Ведь сегодня ночью через Кизляр проезжает убийца твоего отца. Если ты мужчина, убей его, — сказал юноше.

Нохчи Кант за такое сообщение подарил ему своего лучшего скакуна. Приготовил Нохчи Кант оружие, покрытое золотом и серебром, но в это время прискакал другой всадник:

— Гордый Нохчи Кант! Твою возлюбленную Исанзак увез грузинский князь.

За такое сообщение одарил юноша всадника лучшим мажаром[238].

Не успел юноша опомниться, как прискакал третий всадник и сообщил:

— Гордый Нохчи Кант! К тебе в гости едут друзья отца, которые делили с ним хлеб-соль. Готовься к их встрече!

Услышал он третье сообщение и стоял в замешательстве, не зная, что предпринять. В комнату вошла мать и спросила его:

— Сын мой, скажи мне, что с тобой? Что случилось? Ты чем-то удручен?

Рассказал сын матери, какие вести получил он.

— Что мне делать? Ума не приложу, — закончил он свои рассказ.

Тогда мать сказала своему сыну:

— Мой дорогой сын! Если суждено отомстишь за кровь отца, если суждено Исанзаки будет твоей! В первую очередь принимай гостей. Если ты их сегодня не примешь, они больше никогда не переступят порог твоего дома.

Подавил он в душе своей любовь и месть и, по обычаю, гостеприимно принял друзей отца.

189. Внук Козаша и Германч

Опубл.: А. О. Мальсагов. Нартсхойский эпос вайнахов, с. 100 (на рус. яз.)
Записал И. А. Дахкильгов в июле 1966 г. от учителя Долаковской школы М. Балхаева.

Вблизи селений Долаково и Кантышево находятся два кургана. Их называют курганами Козаша и Германча. Люди говорят, что на кургане Козаша жил Козаш, а на кургане Германча Германч. Они враждовали между собой.

Однажды Германч со своим войском дал бой Козашу. Германч одолел его и уничтожил и детей, и глубоких стариков. Германч решил вырезать все потомство Козаша и потому предал смерти даже беременных женщин. Жилье Козаша было предано огню. Решив что с Козашем покончено, Германч вернулся к себе.

Но род Козаша не пресекся. Одна из его невесток, находившаяся в это время в горах у своих родителей, была беременной и там родила мальчика. Когда он повзрослел, мать обо всем ему рассказала. Внук Козаша отправился в Черкесию к одному князю который предложил ему пасти бесчисленные стада овец и коней или принимать в доме гостей. Внук Козаша согласился на последнее Присматривался он к обычаям, нравам черкесов в хорошо исполнял свои обязанности.

Во дворе князя росло огромное дерево. Вспоминая о своем долге, в свободное время под этим деревом часто горевал внук Козаша и подрезал дерево кинжалом. Прошло много лет, а он продолжал подрезать дерево. Наконец оно рухнуло. Тогда князь спросил внука Козаша:

— Давно я заметил, что тебя что-то гнетет. Расскажи мне о своем горе.

Обо всем рассказал ему внук Козаша: о том, как убили его деда, отца, двоюродных братьев, о том, как он сам остался в живых: рассказал о долге крови, который необходимо исполнить.

— Я полюбил тебя, как родного сына, — сказал князь, — и дам тебе большое войско. Я буду гнать коней до тех пор, пока это рухнувшее дерево не превратится в прах.

Когда всех коней князя прогнали по дороге через дерево, только половина его превратилась в прах.

Князь одолжил коней у родственников и друзей, и только тогда все дерево превратилось в прах. Вот такое войско дал князь внуку Козаша!

У курганов Козаша и Германча находится «Холм, с которого были угнаны лани». У этого холма остановил внук Козаша свое войско, а сам отправился к месту, где раньше жил Козаш. Там были землянки, в которых жили несколько женщин. Они ему обо всем рассказали.

— Когда наступит полночь, взгляните в сторону кургана Германча и вы узнаете кое-что, сказал внук Козаша.

В полночь он разгромил войско Германча, ни одного мужчины не оставил в живых, а все хозяйство предал огню, самого Германча полонил, связал и передал женщинам, проживавшим на кургане Ачамза[239]. Они умертвили его уколами игл.

Внук Козаша возвратил князю войско, пригласил его к себе и устроил пир. В мире и дружбе жили внук Козаша и черкесы.

190. Лом-Эдалби[240]

Опубл.: Альм. «Утро гор». 1964, № 4, с. 48; перепеч.: ИФ, т. II, с. 70.
Записал А. У. Мальсагов в 1962 г.; на ингушском языке от Б. Алдаганова, г. Грозный.

В прошлые времена, когда полонили людей, в Хамхой-шахаре[241] жил один падчах. Он был очень богат, его овцы и скот паслись по всем окрестным горам. Он захватил Цорой-шахар[242] и властвовал над ним, имел огромное и сильное войско. Ему стелили постель из лебяжьего пуха толщиной в пятнадцать локтей. Однажды раб постелил ему постель, и он лег спать, громко вздыхая.

Утром постель оказалась толщиной в три локти. Его раб, удивленный этим, спросил своего падчаха:

— Мой грозный и величественный падчах! Что это за чудо? Ночью постель была толщиной в пятнадцать локтей, а теперь в три локтя. Что бы это значило?

— Мой преданный раб, я владею Хамхой- и Цорой-шахарами, у меня много богатств, людям даже не под силу их сосчитать. Но зачем мне эти богатства и этот мир, если меня вечером некому встретить, а утром добрым словом отправить в путь. В Мецхалой-шахаре, в ауле Эрзи[243] живет сестра семерых братьев, сияющая красотой Мисалмат. В мужестве, силе, чести с ее братьями некому сравниться. Их кони обгоняют хищных зверей, догоняют летящих соколов. Мисалмат в красоте состязается с солнцем и луной. Когда она выходит днем, никто не может на нее взглянуть, даже солнце прячется за тучи, считая ее красивей себя. Ночью, когда она выглянет из окна башни, горы озаряются светом, и луна прячется. В восторге от ее красоты напевает мелодии горная речка. Я много думал, как овладеть ею. Отягощенное этими мыслями, мое тело до трех локтей уменьшило постель толщиной в пятнадцать локтей. Мой раб, ты должен пойти в Мецхалой-шахар с моим поручением и сказать ее братьям: «Отдайте добровольно вашу сестру, а не то и применю силу падчаха и отберу ее у вас».

Раб оседлал черкесского длиннобокого коня и отправился на поиски семерых братьев. Он выехал утром и, когда солнце клонилось к закату, добрался до горы Хулахой[244]. Когда он въехал в Хьули, там устраивали скачки, стреляли в цель из лука, спорили между собой люди.

— Ассалам-алейкум, не различающие день и ночь славные молодцы! Принимаете ли вы гостя, который не имеет за собой погони, а в душе подлости? — спросил раб падчаха.

— Ва алейкум-салам, незнакомый дальний гость! Если за тобой погоня, на то мы и мужчины, чтобы ее отбить, и будем хозяевами, чтобы принять человека даже с подлой душой. Отдохни, дай отдохнуть и быстроногому черкесскому коню, ответил — молодой человек, похожий на натянутую тетиву лука; лицо его, словно яркая луна, излучало свет темной ночью.

— Благодарю, я тороплюсь. У меня неотложное поручение. Кто мне укажет путь до Эрзи, где проживает сияющая красотой Мисалмат, сестра семерых братьев? — спросил гость.

— В Мецхалой-шахаре любой готов оказать услугу гостю, — быстро оседлал коня отважный Лом-Эдалби.

Гость не говорил о причине своей поездки, а отважный Лом-Эдалби не расспрашивал[245].

Доехали они до Эрзи.

— Ассалам-алейкум!

— Ва алейкум-салам! С добрым приходом, дальние гости, спешивайтесь, входите, — встретили их семеро братьев.

— И вам всего доброго, мы не станем входить, у нас есть дело к вам.

— О деле поговорим дома. А ты чего не входишь? Ведь наш гость твой гость, — упрекнул старший из братьев Лом-Эдалби.

Усадили быстро гостя, зарезали барана, и семеро братьев и Лом-Эдалби стали угощать раба. Так три ночи подряд резали баранов гость не говорил о причине приезда, а хозяева ни о чем его не расспрашивали.

Прошла третья ночь, и старший брат спрашивает:

— Прошло три дня и три ночи, как ты приехал, а цель твоего приезда нам еще неизвестна. Теперь расскажи нам, зачем приехал.

— Славные молодцы! Три дня и три ночи я не решался сказать вам, но теперь должен это сделать. Сказать вам не смею, а не сказать боюсь падчаха. Я пришел сообщить вам, что могущественный падчах просит добровольно отдать ему сияющую красотой Мисалмат, спорящую красотой с солнцем и луной. Если не отдадите добровольно, то падчах возьмет ее силой, так говорил гость.

Через некоторое время ему ответил отважный Лом-Эдалби:

— Гость, ты три дня и три ночи ничего не говорил, зачем приехал. Если бы сразу сказал, то получил бы от нас достойный ответ. Ты не говорил об этом из трусости, и твой падчах такой же трусливый. Добровольно мы Мисалмат не отдадим. Пусть твой падчах силой попробует взять ее, — сказал Лом-Эдалби, который любил Мисалмат.

Сели братья пировать, не думая об опасности. Утром Мисалмат вышла доить корову и увидела из окна башни тройное кольцо воинов падчаха, окруживших крепость. Не успела она сказать об этом братьям, как Лом-Эдалби врезался в ряды воинов и завязал бой. Взмахнет шашкой вправо очищает место, на котором можно построить село! Взмахнет влево очищает место, на котором можно построить башню. Он дрался с падчахскими воинами, пока не закатилось сияющее золотое солнце. Лом-Эдалби не позволял братьям сестры вступить в бой. Наконец и в силе, и храбрости уступили воины падчаха. Тогда их предводитель крикнул: «Кто может, спасайся!»

Бросились воины бежать и, когда они миновали Хулахойскую гору, отважный Лом-Эдалби швырнул им вслед свою шашку. Шашка будто пилой срезала гору. Эта срезанная гора стоит и сейчас. Кажется, что два огромных великана спилили ее. Разгромив войско падчаха, Лом-Эдалби женился на сияющей Мисалмат, спорящей красотой с солнцем в луной. Стали они жить счастливо.

191. Ча и Чербаж

Опубл.: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей с. 396.

В Эрзи жили два брата Ча и Чербаж[246]. Однажды они пошли на охоту вверх по Орцхоевскому ущелью. Ходили до обеда и убили лишь одного зайца. Ча оставил младшего брата готовить обед, а сам решил поохотиться еще.

Чербаж разжег костер, изжарил зайца, прилег и задремал. Он увидел во сне, будто какой-то старик вышел из лесу в подошел нему. Старик был приятной наружности и одет во все белое как снег. Он ткнул посохом в спину Чербажа и сказал:

— Идет шайка похитителей людей. Приготовь свое оружие порох.

Чербаж вскочил, по никого не увидел. Решив, что это проделки шайтана, он выстрелил вверх, лег и опять уснул. И снова подошел к нему тот же старик. Ткнул посохом Чербажа в спину и сказал:

— Идет шайка похитителей людей. Приготовь свое оружие порох.

— Что за чудо! — удивился проснувшийся Чербаж. Ведь вокруг не было ни души. — Пусть гнев божий падет на шайтана, выстрелил вверх, снова лег и уснул.

Старик подошел в третий раз, ткнул его посохом в спину и сказал:

— Ведь я, желая добра, говорю тебе приготовься к бою с шайкой похитителей людей, — и опять пропал из виду.

Чербаж не мог больше уснуть и думал: «Что бы это значило?»

Из лесу вышел старший брат и принес тура.

— Что это были за выстрелы? Или случилось что-нибудь? — спросил он.

Младший брат рассказал старшему все, что видел во сне и что говорил ему старик.

— Подойди, — сказал младший брат и, когда брат подошел, — задрал его рубашку.

Между лопаток он увидел три пятна.

— Мы должны сделать то, о чем говорил старик. Приготовься биться с шайкой, — сказал старший брат.

Они съели тура, хорошо отдохнули и собрались в путь. Солнце клонилось к вечеру.

Они увидели, что вверх по ущелью Терека идет шайка. Там, где ущелье было особенно узким, Ча и Чербаж устроили две засады: одну сверху, другую внизу. Если шайка бежала вверх по ущелью ее бил Ча, если вниз Чербаж. Так они уничтожили всю шайку. Оставили в живых только одного человека, сорвали с него папаху и сказали:

— Знай, почему ты оставлен в живых. Рассказывай повсюду, что мы Ча и Чербаж, два брата, уничтожили всю шайку. Если не будешь рассказывать, будем показывать твою папаху и позорить тебя.

Тот человек все рассказывал, и все люди знали об этом. Эта весть пошла до царских властей, которые не знали, что делать с этой шайкой. Пригласили Ча и Чербажа и стали предлагать им любую награду.

— Мы вам дадим знамя, свидетельствующее, что мужчины вашего рода князья, а женщины княгини, — говорили им.

— Нам ничего не нужно. Да мы и не рабы, стремящиеся стать князьями. Если хотите дать что-нибудь, то дайте нам земли, — ответили Ча и Чербаж.

Тут им выделила землю в том месте, где сейчас находится Гвелети[247]. Ча и Чербаж со своими близкими переселились туда жить.

192. Воин Шамиля

Опубл.: ИФ, т. II, о. 179.
Записал А. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от А. Ахриева г. Грозный.

Высоко в горах расположилось войско Шамиля.

Шамиля известили о кончине жены одного из его воинов.

— Немедленно пришлите воина ко мне, — приказал Шамиль, — испытаем, что он за мужчина.

Воин незамедлительно явился.

— Отец твой умер, — слукавил Шамиль.

— Умер отец значит, дом остался без надзора, поэтому нужно ехать на родину, — ответил воин.

— Я ошибся, умер не отец, а брат.

— Если брат умер — дом лишился надежной опоры и необходимо возвратиться.

— Нет, не брат, а мать твоя, оказывается, скончалась.

— Чтобы со всеми родственниками разделить горе и со всеми, почестями ее похоронить, следует срочно прибыть на родину.

— Не мать, а сестра умерла.

— С сердца цветок упал, еду на родину.

И наконец, когда Шамиль сказал, что умерла жена, воин ответил:

— Тогда не стоит и возвращаться, ибо со смертью жены весь дом пошел прахом.

193. Шамиль и падчах Николай

Записала Г. Сайдулаева в 1975 г. на чеченском языке от М. Кантаева, с. Алхан-Юрт ЧИАССР,

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Всем известно, что Шамиль был пленен при падчахе Николае и увезен в Россию, где ему дали дом и позволили читать Коран и жить спокойно.

У падчаха Николая в это время родился сын, и он послал вестового сообщить об этом Шамилю. Шамиль, услыхав эту весть, отложил Кораи, встал и молча расстегнул свой пояс. Вестовой удивился и, вернувшись к падчаху, сообщил об этом.

Рассерженный падчах, говорят, спросил у Шамиля:

— Почему ты, узнав, что у меня родился сын, не наградил вестового за приятную весть?

Тогда Шамиль ответил падчаху:

— Многие годы не расставался я с оружием и носил его постоянно. Если теперь я расстегнул пояс, на котором висит кинжал, разве я не проявил особого расположения к этой вести?[248]

С этого дня, говорят, Шамиль никогда не носил оружия.

194. Как чеченцы присоединились к России

Записала Р. Сайдулаева в 1975 г. на чеченском языке от М. Сайдулаева, с. Алхан-Юрт ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Еще до Шамиля во Владикавказ прибыл русский падчах со своими солдатами. Недалеко от станции Беслан[249] падчах и его приближенные разбили на равнине шатры. Здесь они веселились, прогуливались по лесу и стреляли дичь. Русский падчах не знал чеченцев, но ему рассказывали, что они дикий народ, и поэтому он не считался с ними.

О прибытия падчаха узнали все кавказские народы.

Леча, сын Алха, из селения Гехи[250], пошел по селам и стал просить, чтобы каждое село выставило по снаряженному всаднику. Он обошел пятьдесят селений. Уважая его как гостя, эти села выставили по всаднику. И тогда сел Леча Алханов на белого коня, сам оделся во все белое, а за ним выстроилось пятьдесят всадников на гнедых конях, одетых в черное.

Леча договорился с ними, как надо себя вести. Десятерых он поставил рядом с собой, остальных по пяти выставил впереди и сзади себя. Они не приближались к падчаху, а строем ехали вдалеке, чтобы их было видно издали в подзорную трубу.

Падчах увидел в подзорную трубу одинаково одетых всадников. Ему они понравились, и он послал своего всадника узнать про них. Вместе с этим посланным Леча подъехал к падчаху и сказал:

— Мы чеченцы.

Удивленный красотой и статностью всадников, падчах спросил:

— Я не знаю вашего народа, кто вы такие?

Тогда Леча Алханов сказал;

— Невезучий мы народ. Когда охотники устраивают засаду на зверей, одни их гонят с одной стороны, другие стреляют в них с другой. Один зверь из всех, когда охотники уже уверены, что убили его, вдруг выскакивает из окружения и скрывается. Соберутся вечером охотники и начинают превозносить свои доблести: такого-то зверя убили, такого-то зверя изломали. Но ни один из них не говорит об убежавшем звере, ибо он оказался смышленее охотников. На него похож наш народ. У нас нет князей, и ни один не склоняет голову перед другим. Такой мы народ, и поэтому ты не знаешь о нас. Каждый из моих всадников одолеет любого твоего солдата.

Затем всадники и солдаты падчаха стали состязаться, и всадники во всем одолели солдат. Падчаху очень понравились всадники и их одежда. Он попросил для своей свиты двенадцать всадников и присоединил чеченцев к России.

С тех пор, говорят, при дворе падчаха стали носить черкесскую форму.

195. Абрек Сулумбек

Записала С. Гандалоева в 1977 г. на ингушском языке от А.-Х. Ахмурзиева, с. Сагопши ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Жил, говорят, храбрый абрек Сулумбек Горовожев[251]. Рассказывают, что он был другом абрека Зелимхана из Харачоя.

Как-то брат Сулумбека решил украсть у бедного человека быков. Ночь была темная, но хозяин видел, что уводит быков, и выстрелил вслед похитителю. Пуля попала точно в цель, и брат Сулумбека был убит.

Сулумбек не раз устраивал засаду, чтобы отомстить за брата. Он потерял не одну ночь, чтобы расквитаться с кровником.

Однажды ночью Сулумбек поджидал его у моста близ села Сагопши. Среди ночи он услышал топот коня. Сулумбек приготовил оружие, вышел из-под моста и поехал вслед за кровником. Через некоторое время он окликнул его:

— Ты убил моего брата, я Сулумбек Горовожев, приготовь свое оружие, я буду мстить за кровь брата.

Всадник продолжал путь, будто ничего не слышит. Сулумбек вновь прокричал то же самое. Молчание. И в третий раз крикнул ему Сулумбек. Тогда всадник спешился, бросил оземь оружием пистолет, кинжал и оказал:

— Ты прав, Сулумбек, это я убил твоего брата. Но знай же, здесь нет никакой моей вины. Я не убил его подло, из корысти! Выслушай меня.

Кровник рассказал все, как было, и добавил: Теперь же объявляю тебя безвинным за мою кровь, совершай свою месть. Надоело мне скрываться от тебя, постоянно устраиваешь ты мне засады!

Сулумбек понял, что кровник не виновен. Будучи настоящим мужчиной, он сказал:

— Объявляю тебя безвинным в крови моего брата. С сегодняшнего дня живи спокойно и ничего не бойся. Никто не посмеет тебя в чем-либо упрекнуть, так как ты ни в чем не виноват.

На второй день во двор Сулумбека пригнали много скота и коней. Это был откуп за кровь. Сулумбек созвал родственников и, объявив, что простил кровь брата, добавил:

— Человеческую кровь не продают за деньги и скот. Я простил кровь не для того, чтобы получить плату. Гоните обратно скот и коней!

Так он простил безвинного человека, и люди были ему благодарны за это.

Но однажды на сельском сходе один человек укорил Сулумбека:

— Ты не мужчина! На тебе лежит позор! Почему ты не мстишь за кровь своего брата?

Сулумбек сказал:

— Знал я, что хоть один человек да обвинит меня в моем поступке. Однако не думай, что твои слова разозлят меня и я пойду убивать невинного человека. Мое слово нерушимо!

Люди на сходе прокляли этого человека, а Сулумбек и позднее не изменял своему слову. Так же поступали и его родственники.

СЛОВАРЬ

аба — накидка, халат из материи

абаз (чечено-ингуш. — эппаз) — мелкая монета, равная 20 коп

альчик — букв. «косточка из голени рогатого скота»; «игральная кость»; «бабка»

айт — восклицание, выражающее восторг

аллаху-акбар — слова молитвы

ассалам-алейкум — приветствие, означающее «мир вам», и ответ **ва алейкум-салам** — «и вам мир»

белхи — букв. «помочь», «работа»; помощь, оказываемая односельчанами тому или иному лицу

беркат — благодать, изобилие, благоденствие

бисмилах — начальные слова мусульманской молитвы

бревно-база — дерево особой породы, «железное» дерево

бревно-магаска — вид кустарника; имеется в виду особая порода деревьев, которые в прошлом росли на территории Чечено-Ингушетии, а впоследствии исчезли или превратились в кустарник

ва, вай — обращение, соответствует русскому «эй»

вампал — букв. «великан»

вачбий, вочабий — горный тур

вета — пуговица из ниток для застежки ворота рубахи

гам — ведьма, колдунья, оборотень

гамсельг — женщина-ведьма

гарбаш — рабыня; ведьма, колдунья, Баба-Яга

геза-дяри — шелк особых, дорогих сортов; парча

гирда — мера объема сыпучих тел, равная 12 кг

гулинг — сказочный конек **дада** — отец, дедушка

дажал — злое существо огромных размеров

дечиг-пандар — чеченский национальный инструмент типа трехструнной балалайки

джинн — злой дух, бес

жайнаш — священные книги у мусульман

жижиг-галнаш (ингуш. — дулх-халтамаш) — национальное блюдо из мяса и галушек с чесночной подливой и бульоном

захал — сват, сваха

зурна (чечено-ингуш. — зурма) — музыкальный инструмент типа свирели

кадий — духовное лицо у мусульман, судья

кайсарилг — книжка (часть желудка жвачных животных)

кант (канат) — букв. «сын»; юноша, удалец, молодец

карак — хмельной напиток; водка

кунацкая — комната для приема гостей.

кхел — суд; решение спорных вопросов по обычному праву

кхизг — туесок, корзина из коры дерева

мажар — кремневка, ружье

муталим — ученик медресе

мушкарт — вид травы, из которой можно вить веревки

назма — песни религиозного содержании

намаз (чечено-ингуш. — ламаз) — молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день в определенное время

нана (нани) — букв. «мать», «бабушка»; ласковое обращение

неге — ногаец, эпический противник героя

ниха — напиток, брага

нухдувхирг — лопаточка, которой очищают лемех плуга от земли

остопирлах — возглас удивлении.

падчах — царь, государь у восточных народов

пандар — гармоника, балалайка

пхегата — место, где встречаются мужчины села; ингуш — пхъегIа; осет. — нихас, даг. — годекан, кабард. — хаса.

пхохане (чечен.) — см. **пхегата**

сапетка — устройство из прутьев для хранения кукурузы

сахь — мера зерна, равная восьми пригоршням

талс — переметная сума

тамада — старший, — руководитель, главный

терсмайла — шашка, меч из дамасской стали с изображением на клинке морды волка или обезьяны

той — пир, угощение

тума — десять рублей, червонец

турпал — герой, богатырь

турпал-конь — богатырский конь

тязет — букв. «траур»; похоронный ритуал, место поминок во дворе, куда приходят родственники и знакомые покойника для выражения соболезнования

уздень — см. **эздий**ураза — религиозный пост, праздник у мусульман

урду — калым; определенная сумма денег, выплачиваемая женихом родственникам невесты

учкур — рубец на шароварах, в который продевают шнур или тесьму для завязки

хаким — начальник

халтамаш — см. **жижиг-галнаш**

херсхетолг — букв, «молодой побег»; ласковое обращение к потомству

хежа — нечто вроде ведуньи, колдуньи

хожа — чудовище, иногда многоголовое

хурро — возглас, которым погоняют овец

цара-цура — рычаг для поднятия тяжестей

чондарг — ингушский музыкальный инструмент типа скрипки

шахар — населенный пункт; город

эздий, уздень — сподвижник, соратник

энджал — чудовище огромных размеров

эрмало — армянин

БИБЛИОГРАФИЯ

ПУБЛИКАЦИИ СКАЗОК, ЛЕГЕНД И ПРЕДАНИЙ ВАЙНАХОВ

I

1. Ахриев Ч. Из чеченских сказаний. ССКГ. Вып. 4, 1870.
2. Ахриев Ч. Ингуши (их предании, веровании и поверья) ССКГ, Вып. 8, 1875.
3. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях ССКГ, Вып. 5, 1871.
4. Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушевского народа с приложением его сказок и преданий. Газ. «Терские ведомости» 1872 №. 2735, 39, 4243, 4546; 1873, № 3, 2122, 2426.
5. Баранов Е. Легенды Кавказа. М., 1913.
6. Баранов Е. Сказки кавказских горцев. М., 1913.
7. Баранов Е. 3. Ингушевскне сказки. СМОМПК. Вып. 32, 1903.
8. Баранов Е. З., Мутушев И-Б. М. Чеченские сказки. СМОМПК, Вып. 32. 1903.
9. Бартоломей А. И. Чеченский букварь. Тифлис, 1866.
10. Бывалый. Дуль-Дуль Ат-Лаган. «Терские ведомости», 17.VII.1911.
11. Бывалый. Молитва Сеска Солсы (Чечено-ингушское сказание). «Терские ведомости», 18.VII.1911.
12. Висковатов С. С Казбека. «Русский вестник». Т. 60. СПб., 1865.
13. Гатцук В. Морской конь. Невиданное дело. Журн. «Юная Россия», 1907, июль.
14. Гатцук В. Как погибли нарты-орхустуа. «Юная Россия». 1907, май.
15. Головинский П. И. Чеченцы. «Терские ведомости». 1870, № 4044
16. Грен А. Чеченские тексты. Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе. СМОМПК Вып. 22, 1897.
17. Из записок П. И. Головинского. Чеченцы. ССТО. Вып. 1. 1878.
18. Про молодца чеченца и богатыря Ногая. «Терские ведомости». 1880, № 45.
19. Светлов В. Семь сыновей вьюги. Ингушское предание. СПб., 1903.
20. Семенов Н. Сказки и легенды чеченцев. С предисловием и замечаниями собирателя. Владикавказ, 1882.
21. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
22. Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса. Ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 г. Б. К. Далгатом. «Этнографическое обозрение». 1901, № 1.
23. Цискаров И. Лозы любви (кистинское предание). «Зурна». Кавказский альманах. Тифлис, 1848.
24. Цискаров Н. Картина Тушетии. Газ, «Кавказ». Тифлис, 1846, № 50
25. Чеченская сказка. «Кавказ». 1849, № 17.
26. Эльдарханов Т. Чеченские тексты. СМОМПК. Вып. 28, 1900.
27. Эльдарханов Т. Чеченские тексты. СМОМПК. Вып. 29, 1901.
28. Kaukasische Märchen. Ausgewählt und übersetz von A. Dirz. Yena, 1922.
29. Dumesil C Legendes sur lея Nartes. P., 1930.

II

30. Ингушские сказки о животных. Сост. Д. Д. Мальсагов и Б. Х. Зязиков. Грозный, 1961 (на ингуш. яз.).
31. Ингушский фольклор. Грозный, 1940 (на ингуш, яз.).
32. Ингушский фольклор. Сост. Х. Осмиев. Грозный, 1959 (на ингуш. яз.).

33. Ингушский фольклор. Т. 2. Составил Абу Мальсагов. Грозный, 1967 (на ингуш. яз.).
34. Красные искры. Ингушское литературное общество. Орджоникидзе, 1931 (на ингуш, яз.).
35. Нажаев А. Чеченские сказки, песни и пословицы. Владикавказ, 1926 (на чечен, яз.).
36. О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.
37. Радость сердца. Литературный сборник ингушских писателей. Сост. Б. Х. Зязиков и О. А. Мальсагов. Фрунзе, 1957. (на ингуш, яз.).
38. Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Под ред. А. В. Багрия. Т. 2. Баку, 1930.
39. Фольклор вайнахов. 1. Орджоникидзе, 1932 (на ингуш. яз.).
40. Чечено-ингушскнй фольклор. М., 1940.
41. Чеченские и ингушские народные сказки. Лит. обработка В. Гацака. Сост. М. Кибиев и А. Мальсагов. М… 1965, 1969; Грозный, 1973.
42. Чеченские несли и частушки. Т. I. Сост. 3. Джамалханов, С. Эльмурзаев. Грозный, 1959 (на чечен. яз.).
43. Чеченские сказки. Записал Х. Ошаев. Грозный, 1927 (на чечен. яз.).
44. Чеченский фольклор. Сказки, предания и пословицы. Т. 2. Сост. С. Эльмурзаев. Грозный, 1964 (на чечен. яз.).
45. Чеченский фольклор. Сказания и сказки о нарт-орстхойцах. Т. 3. Составил С. Эльмурзаев. Грозный, 1964 (на чечен. яз.).
46. Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
47. Юмор вайнахов. Запись и лит. обработка Абу Мальсагова. Грозный, 1976.

СБОРНИКИ СКАЗОК РАЗНЫХ НАРОДОВ

48. Абазинские сказки. Сост. Т. Табулов, К. Шакрыл. Черкесск, 1955.
49. Абхазские сказки. Сост. Ш. Х. Салакая и К. С. Шакрыл. М., 1976.
50. Абхазские сказки. Сост., обраб. и пер. с абхаз. Х. С. Бгажба. Сухуми, 1959; изд. 2-е, испр. и доп. Сухуми, 1965.
51. Аварские народные сказки. Сост. и автор примеч. Д. М. Атаев. Автор предисл. и типолог. анализа сюжетов И. Левин. М., 1972.
52. Аварские сказки. Пер. с авар. М. Саидова и У. Далгат. М., 1965.
53. Адыгейские сказания и сказки. Ростов-на-Дону, 1937.
54. Азербайджанские сказки. Баку, 1977.
55. Армянские народные сказки. Ер., 3965.
56. Армянский фольклор. Сост. и пер. Г. О. Карапетяна. М., 1979.
57. Грузинские народные сказки. Тб.; 1971.
58. Грузинские народные сказки (сто сказок). Сост. и пер. Н. К. Долидзе, Тб., 1960.
59. Грузинские народные предания и легенды. М.1953.
60. Даргинские сказки. М., 1963.
61. Дунганские народные сказки и предания. М… 1977.
62. Золотой сундук. Сказки татов Дагестана. М… 1972:
63. Кабардинские народные сказки. М., 1969.
64. Кабардинские сказки. Нальчик, 1974.
65. Кабардинский фольклор. Вступит. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпа, под ред. Ю. М. Соколова. М.Л., 1938.
66. Курдские народные сказки. М., 1970.
67. Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. Пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М., 1964.
68. Народные русские сказки А. II. Афанасьева. Т. 13. Подготовка текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.
69. Осетинские народные сказки. Сост. С. Бритаев и Г. Калоев. М., 1959.
70. Осетинские народные сказки. Сост. А. Х. Бязыров. Сталинир, 1960.
71. Осетинские народные сказки. Запись текстов, пер., предисл. и примеч. Г. А. Дзагурова. М., 1973.
72. Проданный сон. Туркменские сказки. Сост., пер. с туркмен., вступит. ст. и примеч. И. Стеблевой. М., 1969.
73. Проделки хитрецов. М., 1977.
74. Сказки адыгских народов. Сост. А. И. Алиева. М., 1978.
75. Сказки народов Дагестана. Сост. Х. Халилов. М., 1965.
76. Сказки народов СССР. Ростов-на-Дону, 1959.
77. Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959.
78. Сто сказок о проделках и злоключениях Муллы Насреддина. Собраны Романом Фатуевым. Пятигорск, 1937.
79. Сто сказок удмурдского народа. Сост. Н. Кралина. Ижевск, 1961.

ИССЛЕДОВАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

80. Абаев В. И. Осетино-вайнахские параллели ИЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 3. Языкознание 1959.

81. Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса. Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.

82. Азадовский М. Русские сказочники. М. Азадовский. Литература и фольклор. М., 1938.

83. Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров). Славянский фольклор. М., 1965.

84. Айдаев Ю. А. Чечено-ингушская советская драматургия. Грозный, 1975.

85. Алборов. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». ИИНИИК. Вып. 1, 1928.

86. Алиева М. М. Уйгурская сказка. А.-А., 1975.

87. Алироев И. Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968.

88. Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1979.

88а. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

89. Аникин В. П. Волшебная сказка «Царевна-лягушка». Фольклор как искусство слова. Вып 1. М., 1966.

90. Аникин В. П. Искусство психологического изображения в сказках о животных. Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969.

91. Аникин В. П. Особенности стиля, мотивов и сюжета народной сказки как явления творчества. Литературные направлении и стали, М., 1976.

92. Багрий А. В. Народная словесность Кавказа. Материалы для библиографического указателя. «Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина». Баку, 1926.

93. Бараг Л. Г. О взаимодействия русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях. Современный русский фольклор. М., 1966.

94. Бахтина В. А. Эстетическая функция сказочной фантастики. Саратов, 1972.

95. Бекизова Л. А. От богатырского эпоса к роману. Ставрополь, 1974.

96. Берже А. П. Чечня и чеченцы, Кавказский календарь. Тифлис, 1859.

97. Богатырев П. Г. Изображение переживаний действующих лиц в русской народной сказке. Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969.

98. Бязыров А. Х. Опыт классификации осетинских народных сказок по системе Аарне Андреева. «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР». Вып. 9. Сталинир, 1958; Вып. 10, 1960.

99. Вагапов Я. С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях. ИЧИНИИИЯЛ. Вопросы литературы. Т. 5. Вып. 3. Литературоведение, 1968.

100. Ведерникова Н. М. Антитеза в волшебных сказках. Фольклор как искусство слова. Вып 3. М., 1975.

101. Ведерникова Н. М. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке. Русский фольклор. Вып. 13. Русская народная проза.: Л., 1972.

102. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975.

103. Вертепов Г. А. В горах Кавказа. Владикавказ, 1903.

104. Веселовский А. II. Статьи о сказках. Собрание сочинений. Т. 18. Л., 1939.

105. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.

106. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

107. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1964.

108. Вирсаладзе Е. Б. Грузинские сказки. Т., 1960.

109. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзии. М., 1976.

110. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названии Северного Кавказа. М., 1973.

111. Гацак В. М. Сказочник и его текст (К развитию экспериментального направления в фольклористике). Проблемы фольклора. М., 1975.

112. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов АН СССР. Л., 1930.

113. Городецкий Б. М. Указатель библиографической литературы о Кавказе, «Северо-Кавказский край». Ростов-на-Дону, 1927, № 2.

114. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев. Терский сборник. Вып. 3, 1893.

115. Далгат Башир. Материалы по обычному праву ингушей. ИИНИИК. Вып. 2, 1929.

116. Далгат У. Б. К вопросу о народности эпических сказаний и исторических песен у народов Северного Кавказа. Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958.

117. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.

118. Дахкильгов И. А. Антифеодальные предании. Альм. «Утро гор». Грозный, 1974, № 2 (на ингуш. яз.).

119. Дахкильгов И. А. Легенды о любви. Альм. «Утро гор». Грозный, 1974, № 3 (на ингуш яз.).

120. Дахкильгов И. А. Предания о добыче соли. Альм. «Аргун». Грозный, 1975, № 2 (на чечен. яз.).

121. Дахкильгов И. А. Предания вайнахов, связанные с их архитектурным искусством. Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1976.

122. Дахкильгов И. А. Охотничьи легенды. Альм. «Утро гор». Грозный, 1977, № 1 (на ингуш яз.).

123. Дахкильгов И. А. Христианско-языческие легенды вайнахов. Альм. «Утро гор» Грозный, 1077, № 2 (на ингуш. из.).

124. Дахкильгов И. А. Устное народное творчество вайнахов. Учебник для студентов вуза. Грозный, 1977 (на ингуш. яз.).

125. Дахкильгов И. А. Предания чеченцев и ингушей о кровной мести. Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями. Л., 1977.

126. Дахкильгов И. А. Народная этимология некоторых топонимов горной Чечено-Ингушетии (по легендам и преданиям). Вопросы отраслевой лексики. Грозный. 1978.

127. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.

128. Дахкильгов И. А. Опыт систематизации чечено-ингушских преданий и легенд. Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1979.

129. Дзагуров Д. Указатель статей по кавказоведению, помещенных в газете «Терские ведомости» с 1883 по 1916 г. Владикавказ, 1928.

130. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских-кавказских народов. Грозный, 1963.

131. Дрягин Н. М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с емечь. Яфетический сборник. Т. 7. Л., 1936.

132. Жантиева Д. Г. Мотивы исторического эпоса северокавказских горцев. «Записки Горского научно-исследовательского института», Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1929.

133. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах. Историко-филологические исследовании. К 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.

134. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (18 421 867). СПб., 1879.
135. Зухба С. Л. Абхазская народная сказка. Тб., 1970.
136. Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ. Вып. 1, 1868.
137. Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. А.-А., 1972.
138. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 12. М., 1890.
139. Корзун В. Б. У истоков искусства слова. Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
140. Корзун В. Б. Советская чечено-ингушская литература. Библиография. Грозный, 1966.
141. Корзун В. Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа (Дооктябрьский период). Грозный, 1968.
142. Кравцов Н. И. Искусство психологического изображения в русском-народном поэтическом творчестве. Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969.
143. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
144. Крупнов Е. И. Изучение нартского эпоса и археология. Археолого-этнографический сборник. «Труды ЧИНИИИЯЛ». Т. 7, Вып. 1. История, 1966.
145. Крупное Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
146. Лаудаев У. Чеченское племя. ССКГ. Вып. 6, 1872.
147. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1967.
148. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведении. «Вопросы литературы». 1968, № 8.
149. Мальсагов А., Былов В. Фольклор вайнахов и его издания. «Вопросы литературы». 1965, № 8.
150. Мальсагов А. О. О нарт-орстхойском эпосе чеченцев и ингушей. Сказания о нартах эпос народов Кавказа. М., 1969.
151. Мальсагов А. О. Нарт-орстхойскйй эпос вайнахов. Грозный, 1970.
152. Мальсагов А. О. Солнечный мир. Грозный, 1972 (на ингуш. яз.).
153. Мальсагов А. К вопросу об изучении нарт-орстхойского эпоса вайнахов. Альм. «Утро гор». 1964, № 3 (на ингуш, яз.).
154. Мальсагов Д. Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» ИЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 2, 1959.
155. Мальсагов Д. Д. Ингушская литература. «Революция и город». Ростов-на-Доиу, 1933, № 12.
156. Мальсагов Д. Д. К постановке изучения чечено-ингушского фольклора. «Революция и горец». Ростов-на-Дону, 1933, № 5.
157. Мальсагов Д. Д., Зязиков Б. Х. Ингушская художественная литература. Альм. «Утро гор». 1960, № 1 (на ингуш. яз.).
158. Мальсагов Д., Зязиков Б. Фольклор ингушей и чеченцев. Очерки истории советской ингушской литературы. Грозный, 1961 (на ингуш. яз.).
159. Мальсагов Д., Ошаев Х. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа. Очерки истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.
160. Мальсагов З. К. Чеченский народный стих. ИИНИИК. Т. 4. Вып. 2. Орджоникидз Грозный, 1936.
161. Мальсагов О. А. Библиографический справочник по ингушской литературе. Орджоникидзе, 1933.
162. Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969.
163. Мартиросиан Г. К. История Ингушетии. Орджоникидзе, 1933.
164. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958.

165. Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса. Нартский эпос. Орджоникидзе, 1937.

166. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.

167. Меликишвили Г. И. К истории древней Грузии. Тб., 1959.

168. Миллер В. Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., январь, 1883.

169. Миллер Вс. Кавказско-русские параллели. «Этнографическое обозрение». 1891, № 3.

170. Мровели Леонти. Жизнь картлийскпх царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнвгруз. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979.

171. Мунаев И. Б. Сказочные мотивы в героико-исторических песнях (илли) вайнахов. Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научные сборник. Уфа, 1979.

172. Назаревич А. Ф. В мире горской народной сказки. Махачкала, 1962.

173. Народы Кавказа. Т. 1. Под ред. М. О. Косвепа, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева, М., 1960.

174. Неклюдов С. Ю. Пространственно-временная система в сюжетосложении былины и сказки. Проблемы стиля, метода и направления в изучении в преподавании художественной литературы. М. 1969.

175. Неклюдов С. Ю. Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура. Проблемы фольклора. М., 1975.

176. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

177. 1Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.

178. Ошаев Х. Д. Устное народное творчество чеченцев. Очерки истории чеченской литературы. Грозный, 1961 (на чечен. яз.).

179. Пожидаев В. Н. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины, кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. М.Л., 1926.

180. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1905.

181. Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М., 1977.

182. Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974.

183. Пословицы ингушей. Записал и составил А. О. Мальсагов. Грозный, 1962 (на ингуш. яз.).

184. Пословицы чеченского народа. Записал и составил А. Г. Мациев. Грозный, 1963 (на чечен. яз.).

185. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

186. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1940.

187. Пропп В. Я. Русский героический эпос М., 1958.

188. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.

189. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. М. Л., 1976.

190. Рошияну И. Традиционные формулы сказки. М., 1974.

191. Савушкина Н. И. Изображение внутреннего мира человека в русской социально-бытовой сказке. Фольклор как искусство слова Вып. 2. М., 1969.

192. Семенов Л. П. Чах Ахриев. Первый ингушский краевед. ИИНИИК Вып. 1, 1828.

193. Семенов Л. П. «Нартские памятники» в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ 1930.

194. Семенов Л. П. К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев «Академии наук СССР академику Н. Я. Марру». М.Л., 1935.

195. Семенов Л. П. Ингушская и чеченская народная словесность. Владикавказ, 1928.

196. Семенов Л. П. Ингушская и чеченская народная словесность. ИЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып 3, 1959.

197. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 19 251 932 гг. Грозный, 1963.

198. Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре. ИЧИНИИИЯЛ. Вып 1. История, 1959.

199. Сказин Б. В. Литература о Дагестане на западноевропейских языках. Махачкала, 1964.

200. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.

201. Танкиев А. Х. Опыт исследования чечено-ингушского фольклора. Социология, атеизм, религия. «Труды ЧИНИИИЯЛ». Т. 2. Вып. 1,1976.

202. Типологические исследовании по фольклору. М., 1975.

203. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т., Т. 46. Дневник (1846–1864). М., 1937.

204. Тревер К. В. Очерки по история и культуре Кавказской Албании. МЛ., 1959.

205. Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963.

206. Тудоровская Б. А. О структуре волшебной сказки. Русский фольклор. Т. 13. Русская народная проза. М., 1972.

207. Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.

208. Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. ИКОИРГО, т. Х, 1881.

209. Услар П. К. Этнография Кавказа. 2. Тифлис, 1888.

210. Фарфоровский С. Чеченские этюды, ССКГ. Т, 2. Ставрополь, 1912.

211. Фольклор и этнографии. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.

212. Цечоева Л. Х. Народные сказки вайнахов. Автореф. канд. дис. Махачкала. 1971.

213. Цечоева Л. Х. Сказки вайнахов о друзьях-побратимах. Альм. «Аргуну». 1970, № 4 (на чечен. яз.).

214. Чеботарева В. Г. Волшебные сказки чеченцев и ингушей. ИЧИНИИИЯЛ. Т. 4, Вып. 3 1964.

215. Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966.

216. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964.

217. Шавхелашвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.

218. Шегрен А. И. Религиозные обряды осетин, ингушей, их соплеменников при различных случаях. «Кавказ». Тифлис, 1840, № 27, 28, 30.

219. Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. ИИНИИК Вып. 1, 1928.

220. Эльмурзаев С. Ч. Некоторые сказания о нартских памятниках чеченцев и ингушей. ИЧИНИИИЯЛ. Т. 4, 1964.

221. Эльмурзаев С. Ч. Новые данные о чечено-ингушских нарт-орстхойских сказаниях. «Труды ЧИНИИИЯЛ». Т. 9, 1964.

222. Эльмурзаев С. Ч. Общее и специфическое чечено-ингушских сказаний в кавказском эпосе «Нарты». ИЧИНИИИЯЛ. Т. 5. Вып. 3, 1968.

223. Яковлев Н. Ингуши. М.Л., 1925.

224. Яковлев Н. Несколько слов о чеченской и ингушской народной песне. Газ. «Сердало». 1927, № 63.

225. Яндаров А. Д. Ингушский просветитель Чах Ахриев. Грозный, 1968.

226. Güldenstädt J. A. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge. St.-Pbg., 1787.

227. Klaproth J. Voyage au mont Kaukase et en Georgia 1807 an Paris. 1823.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИЖС — Ингушские сказки о животных. Грозный. 1961 (на ингуш. яз.).

ИКОИРГО — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества». Тифлис.

ИИНИИК — «Известия Ингушского научно-исследовательского института искусства и краеведения». Владикавказ.

ИФ — Ингушский фольклор. Грозный, 1940 (на ингуш. яз.).

ИФ, т. II — Ингушский фольклор. Сост. Абу Мальсагов. Т. II. Грозный, 1967 (на ингуш. яз.).

ИЧИНИИИЯЛ «Известия Чечено-Ишушского научно-исследовательского института истории языка и литературы». Грозный.

СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 444 Тифлис, 18 811 929.

ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. 110. Тифлис. 18 681 881.

ССТО — Сборник сведений о Терской области. Владикавказ.

ТГАИМК — «Труды Государственной Академии истории материальной культуры». Л.

ФВ — Фольклор вайнахов. Орджоникидзе, 1932 (на ингуш. яз.).

ЧИГПИ — Чечено-Ингушский государственный педагогический институт.

ЧИГУ — Чечено-Ингушский государственный университет.

ЧИНИИИСФ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории социологии и филологии.

ЧФ II — Чеченский фольклор. Сост. С. Эльмурзаев. Т. II. Грозный, 1964 (на чечен, яз.).

ЧФ III — Чеченский фольклор. Сост. С. Эльмурзаев. Т. III. Грозный, 1964 (на чечен. яз.).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Сюжеты сказок определены по указателям: The Types at Lite Folktale, A Claasificalion and Bibliography, Antti Annies Vevzojchms dev Marclieiity-pen (FFC Л., 3). Translated and Enlarged, by S. Thompson. Helsinki, 1981 (FFC 184) (далее AT);

S. Thompson. Motif Index of Folk Literature I VI, Copenhagen Bloomington, 19 551 958 (далее TM).

W. Kbornardt und P. N. Bor.atav. Typen lurkischcr Volksmar cben. Wiesbaden, 1953 (далее EB).

И. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарно. Л., 1929 (далее АА).

Если чечено-ингушский вариант соответствует типу только приблизительно, номер по каталогу заключен в круглые скобки.

Приведены параллели к сказкам из следующих сборников:

Абхазские сказки. Сухуми, 1959 (далее Абх., 1959).

Абхазские сказки. М., 1975 (далее Абх., 1975).

Аварские народные сказки. 1972 (далее Авар.).

Адыгейские сказки. Майкоп, 1957 (далее Адыг.).

Грузинские народные сказки (сто сказок). Тб., 1960 (далее Груз.).

Медноволосая девушка (калмыцкие народные сказки). М.1964 (далее Калм.).

Осетинские народные сказки. М… 1959 (далее Осет… 1959).

Осетинские народные сказки. Сталинир, 1960 (далее Осет., 1960).

Осетинские народные сказки. М., 1973 (далее Осет., 1973).

Сказки адыгских народов. М., 1978 (далее Ск. Адыг, 1978).

Сказки народов Дагестана. М., 1965 (далее СНД).

Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959 (далее СНСК).

Чечено-ингушский фольклор. М., 1940 (далее Чечен. — ингуш.).

№ 1. AT 550 IA + AT 465 II, III.

Ср.: Груз., с. 250 252; СНД, № 49; Осет., 1973; с. 229 242, 483 493. Абх., 1975, с. 139 143; Ск. адыг., 1978, с. 111 119.

№ 2. См. № 1.

№ 3. AT 465 II, III.

Ср.: Груз., с 250 252; СНД, № 49; Осет., 1973, с. 229 242, 483 493; Абх., 1975, с. 139 143.

№ 4. AT 725.

№ 5: AT 449.

Ср.: Осет., 1959, с. 234 240; Адыг., с. 188 193; Осет., 1973, с. 415 419; Абх., 1975, с. 229 233; Ск. адыг., 1978, с. 8389, 8992.

№ 6. AT 707 (I) IIa (в) C.

Ср. Осет., 1959, с. 193 204; Осот., 1960, № 18; Адыг., с. 210 226; СНД, с. 265 268; Груз., с, 149 152; Абх., 1975, с. 322–326; Ск. адыг. 1978.

№ 7. (AT 531)+(AT 300).

№ 8 См. № 3.

№ 9 AT 552 A I(a)c, IIa+(AT 537 IV).

№ 10. AT 725.

№ 11. AT 301.

№ 12. EB 193.

№ 13. (AT 510 A 1c)+AT 300A+AT 532.

Ср.: Ск, адыг., с 160 175.

№ 14 См. № 13.

№ 15. (AT 550) +(AT 551) +AT 725+AT 513.

Ср.: Калм., с 3960, 167 174; СНД, с. 8494; Осет., 1960, № 15; Авар., с 102 107; Ск. Адыг., с 133 145.

№ 16. AT 329.

№ 17. AT 465 II, III + AT 531 IV.

№ 18. EB 122.

Ср.: AT 30 IB и IK.

№ 19. AT 449.

Ср.: ССКГ. IV, с. 2125; Осет., 1959, с. 234 240; Адыг., с. 188 193; Ск. адыг., с 83–92.

№ 20. AT 550+AT 551+AT 328.

№ 21. См. № 20.

№ 22. AT 449.

№ 23. AT 1137.

№ 24 (TM P 251)+AT 1137+TM 774+ (TM E 32); E 161; E 168+AT 1088.

Ср.: Осет., 1973, с. 340 347.

№ 25. AT 465 AC+AT 300.

Ср.: Калм., с. 7890, ск. Адыг., с. 150 160.

№ 26. AT 465 + AT 301.

№ 27. AT 329.

Ср.: Груз., с. 273 276; Калм., с. 175 178; Осет., 1959, с. 173 177; 261 269; СНСК, с. 1015; Авар. с. 135 139; Осет., 1973, с. 350 363; Абх., 1975, с. 2831.

№ 28. (AT 303 Ic)+(AT 314 Ic)+AT 314 IV.

Ср.: Осет., 1959, с. 282 291; Осет., 1960, № 4.

№ 29. (AT 4491 IV).

Ср.: Осет., 1973, с. 336 339; Абх., 1975, с. 106 112; Ск. адыг., 1978, с. 78–83.

№ 30. (AT 449) +(AT 465 II, III).

№ 31. AT 327 IId+(AT 328)+AT 1121.

Ср, СНД, № 54; Груз., № 14, Осет., 1959, с. 223 226; Осет., 1960, № 5 СНСК, № 71–77.

№ 32. (AT 550)+AT 725+AT 513.

№ 33. (AT 577)+AT 465 II, III+AT 301 IVB+EB 279 III, 46.

№ 34 (AT 315a).

№ 35. (AT 465AC).

Ср.: Калм., с. 7890; Ск. адыг., с. 150 160.

№ 36. AT 1920 H+AT 1960+(AT 93).

Ср.: Авар., № 84.

№ 37. (AT 577)+AT 465 II, III+AT 531 IV.

№ 38. AT 707 (I), II a(b)c, III bcd, IV abc.

Ср.: Осет., 1959, с. 193 204; Осет., 1960, № 18; Адыг., с. 210 226; СНД, с. 265–268; Груз., с. 149 152; Абх., 1975, с. 322 326.

№ 39. AT 707 (I), IIa(b)c IIIbc.

Ср.: Осет., 1959, с. 193 204; Осет., 1960, № 18; Адыг., с. 210–226; СНД, № 86; Осет., 1973, с. 202 213.

№ 40. AT 1530.

Ср.: Авар., с. 81; Ск. адыг., с. 327 330.

№ 41. AT 314 Vd+Vl (c) dc.

Варианты: Абх., 1975, с. 213 229.

№ 43. AT 935.
№ 44 AT 1115+AT 1149.
Ср. адыг., с. 248 254; Груз., с. 328–331; Абх., 1959, с. 179–183; Осет., 1973, с. 193 196.
№ 45. (AT 315a) + (AT 321).
№ 46. Ср. № 44
№ 47. AT 1115+AT 1149+AT 465 II, III.
Ср.: № 44.
№ 48. AT 670.
Ср.: Ск. адыг., 1978, с. 248 250..
№ 49. AT 545B.
Ср.: Авар., с. 107 110; Абх., 1975, с. 1620; Ск. адыг., 1978, с. 260 262.
№ 50. AT 1164.
Ср.: Груз., с. 237 241; СНСК, с 7883; Авар., с. 113 115; Ск. Адыг., 1978, с. 299 302.
№ 51. AT 1536 B.
№ 52. AT 1681.
Ср.: СНД, № 81; Осет., 1973, о. 403 405; Абх., 1975, с. 308–310; Ск. адыг., с. 297 299.
№ 53. AT 875 IV.
Ср.: СНД, № 75; Калм., с. 235–238; Осет., 1960, № 63; Осет., 1973, с. 324 325; Абх., 1959, с. 287 289; Абх., 1975, с. 314 316.
№ 54; AT 1351.
№ 55. AT 1381 A.
Ср.: СНД, с. 268 269; Абх., 1975, с. 282 284; Ск. адыг., с. 289 291.
№ 56. (AT 655).
Ср.: Калм., с. 216 222; Осет., 1973, с. 330 331; Ск. адыг., с. 280 283.
№ 57. (AT 1210).
№ 58 AT 915a.
Ср.: Осет., 1973, с. 7576; Ск. адыг., с. 325 327.
№ 59. AT 670.
Ср.; Ск. адыг., с. 248 250.
№ 60. EB 279 III, 46.
Ср.: Ск. адыг., с. 7378.
№ 62. Ср. № 60.
№ 63. AT 461 V.
№ 64. AT 875 Д IIb(e), с.
№ 65. AT 945a.
Ср.: Абх., 1959, с. 225 228; Абх., 1975, с. 299 303.
№ 66. AT 1000+AT 1007+AT 1012+ (AT 1132) = EB 357.
Ср.: СНД, № 79.
№ 67. (AT 1689 A) + (AT 1360 B).
Ср.: Абх., 1975, с. 292 294.
№ 68. (AT 1539+AT 1535 IVb) = EB 351.
Ср.: Груз. № 29, 61; Осет., 1960, № 25; Осет., 1959, с. 383 385; Авар., с. 55–57.
№ 69. AT 1861.
№ 70. (AT 875 Ib+II).
Ср.: Авар., с. 5960; Абх., 1959, с. 287 289; Абх., 1975, с. 312 316: Ск. адыг., 1978, с. 291 294.
№ 71. AT 1525 II².
Ср.: Авар., с. 6364; Абх., 1975, с. 284 288, 383 388; Ск. Адыг., 1978. с. 271–276.

№ 72. AT 950.

№ 73. AT 1842* B.

Ср.: СНД № 81; Чечен. — ингуш., с. 206 308; У. Б. Далгат. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962, с. 190; Авар., с. 5153.

№ 74 (AT 1920h); (AT 1889 C) + (AT 1960 D).

Ср.: Абх., 1975, с. 272 274

№ 75. Ср. № 74

№ 76. Ср. № 74.

№ 77. Ср. № 74

№ 78. AT 9160.

Ср.: Груз. с. 409 411; Адыг., с. 271; Осет., 1959, с. 179 180, 417 419; Абх., 1975, с. 2022; Ск. адыг., с. 223 227.

№ 81. AT 875 Ib

№ 82. AT 875 B.

№ 83. AT 875 III, IV.

№ 84 И Г Левин вводит для этого сюжета «новый подтип» (AT 945 A), по которому ум важнее счастья. См.: Абх., 1975, с. 451.

№ 85. AT 460 AB+AT 461 A.

Ср.:. СНД, № 83; Груз., с. 225 229, 322 325; Авар., с. 4445, Осет., 1973, с. 506 510; Ск. адыг., с. 322–324.

№ 95. (AT 1960).

Ср. Осет; 1959, с 380 382; Осет., 1960, № 39, с. 342 345; Осет 1973 № 75, Абх… 1975. с. 395 396.

№ 96. Ср. № 95.

№ 97. Ср. № 95.

№ 101. AT 1536.

№ 102. (AT 56c).

№ 103. Ср. № 53.

№ 107. AT 186 IA.

Ср.: Авар., с. 69.

№ 108. (EB 269).

Ср.: Осет… 1973, с. 392 395.

№ 109. AT 1730 I.

Ср.: Осет., 1973, с. 397 400; Ск. адыг., с. 294 296.

№ 114. AT 1551+AT 1539 = EB 351 I, 3; EB 351 III, aa, ad.

Ср.: Чечеи. — ингуш., с. 216 217; Осет., 1973, с. 409 412.

№ 115. (AT 1430 A) + (AT 1384+AT 1287).

Ср.: Чечен. — ингуш., 1963, с. 217 218.

№ 116. AT 1960 D+AT 1960F.

Ср.: Осет., 1960, № 56; Авар., с. 7273.

№ 117. AT 1654.

Ср.: Груз., № 73, с. 347 349; Авар., 1972, № 29, Абх., 1975, с. 304–308, 383 388.

№ 118. (AT 1525 D)+AT 1525 H2+(AT 1525 II3).

Ср.: Авар., с. 6365.

№ 123. AT 1543.

Ср.: Авар., с. 6970.

№ 124. AT 15.

Ср.: Чечен. — ингуш., с. 129; Авар., с. 1819; Ск. адыг с. 331 332.
№ 125. ЕВ 112+АТ 1199+АТ 332 III.
Ср.: СНД, № 107.
№ 126. (АТ 105).
№ 127. АТ 61.
Ср.: СНД, № 7; Авар., с. 23.
№ 130. АА 222 В.
Ср.; Абх., 1959, с. 8183; Абх., 1975, с. 5355.
№ 131. (АТ 182).
№ 133. (АТ 133*+АТ 279*).
Ср.: СНД. № 5; Авар., с. 1112.
№ 134. АТ 2031 С.
Ср.: СНСК, с. 107 112; СНД, № 1; Осет., 1959, с. 28–33; Авар., с, 20–21, Оеет., 1973, с. 5455 Ск. адыг., с. 291.
№ 135. Ср. 134.
№ 136. (АТ 2030).
Ср.: Осет., 1959, с. 3436; Осет., 1973, № 11, 14; Груз. № 9, с. 416 419; Абх., 1975. с. 22–25.
№ 139. (АТ 122 Е) + (АТ 126).
Ср.: Осет., 1958, с. 2124; Осет. 1973, с. 2125.
№ 141. ЕВ 11 III 1.
Ср.: СНД, № 17.
№ 143. АТ 715 = ЕВ 33 + ЕВ 54 I 15.
Ср.: СНД, № 44, Авар., с. 124–126.
№ 145. АТ 1626.
Ср.: СНД, № 15.
№ 146. (АТ 130 В).
Ср.: Абх. 1975, с. 5659.
№ 147. АТ 50 А.
Ср.: СНД, № 13; Груз., № 97, Авар., с. 2829; Осет., 1973 с 4344.
№ 149. АТ 6+АТ 223 I, III+АТ 154 IV.
Ср.: Груз., № 92; Чечен. — ингуш., 163 164; АС, с. 297 299, Авар. 1972 № 26 Осет., 1959. с. 1314; Осет., 1973, № 2, 9; Абх., 1975,Т 2527.
№ 150. АТ 122М[252].
Ср.: СНСК, с. 121 122; Авар., с. 1617.
№ 151. АТ 20А+АТ 21.
Ср.: Абх… 1959, с. 9394; Абх., 1975, с. 5556.
№ 152. (АТ 20D*)+ АТ 122.
Ср.: Осет., 1959, с. 1516; Груз., № 86; Осет., 1973, с. 3839.
№ 153. АТ 70.
Ср.: Ск. адыг., с. 338 340.
№ 154. АТ 154 (I), IIII.
Ср.:. СНД, № 33.
№ 155. (АТ 1626).
Ср.: СНД, № 15; Осет., 1960, с. 354 355; Чечен. — ингуш., с. 180 181; Авар., с. 21 221.

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

AT 6149: 20A151: 20D152; 21 151; 50A 147; (56C)102, 103; 61 127;- 70 153; 105 126; 122 152; 122E139; 122M*150; 126 139; 130B146; 133*133; 150 124; 154(1), II, III154; 154 IV149; 182 131 223, I, III149: 279*133; 3007, 25; 300A13; 30 111, 26; 301B18; 301 IVB33; 303 1C28; 314 IV28; 31 IC28; 314 Vd+VI (C) d; C41; 315a34, 45, 46; (321)45, 46; 327IId31; 32 820, 21, 31; 32 916, 27; 33 III125; 4495, 19, 20, 30; 449 I, IV29; 460 AB85; 461 A85; 461 V63; 46 526; 465 AC 25, 35; 465 I III17, 30, 33, 37, 47; 51 315, 32; (516A 1C13; (531)7; 531 IV17. 37; 53 213, 14; 545B49; 55 020, 21 32; (550)15; 550 la1; 551 20, 21; (551)15; (577)33, 37; 65 556; 67 048, 59, 60; 707 (I), IIa(b)c, IIIbc6 38, 39; 715 143; 7254, 10 15, 32; 875 Ib81; (875 Ib+II)70; 875B82; 875D Ilb(l), c64; 875 III, IV83; 87 IV53; 915a58; 93 543; (945A)84; 945a65; 95 072; 100 066; 100 766; 101 266; 111 544; 108 824; 111 547; 113 723, 24; 114 944, 47; 1 199 125; (1287)115; 135 154; (1360B)67; 138 155; (1384)115; (1430A)115; 1525Д118; 1525H271; 153 040; (1535 IVb)68; 1536B51, 101; 1 539 114; (1539)68; 1 543 123; 1 551 114; 1 626 145, 155; 116 450 117; (1689A) 67; 1730 1109; 1842* B73; 168 152, 69; 1861A107; 188 974, 77; 1920H36, 7477; 196 036, 78, 9597; (1960Д)7477; 116, 1960F116; 2 030 136; 2031C134, 135;

TM E32; E16 124; P25 124; 77 424;

AA 222B130.

EB II, III141; 33 143; 54 I, 15 143; 112 125; 12 218; 19 312; (269)108; 279 III, 463 360; 35 168; 35 I, 3114; 351 III, aa, ad114.

Примечания

1

Первая здесь и далее указывает номер работы в Библиографии, вторая — страницу.

n_1

2

Т. Э. Эльдерханов был депутатом I и II Государственных дум. цитируя его речь во II Думе в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», В. И. Ленин писал: Эльдерханов «от имени своих избирателей — туземцев Терской обл. — ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений. Т, 16, с. 390).

n_2

3

Фольклорные материалы и сведения о сказителях З. П. Цурове и Ш. А. Ханиевой даны по письменному сообщению И. А. Дахкильгова, за что я выражаю ему искреннюю благодарность.

n_3

4

«Подпрыгивать на пятнадцать локтей три раза» — постоянный стереотип волшебных сказок, означающий «подпрыгивать очень высоко».

n_4

5

В сказках вайнахов представление о трех мирах встречается довольно часто. Герой сказки и эпоса попадает в нижний мир и там продолжает совершать героические поступки, которые он совершал в солнечном (верхнем) мире. В подземном мире положительный герой встречает трех сестер (дочерей князя, падчаха), похищенных злым чудовищем; выполняет их поручения и вызволяет из беды. В роли злого чудовища выступает змея (сармак), а в роли помощника героя — орел (эрзи). «В этом находит проявление одна из основных мифолого-сказочных оппозиций: змея (символ нижнего мира) — птица (символ верхнего мира) и их вечный антагонизм» [61, 433]. В своих странствованиях герой иногда попадает и в третий, подземный мир.

n_5

6

Падчах — царь, государь у восточных народов.

n_6

7

Шестьдесят три (а также 3, 7, 9, 13, 15) — одно на эпических чисел сказок вайнахов.

n_7

8

По языческим верованиям вайнахов, после смерти душа продолжает существовать, в чем проявились анимистические представления.

n_8

9

Белый цвет у вайнахов, как и у многих других кавказских народов, всегда был почитаем. Белое и черное в вайнахском фольклоре — цвета, олицетворяющие борьбу дня и ночи, света и тьмы, добра и зла [117, 419].

n_9

10

«Умри, тебя не родившая мать!» — идиоматическое выражение, передающее чувство радости.

n_10

11

Нана (**нани**) — букв. «мать», «бабушка»; ласковое обращение.

n_11

12

Сармак — змей, дракой, иногда многоголовый. Обычно он лежит у реки или у источника и разрешает людям взять воду лишь в том случае; если ему принесут в жертву девушку. Появляется безымянный герой и побеждает дракона силой и отвагой, а иногда хитростью. Аналогичен адыгскому бляго и армянскому вишапу.

n_12

13

Гость для горца священен, и даже сармак соблюдает по отношению к нему обычай гостеприимства.

n_13

14

«Да умри у твоего отца семь человек!» — идиоматическое выражение, проклятие.
n_14

15

Следует согласиться с Б. Л. Рифтиным, который пишет, что у большинства народов в этом сюжете [Aa Th 301] в заключительной части «герой спасает птенцов какой-либо могучей птицы, в благодарность птица выносит его на поверхность, но требует, чтобы он кормил ее мясом во время пути; когда взятого с собой мяса не хватает, герой дает птице кусок своего бедра (голени и т. д.), и они выбираются на поверхность. После этого птица отхаркивает съеденный кусок тела героя, и он чудесным образом прирастает» [61, 433].

n_15

16

См. Предисловие, с. 13.
n_16

Джинн — злой дух, бес.
n_17

Чайтонг — букв. «медвежонок».
n_18

19

Ешап — чудовище, злое существо. В сказках вайнахов ешап антропоморфен и выступает в мужском или женском обличье. В данном сюжете у ешапа борода, а в других ешап — женщина. Его половая (родовая) принадлежность определяется из контекста сказок.

В нартских сказаниях ешап — бесполое существо, имеющее отношение к загробному миру и пребывающее на страже двух миров [117, 414]. По мнению А. Грена, первоначальное значение слова «вишап» — дракон, летящий змей. [16, 24]. И. Дахкильгов считает ешапа персонажем хтоническим и соотносит его с гвел-вешапами у грузин [127, 70]. Данный образ фигурирует также в фольклоре армян (вишап), абхазов (агулшап).

Решить вопрос о том, когда этот образ (понятие, слово) проник и чечено-ингушский фольклор, что он первоначально обозначал и как приобрел здесь значение «чудовище, злое существо», пока трудно.

n_19

20

Халтамаш — см. жижиг-галнаш, национальное блюдо из мяса и галушек с чесночной подливой и бульоном

n_20

21

«Гулги-булги» — смысл выражения утрачен; «белый скот» — пожелание изобилия и богатства.

n_21

22

«С ножа раба польется жир, а нож князя накалится» — общее место, означающее, что раб настроен миролюбиво, а князь — воинственно.
n_22

23

Шахар — населенный пункт; город.

n_23

24

Тамаш-Таштамир — двойное имя; значимая часть — «Тамаш» означает «чудо».
n_24

25

Превращение сказочного персонажа от удара волшебной плети в различных животных и птиц — широко распространенный мотив сказочного и нартского эпоса вайнахов, как и других народов Кавказа.

n_25

26

Талс — переметная сума.

n_26

27

Гам — ведьма, колдунья, оборотень.
n_27

28

Эздий, уздень — сподвижник, соратник.

n_28

29

Упоминание о рогатке — явная модернизация.

n_29

30

Хежа — нечто вроде ведуньи, колдуньи.

n_30

31

По обычаю горцев, человек, коснувшийся губами груди женщины, становился ее «молочным» сыном и пользовался ее покровительством.
n_31

32

Контакты людей с птицами и зверями нашли широкое отражение в сказках вайнахов, в чем проявились представления о связи человека с тотемными животными. В данной сказке мотив рождения героя связан с домашними животными: коровой и кобылой, но отцовство героя затемнено, поэтому, видимо, герой обращается к жеребцу, подобному тигру, со словами: «Теперь тобой будет повелевать сын, не имеющий отца!»

n_32

Вампал — букв. «великан».

n_33

34

Альчик — букв. «косточка из голени рогатого скота»; «игральная кость»; «бабка».
n_34

35

Фарфоровый двор, фарфоровые заграждения — употребление подобных метафор свидетельствует о богатстве и крепости сооружений.

n_35

36

Ассалам-алейкум — приветствие, означающее «мир вам», и ответ **ва алейкум-салам** — «и вам мир».

n_36

37

По обычаю горцев, в знак уважения мужчина должен был не только приветствовать встречного, но и расспросить о делах и предложить свои услуги.

n_37

38

«Когда из этой пули ударит струя крови» — эпическое клише в сказках вайнахов, означающее приближение опасности. А выражение «когда из пули ударит струя молока» символизирует покой, миролюбие.

n_38

39

Бийдолг-Бяре — букв. «крошечный всадник», размером с локоть; мифическое существо, обладающее непомерной силой.

n_39

Подобное обращение герои и его противника во время битвы к солнцу или месяцу (луне) можно расценивать как «атрибут древнеастральной религии и солярного культа, отражение чего довольно часто в памятниках материальной культуры народов Дагестана и Чечено-Ингушетии. Астральная религия культивировалась в древней Албании, в состав которой, по имеющимся историческим данным, входила и часть территории нынешнего Дагестана» [117, 142].

Этот мотив широко представлен в сказочном эпосе многих народов Кавказа.

n_40

Гамсельг — женщина-ведьма.
n_41

42

Как видно, вампал обещает женщине-ведьме вполне земные радости, прежде всего богатство и достаток.

n_42

43

Плач и смех полоненного брата, пастуха или похитителя девушки — эпическое клише в сказках народов Кавказа.

n_43

44

Тязет — букв. «траур»; похоронный ритуал, место поминок во дворе, куда приходят родственники и знакомые покойника для выражения соболезнования.
n_44

Овдилг — букв. «дурачок», «глупец».
n_45

46

Хотя вообще в чечено-ингушском фольклоре волк ассоциируется с положительным героем (особенно в героико-эпических песнях вайнахов), в данном контексте «волчьи ночи» — это «страшные темные, опасные ночи», так же как и далее «волчья палица» — это грозное оружие.
n_46

47

Кант (**канат**) — букв. «сын»; юноша, удалец, молодец.

n_47

После таких слов просьба гостя обычно удовлетворяется.

n_48

Гулинг — сказочный конек.

n_49

50

«Стал кричать красным криком» — стереотип, означающий, что он кричал яростно; букв. — «кровью».
n_50

Энджал — чудовище огромных размеров.
n_51

52

Обычай молочного родства, побратимства, куначества и дружба на клятве (вступающие в дружбу выпивают из одного стакана молоко, в которое брошена золотая монета, или просто дают клятву на хлебе, что отныне будут «дув биа доттагIий», т. е. «друзья по клятве») широко распространены на Кавказе. Эти обычаи проникли и в фольклор.

n_52

53

«Бросили уголек обратно в очаг», чтобы огонь в очаге не погас — примета, связанная с культом огня. Этот культ был широко распространен среди горцев Кавказа. Самым страшным проклятием считалось: «Да погаснет огонь в очаге твоего отца!». Хранительницей очага являлась обычно женщина, и в определенные дни (в среду) огонь никому не давали. Если кто-нибудь просил горящий уголек, то давали несколько, а один из них бросали обратно в очаг (символический акт возвращения огни).

n_53

54

Брусок, три пера, оселок — чудесные предметы, которыми излечивают больных и оживляют покойников, встречаются в прозаическом фольклоре вайнахов. В данном случае колесо ешапа не оживляет, а, наоборот, убивает все живое — оно напоминает колесо Бальсага из осетинских нартских сказаний или жан-шерх из адыгского нартского эпоса.

n_54

55

В средневековой Чечено-Ингушетии было принято строить боевые и жилые башни. Они возводились в неприступных местах и имели оборонительный характер. Боевая башня была в пять этажей, жилая — в два. Как правило, башни принадлежали одному роду, и по имени владельца башни называлось все поселение. В горной Чечне и Ингушетии встречаются башенные комплексы, в которых проживало несколько родов; они в совокупности составляли отдельные этнические группы. По многим преданиям строителями башен, или, как их называли, «мастерами по камню», была представители целого рода или одной фамилии, причем строительство одной боевой башни должно было закончиться в течение года [219, 142]. Позднее название башни приобрело более широкий смысл и стало пониматься как аул, поселение. Это явление отравилось в сказках и преданиях вайнахов.

n_55

56

В сказках и преданиях вайнахов нередко говорится о многоженстве, которое было развито у вайнахов и до принятия имя мусульманства.
n_56

Дажал — злое существо огромных размеров.
n_57

Этими словами герои хотят сказать, что будут с уважением относиться и дочери князя.
n_58

59

Карета — явно поздний элемент в сказках вайнахов; обычно говорится о почте, оказии.
n_59

60

Гарбаш — рабыня; ведьма, колдунья, Баба-Яга.
n_60

Хожа — чудовище, иногда многоголовое.

n_61

62

Родник в ауле — место, куда приходят молодые люди, чтобы познакомиться с девушками.
n_62

63

«Да умрет у тебя сестра!» — идиоматическое выражение, обозначает ласковое обращение к брату или сыну со стороны сестры (матери).
n_63

Той — пир, угощение.
n_64

65

«Пусть умру я вместо тебя!» — данное выражение означает, что мать ила сестра готовы умереть вместо сына или брата.
n_65

Зурна (чечено-ингуш. — зурма) — музыкальный инструмент типа свирели.
n_66

67

В классической форме рабство не имело распространении в Чечено-Ингушетии. Рабами, как правило, становились пленные, которых можно было выкупить. Гарбаш у вайнахов — обыкновенная прислуга. Со временем этот образ приобрел более широкое значение: колдунья, людоедка.

n_67

Карак — хмельной напиток; водка.
n_68

69

Жера-Баба — вдовая старуха, всегда выступает в положительной роли: матери, советчицы, ведуньи.

n_69

70

Толокно — мука из жареной кукурузы или пшеницы.

n_70

Чондарг — ингушский музыкальный инструмент типа скрипки.

n_71

Урду — калым; определенная сумма денег, выплачиваемая женихом родственникам невесты. n_72

Геза-дяри — шелк особых, дорогих сортов; парча.

n_73

Дада — отец, дедушка.
n_74

75

Как уже отмечалось (примеч. 2 к № 8), волк в героико-эпическом фольклоре вайнахов — символ храбрости и отвага и следовать за поджарым волком считается почетным. В животном эпосе волк является отрицательным персонажем.

n_75

76

Терсмайла — шашка, меч из дамасской стали с изображением на клинке морды волка или обезьяны.

n_76

77

«…пусть молоко моей груди будет тебе ядом» — эпический стереотип в сказочном фольклоре вайнахов.

n_77

78

Эпический стереотип, выражение большой радости.

n_78

79

Вайнахи — мусульмане; упоминание о том, что они ели свинину, — явно раннее. Древние представления о связи человека с животными в этой сказке утрачены. Герой рождается не от свиньи, а от того, что женщина съела печень и легкое свиньи.

n_79

80

«Чтобы вам пожелать всего лучшего!» — традиционное обращение сказителя к слушателю.

n_80

Турпал-конь — богатырский конь.
n_81

82

«Ва, заходящее золотое солнце, помоги мне!» — обращение к солнцу, месяцу (луне) и другим небесным светилам связано с космогоническими представлениями вайнахов в прошлом. См. также примеч. 6, № 7.

n_82

83

Редкий случай, когда в волшебную сказку вплелись этиологические мотивы.
n_83

84

«На кончиках пальцев пустилась в пляс» — см. примеч. 3, № 12.
n_84

85

Зачин данной сказки, как и предыдущей, — обращение к слушателям; значение «волчий щенок» имеет здесь отрицательный оттенок, что объясняется позднейшей классовой дифференциацией в обществе: ему уподобляется сын князя. Это выражение стадо пословицей вайнахов (см. № 58).

n_85

86

«Катала головы трех великанов и этим забавлялась» — горе материнское настолько велико, что она хочет его облегчить, катая головы великанов, убийц ее сына и мужа. В данном мотиве нашел отражение обычай кровной мести.

n_86

Сахь — мера зерна, равная восьми пригоршням.
n_87

Тума — десять рублей, червонец.
n_88

89

У чеченцев и ингушей человека называют только по имени. В фольклорных произведениях сначала ставится имя отца, а затем сына.

n_89

90

Неге — ногаец, черный ногаец — распространенный персонаж эпоса вайнахов. Полумифичиское существо, всегда враждебное герою. Сказочная трактовка мифологизированного Ногая (его жестокость, враждебность герою) соответствует облику исторического Ногая. Здесь можно отметить тот факт, что исторические сведения о воздвижении Ногаем трех холмов из тел убитых им людей нашли отражение в сказочном эпосе [127, 42].

n_90

91

Общее место в фольклоре вайнахов.

n_91

Кхел — суд; решение спорных вопросов по обычному праву.

n_92

93

По обычаю горцев, уезжающего гостя полагалось одарить.

n_93

94

По обычаям вайнахов, младший брат может жениться только после старших. Вот почему герой сначала засватал невест для старших братьев.

n_94

95

Здесь нашли отражение древние представления о том, что духи могут убивать людей и овладевать их душой.

n_95

96

«Мне бы этого человека, вам — все остальное» — каждая из трех сестер мечтает стать женой сказочного героя.
n_96

97

Упоминание о чемодане — явная модернизация.

n_97

Айт — восклицание, выражающее восторг.

n_98

99

Традиционная формула, которой обмениваются герои сказки при угоне табуна коней. Обыкновенно за табуном едет герой сказки. Он готов отбить погоню и тем самым демонстрирует свое мужество и отвагу.

n_99

100

Муталим — ученик медресе.
n_100

101

Назма — песни религиозного содержании.

n_101

Эрмало — армянин.
n_102

103

Оживление оленя, лани, зайца и покойников — постоянный сюжетный мотив сказочного эпоса вайнахов.

n_103

104

Нарт-орстхойцы — герои в фольклоре вайнахов, известные многим народам Северного Кавказа под именем нарты. Нельзя отождествлять эпических нартов со сказочными. В последнем случае они, как правило, выступают в роли злых и глупых великанов. Такая тенденция особенно наглядно проявляется в чеченском языке. Основное занятие нарта — разведение овец в горах. На ночь он загоняет овец в пещеру, а чуть свет отправляется пасти их. Это и нашло отражение в сказке.

n_104

105

Папаха, брошенная нартом, — общее место в эпосе и сказках вайнахов. Обычно шапка очень тяжелая, и ее не могут сдвинуть с места несколько человек.

n_105

106

Не ответить на приветствие, по обычаю горцев, — нанести большое оскорбление.
n_106

107

Когда в роду не остается мужчин, чтобы отомстить за убийство родственника, мстительницей выступает и женщина. В данном случае она совершает месть не сама, а с помощью встреченного ею охотника. См. также примеч. 3, № 33.

n_107

Берза Каза — букв. «волчий щенок».
n_108

109

Гонча и Сарган — имена этимологии не поддаются. Последний сказителем С. Ахмадовым назван нарт-орстхойцем. Он не нарт-орстхоец, а одноглазый великан (примеч. К. Чокаева).
n_109

110

Герой в своих скитаниях встречается с Жера-Бабой, которая на имеет детей и усыновляет юношу. По ее совету юноша добивается своей цели.

n_110

111

По обычаю вайнахов, сыну не положено говорить о сватовстве с отцом или будущим тестем.
n_111

112

По обычаю вайнахов, сыну не положено говорить о сватовстве с отцом или будущим тестем.
n_112

113

Многие обычаи и нормы поведения вайнахи с давних пор заимствовали у черкесов, поэтому проводить время с черкесскими княжнами считалось почетным.
n_113

«Они прошли расстояние в одно поле» — т. е. небольшое расстояние.
n_114

115

Возможно, в сказке отразился древний обычай клеймения, существовавший у многих народов. «Любопытно, что в ряде европейских версий этого сюжета (русской, немецкой) ни о каком клеймении противником героя не упоминается, в румынском варианте оно есть. Клеймо там ставится на спину, как и в дунганском и казахском вариантах (так и в нашем варианте „Младший зять падчаха“. — А. М.), где в конце сказки герой требует у хана его зятьев, так как „оба они имеют на спине наши родовые тамги“, а в молдавском варианте заметны как бы следы этого мотива. Герой каждый раз дает своим противникам пощечины… Пощечина заменила здесь клеймение, которое, например, было весьма распространено в старом Китае, где рабам клеймили лоб, преступникам ставили клеймо на руке» [61, 444].

n_115

116

Берза Дог — бука. «волчье сердце», т. е. храбрец.
n_116

117

Мотив магического пускания стрел (пуль) непонятен, но герой, находясь в неведении, таким путем узнает о состоянии своего друга или родственника. См. также примеч. 4, № 7.
n_117

118

Железо почиталось у вайнахов, и поэтому предпочтение деревянного ложа железному свидетельствовало о тяжелом душевном состоянии героя.

n_118

Пхохане (чечен.) — см. **пхегата,** место, где встречаются мужчины села.

n_119

120

«Если прибыл за хорошим, да не лишишься ты его!» — общая формула благопожелания типа «добрый день», «добрый вечер!».

n_120

121

Дечиг-пандар — чеченский национальный инструмент типа трехструнной балалайки.

n_121

122

По обычаю, не принято женщине отвечать на салам мужчины.
n_122

123

Обычно при столкновении положительного героя с отрицательным персонажем рукопашной схватке предшествует словесная перепалка, в которой обе стороны не хотят, по народному этикету, первыми начинать бой.

n_123

124

Вероятно, «записи», о которых идет речь, — позднейшая вставка в сказочный сюжет.
n_124

125

По народным верованиям, лягушек убивать нельзя. Здесь, как и во многих других случаях, отражены тотемистические воззрения вайнахов.

n_125

126

Тамада — старший, — руководитель, главный.

n_126

Кунацкая — комната для приема гостей.
n_127

128

Упоминание в сказке географических названий, присущее скорее преданию, — более поздняя вставка.
n_128

129

Вести коня на поводу или привязать его к чьему-нибудь седлу считается оскорбительным.
n_129

130

В фольклоре вайнахов девушка (мать, сестра) довольно часто выступает в роли кровного мстителя за убийство отца, брата, любимого. Она обычно переодевается в мужской костюм, и только в конце сюжета выясняется, кто она на самом деле.

n_130

Ахкепиг — букв. «полкопейки».

n_131

132

Имеется в виду белхи — букв. «помочь», «работа»; помощь, оказываемая односельчанами тому или иному лицу.

n_132

133

«Да, умри у вас матерью рожденная!» — идиоматическое выражении, обозначающее ласковое обращение.

n_133

134

Здесь, как и в других сказках, сноха не называет золовку собственным именем.
n_134

135

«Третья часть ночи» — считается, что в это время бывает самый крепкий сон.
n_135

136

«Я твой и бога!» — идиоматическое выражение, после произнесения которого удовлетворяется даже просьба врага.
n_136

137

«И эти распаханные курганы были распаханы еще тогда» — вероятно, здесь ошибка информатора — нужно «насыпанные курганы».
n_137

138

Известно, что верблюды, львы, крокодилы на Кавказе не водились, но в сказках вайнахов они встречаются довольно часто. Сами названия животных «лев», «верблюд», «крокодил» на чеченском и ингушском языках заимствованы из арабского языка.

n_138

139

По обычаю вайнахов, невестка из уважения к родственникам мужа называет их не собственными именами, а описательно. В данном случае лиса, по горскому обычаю, называется «красной девушкой».

n_139

140

«Он был без пояса, а ворот рубашки был расстегнут» — по этике вайиахов, так может вести себя только человек низкого происхождения.
n_140

141

Терлойцы — одно из обществ горной Чечни.

n_141

142

Эта пословица входит в зачин ряда сказок (см. № 14 и № 52).

n_142

143

Знание языков всех птиц и зверей обыкновенно приписывается пророку Ибрагиму («счастливцу»).

n_143

Вета — пуговица из ниток для застежки ворота рубахи.
n_144

145

Молодец, удалец, человек, ушедший в горы, живущий вне власти и закона, ведущий партизанско-разбойничий образ жизни. Русские называли абреками любых «немирных горцев».
n_145

146

По обычаю вайнахов, как и других горцев Кавказа, жена не обращается к мужу по имени. n_146

147

Большое жировое отложение («жировая подушка») у корня хвоста курдючных овец.

n_147

Учкур — рубец на шароварах, в который продевают шнур или тесьму для завязки.
n_148

149

Солнечный могильник (мялхара каша) — надземный склеп, в котором вайнахи в прошлом хоронили покойников; находились они обычно на солнечном склоне горы, где трупы подвергались естественной мумификации.

n_149

150

Очаг разжигался на полу, а дым выходил в отверстие в потолке над очагом, где на цепи висел котел.

n_150

Цара-цура — рычаг для поднятия тяжестей.

n_151

Аллаху-акбар — слова молитвы.
n_152

Бисмилах — начальные слова мусульманской молитвы.
n_153

Кхизг — туесок, корзина из коры дерева.
n_154

Гирда — мера объема сыпучих тел, равная 12 кг.

n_155

156

Река Фарта — приток Ассы.

n_156

157

Гада — предполагаемый первопредок ингушской фамилии Гадаборшевых.
n_157

Чинхо — этническая группа чеченцев.
n_158

159

Орстхой — одно из чечено-ингушских племен, выселившееся в 50-х годах прошлого века в Турцию. В литературе известны под именем карабулаков. Часть оставшихся орстхойцев слилась с чеченцами, а другая — с ингушами.

n_159

Мушкарт — вид травы, из которой можно вить веревки.

n_160

161

Бревно-база — дерево особой породы, «железное» дерево.

n_161

Харпхой — название местности.

n_162

163

Алхарой — гора в горной Ингушетии.

n_163

164

Бревно-магаска — вид кустарника; имеется в виду особая порода деревьев, которые в прошлом росли на территории Чечено-Ингушетии, а впоследствии исчезли или превратились в кустарник.

n_164

165

Кашатхойцы, харпхехойцы, духургиштхойцы — жители горной Ипгушетии.
n_165

Эржа-Майра — букв. «черный храбрец».
n_166

167

«Ходить на молитву на четвертое небо» — по мусульманским представлениям, существуют семь небес; в данном случае мулла достиг только четвертого.
n_167

Держаться с левой стороны от гостя — значит оказывать ему уважение. Родственник (например, дядя по матери) или старший по возрасту идет справа, а племянник или младший по возрасту — слева.

n_168

169

Ураза — религиозный пост, праздник у мусульман.
n_169

170

Цаген и Чора — двойники популярного па Востоке острослова и балагура Ходжи Насреддина.

n_170

Аба — накидка, халат из материи.
n_171

Остопирлах — возглас удивлении.

n_172

173

Мусульмане каждый день должны совершать пять молитв по определенному ритуалу (намаз).
n_173

Пандар — гармоника, балалайка. (?)
n_174

175

Сапетка — устройство из прутьев для хранения кукурузы.
n_175

Ахкотам — букв. «полкурицы».
n_176

Нухдувхирг — лопаточка, которой очищают лемех плуга от земли.
n_177

178

Долаково, Экажево, Плиево — плоскостные села Чечено-Ингушетии.

n_178

Кайсарилг — книжка (часть желудка жвачных животных).

n_179

180

«Пусть ты долго не проживешь!», «Да умрет твоей матерью рожденная!» — общие сказочные формулы, проклятия.

В народе считают, что затемнения на луне и есть отражение борьбы ведьмы с месяцем и братом.

n_180

181

В народе считают, что затемнения на луне и есть отражение борьбы ведьмы с месяцем и братом.

n_181

182

Абаде — вечность без конца в противоположность азале — вечности без начала.
n_182

183

Дарза-Наналг — Мать, божество вьюг.
n_183

184

Елта — сын бога грома и молнии Селы; является также божеством охоты, а позднее — покровителем урожая. «Елат» — букв. «зерно».
n_184

185

У. Б. Далгат пишет: «Перед нами „аграрный миф“: человек с помощью сына высшего бога познает истину, как вырастить и сохранять урожай, но за разглашение секрета Елта получает от бога увечье. Реальная (а не мистическая) сущность мифа основывается на мудрости трудового человека-землепашца: вовремя посей зерно, сожни, убери в снопы, сложи на току, защити от ветре и непогоды, обмолоти, и тогда обеспечишь хлебное изобилие» [117, 410].

n_185

186

У-Нана — Мать, хозяйка болезней, эпидемий, У-Нана по своим функциям напоминает грузинских мифологических духов саранчи, оспы и холеры [59, 129].

n_186

187

Мялхистинцы — одно из чечено-ингушских этнических образовании.

n_187

Тушоли — божество плодородия; тушоли-котам — птица удод; считалась священной.
n_188

189

Цув — «святилище», цай — «святой».
n_189

190

Абаз (чечено-ингуш. — эппаз) — мелкая монета, равная 20 коп.

n_190

191

Села Сата — дочь языческого бога грома и молнии Селы; в данном контексте — дочь верховного божества Дялы.
n_191

192

Доге — топоним горной Чечено-Ингушетии.

n_192

193

Хи-Нана — Мать, божество вод. В древнем армянском фольклоре — божество вод Цовини.
n_193

Вачбий, вочабий — горный тур.
n_194

195

Олгеты — топоним горной Ингушетии.

n_195

Богурали — приток реки Ассы.

n_196

197

Галашки —село в Ассинском ущелье.
n_197

198

Эти камни стоят и поныне. Подобные камни-кресты встречаются и в Чечне.
n_198

199

Нихалой — село в горной Чечне.

n_199

200

Итум-Кале — село в горной Чечне.

n_200

201

Галан-Чож, Ялхарой, Алка, Ахкабасе — названия мест в горной Чечне.

n_201

202

Арамхи — правый приток Терека.

n_202

203

Тарш — аул в горной Ингушетии.

n_203

204

Шанское ущелье — по нему протекает река Шан, приток Арамхи.
n_204

205

Гелдаган — аул горной Чечни.

n_205

206

Бердыкель — аул горной Чечни.

n_206

207

«Мецхальский шахьар — Мецхальское общество горной Ингушетии. Территория Мецхальского (Джераховского) общества лежит по обеим сторонам Малха-Чоже — Солнечного ущелья. Одна его сторона покрыта лесами, другая, солнечная, — безлесная. По народным понятиям, на солнечной стороне тоже когда-то были леса. Их вырубали под угодья. Овцы вытаптывали траву, начинались оползни. Население увеличилось. Пищи на всех не стало хватать. Постепенное оскудение земли было замечено народом, тогда, возможно, и родилось это предание» [117, 432].

n_207

208

Лячхой — одно из племен горной Ингушетии.

n_208

209

Балта — аул на Военно-Грузинской дороге.

n_209

210

Ларс — аул на Военно-Грузинской дороге.
n_210

211

Пиръон — искаженное название фараона (см.: Чеченско-русский словарь. М., 1961,-с. 341). По функции, вероятно, языческое божество. В данном тексте Пиръон враждует с богом.
n_211

212

Катать бочки — имитировать гром, а лить из них воду — дождь.

n_212

213

Галгаи — самоназвание ингушей.

n_213

214

Цечо — от цIе — «красный»; Цечоевы — ингушская фамилия.

n_214

215

Ханой Хинг — предполагаемый первопредок ингушской фамилии Ханиевых. Его именем названо и село в горной Ингушетии. Хинг — сын Хано.

В Ингушетии были известны целые роды, которые занимались кладкой жилых и боевых башен. В народе они назывались «то говзапчаш»— мастера по камню.

n_215

216

Беркарийте — топоним горной Ингушетии.

n_216

217

Датых — аул горной Чечено-Ингушатии.

n_217

218

Эг — ущелье в горной Чечне.

n_218

219

Оки-Аки — собственное ими, этимологии не поддается.
n_219

220

Майистинцы — одно из чеченских племен.

n_220

221

Жархо, Кошатхо, Саханхо — так называются аулы горной Чечено-Ингушетии.
n_221

222

Обанхойцы — жители аула Обан в Арамхинском ущелье.
n_222

223

Кякале — букв. «три покрытия»; имеются в виду села, упомянутые в прим. 4.
n_223

Эгикале, Хамхи, Таргим — села, входящие в Кякале.
n_224

225

Алкум — аул в Ассинском ущелье.

n_225

226

Обан —одни из предполагаемых предков обанхойцев, основатель аула Обан, который расположен над Арамхи. Ингуши обычно спрашивают у громко разговаривающего человека: «Ты не из обанхойцев ли?» Дело в том, что жителям Обана приходится громко кричать, чтобы их услышали жители Арамхи, расположенного ниже.

n_226

227

Джайрах, Говзат — аулы в Арамхинском ущелье.

n_227

228

Хромой Тимур — Тимур-Ленг (Тимур, Тамерлан) — среднеазиатский полководец (1336—1405), основатель династии Тимуридов. В 1395 г. он разбил на Тереке войска Тохтамыша; видимо, отголоски этих событий и отразились в данной легенде.

n_228

229

Здесь отражены пережитки языческих представлений, согласно которым душа человека во время сна может обратиться в муху или в другое насекомое.

n_229

230

Черный хребет, Коазашке — топонимы горной Ингушетии.

n_230

Истмале — Стамбул.

n_231

232

Восток — букв.: «сторона, где восходит солнце».
n_232

233

Эти рвы действительно тянутся по всему Северному Кавказу из Чечено-Ингушетии через Северную Осетию и Кабардино-Балкарию к Черному морю.

n_233

234

«И посмотрел в берцовую кость» — по народным представления если в кости сохранился мозг, то конь еще не богатырский; если кость литая, то коня можно считать богатырским.
n_234

235

На востоке горной Чечни, недалеко от знаменитого озера Казеной, находится величественный замок Алдам-Гези, с которым народная память связывает описанные здесь события.

n_235

236

У чеченцев и ингушей существует пословица: «Покойника положи под кровать, а гости прими». По понятиям горцев, в первую очередь следует принять гостя, а затем лишь заниматься всеми другими делами, как бы важны они ни были.

n_236

237

Отрезать усы или схватить за бороду считалось у вайнахов, как и у многих других народов мира, большим оскорблением.

n_237

Мажар — кремневка, ружье.

n_238

239

Курган Ачамза — холм между селениями Экажево и Сурхохи в Ингушетии.

n_239

240

Лом-Эдалби — собственное имя; «лом» — «лев»; вторая часть объяснению не поддается. n_240

241

Хамхой-шахар — населенный пункт в верховьях реки Ассы.

n_241

242

Цорой — одна из ветвей ингушей: живут в восточной части горной Ингушетии. Эрзи — башенный коплекс в Арамхинском ущелье; в переводе с ингушского «орел».
n_242

243

Эрзи — башенный коплекс в Арамхинском ущелье; в переводе с ингушского «орел».
n_243

244

Хулахойская гора — топоним горной Ингушетии.

n_244

245

По обычаю вайнахов, как и других горцев Кавказа, гостя не положено расспрашивать о цели его приезда, пока он сам не расскажет.
n_245

246

Чербаж — букв. «медведь», предаполагаемые первопредок грузинской фамилии Чербижевых, проживающих у селения Казбеги по Военно-Грузинской дороге.

n_246

247

Гвелети — село на Военно-Грузинской дороге, по-ингушски Гилт.
n_247

248

Пояс, как и папаха, почитается вайнахами. Поэтому расстегнуть пояс перед кем-либо — значит признать силу и превосходство противника и проявить к нему расположение.
n_248

249

Беслан — топоним Северной Осетии.

n_249

250

Гехи — плоскостное село Чечни.

n_250

251

Сулумбек Горовожев из села Япдырка был сподвижником известного абрека Зелимхана из Харачоя, наводившего страх на царскую администрацию в Грозненском округе в течение десяти лет (1903—1913).

n_251

252

№ 42, 61, 79, 80, 86—94, 98—100, 104—106, 110—113, 119—122, 128, 129, 132, 137, 138, 140, 142, 144, 118 в использованных источниках не имеют типологисеских соответствий.

n_252

FB2 document info

Document ID: f38fb35d-2e6f-4a82-be6e-595e73ea319e
Document version: 1
Document creation date: 06 February 2011
Created using: FictionBook Editor Release 2.6 software

Document authors :

-

Document history:

1.0 — создание файла

About

This book from library eTextLib (http://www.etextlib.com) was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter.

Эта книга из библиотеки eTextLib (http://www.etextlib.ru) создана при помощи конвертера FB2EPUB, написанного Lord KiRon.